ISSN 9125 0912
МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ

Вісник

Дніпропетровського університету

Науковий журнал

№ 11 **Том 19** **2011**

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **М. В. Поляков** (*голова редакційної ради*); акад. Академії наук ВО України, д-р техн. наук, проф. **М. М. Дронь** (*заст. голови*); д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. О. Кочубей**; д-р хім. наук, проф. **В. Ф. Варгалюк**; чл.-кор. АПН України, д-р філос. наук, проф. **П. І. Гнатенко**; д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. Г. Гоман**; д-р філол. наук, проф. **В. Д. Демченко**; д-р техн. наук, проф. **А. П. Дзюба**; д-р пед.наук, проф. **Л. І. Зеленська**; чл.-кор. НАН України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. П. Моторний**; чл.-кор. АПН України, д-р психол. наук, проф. **Е. Л. Носенко**; д-р філос. наук, проф. **В. О. Панфілов**; д-р біол. наук, проф. **О. Є. Пахомов**; д-р іст. наук, проф. **С. І. Світленко**; акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. В. Скалозуб**; д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко**; чл.-кор. НАН України, д-р біол. наук, проф. **А. П. Травлєєв**; д-р техн. наук, проф. **Ю. Д. Шептун**.

Серія: **мовознавство**

Випуск 17, том 3

Дніпропетровськ
Видавництво
Дніпропетровського
національного університету

УДК 811(060.55)
ББК 81Я5

Друкується за рішенням вченої ради
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара

Розглянуто актуальні проблеми лексики, семантики та граматики слов'янських та західноєвропейських мов. Значну увагу приділено аналізу інноваційних процесів у сучасних мовах, дослідженню мовних явищ та одиниць у комунікативно-прагматичному, лінгвокогнітивному і лінгвокультурологічному аспектах; опису функціональних різновидів мовлення, у тому числі мови Інтернету; питанням перекладу та лінгводидактики.

Для наукових працівників, спеціалістів-філологів, аспірантів і студентів філологічних факультетів, а також для широкого кола читачів, що цікавляться проблемами сучасного мовознавства.

Рассмотрены актуальные проблемы лексики, семантики и грамматики славянских и западноевропейских языков. Значительное внимание уделено анализу инновационных процессов в современных языках, исследованию языковых явлений и единиц в коммуникативно-прагматическом, лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах; описанию функциональных разновидностей речи, в том числе языка Интернета; вопросам перевода и лингводидактики.

Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного языкознания.

Topical problems of phonetics, grammar and semantics of Eastern Slavonic and West European languages are regarded. A great attention is paid to the research of language phenomena and units in communicative-pragmatic, linguocognitive and linguocultural aspects, to the description of functional variants of speech. The chronicles are published.

The papers are interesting for scientists, specialists in philology, post-graduate students and students of philological faculties, as well as for a wide range of readers who are interested in the problems of modern linguistics.

Р е д а к ц і й н а к о л е г і я:

д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко** (відп. редактор), д-р філол. наук, проф. **О. І. Панченко** (зам. відп. ред.), д-р філол. наук, проф. **Ж. П. Колоїз**, д-р філол. наук, проф. **І. І. Меньшиков**, д-р філол. наук, проф. **А. М. Поповський**, д-р філол. наук, проф. **Н. В. Підмогильна**, д-р філол. наук, проф. **О. А. Семенюк**, канд. філол. наук, доц. **І. І. Турута** (відпов. за випуск).

Редакція не завжди поділяє точку зору автора публікації. За точність викладених фактів відповідальність покладається на авторів.

Р е ц е н з е н т и:

д-р філол. наук, проф. Н. П. Тропіна
д-р філол. наук, проф. Л. А. Петрова

© Дніпропетровський національній університет імені Олеся Гончара, 2011

УДК 811.161.2'367.323

О. Г. Акастьолова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ОСОБЛИВОСТІ ФОРМАЛЬНО-СИНТАКСИЧНОЇ СТРУКТУРИ ОКЛИЧНИХ РЕЧЕНЬ У ПОЕЗІЇ ЛІНИ КОСТЕНКО

На матеріалі поетичних текстів Ліни Костенко досліджено лексико-граматичні маркери окличних речень, проаналізовано структурно-синтаксичну своєрідність різних груп окличних конструкцій.

Ключові слова: окличне речення, біфункціональне окличне речення, власне-окличне речення, емоційна функція, семантика окличного речення.

На материале поэтических текстов Лины Костенко проведено исследование лексико-грамматических маркеров восклицательных предложений, проанализировано структурно-синтаксическое своеобразие различных групп восклицательных конструкций.

Ключевые слова: восклицательное предложение, бифункциональное восклицательное предложение, собственно-восклицательное предложение, эмоциональная функция, семантика восклицательного предложения.

The research was made with materials of poetical texts written by Lina Kostenko on lexical-grammatical markers of exclamation sentences. The structurally-syntactical originality of different groups of exclamation constructs was analyzed.

Keywords: exclamation sentence, bifunctional exclamation sentence, actually-exclamation sentence, emotional function, semantics of exclamation sentence.

Основні положення лінгвістичної теорії емоцій переконують у тому, що емотивна функція мови має право на виділення й визнання її як однієї з провідних, адже емоції відіграють виключно важливу роль у процесі мовної комунікації.

У мовній картині світу віддзеркалений емоційний світ людини, що проявляється в розмаїтті арсеналів мовних засобів, покликаних позначати й виражати емоції. У процесі мовного опосередкування емоційність (емоції) як психічне явище трансформується в емотивність (емотиви), що є мовним явищем, за допомогою одиниць усіх рівнів мови – фонетичого, морфологічного, лексичного, синтаксичного тощо.

На синтаксичному рівні емотивну функцію мови реалізують окличні речення, при цьому окличність – засіб вираження емотивності. Сутність та обсяг поняття «окличність» тлумачаться неоднозначно. На думку одних дослідників (О. С. Мельничука, О. В. Богдановича та інших), окличність становить лише емоційно чи експресивно забарвлений варіант вимови речення, який може супроводити будь-який модальний різновид речення. Відповідно до інших досліджень, зокрема Т. А. Кільдібекової, Н. Г. Озерової, І. П. Распопова, Г. В. Навчук тощо, окличність може бути виражена фонетичними засобами (інтонація), лексичними (емоційно забарвлені одииці, вигуки, частки, займенниково-прислівникові слова), морфологічними (словотворчими – суфікси суб'єктивної оцінки) й синтаксичними (вибір відповідно до стану мовця тієї чи іншої синтаксичної структури при оформленні думки), тобто має значно ширше коло засобів вираження.

У лінгвістичній літературі подано декілька класифікацій окличних речень. Є. М. Галкіна-Федорук запропонувала диференціювати їх за значенням. Т. А. Кільдібекова – в аспекті взаємодії емоційного й інтелектуального в значен-

© Акастьолова О. Г., 2011

нєвій структурі висловлювання. Н. Г. Озерова – за наростаючою силою інтонаційного вираження емоційності. І. П. Распопов окличні речення поділяє на дві групи: 1) подібні за складом до неокличних; 2) окличного характеру набуває не тільки інтонаційне, але й лексико-граматичне вираження.

Наявність багатьох критеріїв, обраних для класифікації окличних речень, підкреслює складність і багатоаспектність їх вивчення.

Основними ознаками окличного речення вважаємо: 1) виконання емотивної функції; 2) наявність специфічної інтонації, що в писемній формі виражається за допомогою знака оклику; 3) використання спеціальних мовних засобів, що виражають емоції.

Мета нашої роботи – дослідити особливості формально-синтаксичної структури окличних речень у поезії Ліни Костенко, відомої української поетеси, глибоко самобутнього майстра слова, чия оригінальна поезія належить до найцікавіших сторінок сучасної української літератури. Обсяг зробленої суцільної вибірки із творів поетеси становить 500 окличних речень, цю кількість вважаємо припустимою, оскільки аналіз вибірки такого обсягу відображує синтаксичну специфіку тексту у всіх його основних рисах.

Емотивна функція мови, що реалізується в окличних реченнях, знаходить вираження в мовних одиницях як сегментного, так і суперсегментного рівнів мови. До сегментних мовних одиниць належать частки, вигуки, займенниково-прислівникові слова, звертання, які найактивніше беруть участь в оформленні окличних речень. До одиниць суперсегментного рівня належать інтонація, повтори, порядок слів у реченні.

Функції часток, що вживаються в окличних реченнях, полягають у підсиленні (акцентуванні) емоцій, виражених іншими мовними засобами, або у формуванні емотивного компонента значення. Це дає підстави вважати їх формальними синтаксичними маркерами речень цього типу. Наприклад: *«Ось це так віз! – сміявся. – Не доскочиш»; «Не забувайте незабутнє, / воно вже інеєм взялось!»; «Хай вилітає не той самий фенікс, / а зовсім інший, неймовірний птах!»; «Отакі вони хлопці, кирпаті сільські агронавти, / голуб'ята, анциболи, хоч не роди!»; «І кричала та мати: – Хоч личко його покажіть!»; «Тільки хто ж це королеві Марку золотинку в дзьобі принесе?!»; «А скільки в нас поезій випадкових / з нічого й ні для чого виника!»; «Великі вуха нашої епохи / нехай хоч мить побудуть без антен!».*

Займенникові й прислівникові слова, втрачаючи первинні значення питання, вказівки, місця, наближаються своєю семантикою до часток і беруть участь у побудові спеціальних конструкцій (риторичних питань, номінативних власне-окличних речень). Наприклад: *«Яка важка у вічності хода!»; «Який палаючий вітер!..»; «Як тяжко стукать у чужі оселі, / бездомним бувши на своїй землі!»; «Ми з Музою – ми дві – дві жінки – де наш лицар?!»; «Але майбутнє тому і майбутнє, / що має бути, що б не було!»; «Бори стоять, такі соснові!»; «Мені так добре, стіни такі отчі, / такий у серці невимовний щем!.*

Вигуки, що обслуговують сфери емоцій, можуть виконувати як спеціалізовані (однозначні) семантичні функції, так і виражати широкий діапазон емоційних значень і відтінків, залежно від їхнього текстового оточення й інтонації. Наприклад: *«О, перший біль тих не дитячих вражень, / який він слід на серці залиша!»; «О, як натхненно вміє він не грати!»; «О, заспівайте дівчині романс!»; «О, як мені жилось і як мені страждалось! / І як мені навіки взнаки воно далось!»; «О, не взискуй гіркого меду слави!»; «О, як було нам весело, як весело!»; «О, як ти йшла в таку негоду, здалеку, / така одна-однісінька вночі!»; «Ох, лицарю, не зв'язуйся з отарою – / вона тебе затопче в пилюгу!».*

Звертання, беручи участь в оформленні окличних речень, служить засобом передачі емоцій, вираження суб'єктивного ставлення до співрозмовника, а в окремих випадках містить його емоційну характеристику. Наприклад: *«Вечірнє сонце, дякую за день!»; «Світку мій білий, яке тут роздолля!»; «Прощай, морська корово із Командорських островів!»; «Чоловіче мій, запрягай коня!»; «І світ кривавий, матінко свята!»; «Моя бабусю, старша моя мамо! / Хоч слід, хоч тінь, хоч образ свій залиш!»; «Добрий ранок, моя одинокосте!».*

Інтонація служить не тільки для диференціювання комунікативних типів речень, а й засобом уточнення чи конкретизації змісту висловлювання, розкриття його підтексту, характеристики мовця й ситуації спілкування. Засоби інтонації володіють семантичною й функціональною релевантністю та беруть участь у диференціації окличних речень залежно від вкладеного в них змісту.

Дослідження фактичного матеріалу підтвердило гіпотезу про те, що порядок слів у реченні сприяє визначенню пріоритетності мовного наміру, вираженню найтонших відтінків думки, емоцій, адже в афективному мовленні емотиви тяжіють до початку речення. Наприклад: *«Весна підніме келихи тюльпанів, – / за небо вип'ю і за дві сосни!»; «– Холодно в ночі усім одиноким!»; «Як ми у вічі глянемо нащадкам?!»; «Гримучий світе, ти хоч тут помовч!»; «Яка між нами райдуга стояла! / Яка між нами прірва пролягла!».*

Яскравим засобом значеннєвого посилення, підкреслення емоцій, акцентування уваги на певній частині висловлювання є повтор лексичних елементів. Наприклад: *«Світ мене ловить, ловить... доганя!»; «А я лечу, лечу, лечу!»; «І серцю в грудях тісно, тісно, тісно!»; «В пісках пустили корінь – а вітер, вітер, вітер!.. / Бредуть, бредуть вигнанці в дорогу неблизьку!..»; «А вже здавалось, що живого нерва, / живого нерва не було в мені!»; «А місяць все такий же, він – місяць, місяченько, / як вчора, позавчора і хтозна ще коли!».*

Служити засобом інтенсифікації висловленого почуття можуть поставлені одне за одним речення, побудовані за однією схемою. Наприклад: *«Вона тим небом у тій хаті марила! Вона така була ще молода!»; «Було у цьому / щось таке тривожне! / Було у цьому стільки гіркоти!»; «Я хочу волі, волі!.. А царі? / Я хочу жити, жити!.. А Дантеси?».*

Ту ж саму функцію виконує повтор змісту. Наприклад: *«...страждаю, мучусь, гину, а живу!»; «Мої кохані, милі вороги!»; «І де він взявся, звідки він тут виник, / такий незвичний, дивний, неземний?!»; «І так нам вільно, так повільно, / таке роздолля степове!»; «О, як їх їлося, вминалося, / хрумтілося із мокрих жмень!»; «А ти ж, моє місто, – єдине, одне! – / О, як ти цькувало і гнало мене!»; «І так щодня, щовечора, щоранку, / так щодуші! – мигтить у всі кінці».*

Окличні речення можуть мати як цілком заміщені, так і незаміщені синтаксичні позиції. Конструкції з заміщеними синтаксичними позиціями розділяємо на дві групи: 1) біфункціональні, що є аналогами розповідних, спонукальних, питальних і бажальних речень; 2) власне-окличні, що виконують тільки емотивну функцію.

Залежно від ступеня емоційної експресивності серед біфункціональних окличних речень виділяємо конструкції з неінтенсивним вираженням емоцій та конструкції з інтенсивним вираженням емоцій. Серед останніх на особливу увагу заслуговують структури, що виражають значення категоричності, імперативності, та структури з більш загальним або відособленим значенням суб'єкта. Наприклад: *Триматись вільно й незалежно, перемовчати: хто кого. / І так беззахисно й безмежно / чекати голосу твого!»; «Не говоріть від імені народу. – / розперетричі ви йому впеклись!»; «– Люди, будьте взаємно ввічливі!»; «Так багато на світі горя, люди, будьте взаємно красивими!».*

З-поміж власне-окличних речень із заміщеними синтаксичними позиціями виділяємо парцельовані конструкції, риторичні питання, нечленовані речення, схеми яких, незалежно від синтаксичного наповнення, є засобом вираження емоцій.

За допомогою парцельованих конструкцій мовець може виразити більше цілей, аніж в аналогічних непарцельованих. Парцеляція розширює інформаційну насиченість речення, інтенсифікує змістове навантаження його другорядних членів, надає їм виразності. Парцельовані конструкції містять імпліцитний зміст висловлювання, за рахунок чого вони стають семантично місткими, максимально виразними. Наприклад: *«Життя – це і усмішка, і сльози ці солоні. / І кров, і барикади, і музика Бізе!»; «...благословляю біль твоїх тенет. / Цю грудочку тепла – у Всесвіті – людину!».*

Для риторичних питань характерно насамперед розходження між формою та ілокутивною метою, оскільки у них питальна форма використовується для реалізації експресивно посиленого ствердження або заперечення. Наприклад: *«Весна збиває шумовиння / у пелюсткове ескімо, – / а що ж ми винні, що ж ми винні, / що вже акацій не їмо?!»; «Яким вогнем спокутувати мушу / хронічну українську доброту?!».*

Виділяємо також емоційно-оцінні риторичні питання, що служать для вираження безпосередньої емоційної реакції мовця. Наприклад: *«Як невимовне віршами не скажеш, чи не німою зробиться душа?!»; «І ні копійки ж, бо не візьме зроду, / бо що ви, люди, на чужій біді?!»; «Як мовчанням душу уяремлю, / то який же в біса я поет?!».*

Активний засіб вираження окличності – незаміщеність синтаксичної позиції, що є характерною ознакою неповних окличних речень. Конструкції такого типу відзначаються високою емоційною експресією, що створюється за рахунок скорочення обсягу висловлювання, звільнення від другорядної, невагомої інформації. Найбільш функціонально активними з-поміж окличних речень із незаміщеними синтаксичними позиціями є еліптичні конструкції. Наприклад: *«Все так реально, а мороз – чукотський, / а ми на лижах – і вперед, вперед!»; «А нам з тобою – до сміху! / А нам з тобою – не смутно!»; «Ти думав – люди, глянув – барани!».*

Оскільки окличні еліптичні конструкції, що виражають наказ, заклик, привітання, подяку, прохання, побажання, прокляття тощо, вимовляються здебільшого окличною інтонацією й мають досить усталене морфологічне вираження, то їх можна вважати власне-окличними реченнями. Вокативи теж можна трактувати як власне-окличні. Наприклад: *«Куди ти ділась, річенько? Воскресни!»; «Одкам'янійте, статуї античні, / одкам'янійте і кричіть на гвалт!»; «Хлопавкою для мух / убивати б такі посмішки!»; «– Щасти тобі, доле!»; «Лиш не зроби слухняною рабою, / не ошукай і крил не обітни!»; «Заклинаю тебе, будь навіки мені незвичайним!».*

Своєрідною групою окличних конструкцій є усічені (зредуковані) складні речення, редукція яких полягає у тому, що вони мають залежну частину з підрядними сполучниками якщо, якби, коли, щоб із частковим значенням умови, пояснення, мети, а головна частина у них усічена або й зовсім відсутня. Наприклад: *«Якби їм тоді хоч лея – купити кармін чи гуаш!»; «Якби ти знав, як солодко, нестерпно, / і як спочатку я тебе люблю!».*

Величезним емоційним потенціалом володіють незакінчені (обірвані) окличні речення. Вони належать до типових структур усного мовлення, вживання їх зумовлюється емоційним станом мовця. Наприклад: *«І як ми будем, як тепер ми будем?! / такі вже рідні і такі чужі»; «– Не бійтесь, куме, іще трошки!»; «Не всі, не всі, хоч ягідку облиш!»; «Цар побілів: – Я вас в темницю! / Я вас у мурах заморю!».*

Таким чином, аналіз фактичного матеріалу дозволяє зробити висновок, що окличні речення в поезії Ліни Костенко різноманітні за своєю структурою та емоційно-експресивним забарвленням. Вони можуть мати і цілком заміщені, і незаміщені синтаксичні позиції.

Бібліографічні посилання

1. **Вихованець І. Р.** Граматика української мови: Синтаксис / І. Р. Вихованець. – К., 1993. – 368 с.
2. **Костенко Л.** Вибране / Ліна Костенко. – К. : Дніпро, 1989. – 559 с.
3. **Навчук Г. В.** Функціональні особливості окличних речень та засоби їх вираження в сучасній українській мові / Г. В. Навчук // Південний архів : зб. наук. праць. Філологічні науки. – Херсон : Айлант, 2002. – Вип. XIV. – С. 270–273.
4. **Чабаненко В. А.** Теоретичні засади дослідження експресивних засобів української мови / В. А. Чабаненко // Мовознавство. – 1984. – № 2. – С. 11–18.

Надійшла до редколегії 05.05.11

УДК 81'1

Н. Т. Акульшина

Національна академія Служби безпеки України (м. Київ)

ПОНЯТТЯ «КАРТИНА СВІТУ» У СУЧАСНІЙ ЛІНГВІСТИЦІ

Проаналізовано поняття «картина світу» з когнітивно-прагматичної точки зору.
Ключові слова: картина світу, субкультурна картина, когнітивна картина, національна мовна картина, мовна картина.

Проанализировано понятие «картина мира» с коммуникативно-прагматичной точки зрения.
Ключевые слова: картина мира, субкультурная картина, когнитивная картина, национальная языковая картина, языковая картина.

The article observes the analysis of such notion as «language world image» from communicative-pragmatic point of view.
Keywords: language world image, subculture image, cognitive image, national language world image, language world image.

Актуальність нашого дослідження полягає в тому, що останнім часом у різних галузях гуманітарних наук досить часто зустрічається поняття *картина світу*, *мовна картина світу* та інші види «картин». Для вірного розуміння, тлумачення та оперування даними поняттями необхідно провести ґрунтовне дослідження їх походження та особливостей їх застосування у відповідному науковому контексті. Тому пропонуємо розглянути ці поняття більш ґрунтовно.

Метою даного дослідження є аналіз поняття *картина світу* (субкультурна, когнітивна, національна, мовна картини світу) з когнітивно-прагматичної точки зору.

Предметом даної статті є комунікативно-прагматичний аналіз поняття *картина світу* (субкультурна, когнітивна, національна, мовна картини світу), дослідження специфіки його застосування та факторів, що впливають на формування даних понять.

© Акульшина Н. Т., 2011

Об'єктом даного дослідження є поняття *картина світу* (субкультурна, когнітивна, національна, мовна).

Під поняттям *картина світу* пропонуємо розуміти впорядковану сукупність знань про дійсність, що сформувалася в суспільній, а також груповій та індивідуальній свідомості. Чи має дане твердження право на життя? Чи відповідає воно етимологічній основі даного поняття, а також науковим особливостям його вживання?

Пропонуємо розглянути існуючі визначення поняття *картина світу.*

В. А. Маслова розглядає картину світу як взаємодію людини зі світом, у результаті якої формується її уявлення про світ, формується певна модель світу, яка у філософсько-лінгвістичній літературі називається картиною світу. *Картина світу* – одне з фундаментальних понять, що описує людське буття [5, с. 68]. Світобачення певного народу формує його картину світу: «Кожна цивілізація, соціальна система характеризується своїм особливим способом сприйняття світу» [5, с. 68]. Звідси виходить, що менталітет певного лінгвокультурного співтовариства значною мірою зумовлений його картиною світу, в якій репрезентовано світосприйняття та світорозуміння його членів.

Поняття картини світу (в тому числі й мовної) базується на вивченні уявлень людини про світ. Якщо світ – це взаємодія людини та навколишнього світу, то картина світу – «це результат переосмислення інформації про навколишній світ та людину» [5, с. 69] (в тісній взаємодії знову ж таки з людиною). Людина не схильна помічати ті явища та речі, які знаходяться поза її уявленням про світ. Нам здається, що ми описуємо світ та об'єкти, які знаходяться в ньому, в той час як ми фактично описуємо наше відчуття, наше сприйняття світу. Це змушує вчених сумніватися у самій вірогідності існування можливості описати світ таким, яким він є [5, с. 69].

Можна також уявити поняття «картина світу» як складно структуровану цілісність, що включає три головні компоненти: світогляд, світосприйняття та світовідчуття. Ці компоненти об'єднані в картині світу специфічним для даної епохи, етносу чи субкультури чином.

Виходячи з того, як розуміють *картину світу* соціологи, психологи, психоаналітики та нейрофізіологи, її слід визначити як:

– систему образів (та зв'язків між ними), наочних уявлень про світ й місце людини в ньому, відомостей про взаємини людини з дійсністю (людини з природою, людини із суспільством, людини з іншою людиною) та самою собою. Образи й відомості найчастіше мають емоційне забарвлення;

– породжувані цією своєрідною конфігурацією образів й відомостей життєві позиції людей, їх переконання, ідеали, принципи пізнання та діяльності, ціннісні орієнтації та духовні орієнтири; будь-які істотні зміни картини світу тягнуть за собою зміни в системі зазначених елементів [9].

Відповідно до цих особливостей картина світу:

– цілком визначає специфічний спосіб сприйняття та інтерпретації подій та явищ;

– є основою, фундаментом світосприйняття, спираючись на який людина діє в світі;

– має історично зумовлений характер, що припускає постійні зміни картини світу всіх її суб'єктів.

Суб'єктом, або носієм, картини світу є і окрема людина, і соціальні чи професійні групи, і етнонаціональні або релігійні спільноти [10].

Проведені дослідження виявили, що, наприклад, «уявлення про щастя та ієрархія життєвих цінностей можуть помітно розходитися не тільки у різних народів та культур, а й у представників різних поколінь або різних субкультур у межах од-

нієї культури, одного народу». Головна причина цього – це наявність у різних народів, етносів і субкультур та й, мабуть, у кожної людини своєї особистої картини світу, відповідно до особливостей якої кожна людина й поводить себе так чи інакше. Таким чином можна стверджувати, що існує й субкультурна картина світу [10].

Субкультурна картина світу – це своєрідна картина світу, властива будь-якій соціальній спільноті – від нації або етносу до соціальної чи професійної групи або окремої особи. Більш того, кожному історичному періоду відповідає своя картина світу. Іншими словами, будь-яке досить велике людське співтовариство має диференційовані картини світу як по горизонталі (різні соціальні групи сучасників), так й по вертикалі: картини світу є не чимось застиглим, сталим, а історично мінливим процесом пристосування до мінливих реалій [10]. Так, наприклад, картина світу військового відрізняється від картини світу його сучасника-селянина. Але точно так само сьогоднішній селянин або військовий сприймає світ зовсім не так, як представники цих же соціальних груп сто років тому. Розрізняються картини світу й представників різних релігій: у католика та православного, у мусульманина та буддиста.

Безпосередня картина світу містить як змістовне, концептуальне знання про дійсність, так й сукупність ментальних стереотипів, які визначають розуміння та інтерпретацію тих чи інших явищ дійсності. Таку картину світу ми називаємо *когнітивною*, так як вона є результатом когніції (пізнання) дійсності й виступає як результат діяльності когнітивної свідомості та базується на сукупності впорядкованих знань – концептосфери [8, с. 52].

Н. М. Лебедєва зазначає: «Наша власна культура надає нам когнітивну матрицю для розуміння світу, тобто «картину світу» [3, с. 21].

Під *когнітивною картиною світу* розуміємо ментальний образ дійсності, сформований когнітивною свідомістю людини чи певного народу в цілому, який є результатом як прямого емпіричного віддзеркалення дійсності органами відчуттів, так і свідомого рефлексивного відображення дійсності в процесі мислення [8, с. 52].

Таким чином, можна зробити висновок, що *когнітивна картина світу* – це сукупність концептосфери та стереотипів свідомості, котрі задаються певною культурою чи субкультурою.

Когнітивна картина світу у свідомості особистості є досить системною та впливає на сприйняття особистістю навколишнього світу. Дане поняття також:

– пропонує класифікацію елементів дійсності;

– пропонує прийоми аналізу дійсності (пояснює причини явищ та подій, прогнозує розвиток явищ та подій);

– впорядковує чуттєвий та раціональний досвід певної особи для його збереження в свідомості, пам'яті [8, с. 52].

Національна когнітивна картина світу, з одного боку, є дещо абстрактною, а з іншого – когнітивно-психологічною реальністю, що спостерігається в мисленні, пізнавальній діяльності народу, в його поведінці – фізичній та вербальній. Національна картина світу спостерігається в однаковій поведінці народу в стереотипних ситуаціях, у загальних уявленнях народу про дійсність, у висловленні «загальних думок» [8, с. 53].

Національна мовна картина світу (далі – НМКС) – це зафіксоване в лексиці відповідної мови специфічне бачення (тобто логічне осмислення, відчуття й оцінювання) реального світу й усього, що привноситься в нього людською свідомістю. Існує така кількість НМКС, скільки існує мов, кожна з яких відображає унікальний результат багатовікової роботи колективної етнічної свідомості над осмисленням й категоризацією буття людини.

Неповторність кожної НМКС стає очевидною лише на фоні інших таких же НМКС, тому зіставлення й аналіз їх універсальних та ідеоетнічних компонентів викликає неабиякий науковий інтерес. Актуальною стає проблема інтелектуального засвоєння поглядів на світ, які напрацьовуються іншими народами в інших умовах та під впливом інших факторів.

Національна мовна картина світу є результатом відображення колективною свідомістю етносу зовнішнього світу в процесі свого історичного розвитку одночасно з пізнанням цього світу. Зовнішній світ та свідомість – це два фактори, котрі породжують мовну картину світу будь-якої національної мови [9, с. 2].

В. В. Красних протиставляє картину світу та мовну картину світу.

Мовна картина світу розуміється як «світ у дзеркалі мови», а картина світу (образ світу) розуміється як «відображення в психіці людини предметної навколишньої дійсності» [3, с. 18].

Лінгвістичні когнітивні структури «безпосереднім чином беруть участь у формуванні мовної картини світу, в той час як «матеріалом» формування (концептуальної) картини світу є в першу чергу феноменологічні когнітивні структури. Останні мають (чи можуть мати) вербальну оболонку, тобто йдуть у парі з лінгвістичними когнітивними структурами» [2, с. 67].

Мовна картина світу – це сукупність зафіксованих в одиницях мови бачень народу про дійсність на певному етапі розвитку народу [8, с. 54].

Мова є найважливішим засобом формування та існування знань людини про світ. Відображаючи у процесі діяльності об'єктивний світ, людина фіксує результати пізнання в слові. Вся ж система знань, набутих як особисто, так й внаслідок навчання, утримується у довгостроковій пам'яті людини за допомогою концептів, або ментальних прообразів. Концептуалізація, або понятійна класифікація, – це один з найважливіших процесів пізнавальної діяльності людини, що полягає в усвідомленні інформації, яка надходить до людини та призводить до утворення концептів, концептуальних структур та всієї концептуальної системи у мозку (психіці) людини.

Кожен народ по-своєму розчленовує фрагменти світу та по-своєму називає їх. Формується світ тих, хто говорить цією мовою, тобто формується мовна картина світу як сукупність знань про світ, що фіксується у лексиці, граматиці, фразеології.

Між картиною світу, як віддзеркаленням реального світу, та мовною картиною світу, як фіксацією цього зображення, існують складні відносини. Картина світу може бути представлена за допомогою просторових (верх – низ, правий – лівий, схід – захід, далекий – близький), часових (день – ніч, зима – літо), кількісних, етнічних та інших параметрів. На її формування впливають мова, природа та ландшафт, виховання, освіта та інші соціальні фактори, традиція тощо. Мовна картина світу не стоїть поряд із специфічними картинами світу (хімічною, фізичною тощо), вона їм передує та формує їх, тому що людина здатна розуміти світ й сама себе завдяки мові, в якій закріплюється суспільно-історичний досвід – як загальнолюдський, так й національний. Останній й визначає специфічні особливості мови на всіх її рівнях. У силу специфіки мови у свідомості її носіїв виникає певна мовна картина світу, через призму якої людина бачить світ [6, с. 59].

Мовна картина світу формує тип ставлення людини до світу (природи, тварин, самої себе як елемента світу), визначає норми поведінки людини в світі. На думку Ю. Д. Апресяна, будь-яка природна мова відбиває певний спосіб сприйняття й організації (концептуалізації) світу. Висловлені в ній значення складаються у певну цілісну систему поглядів, свого роду колективну філософію, яка є обов'язковою для всіх носіїв мови [1, с. 45].

Як висновок зазначимо, що термін *мовна картина світу* є метафорою, тому що в дійсності специфічні особливості національної мови, в яких зафіксовано унікальний суспільно-історичний досвід певної національної спільноти людей, створюють для носіїв цієї мови не якусь іншу, неповторну картину світу, яка відрізняється від об'єктивно існуючої, а лише специфічне «забарвлення» цього світу, зумовлене національною значимістю предметів, явищ, процесів, вибірковим ставленням до них, яке породжується специфікою діяльності, способу життя та національної культури даного народу.

Наголосимо, що картина світу, яку можна назвати знанням про світ, лежить в основі індивідуальної й суспільної свідомості, що зумовлює природність того, що система соціально-типових позицій, відношень, оцінок знаходить знакове відображення в системі національної мови та бере участь у конструюванні мовної картини світу.

Треба також підкреслити, що зовнішній світ й свідомість людини – це два основних фактори, які формують мовну картину світу будь-якої національної мови. В подальшому необхідно вивчити та дослідити складові національної мовної картини світу, поняття «концепт» та способи вербалізації національно-специфічних концептів у різноструктурних мовах, а також проблеми існування та подолання лакун у міжмовному спілкуванні.

У якості висновку також надамо своє власне визначення поняття *мовної картини світу*.

Отже, *мовна картина світу* є відображенням, осмисленням, відчуттям й оцінюванням у певній мові власного неповторного результату багатовікової роботи колективної етнічної свідомості певного народу, осмисленням буття та поглядів щодо світосприйняття та відображення в психіці людини навколишньої дійсності, віддзеркаленням та концептуалізацією світу, що формує певну цілісну систему поглядів, свого роду колективну філософію носіїв певної мови, через призму якої людина бачить світ.

Бібліографічні посилання

1. **Апресян Ю. Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 45–53.
2. **Красных В. В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
3. **Лебедева Н. М.** Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н. М. Лебедева. – М. : Ключ-С, 1999. – 224 с.
4. **Леонтьев А. А.** Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
5. **Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
6. **Маслова В. А.** Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
7. **Маслова В. А.** Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М. : Наследие, 1997. – 205 с.
8. **Попова З. Д.** Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 314 с.
9. **Чернишенко І. А.** Фактори формування національних мовних картин світу / І. А. Чернишенко // Вісник Житомирського держ. ун-ту ім. І. Франка. – 2007. – Вип. 32. – С. 158–162.
10. **Українська електронна енциклопедія «Вікіпедія»** [Електронний ресурс]. – 2010. – Режим доступу: http://uk.wikipedia.org/wiki.

Надійшла до редколегії 25.05.11

УДК 811.161.1'373.45

Ю. Н. Афонина

Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова (г. Киев)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СДВИГИ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Розглянуто деякі питання щодо змін у семантичній структурі запозичень із англійської мови.

Ключові слова: семантичні зрушення, денотат, внутрішня форма слова, семантична структура слова.

Рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся изменений в семантической структуре англицизмов.

Ключевые слова: семантические сдвиги, денотат, внутренняя форма слова, семантическая структура слова.

A few questions concerning the changes in anglicism semantic structure are observed in the article.

Keywords: semantic shifts, denotation, word inner form, word semantic structure.

В последнее время в русском языке наблюдается активное включение лексических инноваций, вызванное мировыми тенденциями к глобализации. Основную массу таких слов составляют англицизмы, проникшие в наш язык в связи с доминирующим положением английского языка в различных сферах международной жизни: экономической (*промоушн, бренд, спонсор, супермаркет, ваучер, ноу-хау, дилер, медиабизнес, менеджер, маркетинг*), компьютерной (*ноутбук, Интернет, модем, сервер, браузер, онлайн, юзер*), культурной (*брейн-ринг, продюсер, креатив, брейкер, триллер, экшн, реалити-шоу, бестселлер, имидж*), политической (*саммит, импичмент, брифинг, пресс-релиз, рейтинг, спичрайтер*), бытовой (*плейер, миксер, заппинг, пейджер, маркер, мобильник, джойстик, чипсы, хот-дог, йогурт, кетчуп, попкорн*) и др. В связи с этим возникла необходимость изучения семантических сдвигов квазиинтернациональных слов, на которые ещё в нач. XX в. впервые обратили внимание французские лексикографы М. Кеслер и Ж. Дерокиньи. В переводческой практике была обнаружена категория «ложных друзей переводчика», которая освещает явление межъязыковой асимметрии. Это находит своё отражение в лингвистических исследованиях А. А. Аминовой, А. Беднарчик, А. И. Порошиной, Д. Ф. Хакимзяновой, С. М. Эрвина [1; 4; 7; 9].

В свою очередь, свободное использование англицизмов является важным компонентом коммуникативной компетенции русской языковой личности. Проблема восприятия и освоения населением заимствований кроется, главным образом, в имплицитных внутренних формах слов. Это создаёт почву для возникновения в лексических инновациях семантических сдвигов. В связи с этим массовое неадекватное (неправильное) употребление заимствований в речи очень скоро закрепляется и в языке.

Так, например, слово ***джойстик*** в английском языке имеет два корня: *joy* – «удовольствие» и *stick* – «палка». В английском языке слово ***joystick*** употребляется со значением «рычаг управления на самолётах». В данной ситуации произошёл семантический сдвиг, поскольку понятия «удовольствие» и «палка» лишь косвенно соотносятся со значением «рычаг управления на самолётах». Словари совре-

© Афонина Ю. Н., 2011

менного русского языка содержат следующие толкования данного слова: 1. «*Информ*. Устройство для ручного управления движением курсора на экране дисплея при вводе данных в компьютер в виде наклоняющегося рычажка. *Игровой адаптер для подключения двух джойстиков. Для полноценной игры ... неплохо было иметь специальный джойстик: для имитаторов-автомобилей – рулевое колесо, для самолётов – штурвал и т. д. Стоят они недёшево, но позволяют сделать игру максимально реальной*» [8, с. 222–223]. 2. «*Информ.* Манипулятор в виде укреплённой на шарнире ручки с кнопкой, употребляющийся для компьютерных игр» [5, с. 256].

Сравнение значения слова ***джойстик*** в английском языке и русском свидетельствует о факте произошедших изменений в его семантической структуре, а именно – смена денотата (в английском языке – расширение по денотату): «рычаг управления на самолётах» → «устройство для ручного управления движением курсора», «манипулятор для компьютерных игр».

Рассмотрим часто встречающееся сегодня слово ***пиар***. Оно произошло от английской аббревиатуры *PR – public relations* (общественное отношение, мнение). В Словаре языковых изменений конца XX ст. указано, что ***пиар-кампания*** – «*Публ*. Кампания по формированию положительного общественного мнения о ком-л. (проводимая обычно в средствах массовой информации). *Предвыборные технологии? Пиар-кампании? Есть куда более надёжные способы сделать так, чтоб абсолютно все кандидаты дружно прошли в депутаты. Если ими воспользоваться, то в России окажется самый политически активный народ в мире*» [8, с. 570]. Часто используется выражение ***чёрный пиар*** – «формирование отрицательного общественного мнения о ком-, чём-л. *Основным «тёмным» потребителем депутатских денег стал «чёрный пиар», проплаченные якобы информационные и якобы новостийные материалы. По моде последнего времени и ради большей «эффективности» воздействия на электоральные массы (фу, какая пошлость) эти кумулятивные штучки носили и носят бескомпромиссно-скандальный характер*» [8, с. 569–570]. Таким образом, семантический сдвиг в значении слова ***пиар*** произошёл в сторону сужения по денотату: «общественное отношение, мнение» → «общественное мнение о ком-либо».

В некоторых случаях слова, произошедшие от аббревиатур, семантическим изменениям в структуре слова не подвергаются. Например, возникшее от английской аббревиатуры *PC – Personal Computer*, слово ***писишка*** означает: «*Жарг*. IBM-совместимый персональный компьютер. *Число продаж «писишек» в несколько десятков раз больше, чем компьютеров других платформ, вместе взятых*» [8, с. 573].

Тенденция сужения по денотату прослеживается почти во всех англицизмах, поскольку эти слова в русском языке функционируют как номинанты понятий, пришедших с западной культурой. Например, слово ***пирсинг*** (*piercing* – прокалывание) означает в русском языке не процесс прокалывания вообще, а более узкое понятие: «В молодёжной субкультуре: прокалывание различных частей тела (обычно ноздрей, бровей и т. п.) для вставки украшений. *Популярен пирсинг – просверливание кончика ногтя. В образовавшуюся дырочку можно повесить колечко, маленький колокольчик или ещё что-нибудь и, пропустив через украшение цепочку, прикрепить её к колечку на пальце. Получается милый и индивидуальный "наворот"*» [8, с. 573].

Сужение денотата происходит также в словах: ***юзер*** (англ. «1) потребитель; 2) употребляющий (*что-л.*); 3) *юр*. право пользования; право давности» [6, с. 770]. → рус. «*Жарг*. Пользователь.» [8, с. 875]; ***промоушн*** (англ. «1) продвижение; поощрение, содействие, стимулирование; 2) продвижение по службе; повышение в

звании; производство в чин; 3) перевод (*ученика*) в следующий класс» [6, с. 557] → рус. «система мероприятий по продвижению товаров, распространению предоставляемых услуг на рынке, а также популяризации актёров, эстрадных исполнителей» [8, с. 637]); ***менеджер*** (англ. «1) управляющий, заведующий; директор; 2) хозяин; 3) *парл.* представитель одной из палат, уполномоченный вести переговоры по вопросу, касающемуся обеих палат; 4) импрессарио, менеджер» [6, с. 430–431] → рус. «*Экон.* Профессиональный управляющий предприятия; специалист в области менеджмента» [8, с. 451]); ***ноутбук*** (англ. 1) «записная книжка; тетрадь» [6, с. 477]; 2) компьютер → рус. «*Информ.* Портативный персональный компьютер, обычно не больше кейса, с жидкокристаллическим дисплеем, обладающий программной и аппаратной совместимостью с более мощными компьютерами» [8, с. 516]); ***продюсер*** (англ. «1) производитель, поставщик, изготовитель; 2) режиссёр-постановщик; продюсер; 3) *амер.* хозяин *или* директор театра; владелец киностудии; 4) *тех.* (газо-) генератор; 5) а) товары производственного назначения; б) *полит.-эк.* средства производства; 6) генераторный» [6, с. 555] → рус. «1. Владелец кинофирмы, глава или доверенное лицо кинокомпании, организующий постановку фильма и осуществляющий финансовый контроль. 2. Административный и финансовый организатор деятельности певца или эстрадной группы (концертов, гастролей, выпуска пластинок, альбомов и т.п.); импрессарио» [8, с. 632–633]); ***бестселлер*** (англ. 1) ходкая книга; бестселлер; 2) автор ходкой книги [6, с. 73] → рус. «Книга, пользующаяся широким спросом, продаваемая быстрее других. | О популярной пластинке, теле- и радиопередаче и т. п.» [5, с. 76]); ***саммит*** (англ. 1) вершина, верх; *перен.* Зенит, высшая степень, предел; 2) встреча *или* совещание глав правительств; 3) дипломатия на высшем уровне [6, с. 701] → рус. «1. *Офиц.* Конференция, совещание, собрание глав государств и правительств. 2. *Публиц.* Встреча, совещание руководителей республик, областей» [5, с. 1142]); ***импичмент*** (англ. 1) порицание; 2) обвинение; 3) привлечение к суду (*особ.* за государственное преступление); импичмент [6, с. 73] → рус. «*Книжн.* Процедура привлечения к суду парламента высших должностных лиц государства с целью лишения их полномочий» [5, с. 390]).

Семантика слова, сужаясь, чаще всего и быстрее всего изменяется вместе с омертвением внутренней формы слова. Сужение по денотату, в основном, приводит к опрощению основы слова, где новая ядерная морфема стремится соответствовать уменьшенному в объёме денотату. Семантические сдвиги – это динамичный процесс: сужение значения до одного ЛСВ в дальнейшем может расширяться, меняться, денотат переходить в денотатив и т. д. Опрощенные основы заимствованных слов – это результат качественных изменений ядра, которое перестало нуждаться в дополнительных значениях служебных морфем; модифицированное ядро превращает аффиксы в асемантичные или даже мёртвые. Возможен и обратный процесс, когда непродуктивные морфемы в большинстве случаев утрачивают актуальность своего значения и незначительное количество живых морфем по аналогии с другими словами омертвляются. Если же аффикс продуктивный, тогда вопрос о членимости основ с одинаковыми словообразовательными моделями является спорным, поскольку в одних словах он уже не несёт смысловой нагрузки, асемантичный, а другие, которые по-прежнему выделяются, не позволяют предать аффикс забвению, поэтому в некоторых словах, состоящих из ядра и более одного суффикса или более одного префикса, может происходить слияние служебных морфем, что приводит к переразложению и рождению новых морфем с актуализацией нового значения. Сужение по денотату характерно для терминов, поскольку последние стремятся к конкретизации и специализации.

В некоторых случаях может происходить смена денотата, например, в слове ***плейер***. В английском языке данная лексема представлена следующими лексико-семантическими вариантами: «1) участник игры, игрок; 2) актёр; 3) музыкант; 4) картёжник; 5) автоматический музыкальный инструмент» [6, с. 534]. В русском языке слово ***плейер*** моносемично и означает «компактный магнитофон с наушниками. *Видеосистема, проигрыватель, в том числе для компакт-дисков, пара миниатюрных плейеров, диктофон – это как бы само собой разумеется*» [8, с. 576–577]. Такого значения в английском языке нет.

Аналогичная семантическая судьба и у слова ***спонсор***. В английском языке это слово употребляется со значением: «1) поручитель; 2) попечитель, покровитель; 3) крёстный (отец); крёстная (мать); 4) устроитель, организатор; 5) заказчик радиорекламы» [6, с. 675]. В русском языке меняется денотат слова: «1. Физическое или юридическое лицо, оказывающее финансовую поддержку кому-л. в обмен на рекламу своей деятельности, продукции и т.п. *Спонсор футбольной программы. Спонсор телемарафона. Спонсор телепередачи.* 2. *Разг.* Тот, кто оказывает кому-л. помощь (материальную, денежную и т.п.)» [5, с. 1251]. Безусловно, значение слова ***спонсор*** в русском языке имеет семантическое отношение к значению этого слова в языке-источнике, но лишь косвенное.

Приведём другие примеры англицизмов с изменившимся денотатом: ***дилер*** (англ. «1) некоторое количество; 2) сделка; соглашение; 3) обхождение, обращение; 4) *карт*. сдача; 5) правительственный курс, система мероприятий» [6, с. 184] → рус. «*Финанс*. 1. Член фондовой биржи, участвующий в биржевых торгах от собственного имени и за собственный счёт. 2. Банк, занимающийся куплей-продажей ценных бумаг, валют, драгоценных металлов» [5, с. 259]); ***брейкер*** (англ. «1) дробильщик; 2) нарушитель (*закона и т. п.*); 3) отбойщик; 4) бурун; 5) *тех.* дробилка; 6) *эл.* выключатель; прерыватель; 7) *текст.* мяло, трепалка; 8) *гидр.* ледорез; бык (*моста*)» [6, с. 92–93] → рус. «Тот, кто занимается брейком; исполнитель брейка» [5, с. 96]); ***рейтинг*** (англ. «1) оценка, отнесение к тому или иному классу, разряду; 2) обложение налогом; сумма налога (*особ. городского*); 3) положение; класс, разряд, ранг; 4) *амер.* отметка (*в школе*); 5) *мор.* звание *или* специальность рядового *или* старшинского состава; 6) класс *(яхты)*; 7) цифровые данные; 8) *тех.* (номинальная) мощность; производительность; номинальная характеристика» [6, с. 578] → рус. «1. *Спорт.* Показатель оценки достижений шахматиста в мировом классификационном списке, определяемый по его результатам в турнирах. 2. *Книжн.* Показатель популярности, авторитета какого-л. лица, общественного деятеля, организации и т. п. в какое-л. время, определяемый социологическим опросом» [5, с. 1114]); ***миксер*** (англ. «1) смеситель, смешивающий аппарат *или* прибор, мешалка; миксер 2) *разг.* общительный человек 3) *радио.* преобразователь частоты» [6, с. 450–451] → рус. «1. *Техн.* Сосуд для приёма и накопления жидкого чугуна, получаемого в доменной печи и предназначенного для дальнейшей переработки. 2. Электрический прибор для быстрого смешивания холодных напитков, взбивания сливок, яиц и т. п., для приготовления муссов, кремов, коктейлей и т.п.» [5, с. 541]); ***имидж*** (англ. «1) образ; изображение; отражение (*в зеркале*); 2) статуя (*святого*); идол; 3) подобие; быть точной копией кого-л.; 4) метафора, образ; 5) икона; 6) *разг.* представление (*о чём-л.*); 7) облик (*политической партии и т.п.*); 8) искажение изображения; зеркальный эффект» [6, с. 353] → рус. «Впечатление, мнение о лице, коллективе, учреждении, вещи и т.п., создаваемое заинтересованными лицами; индивидуальный стиль, облик, характеризующий лицо, группу лиц, учреждение и т. п.» [8, с. 297]); ***маркер*** (англ. «1) маркёр; 2) клеймовщик; клеймовщица; 3) *школ.* лицо, отмечающее присутствующих учеников; преподаватель, проверяющий письменные работы; 4) закладка (*в кни-*

ге); 5) *амер.* мемориальная доска; 6) *горн.* маркирующий горизонт» [6, с. 433] → рус. «Цветной фломастер, применяемый для выделения части текста» [8, с. 436]).

Процесс смены денотата часто зависит от фонетических преобразований. При смене денотата первоначально информативный признак нередко становится не только утраченным, но и противоречащим самому представлению о предмете. К смене денотата часто приводят мёртвые аффиксы. Следовательно, «чужое» означаемое заимствования – это наиболее типичная причина смены денотата.

Достаточно редко заимствованные слова в системе неродного языка расширяют свой денотат. Например, существительное ***маркетинг***. В английском языке это слово употребляется со значением: «1) торговля; 2) предметы торговли» [6, с. 434]. В русском языке денотат слова ***маркетинг*** шире: «1. *Экон.* Экономическая дисциплина, занимающаяся проблемами производства и сбыта продукции (спроса и потребления, ценообразования, рекламы, средств увеличения объёма реализуемых товаров). *Курсы маркетинга. Выставка книг по маркетингу и рекламе. Маркетинг – исследование рынка, планирование, прогнозирование, реклама.* 2. Система управления и организации деятельности предприятий по разработке новых видов продукции, производству и сбыту товаров или предоставлению услуг, исходя из потребностей рынка. *Зав. отделом маркетинга и книжного распространения НИИ Книги. Мы уже определили с вами маркетинг как вид человеческой деятельности, направленный на удовлетворение нужд и потребностей людей, или иначе – предвидение, управление и удовлетворение спроса на товары и услуги посредством обмена*» [8, с. 436].

Расширение денотативной сферы слова обеспечивается, главным образом, за счёт наращения значения. Изначально доминирующее значение может становиться второстепенным или исчезать совсем. Во многом это зависит от того, сколько времени прошло с момента метонимизации или же самого семантического сдвига.

Незначительное количество слов не меняют своего значения в системе заимствующего языка, например, ***супермаркет*** (большой магазин самообслуживания, универсам); ***триллер*** (книга или фильм, вызывающие у читателя, зрителя постоянно растущее чувство страха и напряжения); ***брифинг*** (краткая пресс-конференция, на которой излагается позиция правительства, официального ведомства и т. п. по определённому вопросу или даётся информация о ходе международных переговоров, взглядах сторон и т. п.); ***пресс-релиз*** (специальный бюллетень с актуальной информацией, выпускаемый правительственными учреждениями, штаб-квартирами международных организаций, пресс-бюро); ***спичрайтер*** (специалист по составлению публичных выступлений (президента, политических, общественных и т. п. деятелей)); ***хот-дог*** (жареная горячая сосиска или сарделька, подаваемая обычно в разрезанной булке с соусом и горчицей); ***йогурт*** (кисломолочный продукт с витаминными и фруктовыми добавками, близкий к кефиру или простокваше); ***попкорн*** (воздушная кукуруза).

Некоторые заимствования попадают в русский язык не естественным путём и не вследствие необходимости, а по причине моды на английские слова, например, ***брейн-ринг***. Это составное слово в английском языке означает *brain* – мозг и *ring* – арена борьбы, а в русском – «Телевизионная игра-состязание, победителем которой становится человек или команда, обнаруживающая более широкую эрудицию и быстроту реакции в ответах на вопросы ведущего. *Санкт-Петербургский филиал международной ассоциации клубов «Что? Где? Когда?» объявляет о проведении соревнований «Гран-при Санкт-Петербурга по играм “Что? Где? Когда?” и “Брейн-ринг” среди молодёжных команд*» [8, с. 92]. Сле-

дует отметить, что само по себе окказиональное употребление англоязычных слов предусматривает семантический сдвиг.

Общеизвестно, что иноязычное слово, попадая в заимствующий язык, очень часто перестаёт восприниматься говорящими как производное слово по нескольким причинам, связанным как с утратой отношений между производной и производящей основами, так и с изменениями в лексическом значении слова. До сих пор остаётся спорным вопрос о принципах морфологического членения интернациональных слов. Поскольку внутренняя форма заимствованных слов является имплицитной, их морфемный состав меняется – происходит опрощение основы: *промоушн, спонсор, супермаркет, дилер, менеджер, маркетинг, ноутбук, юзер, брейн-ринг, продюсер, пиар, писишка, пирсинг, брейкер, триллер, бестселлер, саммит, импичмент, брифинг, пресс-релиз, рейтинг, спичрайтер, плейер, миксер, имидж, маркер, джойстик, хот-дог, йогурт, попкорн*.

Итак, анализ показал, что когда речь идёт о семантических факторах, приводящих к изменениям в семантической структуре слов, то это чаще всего связано с традиционными типами семантических изменений: метафорическими переносами наименований, сужением и расширением семантического объёма слова, конкретизацией, абстрагированием значения и т. д. Семантические сдвиги в заимствованных словах приводят к тому, что модифицированные значения становятся единственной языковой реальностью, закреплённой нормой современного языка. Заимствованное слово всегда наиболее подвержено переосмыслению, чем исконно русское, поскольку здесь доминантную позицию занимает социальный фактор. Люди сами (искусственно) вкладывают в слово то значение, которое актуально для общества в данный момент. Таким способом создаётся большинство терминологии иноязычного происхождения. Более того, такому семантическому развитию способствует отсутствие привязки к внутренней форме слова, не понятной носителю заимствующего языка.

Таким образом, можно сделать следующие выводы из проведённого наблюдения: явление опрощения в заимствованных словах предшествует процессу семантических сдвигов; семантические сдвиги (расширение или сужение по денотату, а также смена его самого) в заимствованиях часто происходит искусственно, «рукотворно» [2, с. 7]; заимствованное слово относительно «свободно» [3, с. 175–176] от своей внутренней формы; при возникновении нового значения всегда имеет место выбор того, какое слово из синонимичных двух (заимствованного или исконно русского) станет носителем этого значения – выбирается то, которое с точки зрения социума лучше (если таковым является англицизм, тогда, как правило, проще его семантическая и морфологическая структура, он престижен, т. е. учтён и языковой, и социальный фактор).

Библиографические ссылки

1. **Аминова А. А.** Семантико-словообразовательный диапазон глаголов русского, татарского и английского языков / А. А. Аминова, Д. Ф. Хакимзянова // Уч. зап. Казан. ун-та. Т. 150: Гуманитарные науки. Кн. 2. – Казань, 2008. – С. 64–72.
2. **Арутюнова Н. Д.** Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
3. **Арутюнова Н. Д.** Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. **Беднарчик А.** Семантические сдвиги и интертекст как проблемы переводоведения (переводя Ахматову) / А. Беднарчик. – Режим доступа : http://filologija.vukhf.lt/5-10/doc/2.4 Anna Bedanarczik RED.

5. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2004. – 1536 с.
6. **Мюллер В. К.** Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – 22 изд., стер. – М. : Рус. яз., 1989. – 848 с.
7. **Порошина А. И.** Семантический сдвиг как следствие семантической аппликации (на материале поэтических произведений М. И. Цветаевой) / А. И. Порошина // Филол. науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 1. – С. 164–165.
8. **Толковый словарь современного русского языка.** Языковые изменения конца XX столетия ; под. ред. Г. Н. Скляревской. – М. : ООО «Изд-во Астрель» ; ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 944 с.
9. **Эрвин С. М.** Семантический сдвиг при двуязычии // Зарубежная лингвистика / пер. с англ., нем., фр. / под общ. ред В. Ю. Розенцвейга и др. – М. : Прогресс, 1999. – С. 100–113.

Надійшла до редколегії 31.05.11

УДК 81'42

Л. В. Валеева

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ МИФЕМЫ

Розглянуто взаємозв'язок активності міфем, мовних одиниць міфа і прагмалінгвістичної орієнтації дискурсу. Описано засоби і способи мовної репрезентації міфа в магічному, політичному та мас-медіадискурсі.
Ключові слова: міф, міфема, дискурс, прагмалінгвістика.

Рассмотрена взаимосвязь активности мифем, языковых единиц мифа и прагмалингвистической ориентации дискурса. Описаны средства и способы языковой репрезентации мифа в магическом, политическом и масс-медиадискурсе.
Ключевые слова: миф, мифема, дискурс, прагмалингвистика.

The article examines the relationship of mytheme activity, linguistic units of a myth, and pragmalinguistic orientation of discourse. It describes the tools and methods of language representation of myth in magic, political and massmedia discourse.
Keywords: myth, mytheme, discourse, pragmalinguistics.

Постановка проблемы. В современной науке формируется группа статусных лингвистических единиц, чей универсальный характер является не недостатком, а «бонусом» дальнейшего научного развития. В эту группу входят дискурс и миф как выражение социокультурного опыта и социокультурной практики.

Разработка теории дискурса связана с пониманием процессно-интерпретационной модели языка. Подобный подход Т. А. ван Дейк назвал стратегическим [3]. В лингвистической литературе наблюдается терминологическая семантизация понятия *дискурс*. Дискурс от значения «логически последовательное изложение» расширяется до значения интертекстуальности. Е. С. Кубрякова утверждает, что когнитивно-дискурсивная парадигма позволяет дать объекту максимально полное и всестороннее описание, описание интегральное, в котором учитываются как когнитивные, так и коммуникативные особенности его бытия в системе языка [7]. В настоящее время дискурс позволяет посредством интерпретации реконструировать реальное, желаемое, виртуальное положение дел. В. З. Демьянков отмечает, что при помещении содержания очередной порции

© Валеева Л. В., 2011

дискурса в рамки уже полученной или предварительной интерпретации устраняется, при необходимости, референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого верифицированного элемента и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса [4].

Коммуникативная обусловленность когнитивных способностей дискурса объединяет его с мифом, который в последние десятилетия реанимировал свои уникальные свойства и вследствие чрезвычайной активности и многофункциональности завоевал информационное пространство. Осознание миссионерского значения мифа в век множественности, стремительности и фрагментарности информации происходит, во-первых, из-за его способности инсценировать социальную практику и преобразовывать знания в «сгустки» смысла; во-вторых, из-за его умения адаптировать и интерпретировать имплицитные и суммарные знания соответственно экстралингвистическому фону и коммуникативной ситуации.

Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного описания способов вербализации мифа и их зависимости от функциональной и типологической характеристики дискурса. ***Цель*** данного исследования – выявление связи между активностью семантической единицы вербализованного мифа и коммуникативно-прагматической направленностью дискурса.

Коммуникативно-прагматическое направление развивается на основе методологии деятельностного подхода, который включает социально психологические, социокультурные, межличностные и конситуативные условия. Ф. С. Бацевич, рассматривая соотношение языковой прагматики и коммуникации, поддерживает идею лидерства каждого из направлений в условиях разных проблемных ситуаций. По мнению ученого, доказательством важности каждого направления является соотношение функций языка на разных этапах развития лингвистической мысли. В синхронии важнейшей функцией является символическая, так как именно языковые символы выполняют коммуникативную и когнитивную функцию, а в диахронном (генетическом) аспекте коммуникативная функция предшествует не только когнитивной, но и собственно символической [1, с. 55].

Языковые символы, как основа коммуникации, формируют когнитивно прагматический контекст, состоящий из набора пропозиций. «Знания, верования, представления, намерения в их отношениии к коммуникантам, дискурсу, реальному и возможным мирам, к культурной ситуации, статусно-ролевым отношениям участников, способу коммуникации, стилю дискурса, предмету и регистру общения, уровню формальности интеракции, физическим и психологическим состояниям – всем аспектам контекстуальности, можно представить в виде набора пропозиций, которые, помимо актуализации в высказываниях, фигурируют в качестве разных компонентов «скрытого» коммуникативного содержания» [8, с. 150]. Контекст – динамичная, активная структура, которая обладает творческим потенциалом, так как участники коммуникативного события в соответствии с условиями контекста интерпретируют необходимые сведения/пропозиции из общего фонда знаний. М. Л. Макаров показывает взаимообусловленность дискурса и контекста: постоянная динамика старого и нового знания приводит к трансформации релевантной, актуализированной в речи пропозиции в элемент непосредственного контекста, или оперативной памяти, с последующим возможным закреплением в качестве составной части обобщенного образа данного типа ситуации, а впоследствии – как значимого символа культурного контекста [8].

Таким образом, коммуникативно-прагматическая мотивированность дискурса не вызывает сомнений. Мы понимаем дискурс как тип коммуникативной деятельности, эксплицированный с помощью особым образом упорядоченных и систематизированных языковых символов, организованный на основе обществен-

ной практики, тактик и стратегий участников коммуникативного события, представляющий социально, идеологически и исторически обусловленную ментальность. Дискурс – это структура, не приемлющая порядок ради порядка, это особое использование языка, представляющего конкретную общественную практику.

В современном учении о дискурсе (Н. Д. Арутюнова, А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, Е. А. Селиванова и многие др.) различаются группы факторов, влияющих на типологизацию дискурсивных практик. В качестве одного из системообразующих факторов дискурсивного пространства называют прагмалингвистическое и социолингвистическое основание. По мнению В. И. Карасика, социолингвистический подход учитывает существование и активность социальных институтов: церкви, армии, школы и под. и представляет типы дискурса статусно-ориентированного общения. К социолингвистической группе дискурсов относятся политический, военный, спортивный, религиозный, юридический, педагогический, медицинский, научный и другие типы институциональных дискурсов, имеющих ключевой концепт для соответствующего института, как, например, *власть* для политического дискурса [6]. Прагмалингвистика, или лингвистическая прагматика, изучает отношение между лингвистическим знаком и тем, кто его использует [10]. Группа прагмалингвистических дискурсов (игровой, магический, юмористический и подобные дискурсы) представляет модели и стратегии интерактивно-когнитивного поведения, так как они направлены на освещение признаков способа и канала общения. Дискурсы подобного типа определяются воздействующими задачами адресата [6]. Это дискурсы синхронного типа (по классификации Ф. С. Бацевича). Следовательно, языковые символы являются основными средствами выражения прагматических намерений участников коммуникации.

Конвенциональная природа современного информационного пространства требует новых способов взаимопонимания и контакта. Миф с соответствующими формами вербального представления, с одной стороны, обладает максимальной способностью к интерпретации, с другой стороны, ориентирован на архетипы, в основе которых трансцендентные понятия *радость, счастье, страх* и т. д., в-третьих, представляет эгоцентрические интересы субъекта коммуникативного действия (близкое/далекое, свое/чужое, надежное/опасное и под.). Миф соответствует ожиданиям и одновременно формирует их. Р. Барт, Ж. Бодрийяр, М. Кастельс, К. Леви-Стросс и др. отмечают распространение мифологических моделей как архаического типа, созданных профанным мировосприятием, так и идеологизированных, искусственных, сконструированных в соответствии с политическими целями отдельных интеллектуальных или властных структур. Общим для всех видов мифологизированного сознания является вербальная репрезентация мифознака и несоответствие действительности, фантомность денотата. Анализ понятийного корпуса репрезентации мифа в языке и в других областях гуманитарного знания показал релевантность термина мифемы в качестве языковой единицы мифа [2]. Другим термином – мифологема – будем называть смысловое ядро, содержательный образ мифа. Признак несоответствия действительности рассматриваем с позиции реалистически аксиоматического сознания. Миф всегда востребован дискурсом, так как строится на стратегии направленной интерпретации мифа как реальности, скрывающейся за «внешней» реальностью.

Магический дискурс, как прагмалингвистический тип дискурсивного пространства, строится на своеобразии признаков способа и канала общения. Важнейшими элементами дискурса этого типа являются участники общения (маг и клиент) и знаки (вербальные и невербальные), демонстрирующие ценность сверхъестественного как силы. Магический дискурс формируется посредством

первичных чувственно-рациональных и иррациональных знаков. К таким формам относятся мифемы, связанные с перцептивным и интуитивным познанием мира и тиражирующие древнейшие общечеловеческие и национальные мифологические представления и образы. Мифемы архаического (культурного) мифа представлены именами вымышленных объектов любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках (мифонимами), собственными именами божеств любого пантеона (теонимами) [11]. Напр., мифонимы: *Замкну за тридевять замков, выну из тридевять замков тридевять ключей, кину те ключи в чистое* ***море-океан****, и выйдет из того моря* ***щука златоперая****, чешуя медная, и проглотит тридевять моих ключей и сойдет в глубину морскую. И никому той щуки не поймать, и тридевять ключей не сыскать, и замков не отпирать, и меня не испортить* [12, с. 153]. В магическом дискурсе в жанрах предсказаний, гороскопов, гаданий и т. п. (жанровая система магического дискурса дается по работам Е. Н. Бабаевой, Н. Б. Мечковской) используются мифемы – слова-обереги, утверждающие положительные ценности, моделирующие позитивные оценки и настроения, программирующие здоровье и успех: *удача, счастье, мечта, интуиция, цель, желание* и под., или мифемы, называющие природные силы и явления: *звезды, небо, утро* и т. п. Напр.: ***Счастье*** *не за горами, нужно просто в него поверить* (Семейный лекарь, 2008); *Будьте бдительны и осторожны в обещаниях:* ***звезды*** *предупреждают о вероятной агрессии* (Товарищ Крым, 2008).

Магический дискурс оперирует языковыми знаками, прошедшими испытание временем и вошедшими в культурную память человечества или отдельной нации. Таким образом, двойственная природа мифа в магическом дискурсе не осложняет коммуникативный процесс, а воспроизводит имеющийся опыт (личный и социумный) и позволяет преобразовать надличностное в индивидуальное.

Политический дискурс традиционно относится к социолингвистическому типу. Однако способы и средства организации дискурса свидетельствуют о подчинении символов, атрибутов и институтов политической власти стратегиям коммуникации. Одним из признаков редукции дискурса является активное мифотворчество и, соответственно, диктатура мифем. В. З. Демьянков, М. Р. Желтухина, В. Г. Ибрагимов, М. Кастельс, Е. И. Шейгал, Н. И. Шестов, В. Е. Чернявская и мн. др. указывают на существование матрицы конструирования мифологического сознания. Особенность мифологического кодирования в политическом дискурсе, по мнению И. А. Мальковской, в сужении до «конкретной данности», когда дискурс, «хотя и способен в своих целях опираться на хранимое подсознанием сакральное, в практическом плане использует “текущий момент”» [9, с. 106]. В дискурсивной практике борьбы за власть исчезают культурно значимые, ценностно ориентированные мифемы космологического и исторического ряда. Коммуникативные события превращаются в мозаичные сообщения манипулятивного типа, постулирующие идеологемы массовой культуры и властной «вертикали». Исследователи приемов манипуляции сознанием характеризуют политический дискурс по способу и каналам сообщения. Е. И. Шейгал описывает референт мифологемы, который можно отнести к каналу сообщения, – субъект дискурса, носитель мифа (Кто знает? Кто верит? Кто рассказывает?); и субъект собственно мифа (о ком миф?), который можно считать способом сообщения. Исследователь относит к мифемам (по нашей терминологии) аффективы, среди которых различает политический термин и аксиологически обобщенное прецедентное имя, и фидеистические знаки, представляющие веру и противоположный полюс – неверие [13]. С. Г. Кара-Мурза признаками способа сообщения считает десакрализацию языка («превращение ценности в товар» [5, с. 81]); уклонение от контакта с историче-

ским временем; неустанное повторение одних и тех же утверждений, приводящее к привыканию, чтобы «стали принимать не разумом, а на веру» [5, с. 56], и т. д.

Назойливая мифологизация в соответствии с интересами «стремящихся во власть», навязывание корпоративных интересов осуществляется в пространстве масс-медийной коммуникации. Напр.: *Поддержание страха – главное средство* ***власти****, и чем дальше в лес, тем больше подозрительности и карательных отрядов, тем меньше усилий сохранить лицо и не выдать собственный страх, а оттого – карикатурнее имитация* ***демократии*** (ЗН, № 40, 2010); *К сожалению,* ***демократия (права и свободы)*** *такая хрупкая вещь… Это можно представить как некую физическую модель. Есть такое понятие в физике – потенциальная яма, когда объект по своим энергетическим характеристикам находится на дне потенциальной ямы, и потенциала его не хватает, чтобы вырваться оттуда. И только с помощью сторонних сил у него это получится.* ***Демократия*** *– то же самое. Наш физический объект балансирует на краю этой ямы. Как только он туда сваливается, как только население лишается прав, растет всесилие спецслужб, осведомительская сеть, подавление любых проявлений свободомыслия… Самостоятельно общество вырваться из этой ямы уже не может* (ЗН, № 37, 2010) – политический термин *демократия* утратил связь с исходным значением «правление народа, воля народа, все для народа» и превратился в амбивалентное, не скоординированное с реальностью понятие; языковая единица представляет вторичную семиотическую номинацию, интерпретация которой соответствует мифологизированному «моменту истины». Таким образом, как и в магическом дискурсе, в политическом актуализированы мифемы-носители трансформированного в фантом денотата, что свидетельствует о перерождении политического дискурса из социолингвистического в прагмалингвистический при наличии специальных государственных институтов.

Особый интерес представляет масс-медиадискурс, в котором вся знаковая система языка непрерывно настраивается и перестраивается в зависимости от задач и условий коммуникативного действия. Фасетность инфосферы объясняет включенность всевозможных синтагматических и парадигматических вариантов мифемы в масс-медийные тексты. Мифема является вероятностным и активным атрибутом когнитивно прагматической структуры масс-медиадискурса, что требует дальнейшего исследования.

Вывод. Активность мифемы является свидетельством прагмалингвистической ориентации дискурса. Характеристика мифемы позволяет определить стратегии развития дискурса: трансформация (расширение, наложение) традиционно обозначенных мифологических представлений свидетельствует о культурных конвенциях в рамках мультикультуры и о социокультурной направленности процессов мифологизации; соответствие аксиологической маркированности мифемы не общечеловеческим понятиям, а интенции и пресуппозиции говорящего (автора) свидетельствует о процессах деформации (смещения) и о зависимости мифемы от политической (идеологической) конъюнктуры.

Библиографические ссылки

1. **Бацевич Ф. С.** Нариси з комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – Львів : Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. – 281 с.
2. **Валеева Л. В.** Семиотическая модель мифа в языке / Л. В. Валеева // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – Том 24 (63). – № 1. Часть 1. – Симферополь, 2011. – С. 220–224. – Серия «Филология. Социальные коммуникации».

3. **Дейк ван Т. А.** Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 153–211.
4. **Демьянков В. З.** Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой : [Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В. Н. Топоров]. – М. : Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.
5. **Кара-Мурза С. Г.** Власть манипуляции / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Академический проект, 2007. – 384 с. – (Социально-политические технологии).
6. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
7. **Кубрякова Е. С.** Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
8. **Макаров М. Л.** Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
9. **Мальковская И. А.** Знаки коммуникации. Дискурсивные матрицы / И. А. Мальковская. – М. : КомКнига, 2005. – 240 с.
10. **Матвеева Г. Г.** Функциональная и скрытая прагмалингвистика / Г. Г. Матвеева. – Режим доступа : http://rspu.edu.ru/pageloader.php?pagename=science/scientific_ directions/ pragmalinguistic_school/publications/matveeva_9
11. **Подольская Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
12. **Словарь славянской мифологии** / [сост. Н. П. Рябошлык]. – М. : Центрполиграф, 2009. – 238 с.
13. **Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса : дис. … д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 430 с.

Надійшла до редколегії 01.06.11

УДК 811.161.1'37

А. В. Галаева

Херсонский государственный университет

СТРУКТУРНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Розглянуто основні методи аналізу лексичних інновацій з позицій семасіології і ономасіології. Наведено приклади аналізу лексичного значення слова як двостороннього явища – з'єднання структури і абстрактної ідеї. Такий двосторонній підхід допомагає більш повно розкрити значення слів, показати семантичну деривацію в динаміці, дати повніший і чіткіший набір характеристик фрейма.

Ключові слова: структурна лінгвістика, когнітивна лінгвістика, семантична деривація, компонентний аналіз, фреймовий аналіз.

Рассмотрены основные методы анализа лексических инноваций с позиций семасиологии и ономасиологии. Приведены примеры анализа лексического значения слова как двустороннего явления – соединения структуры и отвлеченной идеи. Такой двусторонний подход помогает более полно раскрыть значения слов, показать семантическую деривацию в динамике, дать более полный и четкий набор характеристик фрейма.

Ключевые слова: структурная лингвистика, когнитивная лингвистика, семантическая деривация, компонентный анализ, фреймовый анализ.

© Галаева А. В., 2011

In the article the basic methods of analysis of lexical innovations are presented from positions of semasiology and onomasiology. Examples of analysis of lexical meaning of word are made as the bilateral phenomenon are connections of structure and abstract idea. Such bilateral approach helps more fully to expose the meaning of words, to show semantic derivation in dynamics, to give more complete and clear set of descriptions of frame.

Keywords: structural linguistics, cognitive linguistics, semantic derivation, component analysis, frame analysis.

Лексические инновации одновременно являются объектом внимания семасиологии и ономасиологии. Попытку рассмотреть лексические единицы с обеих позиций предпринимали многие исследователи, в частности В. Н. Телия, Е. С. Кубрякова, Н. Ф. Алефиренко, А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев и др. Появление у слова нового значения с позиции семасиологии воспринимается как процесс семантической деривации, основанный на структурных связях языка. С другой точки зрения – ономасиологической – новое значение слова является результатом когнитивной мыслительной деятельности номинатора, который, опираясь на собственные познания об окружающей действительности и чувственный опыт, совершает вторичную номинацию, связывая новое понятие с языковой картиной мира на основе метафорического или метонимического переноса. Объединение двух подходов позволяет более полно и широко исследовать лексические инновации [12, с. 20–23]. Данные точки зрения представлены в структурной и когнитивной лингвистике соответственно.

Основатель московской школы структурной лингвистики Ю. Д. Апресян полагает, что описать структуру языка возможно посредством определения его элементарных единиц на всех уровнях анализа, классы данных элементарных единиц, а также законы сочетания элементов различных классов [2, с. 50]. Решить названные задачи на лексическом уровне лингвисту позволяют нижеизложенные структурные методы. Так, представители структурной лингвистики языковые единицы рассматривают на синхроническом уровне на основе связей и отношений между ними, а лексическое значение слова представляют как некую иерархическую многокомпонентную структуру. На основе синтагматических связей в структурной лингвистике используются такие методики, как дистрибутивный анализ, валентностный анализ, контекстологический анализ. Опишем каждую методику в нескольких словах применительно к лексическому уровню языка.

Начало **дистрибутивному анализу** положил американский лингвист З. Харрис в работе «Методы структурной лингвистики». Под дистрибуцией языкового знака Ю. Д. Апресян понимает сумму всех окружений, в которых знак встречается, т. е. сумму различных позиций элемента относительно других элементов языковой системы [2, с. 48–49]. Под дистрибутивным анализом лексической единицы понимают исследование лексемы на основе суммы окружений (дистрибуций), в которых она встречается относительно других слов, т. е. ее сочетаемость с другими лексическими единицами.

В лингвистику термин *валентность* был введен в 1948 году С. Д. Кацнельсоном, который понимал валентность как свойство слов присоединять к себе другие слова. При **валентностном анализе** исследуется комбинаторная способность слов вступать в логические связи с другими лексическими единицами, причем важным является изучение имплицитно выраженных и содержащихся в самом слове указаний на необходимость употребления его в речи с другими словами, связанными с ним определенными связями.

Теорию и методику контекстологического анализа развивала Н. Н. Амосова. В ходе **контекстологического анализа** изучается контекст, в котором встречается слово, и то, как он влияет на данное слово. Подробнее эта методика описана И. В. Арнольд [1].

Одним из самых востребованных методов изучения семантики лексических единиц в структурной лингвистике признают **компонентный (семный) анализ**, который опирается на парадигматические связи в структуре языка. Как известно, впервые метод компонентного анализа предложили и разработали американские антропологи У. Лаунсбери и Ф. Гудинаф при изучении языков американских индейцев. Изначально методика компонентного анализа представляла собой сравнение слов по парам, сопоставление их по неким признакам. Показательным для такого понимания является тезис У. Эко: «Структурная семантика, разрабатывая понятие семы, стремится выделить единицы значения, организуя их в систему оппозиций, которая и стала бы их основанием» [14, с. 403]. Однако поскольку строго упорядоченных систем в лексике мало, была найдена более универсальная методика компонентного анализа – анализ с опорой на словарные дефиниции.

Необходимо отметить, что единого подхода к методике проведения анализа, принципов выделения компонентов содержания значения лексических единиц нет. Если для исследователя важна лексическая сочетаемость слова, способы группировки сем, место каждой семы в структуре значения, векторные отношения между семами, то для объяснения структурной организации сем в компонентной структуре значения слова исследуются синтаксические свойства слов, их сочетаемость, синтагматика. Если же проводить компонентный анализ с эмпирической точки зрения на основе предметно-логических связей, то на первый план выступает уровень понятий, т. е. умение лингвиста описать объективную действительность терминами компонентного анализа. Такой подход часто критикуется по причине необъективности языковеда. Универсальным способом компонентного анализа признается анализ с опорой на словарные дефиниции. Так, И. В. Арнольд сводит компонентный анализ с опорой на словарные дефиниции к передаче значения одного слова с помощью других, причем определяющее имеет больше элементов, чем определяемое, и всегда классифицирует, позволяя выделить иерархию сем в составе значения, образуя иерархически построенное единство. Методика проведения компонентного анализа сводится лингвистом к указанию ближайшего рода или класса, к которому относится предмет, и указанию видовых отличий, признаков, отличающих предмет от других предметов того же класса [3, с. 52–53]. К. В. Землякова утверждает, что «компонентный анализ значений есть анализ иерархически упорядоченной структуры значения» [4, с. 86]. М. П. Кочерган под компонентным анализом понимает «систему приемов лингвистического изучения значений слов, суть которой состоит в расщеплении значения слова на составляющие компоненты, которые называют семами, семантическими множителями (Ю. Н. Караулов) и редко маркерами» [6, с. 385], фигурами содержания (Л. Ельмслев), семантическими компонентами (У. Вейнрих), базовыми реляционными понятиями (Э. Сепир), дифференциальными признаками, ноэмами, элементарными смыслами (Ю. Д. Апресян), семемами, семантическими параметрами, т. е. «минимальными составными частями информации, которую несет единица языка» [4, с. 87]. Так, Ю. Н. Караулов предлагает определение семантического множителя – элементарные единицы содержательного плана, которые, соединяясь друг с другом в различных комбинациях и числе, задают значение любого слова в языке [5, с. 6]. Все же большинство лингвистов употребляет термин «сема». Н. Ф. Алефиренко под семой понимает «репрезентированные в языковой семантике признаки наименованного предмета (явления, ситуации)» [1, с. 134], мельчайший смысловой элемент языкового значения.

В методике компонентного анализа выделяют разное количество сем, дискуссионными остаются вопросы о функциях и свойствах сем. Д. Н. Шмелев выделяет 3 вида сем: интегральные семы (архисемы), дифференциальные семы и по-

тенциальные семы [13]. М. П. Кочерган описывает 6 видов сем: классему (категориальную сему), архисему, дифференциальную сему, интегральную сему, потенциальную сему и градуальную сему [6, с. 387–388]. Определяя основные функции сем, Н. Ф. Алефиренко предлагает более подробную их классификацию. С точки зрения иерархической зависимости выделяются *архисема* (общая для некой группы слов сема родового общения), *дифференциальная сема* (дифференцирующая смысловые признаки), составляющие интенсионал, или ядро значения, *потенциальные* (околоядерная зона значения) и *скрытые* (периферийная зона значения) семы – импликационал. С позиции соотнесенности / несоотнесенности с элементами плана выражения разграничивают *эксплицитные* и *имплицитные* семы. Еще выделяют *релевантные* (основные, обязательные) и *нерелевантные* (неосновные) семы. На основе парадигматических и синтагматических свойств различают семы *описательные*, отражающие собственные свойства реалий (размеры, устройства, форму, внешний вид и т. п.), и *относительные*, выражающие различные отношения, реляции (пространственные, временные, функциональные и др.). По характеру передаваемой информации и прагматическому статусу различают семы, относящиеся к *денотативному*, т. е. предметно-логическому, значению слова, и *коннотативные*, отражающие прагматику акта коммуникации, связанные с оценкой, которую говорящий дает предмету речи, с его эмоциональным состоянием, желанием воздействовать на собеседника, с обстановкой акта общения, определяющей его функционально-стилистическую окраску. И, наконец, коннотативные семы бывают *оценочными; эмотивными* (выражают восхищение, симпатию, презрение)*; стилистическими* [1, с. 53, с. 200–202]. Кроме того, О. Н. Селиверстова, И. А. Стернин, Р. С. Гинзбург предлагают более сложные классификации семной структуры лексического значения слова, которые не рассматриваются нами в связи с ограничениями, налагаемыми рамками статьи.

Отметим, что метод компонентного анализа представляется интересным сторонникам коммуникативной и когнитивной лингвистики. Например, М. В. Пименова отмечает, что двуплановость истолкования термина **концептуальный анализ** позволяет ряду исследователей говорить о концептуальном анализе при исследовании ключевых слов культуры даже в тех случаях, когда их описание производится с использованием методов компонентного анализа, метода лексико-семантического поля или ассоциативного эксперимента [9, с. 62].

Так, А. П. Бабушкин, понимая концепт как «дискретную единицу коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [7, с. 53], предлагает методику обнаружения концептов, строящуюся на лингвистическом подходе к их описанию. Лингвист рассматривает семантическую структуру слова в виде двух планов образования: материального (лексемы) и идеального (семемы). Доступ к сфере идеального в языке и выявление концептов происходит посредством анализа семем. Автор предлагает определять тип концепта на основе анализа словарной дефиниции лексемы, а затем по характеру сем, эксплицируемых в словарном определении, делать выводы о различиях в концептах, стоящих за конкретными языковыми единицами [7, с. 52–57].

Нам представляется, что концептуальный анализ – особый метод исследования языковых единиц когнитивной лингвистикой, который имеет собственную методику проведения. Например, М. В. Пименова понимает концептуальный анализ как «один из распространенных способов реконструкции языковой картины мира, представляющий собой анализ метафорической сочетаемости слов абстрактной семантики, выявляющей «чувственно воспринимаемый», «конкретный» образ, соответствующий в наивной картине мира данному абстрактному понятию

и обеспечивающий наличие в языке определенного класса словосочетаний (будем условно называть их метафорическими) [9, с. 64].

И. А. Стернин, сделав оговорку, что концепт представляет собой структуру, включающую ядро и интерпретационное поле, предлагает следующие шаги концептуального анализа. Необходимо определить интересующий концепт, выделить ключевые слова-репрезентанты данного концепта, детально проанализировать семантику и сочетаемость лексем этих единиц. Выявленные семы отождествляются с концептуальными признаками, семемы – с контекстуальными слоями, способы категоризации (когнитивные метафоры) интерпретируются как когнитивные признаки. Затем выстраивается структура концепта [7, с. 58–65].

М. В. Пименова предлагает исследовать концепт в несколько этапов. Первый этап – анализ внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Второй этап – анализ лексического значения. Третий этап – выявление синонимического ряда лексемы – репрезентанта концепта. Четвертый этап – описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Обычно выделяется два способа категоризации концептов – через онтологические и гносеологические категории. Пятый этап – анализ функциональных признаков. Шестой этап – определение образных способов концептуализации как вторичного переосмысления лексемы (сочетаний лексем, их дериватов) – репрезентанта концепта, исследование концептуальных метафор. Седьмой этап исследования заключается в выявлении категориальных признаков пространства и времени в структуре изучаемого концепта. Восьмой этап – выявление ценностных признаков концепта. Девятый этап – исследуются сценарии, событие, разворачивающееся во времени и/ или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия [9, с. 74–75].

Таким образом, наглядно видно, что единого подхода к проведению методики концептуального анализа нет. Однако мы хотим подробнее остановиться на **фреймовом анализе** семантики лексических инноваций, т. к., имея междисциплинарный характер, данный вид анализа дает возможность объяснить языковые явления с точки зрения когнитивной лингвистики. Фреймовая семантика выделяется как многоуровневая теория значения, которая использует пропозициональные модели структурирования знаний. Когнитивные структуры типа фреймов впервые разработал М. Минский, а к нуждам лингвистики понятие фрейма адаптировал Ч. Филлмор в середине 70-х годов. Так, Н. Н. Болдырев полагает, что фреймовый анализ – это метод исследования взаимодействия семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, мыслительного пространства. Данная методика позволяет моделировать принципы структурирования и отражения части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации [7, с. 30–35]. Несколько другое понимание предложено Ж. В. Никоновой, которая считает фрейм универсальной категорией, содержащей знания и опыт человека о мире и характеризующейся формальностью и энциклопедичностью. Фреймы содержат четко структурированные основные и потенциальные сведения человека о реальности. Фреймовый анализ способствует раскрытию механизмов «концептуализации вербализованных понятий и явлений окружающей действительности» [8, с. 224]. Фрейм отличается от понятий и образов тем, что выступает в качестве смысловой схемы будущего высказывания. Фрейм является результатом когнитивной деятельности человеческого сознания. Ж. В. Никонова рассматривает фрейм как уникальную структуру репрезентации опытного когнитивного знания человека, соединяющую область когнитивного и языкового в процессе речевой деятельности [8, с. 225].

В ходе работы мы проанализировали технократическую лексику на основе полученных результатов исследования методов структурной и когнитивной лингвистики. Новые значения технических слов с позиций структурализма изучались как посредством компонентного анализа на основе дефиниций толковых словарей, так и путем контекстуальных употреблений слов в речи и публицистических, научных и художественных текстах.

Отметим, что ряд новых значений собранного нами иллюстративного материала кодифицирован толковыми и неологичными словарями. Так, например, лексема *машина* имеет в толковых словарях значение не только механизма или совокупности механизмов, но и значение организации, ведомства (*государственная, военная машина*), а также значение человека, лишенного каких-либо эмоций, действующего машинально, автоматически (*не человек, а машина*). В данном примере в основе семантической деривации лежит дифференциальная сема. Отождествляя организацию и механизм, носитель языка подразумевает свойство механизмов выполнять полезную работу бесперебойно и точно. Свойство механизмов выполнять действия расчетливо и беспрекословно без намека на какие-либо чувства легло в основу метафорического переноса качеств механизма на человека. Заметим, что интегральная сема варьируется. В первом случае, как уже указывалось выше, речь идет о механизме, во втором случае – о группе людей, представляющих некую организацию, в третьем – о человеке.

Однако обратим внимание на тот факт, что употребление большинства значений исследуемых нами технократических лексических единиц носит окказиональный характер. Так, в примере «*караван медленно плыл по пустыне. О, эти корабли пустыни»* носитель языка указывает на верблюда. В данном случае разветвление значения опять опирается на дифференциальную сему: большое увесистое, надежное (в отличии от лодки/осла) средство передвижения человека. Подчеркнем, что интегральная сема не совпадает: в основном значении это судно, в производном – животное. Также отличается среда, в которой используются данные средства передвижения: в первом значении подразумевается водное и воздушное пространство, во втором – земное, а точнее, пески пустынь. В другом примере *«и она подключила всю артиллерию улыбок»* употребление лексемы «артиллерия» является уместным и органичным для говорящего и слушающего, т. к. носители языка сопоставляют использование во время военных действий с целью поражения противника огнестрельных орудий (пушек, гаубиц и т. п.) и применение в ходе дискуссии улыбки наряду с авторитетными аргументами и неоспоримыми доводами с целью «поражения» оппонента. Вероятно, здесь уместно говорить о сближении потенциальных сем значений лексемы *артиллерия*. Кроме того, можно найти общность и дифференциальных сем данной лексемы: и узуальное, и окказиональное употребление данного слова основывается на свойствах силы, непрерывности потока действия. Еще общей дифференциальной семой вышеупомянутых значений слова *артиллерия* можно назвать наличие орудий / улыбок разного калибра / интенсивности.

Лексические инновации с позиций когнитивистики мы проанализировали с помощью фреймового анализа. Определив сферы-доноры и сферы-реципиенты, мы смогли представить результаты процесса вторичной номинации в табл. 1 (см. след. стр.)

Для начала процесса вторичной номинации, под которой обычно понимают использование уже имеющихся в языке средств в новой для них функции наречения [11, с. 85], необходимо, чтобы в сознании номинатора нашлись точки соприкосновения (узлы) в структуре фреймов мотивирующего и мотивированного слов. Как правило, основными способами, содействующими данному процессу, явля-

ются функциональный перенос, при номинации метафорического типа, и перенос по внешним/внутренним признакам, при номинации метонимического типа.

Таблица 1

Сфера-донор	Сфера-реципиент	Пример
техносфера: механизм	антропосфера: человек	*машина*
техносфера: аппарат	антропосфера: человек	*передатчик*
техносфера: огнестрельные орудия	антропосфера: человек	*артиллерия*
техносфера: разрывной снаряд	культурный артефакт: художественное произведение	*бомба*
техносфера: артиллерийское орудие	техносфера: орудие	*пушка*
техносфера: прибор	биосфера: растение	*кондиционер*
техносфера: судно	зоосфера: животное	*корабль*

В таблице наглядно показаны лексические инновации на основе функционального переноса. Так, в примере «*передатчик*» функция технического устройства передавать сигналы и сообщения разного характера проявляется также при передаче минералов и витаминов человеку. В другом примере свойство *«бомбы»*, взрывного устройства, оставлять после себя громкий шум и неизгладимый след проявляется и во фрейме «роман», литературное произведение, о котором говорили современники и которое вошло в сокровищницу мировой литературы. Одной из составляющих фрейма *«пушка»* является ее предназначение для стрельбы мощными снарядами на дальние расстояния. Это свойство послужило основой для номинации нового технического устройства, предназначенного для увеличения количества снега на горнолыжных дорожках. Здесь нужно сделать оговорку и указать на перенос значения по внешнему сходству, т. е. номинацию метонимического типа, т. к. пушка – это длинноствольное орудие с прицельным устройством, которое, очевидно, имеется и у снегонабивного аппарата. Еще один пример, свойство *кондиционера* очищать, освежать и охлаждать воздух легло в основу нового изобретения биологов – стены-оранжереи, состоящей из специально подобранных тропических растений, обладающих похожими признаками.

В конце еще раз подчеркнем, что лексическая единица представляет собой двустороннее явление, неразрывное соединение структуры и отвлеченной идеи, что предполагает двуаспектность методов анализа семантики в целом. Такой двусторонний подход помогает более полно раскрыть значения слов и указать механизмы, модели появления полисемии. Так, когнитивистика помогает показать семантическую деривацию в динамике, а структурализм помогает дать более полный и четкий набор характеристик фрейма. Еще отметим, что структурная и когнитивная лингвистика как бы накладываются одна на другую, то контрастируя и игнорируя друг друга, то сближаясь и дополняя друг друга.

Библиографические ссылки

1. **Алефиренко Н. Ф.** Спорные проблемы семантики : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
2. **Апресян Ю. Д.** Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 322 с.
3. **Арнольд И. В.** Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1991. – 140 с.
4. **Землякова К. В.** Метод компонентного анализа при изучении валентностных возможностей квалитативных фразеологических единиц в русском и английском языках /

К. В. Землякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 1 (3). – С. 86–88.
5. **Караулов Ю. Н.** Частотный словарь семантических множителей русского языка / Ю. Н. Караулов. – М., 1980. – С. 6
6. **Кочерган М. П.** Загальне мовознавство : підручник. – 3-е вид. / М. П. Кочерган. – К. : ВЦ «Академия», 2008. – 464 с.
7. **Методические проблемы когнитивной лингвистики** / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – 182 с.
8. **Никонова Ж. В.** Основные этапы фреймового анализа речевых актов (на материале современного немецкого языка) / Ж. В. Никонова // Филология. Искуствоведение. Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 6. – С. 224–228.
9. **Пименова М. В.** Введение в концептуальные исследования : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. – 156 с.
10. **Рахилина Е. В.** Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2008. – 416 с.
11. **Тропина Н. П.** Мультипарадигмальный подход к исследованию семантических процессов в лексике / Н. П. Тропина // Науковий вісник Херсон. держ. ун-ту. Серія «Лінгвістика» : зб. наук. праць. – Вип. Х. – 2009. – С. 84–89.
12. **Тропина Н. П.** Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование : монография / Н. П. Тропина. – Херсон : Изд.-во ХГУ, 2003. – 332 с.
13. **Шмелев Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
14. **Эко У.** Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – М. : ТОО ТК : Петрополис, 1998. – 432 с.

Надійшла до редколегії 01.06.11

УДК 811.161.2

М. М. Гаража

Полтавський національний університет імені В. Г. Короленка

СВІТСЬКИЙ ДИСКУРС ЯК ЛІНГВІСТИЧНИЙ ФЕНОМЕН: СУТЬ, СПЕЦИФІКА, ПЕРСПЕКТИВИ ДОСЛІДЖЕННЯ

Описано місце світського дискурсу серед інших різновидів, зокрема фатичного; проаналізовано основні принципи класифікації дискурсів й увиразнено комунікативні та лінгвопрагматичні характеристики світського дискурсу.

Ключові слова: дискурс, світський дискурс, фатичний дискурс, інформативний дискурс, мовний жанр, світська бесіда.

Описано положение светского дискурса среди других, в том числе фатического; проанализированы основные принципы классификации, выделены коммуникативные и лингвопрагматические особенности светского дискурса.

Ключевые слова: дискурс, светский дискурс, фатический дискурс, информативный дискурс, речевой жанр, светская беседа.

The research is aimed at description of the position of society discourse in its general classification, especially phatic. The author shows basic principles of classification, describes communicative and linguopragmatic *features of* society discourse.

Keywords: discourse, society discourse, phatic discourse, make-known discourse, speech genre, society conversation.

Метою статті є аналіз основних підходів до проблеми класифікації дискурсів, виокремлення світського дискурсу як базової універсальної категорії, обґрун-

© Гаража М. М., 2011

тування доцільності вживання термінолексеми «світський дискурс» та з'ясування його специфічних ознак. Актуальність питання зумовлена відсутністю наукового обґрунтування окресленої проблеми в україністиці. Дана картина представлена на тлі стрімкого зростанням ролі комунікації у ситуаціях, що прямо чи опосередковано стосуються світських взаємин.

Матеріал нашого дослідження дає змогу висунути гіпотезу щодо доцільності виокремлення світського дискурсу і передбачає вирішення таких завдань:

– з'ясування суті понять «світськість» та «світський дискурс» (далі – СД) у руслі дискурсивної теорії;

– окреслення місця СД у загальній типології дискурсу;

– виокремлення СД у дихотомії *інформативний – фатичний* дискурси;

– визначення суті та основних характеристик СД як лінгвістичного феномена.

Поняття *дискурсу* і *дискурсивного аналізу* – одне із центральних у сучасній прагмалінгвістиці та лінгвістиці тексту. У межах лінгвістичної парадигми останніх років увага зосереджена на теоретичних і прикладних проблемах дискурсу, починаючи від полеміки про визначення дискурсу та його компонентів, проблеми співвідношення вербального та позалінгвального в дискурсі, проблеми впливу дискурсу на свідомість, закінчуючи аналізом окремих його різновидів.

Результатом детальної та систематичної розробки дискурсивної теорії від Е. Бенвеніста, З. Харріса та М. Фуко до наукових розвідок сучасних вітчизняних та зарубіжних лінгвістів (див. праці Н. Д. Арутюнової, З. Я. Тураєвої, О. Г. Ревзиної, Ю. С. Степанова, О. А. Селиванової, В. З. Дем'янкова, Л. Й. Бессонової, В. І. Карасика, Ф. С. Бацевича, К. С. Серажим) стало окреслення кількох напрямків щодо потрактування даної номінації. Так, в окремих наукових дослідженнях дискурс постає «продуктом мовленнєвої діяльності, реалізованим у вербальній чи невербальній формі» [13, с. 118], «висловлюванням, що зумовлює наявність комунікантів: адресата, адресанта, а також наміри адресанта певним чином впливати на свого співрозмовника» [7, с. 276], «комплексною комунікативною дією» [34, с. 69], «соціолінгвістичною структурою, яка твориться адресатом у конкретних комунікативних, соціальних та прагматичних ситуаціях» [2, с. 136], «вербальним продуктом комунікативної діяльності» [42, с. 59], «комунікативним текстом, що складається з комунікативних одиниць мови» [10, с. 34], «послідовністю взаємозв'язаних висловлювань, об'єднаних спільністю цільового завдання» [26, с. 5], «когнітивним процесом, пов'язаним із творенням мовленнєвої поведінки» [24, с. 197], тощо.

На наш погляд, має рацію дослідник Т. ван Дейк, котрий пропонує уживати номінацію «дискурс» широко (як комплексну комунікативну дію), ототожнювати дане поняття з текстом, конкретним мовленнєвим актом, типом мовлення або його жанром, а також інтерпретувати як соціальну формацію [13, с. 118]. Вибір одного із варіантів зумовлює специфіку дослідження дискурсу та його аналіз.

У нашій роботі ми схильні інтерпретувати дискурс як «комунікативну подію між мовцем та реципієнтом (слухачем, спостерігачем) у процесі комунікативної діяльності у конкретному часовому та просторовому контексті» [Там само].

Визначення світського дискурсу передбачає розгляд поняття *світськості.* Однією із специфічних рис історії і розвитку суспільства є унормоване та систематизоване функціонування різного роду інститутів, у тому числі й інституту світськості. Останній характеризується канонізованим набором світських манер, поштивістю, репрезентованих у гіперболізованій формі. Можна припустити, що феномен світськості акумулює у собі різні аспекти суспільного життя та дискурси – гру, політику, естетику, мораль тощо, і є сукупним поняттям.

Семантичне наповнення лексеми *світськість* передбачає як зовнішній, морально-поведінковий компонент (ввічливість, доброзичливість, повага до оточу-

ючих), так і внутрішній, власне естетичний (вишуканість манер, благородність, специфіку мовлення).

В україністиці номінація *світськість* уживається досить рідко, так окрему заувагу щодо семантичного наповнення лексеми *світськість* маємо в академічному словнику за редакцією І. К. Білодіда: «Світськість – властивість за значенням світський» [5, с. 87] та у Великому тлумачному словнику сучасної української мови за редакцією В. Т. Бусел: «Світськість – це властивість за значенням світський» [6, с. 567]. Паралельно активно побутують лексеми *світ* та *світський* у значенні «Обмеженого кола людей, що складає вищий прошарок привілейованих класів буржуазно-дворянського суспільства» [14, с. 87], «Обмеженого кола людей, що складає вищий прошарок привілейованих класів», «того, що відповідає вимогам світу» [3, с. 567], «Чогось нецерковного, недуховного» [17, с. 494] відповідно. Лексема «світський» закономірно уживається на позначення того, що безпосередньо стосується світської частини суспільства, а також у значенні суспільного, нецерковного. У словнику В. Даля читаємо: «Світський – це той, що певною мірою перетинається із земним, метушливим, громадським, суспільним тощо» [14, с. 378]. В іншому ключі подається термін у словнику С. І. Ожегова: «Світський – такий, що відповідає поняттям і вимогам світського товариства, або той, що належить до нього (у значенні привілейованого класу людей)» [9, с. 469]. Схоже розуміння номінації маємо і у ряді інших видань: «Світський – відкритий до спілкування, налаштований на встановлення контактів, призвичаєний до правил поведінки у світському середовищі» [26, с. 370], «Світський – такий, що відповідає вимогам світського товариства» [41, с. 785]. При цьому номінація «світське товариство» уживається на позначення «обмеженого кола людей, що складає вищий його прошарок, привілейований пласт» [Там само]. Дослідник І. І. Кондрашин ототожнює світськість зі свободою совісті, моралі, рівністю прав щодо релігійних переконань [23, с. 47]. Дотичними поняттями вважає «світські манери», «виховання світськості», «світську свідомість», «світську поведінку» тощо. Зауважені номінації можна інтерпретувати складовими компонентами феномена «світськість» як сукупного явища. Таке припущення дає право на їх спів-ставлення як часткового та загального, а також змогу узагальнити вищенаведені аспекти у такому визначенні: світськість – це комплексне поняття, що включає набір узвичаєних у певному, обмеженому кількісно світському середовищі норм та правил поведінки.

Світський дискурс закономірно постає цілеспрямованою комунікативною дією, зумовленою специфікою вербальної взаємодії комунікантів, детермінується ситуацією спілкування, ілокутивною інтенцією підтримання психологічного комфорту учасників інтеракції, що супроводжується дотриманням ряду комунікативних стратегій і тактик.

Дискурс багатоаспектний та варіативний не лише через значеннєве розмаїття, але й різноманітність поділу. «Розмаїття комунікативних ситуацій, в яких відбувається дискурсивна діяльність, породжує, відповідно, і видове розмаїття дискурсів. Нині існує багато неоднорідних класифікацій дискурсів, що були запропоновані свого часу вченими – представниками різних галузей гуманітарних знань [35, с. 52]. Проблему окреслення різних типів дискурсу відображено у наукових доробках як російських лінгвістів (І. П. Сусова, М. М. Полюжина, Ю. М. Караулова, П. В. Зернецького, Т. В. Анісімової, В. І. Карасика), так і україністів (А. П. Загнітко, К. С. Серажим, Ф. С. Бацевича тощо). Їх спроби класифікувати дискурс диференціюються відповідно до критеріїв, покладених в основу тої чи тої класифікації. Так, дослідник І. П. Сусов за основу типології дискурсу пропонує когнітивно-інтерпретуючий рівень [39, с. 8], Ю. М. Караулов – тезаурусний [21,

с. 175]. У роботах П. В. Зернецького виокремлення різновидів дискурсу детермінується об'ємом інформації, «знання», а також ступенем складності мовнодіяльного простору [18, с. 34]. На думку В. І. Карасика, типологію варто вибудовувати, ураховуючи передовсім компоненти комунікації: фрейми, сценарії спілкування, соціальні ролі комунікантів, види і сфери комунікації, характер стосунків між учасниками інтеракції [21, с. 76].

Як наслідок маємо типологічне розмаїття дискурсів за відсутності єдиної системи. Своєрідну спробу часткової систематизації варіацій наявних класифікацій запропонувала дослідниця Т. В. Анісімова. Вона вбачає за необхідне створити єдину модель дискурсу, яка «буде містити стільки ознак, скільки потрібно для всебічної його характеристики». Дані ознаки бажано об'єднати у три рівні: системний, стратегічний і тактичний [1, с. 46]. На системному рівні окреслюються загальні, спільні для усіх типів дискурсу даної групи ознаки. Паралельно аналізується зв'язок дискурсів та їх можливі перетини. Стратегічний рівень передбачає деталізацію: встановлюється специфіка дискурсу, створюється його модель, окреслюються специфічні ознаки. При цьому можливе виділення та подальше дослідження дискурсу на структурному рівні. Тактичний рівень передбачає аналіз композиції, втілення на мовному, стилістичному рівнях тощо.

Відсутність чіткої класифікації є своєрідною лакуною, що потребує заповнення. Окреслення місця СД у загальній типології дискурсу потребує системного підходу. Часткова асистемність зумовлена складністю та багатоаспектністю досліджуваного питання. Оперування номінаціями *політичний дискурс, рекламний, педагогічний, автобіографічний, мемуарний, літературний* тощо – найкраще тому підтвердження. Послуговуючись моделлю дискурсу, запропонованою Т. В. Анісімовою, а також накладаючи на неї типології, в основі яких – інтенціональний критерій, ми спробували представити місце СД у загальній парадигмі дискурсів. Результати представлено у таблиці.

Рівень характеристики	Типи комунікації	Типи дискурсу	Мовні жанри
Системний	Інформативна (евристична, пізнавальна)	Науковий, педагогічний, телевізійний, дискурс засобів масової інформації, освітній, ритуально-публічний бізнес-дискурс тощо.	Телевізійне інтерв'ю, наукова доповідь, звіт, об'ява, переговори, автобіографія, інформаційне повідомлення тощо.
	Регулятивна	Рекламний, політичний, дидактичний, дискурс влади, теологічний, бізнес-дискурс, адміністративний тощо.	Реклама, проповідь, молитва, прохання, погроза, заохочення, проект закону, заява, постанова, інвектива тощо.
	Експресивна	Драматичний, музичний, кіно-дискурс, архітектурний.	Художній твір, кінофільм тощо.
	Фатична	Світський, етикетний тощо.	Салонний діалог, small-talk, світська бесіда, емоційний діалог, вільне спілкування, вітання, комплімент тощо.

СД постає невід'ємним складником дискурсивної парадигми й актуалізується в таких жанрах, як салонний діалог, small-talk, світська бесіда тощо.

Серед наявних критеріїв, обраних для типології дискурсу, передовсім виділяємо той, в основі якого лежить дихотомія фатика – інформатика, що дає можливість дослідження фатичного та інформативного дискурсів. Опозиція побудована на їх інтенціональному наповненні. Вихідним є поняття «фатика». Під останньою Р. Якобсон розуміє «повідомлення, призначене для встановлення, продовження або припинення спілкування, тобто для перевірки каналу зв'язку, а також для того, щоб привернути увагу співбесідника та утримати її у випадку необхідності» [45, с. 355]. Схожі, часом дещо модифіковані тлумачення фатики представлені у наукових розвідках Г. Г. Почепцова [32, с. 181], В. І. Карасика [21, с. 67], К. Ф. Сєдова [34, с. 131], В. Дементьєва [15, с. 114], Т. Г. Винокур [11, с. 83] та ін.

Повсякчасні зміщення у руслі сучасних лінгвістичних досліджень супроводжуються розширенням розуміння фатичної установки (від запропонованої Б. Малиновським, котрий послуговувався лексемою *фатика* на позначення різновиду мови, що відбиває закладене в самій природі людини прагнення до створення «ліній спільності» між людьми й часто виглядає як простий обмін словами [46, с. 134]) до представлення фатичної комунікації як частково- або малоінформативної. Уже не на кореляції, а на зіставленні базується класифікація Н. Д. Арутюнової: make-know discourse (інформативний) функціонує паралельно з phatic discourse (фатичним). Останній включає етикетні МЖ (емоційний, артистичний діалог, а також такий, що передбачає вільне спілкування та обмін думками) [2, с. 67]. Фатичний дискурс (phatic discourse), за припущенням Н. Д. Арутюнової, входить до типології жанрів спілкування як сукупність «дозвільно-пустих» жанрів, націлених на встановлення чи регулювання міжособистісних відносин (interpersonal relations discourse) [Там само]. Ми схильні заперечувати побутування думки, що цінність дискурсу детермінується «рівнем інформаційної насиченості представлених у ньому повідомлень» [11, с. 78]. Будь-який інформативний дискурс містить у своєму складі фатичні компоненти, оскільки його інтенція не зводиться до передачі інформації. Натомість кожне висловлювання – інформативне. Фатичним чи інформативним є не окремі одиниці комунікації, а загальний характер дискурсу. Має місце своєрідна модифікація структурних компонентів інформаційного дискурсу: їх ілокутивна мета заміщується загальною інтенцією фатики – встановлення та підтримання контакту.

На наш погляд, МЖ доцільно інтерпретувати як центральні дискурсивні категорії, що виступають способом реалізації дискурсу. Для виокремлення фатичних мовних жанрів (далі – ФМЖ), що складуть основу СД, скористаємося критеріями В. В. Дементьєва: погіршення / покращення / збереження міжособистісних відносин, а також ступінь відносності комунікативних засобів [15, с. 41]. Перший параметр типології – зміна/збереження міжособистісних стосунків учасників інтеракції графічно представлений у вигляді горизонтальної шкали А. Р. Балаяна (від унісону до дисонансу). Другий – вертикальної. Усі відомі нам ФМЖ розташовуються на графіку у вигляді двох прямих перетинних ліній (див. рис. на с. 35).

Відповідно до запропонованої моделі типологізації фатики виділяють п'ять основних чітко протиставлених типів ФМЖ:

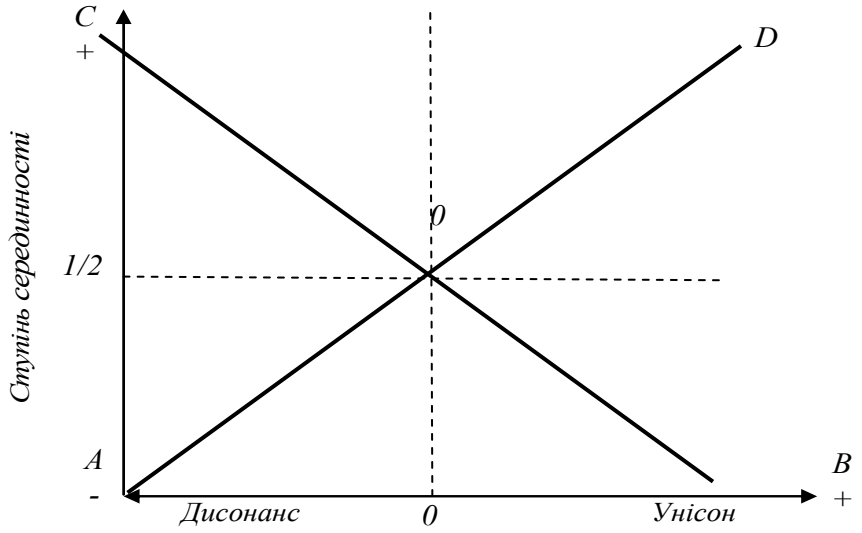
1) жанри, що «не мають безпосередньої мети», або small-talk: міжособистісні стосунки не поліпшуються і не погіршуються, а зберігаються, ступінь серединності – приблизно 1/2 (точка О);

2) ФМЖ, що погіршують міжособистісні стосунки у прямій формі: прямі *обвинувачення, образи, з'ясування стосунків, сварки* (відрізок ОА);

3) ФМЖ, що поліпшують міжособистісні відносини у прямій формі: доброзичливі *розмови, визнання, компліменти, сповіді / проповіді* тощо (відрізок ОВ);

4) ФМЖ, що погіршують стосунки у непрямій формі (*іронія, глузування, розіграш*, *шпилька);*

5) ФМЖ, що поліпшують стосунки у непрямій формі: *жарт, флірт* (відрізок OD).



Дотично до нашого дослідження дана класифікація потребує уточнення та доопрацювання. Так, ядро поля фатики знаходиться у точці О. «Жанри точки О» (бесіда, світська бесіда, small-talk, емоційний, аристократичний діалог, розмова) стали предметом наукових розвідок Н. Д. Арутюнової, І. Б. Левонтіної, С. Н. Плотнікової, В. В. Дементьєва, І. А. Стерніна, Т. А. Мильохіної тощо. На наш погляд, ФМЖ світського дискурсу локалізуються не лише у точці О, а й виходять за її межі, оскільки можуть частково погіршувати або покращувати міжособистісні стосунки тільки у непрямій формі. Як наслідок маємо зміщення просторової локалізації від точки до їх множини.

При спробі теоретичного осмислення феномена СД, окреслення його місця у загальній типології дискурсу не можна оминути характерні риси, властиві заявленому типові дискурсу. Ураховуючи те, що під СД розуміємо комунікативну подію у сукупності з прагматичними, соціологічними, психологічними та іншими факторами, характер СД детермінується чітко виокремленими контекстуальними параметрами, а саме: прагматичною метою, учасниками інтеракції, повідомленням, каналом комунікації, умовами актуалізації інформації тощо.

Аналіз фактичного матеріалу дає можливість стверджувати, що основна мета СД полягає, передовсім, у встановленні та підтриманні комунікативного контакту. Мета СД акумулює кілька складників (малоінформативний обмін думками, спільне проведення часу тощо), фатичний характер яких є визначальним.

Комунікативний контакт має місце «тут і зараз»: автор висловлювання безпосередньо апелює до конкретного адресата (реальної особистості) чи аудиторії як множини учасників комунікації, наперед розраховуючи на зворотний зв’язок. Повідомлення передається через акустичний канал і розраховане на аудіювання – одночасне слухання та розуміння інформації з подальшою її інтерпретацією. Безпосередній вербальний контакт унеможливлює наявність псевдоадресата.

Комунікативний смисл (код) СД, на наш погляд, може набувати такого вигляду: *Я хочу / прагну / змушений підтримувати розмову через обмін малоінформативними репліками; я хочу / прагну / змушений дотримуватися норм етикету; я хочу / прагну отримати задоволення від комунікації.* СД – полікодовий, оскільки процес кодування інформації відбувається не лише вербальними, а й невербальними (музика, шумові ефекти), а також паравербальними засобами.

Аналіз світського спілкування крізь призму поняття «дискурс» дає змогу виявити його смислові пласти та характерні риси, дослідити їх у динаміці: світська комунікація постає складним комунікативним явищем, процесом мовленнєвої діяльності, що детермінується конкретною світською традицією та реалізується у всій багатоманітності когнітивно-комунікативних функцій, з явним домінуванням фатичної.

Результатом виконаного дослідження є обґрунтування доцільності оперування термінолексемою «світський дискурс» на позначення одного із різновидів комунікативного дискурсу. Запропоноване дослідження є першою спробою виокремити в системі комунікативних дискурсів СД, частково дослідити його специфіку та характерні ознаки. Багатий фактичний матеріал дає змогу скеровувати подальші наукові пошуки на дослідження окреслених нами конкретних лінгвальних та екстралінгвальних складових СД: соціального (статус та рольові установки учасників інтеракції), культурного (етнічно-культурна приналежність комунікантів), психологічного (психологічні риси та прийоми комунікантів), прагматичного (комунікативна ситуація, комунікативна стратегія, тактика, ілокутивна мета) тощо.

Бібліографічні посилання

1. **Анисимова Т. В.** Типология жанров деловой речи (риторический аспект) : автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т. В. Анисимова. – Краснодар, 2000. – 46 с.
2. **Арутюнова Н. Д.** Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998. – С. 136–137.
3. **Бацевич Ф. С.** Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи / Ф. С. Бацевич. – К. : Паїс, 2005. – 262 с.
4. **Бахтин М. М.** Проблемы речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста / М. М. Бахтин // Собр. соч. в 5 т. – Том 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М., 1996. – 261 с.
5. **Білодід І. К.** Словник української мови: в 11-ти т. / І. К. Білодід. – К. : Наук. думка, 1970–1980. – 850 с.
6. **Бусел В. Т.** Великий тлумачний словник сучасної української мови / В. Т. Бусел. – К. : Перун, 2007. – 1736 с.
7. **Бенвенист Э**. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
8. **Бессонова Л. Е.** Коммуникативные аспекты политического дискурса / Л. Е. Бессонова // Уч. зап. ТНУ им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004.– С. 22–27.
9. **Бєссонова О. Л.** Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивний і гендерний аспекти : дис. … д-ра філол. наук: 10.02.04 / О. Л. Бєссонова. – Донецьк, 2003. – 463 с.
10. **Борботько В. Г.** Элементы теории дискурса : учеб. пособие / В. Г. Борботько. – Грозный : Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 113 с.
11. **Винокур Т. Г.** Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Т. Г. Винокур, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова. – М. : Наука, 1993.
12. **Горіна Ж.** Перспективи вивчення дискурсології у вищій школі / Ж. Горіна // Вісник Львів. ун-ту. – 2004. – Вип. 34. – С. 455–460.
13. **Дейк Т. А.** Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
14. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М. : Цитадель, 1998. – 956 с.
15. **Дементьев В. В.** Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 37–45.

16. **Демьянков В. З.** Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В. З. Демьянков // Методы анализа текста : тетради новых терминов, 39. – М. : ВЦП, 1982. – Вып. 2. – 90 с.
17. **Загнітко А. П.** Лінгвістика тексту : Теорія і практикум : навч.-метод. посібник / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – 289 с.
18. **Зернецкий П. В.** Четырехмерное пространство речевой деятельности / П. В. Зернецкий // Язык, дискурс, личность : сб. науч. ст. – Тверь, 1990. – С. 60–68.
19. **Карасик В. И.** О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
20. **Карасик В. И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
21. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
22. **Колісниченко Т. В.** Дискурс реклами / Т. В. Колісниченко // Ex professo. – Дн. : Арт-Прес, 1999. – С. 213.
23. **Кондрашин И. И.** О взаимосвязи развитости сознания человека с его социальной ответственностью и культурой поведения / И. И. Кондрашин. – М. : МЗ Пресс, 2001. – 528 с.
24. **Кубрякова Е. С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: (Опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : РАН, 1995. – С. 144–238.
25. **Кубрякова Е. С.** О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова. – Режим доступа : http://www.portalus.ru/modules/linguistics/print.php?subaction=showfull&id=1106122739&archive=&start_from=&ucat=1&.
26. **Лопатин В. В.** Толковый словарь современного русского языка / В. В. Лопатин, Л. Лопатина. – М. : Эксмо. – 2008. – 928 с.
27. **Миронова Н. Н.** Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. – М. : Тезаурус, 1997. – 158 с.
28. **Мороховский А. И.** К проблеме текста и его категорий / А. И. Мороховский // Текст и его категориальные признаки : сб. науч. трудов КГПИИЯ. – К., 1989. – С. 3–8.
29. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Сов. энцикл., 1964. – 900 с.
30. **Полюжин М.** Когнітивний підхід до вивчення дискурсу / М. Полюжин // Іноземна філологія : зб. наук. праць. – Ужгород, 2008. – С. 90–98.
31. **Попова Е. С.** Рекламный текст и проблемы манипуляции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. С. Попова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 27 с.
32. **Почепцов Г. Г.** Теорія комунікації / Г. Г. Почепцов. – 2-ге вид., доп. – К. : Видавничий центр «Київський університет», 1999. – 308 с.
33. **Рузавин Г. И.** Методологические проблемы аргументации / Г. И. Рузавин. – М. : Изд-во ин-та философии РАН, 1997. – 202 с.
34. **Седов К. Ф.** О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Седов // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во Гос. учебно-научного центра «Колледж», 1999. – С. 67–71.
35. **Серажим К. С.** Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність / К. С. Серажим. – К. : Нац. ун-т ім. Т. Шевченка, 2002. – 392 с.
36. **Серажим К. С.** Еволюція поглядів на дискурс / К. С. Серажим // Актуальні проблеми журналістики : зб. наук. праць. – Ужгород, 2001. – С. 56–64.
37. **Станкевич О.** Про поняття «дискурс», «класифікація дискурсу», «структура дискурсу». Новинний дискурс / О. Станкевич // Вісник Дніпропетров. нац. ун-ту. Серія «Мовознавство». – 2003. – Вип. 8. – С. 139–144.
38. **Степанов Ю. С.** Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. ст. – М., 1995. – С. 33–73.
39. **Сусов И. П.** Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов // Языковое общение: Процессы и единицы : межвуз. сб. науч. трудов. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1988. – С. 7–13.
40. **Тураева З. Я.** Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.

41. **Ушаков Д. Н.** Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 2000. – 760 с.
42. **Формановская Н. И.** Размышления о единицах общения / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 2000. – № 1. – С. 56–63.
43. **Фуко М.** Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности / пер. с фр. – М. : Касталь, 1996.
44. **Чернейко Л. О.** Термин «дискурс»: поиски означаемого / Л. Чернейко // Вестник Моск. ун-та. – 2006. – № 2. – С. 34–41.
45. **Якобсон Р.** Лингвистика и поэтика : пер. с англ. / Р. Якобсон // Структурализм: за и против. – М. : Прогресс. – 1975. – С. 193–231.
46. **Яковлєва А. М.** Сучасний тлумачний словник української мови / А. М. Яковлєва, Т. М. Афонська. – Харків : Торсінг плюс, 2006. – 672 с.
47. **Malinowski B.** Phatic communication // Communication in face-to-face interaction. – Harmondsworth, 1972.
48. **Harris Z.** Discourse Analysis // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 1–30.

Надійшла до редколегії 30.05.11

УДК 811.111'01'373

И. Д. Гречухина

Академия таможенной службы Украины (г. Днепропетровск)

УСИЛИТЕЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Проаналізовано підсилювально-експресивні поетизми в складі давньоанглійської поетичної лексики. Розглянуто лексику 56 давньоанглійських поем загальним обсягом понад 20.000 рядків (всього збереглося 30.000). Виділено основні групи підсилювально-експресивної лексики та показано її особливості.

Ключові слова: давньоанглійська поетична лексика, експресивна лексика, підсилювально-експресивні слова.

Проанализированы усилительно-экспрессивные поэтизмы в составе древнеанглийской поэтической лексики. Анализу подвергнута лексика 56 древнеанглийских поэм общим объёмом свыше 20.000 строк из сохранившихся 30.000. Выделены основные группы усилительно-экспрессивной лексики и показаны их особенности.

Ключевые слова: древнеанглийская поэтическая лексика, экспрессивная лексика, усилительно-экспрессивные слова.

The article studies expressive-intensive poetisms within Old English poetic diction. The vocabulary of 56 poems with the total length of 20, 000 lines out of the survived 30,000 undergoes analysis. The main groups of expressive-intensive words are marked and their peculiarities are shown.

Keywords: Old English poetic diction, expressive vocabulary, expressive-intensive words.

Проблемы поэтического языка неизменно привлекают внимание исследователей. Изучаются лингвистические особенности отдельных произведений, жанров, школ, направлений, стилей поэзии разных эпох, характерные черты языка отдельных поэтов. Одной из активно разрабатываемых областей исследования является лингвистически ориентированная поэтика древних германских языков, в том числе древнеанглийского. Общепризнанно, что наиболее яркой и выразительной чертой языка древнеанглийской (англосаксонской) поэзии была лексика, в которой выделялся отдельный многочисленный класс слов, не употреблявшихся за её

© Гречухина И. Д., 2011

пределами, − так называемых поэтизмов, или поэтической лексики. Поэтическая лексика встречается в поэзии разных эпох. При этом в поэтизмах, употреблявшихся в поэзии нового времени, обычно совмещаются их принадлежность к поэтическому языку (функционально-стилистический аспект) и возвышенность, экспрессивность, эмоциональность (экспрессивно-стилистический аспект), т. е. слова, сфера употребления которых ограничена поэзией, являются экспрессивными, стилистически значимыми. Что касается древнеанглийской поэзии, делать такое заключение, не опираясь на данные анализа, было бы опрометчиво. Можно лишь априорно предположить, что среди функционально-стилистического разряда древнеанглийских поэтизмов были различные по стилистической значимости лексические единицы.

Попытки охарактеризовать древнеанглийские поэтизмы с точки зрения их экспрессивно-стилистических особенностей делались неоднократно. Особое внимание уделялось метафорическим сложным словам, кеннингам (J. R. Rankin, H. Marquardt, Th. J. Gardner), сложным словам с усилительным первым компонентом (E. A. Kock, J. R. Hulbert, М. И. Стеблин-Каменский). Некоторые виды субстантивных поэтизмов с переносной образностью анализировал A. Brodeur. Стилистическую значимость существительных, обозначающих ключевые понятия древнеанглийской поэзии, на основании их употребляемости в аллитерационной и неаллитерационной позиции в стихотворной строке подробно изучила О. А. Смирницкая. Все эти исследования представляют несомненный интерес и проливают свет на многие особенности древнеанглийской поэтической лексики с точки зрения её экспрессивно-стилистических характеристик, однако они не являются исчерпывающими. За пределами анализа остаются несубстантивная лексика в целом, а также некоторые разряды экспрессивных слов, относящихся к различным частям речи (развернуто-описательные поэтизмы, поэтизмы со звуковой образностью, слова с имплицитной оценкой и др.).

Целью данной статьи является описание усилительно-экспрессивных слов в составе древнеанглийской поэтической лексики.

Материалом исследования служат древнеанглийские поэтизмы, отобранные путём сплошной выборки из англосаксонского словаря Дж. Кларка Холла [8] (4433 слова). Частотность и распределение этих слов в поэзии устанавливается с помощью словаря Х. Грайна [9].

Методами исследования служат метод анализа словарных дефиниций, метод лингвистического описания, словообразовательный анализ, количественные методы. Учитываются данные, полученные отечественными и зарубежными исследователями.

Под усилительно-экспрессивными словами в настоящей статье понимаются слова, семантическая структура которых содержит семы «очень», «в высшей степени», причём эта сема становится ведущей в их семантической организации. Для обозначения слов такого рода исследователями введены термины «интенсив» (А. М. Семейко) и «усилительный экспрессив» (Н. К. Романова).

Необходимо подчеркнуть, что анализ экспрессивно-стилистических особенностей лексики древнего языка сталкивается с большими трудностями, поскольку между современным исследователем и древними текстами лежит стилистико-временной барьер. Выводы следует делать весьма осторожно, основываясь на наиболее очевидных случаях. Отметим, что мы не ставим перед собой цель определить экспрессивно-стилистические особенности каждого поэтизма и дать количественные данные по усилительно-экспрессивным словам в составе древнеанглийской поэтической лексики. Наша задача − охарактеризовать основные типы (разряды) англосаксонских усилительно-экспрессивных поэтизмов.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько групп усилительно-экспрессивной лексики в древнеанглийской поэзии:

1) усилительные наречия: *ðryðum* «очень сильно», *ungescēad* «очень» Dan_{243};

2) слова с усилительным префиксом: *for-: forheard* «очень твёрдый» By_{156}, *forstrang* «очень сильный» Rd_{51}[4], *forswīð* «очень большой, великий» Sch_{26};

fore-: foresnoter «очень мудрый» B_{3163},

forð-: forðsnoter «очень мудрый» E1 3x, *forðmære* «очень славный» Sch_{69},

in-: infrōd «очень старый, опытный» B 2x,

ofer-: oferceald «очень холодный» Run_{11}, *oferhēah* «очень высокий» Run_{26}, *oferlēof* «очень дорогой» Run_{23}, *ofermāðum* «большое богатство» B_{2993}, *ofermæcga* «очень выдающийся, прославленный человек» Gu_{664}, *ofersælð* «исключительное удовольствие» Met_5[27];

3) сложные слова с усилительным 1-м компонентом, являющимся прилагательным или наречием (это основное значение данного прилагательного или наречия):

eal-, el- : ealfela «очень много» B, Cri, An, *ealgearo* «полностью готовый» B 3x, Rd, *eallbeorht* «всесветлый» Az, Cri, Dan, Met, Sat, *eallcræftig* «всемогущий» Met $_{20}$[38], *eallmægen* «предельное усилие» Met 2x, *eallwealda* «всемогущий» 9[20], *ælceald* «очень холодный» Met $_{24}$[19], *ealltela* «вполне хорошо» Gen_{1905} и др.;

sin-: synbyrnende «вечно горящий» Met_8[52], *sinceald* «вечно холодный» Ph_{17}, *sinfrēa* «сверхповелитель, муж» B_{2193}, *sindrēam* «вечная радость» E1, Gu 2x, Ph, *singrim* «очень яростный» Jul_{230}, *sinhere* «огромное войско» B_{2936}, *sinsorg* «вечная печаль» Kl_{45};

fela-: felameahtig «многомогущественный» Az, Gn Ex, *felafrecne* «очень яростный», «смелый» Run_2, *felageonge* «много странствовавший» Sch_3, *felasynnig* «очень виновный» B_{1379}, *felawlonc* «очень величественный» Rd $_{13}$[7];

swīð-: swīðmeahtig «очень могущественный» PPs_{85}[13], *swīðsnel* «очень быстрый, проворный» $Cræ_{82}$. Интересно, что в самостоятельном употреблении в качестве усилительного наречия *swīðe* доминировало в прозе, а синонимичное ему *full* − в поэзии [5, с. 4], в композитах же *swīð* чаще, чем *full* используется в поэзии;

full-: fullricene «очень быстро, немедленно» PPs_{140}[2];

ungemet-: ungemetfæst «очень крепкий» Met_7[33];

mā-: mācræftig «могучий, могущественный» An 2x;

4) слова с усилительным 1-м компонентом, который явился результатом его десемантизации:

hēah-: hēahgestrēon «большое сокровище» Cri 2x, *hēahsæl* «большое счастье» PPs 2x, *hēahlufe* «большая любовь» B_{1954}, *hēahðearf* «большая нужда» PPs $_{117}$, *hēahðrēa* «большое несчастье» Gen $_{2545}$ и др.;

gryre-: gryrefæst «ужасно прочный, твёрдый» $E1_{76}$;

regn-: regnheard «очень твёрдый» B_{326}, *regnðēof* «сверхвор»; Ч. Карр пишет, что *regin* означало силу, власть, в древних германских языках корень использовался при обозначении богов [6, p. 348];

mægen-: mægenfolc «могущественная группа людей» Cri_{877}, *mægenfultum* «большая помощь» B_{1455}, *mægenwundor* «великое чудо» Cri_{927}, *mægenheard* «очень сильный» Run_5;

nearu-: nearufāh «очень враждебный» B_{2317}, *nearoðearf* Cri_{64} и *nearonēd* An_{102} «крайняя нужда» и др.;

fær- : færbryne «жестокая жара» Ex_{72}, færcyle «большой холод» Gen_{43}, *færgryre* «страшный ужас» B, Dan;

lēod-: lēodgryre «общий ужас, большой ужас» Sal_{278}, *lēodhwæt* «очень доблестный» $E1_{11}$ и др. ;

folc-: folcbealu «большое горе» Men_{125}, *folcegsa* «всеобщий ужас» PPs_{88}[33] и др.;

ðēod- : ðēodegsa «всеобщий ужас» Cri_{834}, *ðēodwiga* «великий воин» Pa_{38}, *ðēodwundor* «большое чудо» Cri_{1155}, *ðēodgestrēon* «большое сокровище» $B_{44,1218}$ и др.;

brego- : bregorōf «могущественный» B_{1925};

cyning- : cyninggenīðla «большая вражда» $E1_{610}$;

dryhten- : dryhtenbealu «большое несчастье» Gu, Wy ;

frēa- : frēaglēaw «очень мудрый» Dan_{88}, *frēawrāsn* «великолепная цепь» B_{1451};

cyne- : cynegōd «отличный, знаменитый» Dan, Gen, Wid, *cynerōf* «знаменитый» An, Jud.

Усилительные значения развивались, в основном, у слов, обозначающих зло, ужас, опасность, трудность (*gryre* «ужас, страх», *fær* «внезапная опасность», *nearu* «трудность, горе»), мощь, силу (*mægen, regn*), вождя, короля (*frēa, brego, cyning*, *dryhten*), народ (*ðēod, lēod, folc*). Возможность возникновения усилительных значений у этих слов можно рассмотреть на примере слова *ðēod* «племя, народ, люди». Значение слова *ðēod* в качестве 1-го компонента композита трактуется по-разному. Т. А. Аксенова приводит мнения различных учёных по этому вопросу. Так, Дж. Босворт, Т. Толлер и Дж. Эрл считают, что *ðēod* привносит в сложное слово значение всеобщего или великого. По мнению У. Ф. Брайена, *ðēod* передает идею мощи, силы. М. И. Стеблин-Каменский полагает, что *ðēod* обозначает качества, считавшиеся положительными [1, с. 11]. Т. А. Аксенова приходит к заключению, что *ðēod* означает комплекс качеств. В подтверждение своей точки зрения она приводит данные этнической психологии, согласно которым оценка этносом самого себя содержала выраженную положительную окраску − подразумевалось, что народ (племя) − самый лучший, могучий, главный. Таким образом, *ðēod* включало в себя представление о силе, власти, главенствующей роли;

5) композиты, состоящие из двух синонимичных или близких по значению компонентов. Такие слова называют тавтологическими композитами, синонимическими сближениями, тавтологами, скрещенными словами, парными словами, формулами-синонимами и т. д. К. Н. Вальдман считает, что эти слова относятся к раннему слою древнеанглийской лексики; роль тавтологии заключалась в усилительной нагрузке и увеличении выразительности слова [2, с. 90]. Интенсификация качественной характеристики предмета или выражение высокой интенсивности действия признаётся функцией парных слов и исследователями других языков [4, с. 98]. Такие слова являются характерной особенностью фольклора [4, с. 3]. Точки зрения на состав тавтологических композитов несколько различны. Так, Э. Кеппел считает тавтологическими сложными словами сочетание полностью синонимичных слов [7, p. 201]. Ч. Карр более осторожен, отмечая, что современный исследователь не знает всей полноты значений слов в древних языках, поэтому сложное слово считается тавтологическим, если каждый его компонент может использоваться в качестве синонима другого компонента, хотя при этом их первичные, главные значения могут различаться [6, p. 330–331]. По данным Ч. Карра, большинство тавтологических композитов в древних германских языках сосредоточено в древнеанглийской поэзии, что, по его мнению, объясняется требованиями аллитерации [6, p. 331]. Нам же представляется, что хотя аллитерация и могла сыграть определённую роль в образовании такого рода слов, главная причина их возникновения лежала в повышении экспрессивности повествования. Это подтверждается наличием аналогичных образований в устной неаллитерационной поэзии других народов, где возникновение таких слов нельзя объяснить требованиями аллитерации; экспрессивность же языка − это свойство различных видов поэзии, как аллитерационной, так и рифмованной. Э. Кеппел называет всего

6 древнеанглийских тавтологических сложных слов, из них 4 поэтических (*mægencræft, mægenstrengðu, holtwudu, wordcwide*) [7, p. 202]. Список же Ч. Карра насчитывает свыше 60 сложных слов-тавтологов. Среди них *æhtgesteald* и *æhtgestrēon* «владение», *æledfyr* «огонь», *bealuinwit* «обман, предательство», *beornwiga* «воин, герой», *cearsorg* «беспокойство», *dēaðcwealm* «смерть», *ēastrēam* «река», *fēondsceaða* «враг, вор», *gryrebroga* «страх, ужас», *healreced* «зал, здание», *inwitnīð* «вражда», *lēodwerod* «люди», *mægencræft* «сила», *mæðelcwide* «речь», *mānbealu* «преступление», *sæholm* «море» и др. [6, p. 334–336]. В список Ч. Карра не вошли некоторые синонимические сближения из состава поэтической речи, причём не только существительные (*beddrest* «постель», *ēadwela* «богатство, процветание», *fyrdgetrum* «войско, дружина», *bēaghord* «богатство», *bregoweard* «вождь», *ēðelland* «страна, родина», *folcgetrum* «войско», *gumrinc* «человек, воин», *līgbryne* «пламя, огонь», *magoðegn* «вассал, слуга», «воин, человек», *māðmæht* «богатство», *sārbenn* «рана», *sigespēd* «успех», *swēghlēoðor* «звук, мелодия», *tēonhete* «злобная ненависть», *ðrēanīed* «бедствие», *ādfyr* «погребальный костёр», *ādlēg* «пламя погребального костра», *burgfæsten* «укреплённое место, крепость» и ряд других), но и прилагательные (*hēahstēap* «очень высокий», *hrēowcearig* «печальный, озабоченный», *slīðheard* «жестокий, суровый», *stēaphēah* «очень высокий»).

Удвоению в древнеанглийской поэтической лексике чаще всего подвергаются слова, обозначающие богатство; народ, войско; вождя; печаль; огонь; звук, пение, речь; смерть; преступление, зло, грех; успех, победу;

6) сложения, образованные компонентами, принадлежащими одному ономасиологическому разряду, но разными по частеречной принадлежности: *sorgcearig* «печальный» B, Deor, Jul (*sorg* «печаль», *cearig* «печальный»), *mægenēacen* «могущественный, сильный» (*mægen* «сила, мощь», *ēacen* «огромный, мощный»), *mægenrōf* «могущественный» Ex, Rd (*mægen* «сила, мощь», *rōf* «храбрый, сильный»), *mægenstrang* «сильный, мужественный» Hy, Rd (*mægen* «сила», *strang* «сильный»), *searocræftig* «умелый, хитрый» (*searo* «искусная работа, хитрость», *cræftig* «умелый, искусный, хитрый»), *æhtwelig* «богатый» Jul_{18} (*æht* «богатство», *welig* «богатый»), *dolhwund* «раненный» Jud_{107} (*dolh* «рана», *wund* «раненый»), *firensynnig* «грешный» Cri_{1379} (*firen* «зло, грех», *synnig* «грешный»), *wamceyldig* «грешный» Gen_{949} (*wam* «пятно, грех», *scyldig* «грешный»), *gnorncearig* «печальный, обеспокоенный» Jul_{529} (*gnorn* «печаль», *cearig* «печальный») и др.;

7) сложения с избыточным первым компонентом, т. е. таким 1-м компонентом, который не привносит в семантику композита ничего нового (тó, что иногда называют украшающим эпитетом); первые компоненты этих сложений усиливают значение второго компонента, подчеркивая, акцентируя существенный признак: *heaðurinc* «воин» (*heaðu* «война», *rinc* «воин»), *beadumēce* B_{1454} «меч» (*beadu* «битва», *mēce* «меч»), *gūðbeorn* «герой, воин» B_{314} (*gūð* «война», *beorn* «воин, герой»), *wīgbill* «меч» B_{1607} (*wīg* «война», *bill* «меч») и др.

Исследование свидетельствует, что усилительно-экспрессивные слова образовывали довольно многочисленный разряд древнеанглийской поэтической лексики. Это вполне объяснимо, поскольку древнеанглийская поэзия − это поэзия контрастного изображения, где герои, наделённые эпическими добродетелями, контрастно противопоставлены ужасным врагам, жестоким и коварным. События в поэзии часто происходят при экстремальных обстоятельствах, высоком накале страстей и при их изображении используется значительное количество усилительно-экспрессивной лексики. Слова данного типа относились к разным частям речи, они довольно разнообразны по семантике, образованы по разным моделям, различны по степени распространенности в поэзии, но их объединяет то, что усилительно-экспрессивное значение доминирует в их семантической организации.

Перспективным представляется сравнение описанного слоя экспрессивной лексики с данными по поэзии других народов, прежде всего германских, что дало бы возможность углубить наши представления о поэтической лексике, выявить её типологические черты.

Список условных обозначений

An − «Андрей»
Az − «Азарий»
B − «Беовульф»
By − «Битва при Мэлдоне»
Cræ − «О дарованиях человеческих»
Cri − «Христос»
Dan − «Даниил»
Deor − «Деор»
El − «Елена»
Ex − «Исход»
Gen − «Книга бытия»
Gn Ex − «Эксетерские гномы»
Gu − «Гудлак»
Hy − «Гимны»
Jud − «Юдифь»
Jul − «Юлиана»
Kl − «Плач жены»
Met − «Метры Боэция»
Pa − «Пантера»
Ph − «Феникс»
PPs − «Парижская псалтырь»
Rd − «Загадки»
Run − «Руническая поэма»
Sal − «Соломон и Сатурн»
Sat − «Христос и Сатана»
Sch − «Чудо творения»
Wid − «Видсид»
Wy − «О судьбах человеческих»

x − количество раз (2-x − 2 раза и т. д.)
14^{39}– употребляемые без названия памятника, эти числа обозначают: нижнее − количество памятников, в которых встречается слово, верхнее − количество словоупотреблений;
Gu_{37} – употребляемые после названия памятника числа обозначают строку;
Hy_{7}^{32}– употребляемые после названия памятника, эти числа обозначают: нижнее − номер гимна (псалма, загадки), верхнее − строку.

Библиографические ссылки

1. **Аксенова Т. А.** Лексико-семантическая группа существительных со значением «народ» в древнеанглийском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т. А. Аксенова. – Л., 1984. – 15 с.
2. **Вальдман К. Н.** Опрощение древнеанглийских существительных / К. Н. Вальдман // Вестник Ленинград. ун-та. История. Язык. Литература. – 1979. – Вып. 3. – № 14. – С. 89–95.
3. **Давыдова О. А.** Формулы-синонимы как изобразительно-выразительное средство русских народных волшебных сказок / О. А. Давыдова // Язык и стиль произведений фольклора и литературы : межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж, 1986. – С. 9–18.
4. **Лебедева Е. П.** Редуплицированные и парные слова в маньчжурском языке / Е. П. Лебедева // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 96–102.
5. **Лях Ю. Ф.** К истории развития усилительных наречий в английском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Ю. Ф. Лях. – К., 1966. – 18 с.
6. **Carr Ch. T.** Nominal Compounds in Germanic / Ch. T. Carr. – L. : Oxford University Press, 1939. – XXXVI, 497 p.
7. **Koeppel E.** Tautological Compounds of the Old English Language / E. Koeppel // An English Miscellany: presented to Dr. Furnivall in honour of his 75th birthday. – N.Y.–L., 1969. – P. 201–204.
8. **Clark Hall J. R.** A Concise Anglo-Saxon Dictionary / J. R. Clark Hall. – Cambridge : the University Press, 1931. – 437 p.
9. Sprachschatz der angelsächsischen Dihter von C. W. M. Grein / Grein C. W. M. – Heidelberg : Winter, 1912. – VI, 897 S.

Надійшла до редколегії 30.05.11

УДК 811.111'34

А. И. Демчук

Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского (г. Одесса)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СИТУАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕЧЕВОГО ГОЛОСА

Розглянуто засоби вербалізації просодичних характеристик емоційного мовленнєвого голосу в англійському художньому мовленні, проаналізовано наявність / відсутність зв'язку між певними емоціями і засобами їх мовленнєвоголосового вираження, порівняно отримані результати з даними експериментально-фонетичних досліджень англійського емоційного звучного мовлення.

Ключові слова: вербалізація, просодична характеристика, мовленнєвий голос, емоція, емоційне мовлення.

Рассмотрены средства вербализации просодических характеристик эмоционального речевого голоса в английской художественной речи, проанализировано наличие / отсутствие связи между определёнными эмоциями и средствами их речеголосового выражения, сделано сравнение полученных результатов с имеющимися данными экспериментально-фонетических исследований английской звучащей эмоциональной речи.

Ключевые слова: вербализация, просодическая характеристика, речевой голос, эмоция, эмоциональная речь.

The article studies verbalization of the emotional speaking voice prosodic characteristics in the English belles-lettres speech; analyzes correlation between definite emotions and means of their speaking voice expression; compares obtained results with English emotional speech experimental phonetics research data.

Keywords: verbalization, prosodic characteristic, speaking voice, emotion, emotional speech.

Речевой голос является достаточно надёжным средством выражения эмоций и отношений между людьми. Передача эмоций является одной из основных функций речевого голоса (подробнее о понятии «речевой голос» см. [5]). Хотя до настоящего времени не существует общепринятой классификации эмоций, можно с достаточной долей уверенности говорить о наличии связей между просодическими характеристиками (далее – ПХ) речевого голоса и определёнными эмоциями. Связь эмоций с оценочным процессом обусловливает их разделение на положительные и отрицательные. Результаты проведённых исследований звучащей речи, в частности английской, свидетельствуют о том, что определённые ПХ, как по отдельности, так и в совокупности, могут сигнализировать о конкретных эмоциональных состояниях (Т. Джонстоун, Э. Зеттерхольм, Л. В. Златоустова, Т. Г. Медведева, В. П. Морозов, Э. А. Нушикян, Дж. Питтман, К. Р. Шерер, Е. В. Яковлева и др.). Данный факт позволяет выдвинуть предположение о том, что между вербализованными ПХ речевого голоса и отрицательными / положительными эмоциональными состояниями (далее – ЭС) существуют более или менее устойчивые корреляции.

Актуальность настоящего исследования определяется антропоцентрическими тенденциями современных лингвистических студий, где язык рассматривается как система, составляющая неотъемлемую часть человеческого сознания и культуры. В свете данной тенденции актуальным является обращение к языковому отражению звучания человеческого голоса как одного из видов чувственного

© Демчук А. И., 2011

восприятия, входящего в первичную систему телесных ощущений и связанного с наиболее глубинными пластами сознания.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы изучить средства вербализации просодических характеристик эмоционального речевого голоса; выявить наличие / отсутствие связи между определёнными ЭС и средствами их речеголосового выражения; сравнить полученные нами результаты с имеющимися на сегодняшний день результатами экспериментально-фонетических исследований английской звучащей эмоциональной речи.

Опираясь на результаты исследований лексики звучания современного английского языка (А. А. Багдасарова, О. М. Жаркова, О. И. Павлова, И. И. Серякова), а также на результаты работ, полученные на материале русского языка (Е. Ф. Бажин, Г. Е. Крейдлин, Н. А. Мишанкина), мы предполагаем, что в составе лексики звучания выделяется отдельный пласт, репрезентирующий звучание человеческого голоса в процессе речепроизводства, другими словами, звучание речевого голоса.

В отличие от исследователей, оперирующих акустическими терминами для описания корпуса языковых средств, вербализующих звучание человеческого голоса, мы будем опираться на термины просодии, определяющие основные характеристики речевого голоса. В семантическом пространстве, отражающем восприятие звучания речевого голоса представителями английского языкового коллектива, лексические единицы будут вербализовать вполне конкретные ПХ, а именно: мелодику, громкость, темп и качество голоса. Языковые средства вербализации предположительно могут быть прямыми и переносными (метафорическими), могут быть зафиксированными в словаре или реализовывать речеголосовое значение лишь контекстуально, включать различные части речи: фонационные глаголы (далее – ФГ), существительные, прилагательные, наречия в определённой сочетаемости и комбинациях. Так как речевой голос несёт информацию о константных свойствах личности (пол, возраст, национальность, профессия, черты характера), а также сигнализирует о ситуативных проявлениях характера личности, а именно, об эмоциональных состояниях, то и его языковые репрезентанты будут выполнять те же функции, а это означает наличие определённых функционально-стилистических особенностей вербализации ПХ.

В художественном тексте средства вербализации ПХ речевого голоса выполняют характерологические функции, а именно: 1) характеризация говорящего по гендерному, возрастному, национальному, профессиональному признакам, а также личностным качествам. Подобные характеристики речевого голоса являются константными для того или иного индивидуума; 2) передача эмоционального состояния говорящего. В связи с тем, что данная функция речевого голоса может реализоваться только в условиях эмоциогенной ситуации, то такая характеристика речевого голоса является ситуативной.

Анализируя ситуативные характеристики, в которых реализуется способность речевого голоса манифестировать ЭС говорящего, мы опирались на классификацию, предложенную Э. А. Нушикян [9, с. 28–29]. Отметим, что некоторые ЭС могут иметь разную степень эмоциональной насыщенности, например: неодобрение – раздражение – **гнев** – ярость; беспокойство – тревога – **страх** – испуг; удовлетворение – **радость** – восторг – счастье и т. д. В этом случае эмоции представлены по степени нарастания, жирным шрифтом выделены базовые ЭС.

В результате анализа англоязычных художественных текстов были выделены микроконтексты в количестве 4195, в которых вербализаторы ПХ речевого голоса (4320 словоупотреблений) манифестируют эмоциональное состояние говорящего.

В процессе исследования было установлено, что в целом все средства вербализации ПХ речевого голоса диффузно выражают практически любые эмоции. Известно, что большинство эмоций включает оценочный элемент «хорошо» или «плохо» [2, с. 60], что связывает их с положительным или отрицательным оценочным знаком. Разделение вербализаторов ПХ на такие, что выражают отрицательные либо положительные эмоции обусловлено наличием / отсутствием оценочных компонентов в составе их значений, при этом их спецификация по конкретным эмоциям зачастую зависит от контекста. Однако в частных случаях некоторые тенденции вербализаторов ПХ к манифестации конкретных отрицательных / положительных ЭС всё-таки были выявлены.

Исследования мелодики звучащей эмоциональной речи традиционно проводятся с помощью методов акустического и инструментального анализов, в которых фигурируют акустические корреляты компонентов мелодики, не поддающиеся восприятию на слух. В связи с этим сравнить результаты таких исследований с вербальным отражением мелодики, выполняющей функцию передачи эмоциональных состояний, практически невозможно. Исключение составляют сведения о корреляции высокого уровня голосового тона с эмоциями восхищения, возмущения, угрозы, сарказма; низкого – с эмоциями нежности, сожаления, обиды, презрения, беспокойства [9, с. 131]. Полученные нами данные частично совпадают с вышеозначенными результатами.

Средства вербализации мелодики можно разделить на такие, которые выражают только отрицательные ЭС и только положительные. К первым относятся вербализаторы из лексико-семантических подгрупп «высота тона», номинирующие высокий, резкий тон, «скорость падения голосового тона», «диапазон». Ко вторым – вербализаторы из лексико-семантической подгруппы «высота тона», номинирующие мягкий, нерезкий тон, а именно, наречие mildly, манифестирующее нежность; ФГ to sing-song, номинирующий направление движения тона, и ФГ to chirp, являющийся исключением, т. к. номинируя высокий голосовой тон, одновременно обладает позитивным оценочным зарядом, заложенным в семантическом компоненте «cheerful». Данные ФГ были зафиксированы в ситуациях, когда говорящий испытывал радость.

В процессе исследования не удалось выявить речевых ситуаций, в которых средства вербализации мелодики манифестируют ЭС отчаяния, стыда, подозрения, удивления и иронии. Для таких эмоций, как обида и печаль, включая разные степени её интенсивности, типичными выявились лексические единицы (далее – ЛЕ), номинирующие диапазон. Например:

«*'How are you?' asked Chessie. 'OK',* <u>*said Ricky flatly*</u>*. Then he was almost sobbing. 'No, I'm f-f-f-ucking not. I m-miss you'*» [16, p. 358]. В данной речевой ситуации персонаж испытывает тоску по любимой женщине, что безуспешно пытается скрыть. Монотонность голоса, вербализуемая наречием *flatly*, выражает некую отрешённость от реального мира, и в то же время передаёт глубину переживаемой эмоции.

Итак, для средств вербализации мелодики речевого голоса характерна манифестация таких эмоций, как гнев, страх, возмущение, презрение, угроза, упрёк. Печаль и обида выражаются только вербализаторами диапазона. Положительные эмоции радости и нежности манифестируются конкретными ЛЕ: радость – ФГ *to chirp, to sing-song*; нежность – наречием *mildly*. Средства вербализации мелодической модуляции не были отмечены в эмоциогенных ситуациях. Это говорит о том, что данные ЛЕ обладают функциональной способностью передавать только константные характеристики речевого голоса.

Громкость является одним из наиболее выраженных ПХ эмоционального речевого голоса. Как показывают результаты аудиторских анализов, все высказывания, произнесенные с сильной степенью эмоциональной насыщенности, воспринимаются аудиторами как громкие, вне зависимости от того, какую конкретную эмоцию они выражали [9, с. 131; 6, с. 19]. С пониженным уровнем громкости обычно отождествляются фразы, выражающие такие эмоции, как печаль, тоска, отчаяние, сожаление, тревога [9, с. 131]. Анализ вербальных средств репрезентации громкости, манифестирующих эмоции, в целом, подтверждает данные результаты. Например:

«*... Barban cried in a voice that shook everybody, a voice for cavalry: 'Do you want to step out here – we're only a mile from the hotel and you can walk it or I'll drag you there. You've got to shut up and shut your wife up!'*» [19, p. 117]. В данной ситуации персонаж испытывает гнев, на что непосредственно указывает его грубая реплика «*You've got to shut up…*», которая у автора выделена курсивом, что позволяет точнее определить ЭС персонажа, и указывает на тот момент речи, на который приходится наиболее повышенная громкость произнесения. В свою очередь, повышенная громкость произнесения, выраженная ФГ *to cry*, подчёркивается автором с помощью определений *shook everybody, voice for cavalry*. Второе определение призвано вызвать в сознании читателя ассоциации со звуковым стереотипом голосов военных, отдающих команды, в частности, с голосом кавалериста. Следует отметить, что ФГ *to cry* нередко употребляется с экспликаторами ЭС гнева, ярости: *cried really angry / angrily, furiously* etc.

Интересно отметить, что для ФГ *to exclaim* типична манифестация эмоции удивления как с отрицательным, так и с положительным зарядом, при этом его также отличает большая вариативность сопровождающих его экспликаторов данного ЭС: *in amazement, in (mock, sharp, feigning) surprise, in (hurt) astonishment* etc. Это свидетельствует о том, что в английской художественной речи чаще других на первый план выдвигается семантический компонент значения ФГ «*in surprise*». Например: «*'I'm a little tired, I think. Probably because I missed my dinner' –'What?' she exclaimed aghast. 'I was certain you'd had it at Bellevue…'*» [17, p. 404]. В данной ситуации героиня неприятно удивлена тем, что её муж не ужинал, хотя до этого она была уверена в обратном. Природу эмоции помогает понять элемент контекста *aghast*.

Вербализаторы пониженной громкости также могут выражать гнев, страх, что отличает полученные нами данные от имеющихся результатов аудиторского анализа. Например: «*There was a silence. Then Cindy asserted, low-voiced and savagely, 'Listen to me! You'd better get here tonight, and soon. If you don't come, or if you do come and embarrass me by saying anything of what you did just now, it'll be the end. Do you understand?'*» [20, p. 71]. Прилагательное *low-voiced,* вербализующее пониженную громкость, манифестирует гнев. Природа эмоции эксплицируется в контексте эпитетом *savagely*.

Номинаторы громкости также могут выражать положительные эмоции. Для ЛЕ, вербализующих повышенную громкость, в большей степени характерна манифестация радости, восхищения. Для ЛЕ, вербализующих пониженную громкость, – нежности.

ФГ *to whoop*, в семантику которого заложена положительная оценка, передаёт всегда позитивные эмоции, а именно – радость, восторг. Другие ЛЕ могут сочетаться с экспликаторами положительных ЭС: *cheerfully, joyfully, jovially, in delight* etc.

В общем, вербальные средства репрезентации повышенной громкости способны передавать практически любые отрицательные и положительные эмоции.

Что касается средств номинации пониженной громкости, то здесь, помимо печали, тоски, отчаяния, сожаления, тревоги, выявилась тенденция к манифестации гнева, а также нежности.

От других ПХ темп отличается наибольшей вариативностью. Результаты проведенного нами исследования практически совпадают с результатами экспериментально-фонетических исследований, свидетельствующих о том, что отклонение темпа от нормы, причём как в сторону убыстрения, так и в сторону замедления, выражает такие эмоции, как печаль, страх, смущение, неловкость, растерянность [3; 8]. Однако вербализаторы темпа способны также нередко манифестировать раздражение, гнев. В особенности это касается ФГ *to sputter* и *to spit*, в значения которых входит семантический компонент «*angry*». Например:

«*Adrian Nesbitson was struggling to his feet. 'Never! Never! Never!' His face brick-red, the old man sputtered angrily*» [21, p. 73]. В приведённом примере вербализатор убыстренного темпа ФГ *to sputter* также выражает гнев. Природа ЭС непосредственно номинирована – *angrily*. Кроме того, маркерами, указывающими на состояние персонажа, также служат эпитет *brick-red*, свидетельствующий о крайнем возбуждении, и восклицания, содержащиеся в персонажной речи.

Наряду с вербализаторами замедленного темпа, ЛЕ, вербализующие ускоренный темп, также могут сигнализировать о таких эмоциях, как смущение, неловкость, растерянность: «*'But I want to tell you.' She was speaking more hurriedly now, a shade less confidently. 'You see… I happen to love you.' For the first time her eyes were lowered. She went on, 'I think I did… I know I did… love you, I mean – even before that time in San Francisco'*» [20, p. 115]. В данном случае на смущённое состояние героини в авторском повествовании указывает фраза *a shade less confidently*, а в персонажной речи – графически маркированные паузы хезитации.

Для вербализаторов темпа манифестация положительных ЭС выявилась нетипичной. Исключение составляет ФГ *to gush*, который обладает положительным оценочным зарядом и, соответственно, изначально обладает потенциалом выражать позитивные эмоции [LDCE].

Таким образом, средства вербализации темпа тяготеют к выражению негативных ЭС (за исключением возмущения, отчаяния, угрозы, подозрения) и выявились нетипичными средствами для манифестации положительных эмоций.

ЛЕ, номинирующие качества голоса, также как и вербализаторы громкости, характеризуются большим потенциалом передавать широкий спектр ЭС [1; 7; 10; 11; 13 etc.], что получает соответствующее отражение в языке и речи. Отметим, что имеющиеся на сегодняшний день результаты исследований звучащей речи не дают чёткого представления о конкретном наборе эмоций, выражаемом определённым качеством голоса. Однако некоторые качества голоса всё же ассоциируются с конкретными ЭС. Так, напряжённое качество голоса типично для ЭС гнева, возмущения и отвращения, приглушённое и хриплое качества ассоциируются с эмоционально напряжёнными ситуациями, что фактически означает их способность манифестировать любую отрицательную эмоцию. Мрачное, тёмное качество ассоциируется с состоянием грусти, печали. Подваленное, угнетённое состояние часто передаётся грудным качеством голоса. Радость, удивление с положительным зарядом могут манифестироваться голосом «с придыханием». В целом, высокая степень положительной оценки, а, следовательно, положительные ЭС, связаны с такими качествами, как мягкий, бархатный, звонкий; высокая степень отрицательной оценки выражается при помощи жёсткого, твёрдого, отрывистого, напряжённого, скрипучего, дрожащего, гортанного голоса [4; 7; 10; 12].

Согласно полученным данным вербализаторы качества голоса могут манифестировать любые отрицательные и положительные эмоции, кроме удивления с

отрицательным зарядом и иронии с положительным зарядом, что, в целом, не противоречит вышеупомянутым результатам исследований. Однако для каждой эмоции удалось выделить вполне конкретный набор номинаторов определённых качеств голоса, при этом в отдельных случаях результаты нашего исследования несколько отличаются от полученных ранее результатов исследований английской эмоциональной речи. Например, вербализаторы напряжённого качества голоса не выявились типичными для манифестации отвращения, вербализаторы грудного качества голоса вообще не были зафиксированы в эмоциогенных ситуациях. В то же время вербализованное напряжённое качество голоса выявилось типичным для выражения гнева, а качество «с придыханием» – для манифестации радости.

Что касается конкретного набора вербальных средств репрезентации качеств голоса для конкретных эмоций, то, например, для презрения типичными средствами манифестации выявились вербализаторы хриплого, небрежного и холодного качеств голоса; для упрёка – вербализаторы напряжённого, кислого / горького качеств; и т. д. Гнев и страх отличаются наиболее вариативным набором средств: гнев манифестируется посредством ЛЕ, вербализующих хриплое, напряжённое, дрожащее, холодное, мрачное, тяжёлое, сухое, кислое, горькое качества; страх – посредством ЛЕ, номинирующих те же качества, за исключением последних трёх, плюс глухое качество голоса. Например:

«*Hating the other man, his own voice tight with anger, James Howden exclaimed, 'It hasn't all been softness. There's a list from two world wars you may have heard of: St. Eloi, Vimy, Dieppe, Sicily, Ortona, Normandy…'*» [21, p. 222]. В данной речевой ситуации природа эмоции гнева эксплицирована при помощи прямой номинации *with anger*. В речевом голосе говорящего гнев выражается посредством сочетания напряжённого качества голоса, вербализованного прилагательным *tight* и повышенной громкости, вербализованной ФГ *to exclaim*.

Что касается положительных эмоций, то здесь потенциалом выражать радость и нежность обладают все ЛЕ, имеющие положительный оценочный заряд, а именно, ЛЕ, вербализующие «тёплое», «светлое», «лёгкое», «сладкое» качества голоса, а также качество «с придыханием». Нежность, как правило, манифестируется вербализаторами хриплого качества голоса. В основном это касается ситуаций, описывающих любовные отношения героев.

Набор ЛЕ, способных манифестировать одобрение и удивление, довольно ограничен. Так, потенциал выражать удивление выявился только у ЛЕ, вербализующих тёплое качество голоса, а одобрение – у ЛЕ, номинирующих светлое, лёгкое качества, а также у двух ФГ *to quaver, to quiver*, вербализующих дрожащий голос.

Итак, средства вербализации качества голоса способны манифестировать практически любые ЭС, что, в целом, совпадает с ранее полученными результатами исследований звучащего голоса. При этом в некоторых случаях всё-таки наблюдаются некоторые расхождения. В отличие от исследований звучащей эмоциональной речи, нам удалось выделить определённый набор вербальных средств репрезентации качеств голоса, типичных для выражения конкретных ЭС, что отражает существующие ассоциативные связи качеств голоса с ЭС в сознании носителей английского языка.

Спектр выражаемых эмоций вербализаторами комбинаций ПХ сужается по мере увеличения количества вербализуемых параметров. Например, вербальные средства репрезентации мелодики и темпа, мелодики и громкости, мелодики и качества голоса, громкости и качества голоса обладают потенциалом выражать практически все отрицательные эмоции, в то время как вербализаторы трёх и че-

тырёх ПХ манифестируют ограниченный набор эмоций, обязательным элементом которого является ЭС гнева. Так, вербализаторы мелодики + громкости + качества голоса выражают гнев, отчаяние, удивление и иронию; вербализаторы мелодики + громкости + темпа – гнев, страх, отчаяние; вербализаторы мелодики + качества голоса + темпа – гнев, страх, возмущение, презрение; вербализаторы четырёх ПХ – только гнев и презрение.

Потенциал вербализаторов комбинаций просодических параметров выражать те или иные эмоции в определённой степени обусловлен семным составом соответствующих ЛЕ. Это объясняется тем, что определенные модуляции просодических параметров ассоциируются с конкретными ЭС, что находит своё отражение в речи. Так, ЛЕ, в семный состав которых входит компонент «повышенная громкость» в комбинации с компонентом «высокого тона» (*to scream, to yell* etc.), «дрожащий» (*to bluster*), «грудной» (*to boom, to roar* etc.), «звонкий» (*to ring, ring*), «низкого тона» + «грудной» + «глухой» (*to bellow, below*), «высокого тона» + «убыстренный темп» (*to bark, bark*), «высокого тона» + «длительный» (*to wail*), демонстрируют устойчивую тенденцию к выражению гнева, возмущения.

Комбинации длительности и низкого либо высокого уровня голосового тона, вербализуемые *to moan, to whine, whining, whiney, moaning, whine*, ассоциируются с обидой, отчаянием, печалью (грустью, тоской). Типичным для речеголосового выражения печали также является ФГ *to drone*, вербализующий низкий уровень голосового тона, монотонность и тусклое качество голоса. Подобные эмоции часто манифестируются вербализаторами, в семный состав которых входит компонент, номинирующий пониженную громкость, в комбинации с другими компонентами. Это ФГ *to mumble*, номинирующий пониженную громкость и небрежное качество голоса, *to choke*, вербализующий пониженную громкость и напряжённое качество голоса, *to bleat, to sheep-voice*, включающие в свой семный состав компоненты, номинирующие, помимо пониженной громкости, высокий уровень голосового тона и дрожащее качество голоса.

ФГ, вербализующие пониженную громкость в комбинации с дрожащим качеством голоса (*to falter*) либо с небрежным качеством (*to mutter, to mumble,* etc.), типичны для манифестации эмоции стыда, смущения.

Остальные отрицательные ЭС потенциально могут выражаться ЛЕ, вербализующими различные комбинации ПХ. К примеру, упрёк манифестируется как ФГ, вербализующим низкий тон в комбинации с грудным качеством голоса (*to grunt*), так и ФГ, номинирующим высокий тон в комбинации со скрипучим качеством голоса (*to grate*); как ФГ, вербализующим повышенную громкость в комбинации с длительным звучанием (*to howl*), так и ФГ, передающим меняющийся уровень громкости от пониженного до повышенного в комбинации с низким тоном (*to grumble*). Отсюда следует, что не все вербализаторы комбинаций ПХ имеют чёткую связь с конкретными эмоциями.

На первый взгляд, очевидным кажется тот факт, что оценочные компоненты значения обусловливают то, какие эмоции – отрицательные или положительные – будут выражаться той или иной ЛЕ. Однако в ходе исследования были выделены случаи, когда ЛЕ с положительным оценочным зарядом манифестировали отрицательные эмоции. Например, ФГ *to twitter*, традиционно ассоциирующийся со «щебечущим женским голосом», используется для выражения отрицательного эмоционального состояния в речевом голосе персонажа-мужчины:

«*John felt sure the phrase 'I really couldn't say' had been the vicar's way of avoiding a direct lie [...] 'It's no good, Mr. Bryan,' twittered the vicar, 'it's no good whatever my trying to keep back the facts, which of course anyone in the village would be only too willing to supply. Since you ask I must confess that, though of course the*

matter is one of mere – the merest – coincidence, I do admit that under the present – er – happy circumstances – I did prefer not to tell your charming lady that the second unfortunate young woman who was – er – taken so young – the one whom she inquired about – had also –er – died in this house'» [22, p. 211–212]. В данном примере персонаж рассказа, викарий, испытывает эмоциональное напряжение, тревогу, так как, с одной стороны, понимает, что не имеет права лгать, с другой стороны, ему не хочется открывать страшную правду вновь прибывшим хозяевам ранее заброшенного особняка, обладающего нехорошей репутацией. В конце концов, молодой хозяин заставляет викария рассказать, что предшественница молодой хозяйки умерла, так же будучи молодой. Однако викарий делает это крайне неохотно, с трудом подбирая слова, на что указывают восемь графически обозначенных пауз хезитации, повторы как на морфемном, так и на лексическом уровнях.

В целом, сопоставив оценочные компоненты в значениях вербализаторов ПХ и оценочные знаки ЭС, которые они манифестируют, мы можем утверждать, что в 99,5 % случаев оценки совпадают. Случаи несовпадения оценочных знаков составили всего лишь 0,5 %.

Что касается манифестации положительных эмоций, то тут можно проследить чёткие ассоциативные связи, получившие языковое отражение только с ЭС нежности, типичными средствами речеголосового выражения которой являются ФГ *to coo, to croon, to murmur*, вербализующие низкий уровень голосового тона и пониженную громкость, и *to mumble*, номинирующий пониженную громкость и небрежное качество голоса. Например: «*Tea party was nightmare scenario: me plus roomful of power mothers one of whom had a four-week-old baby. 'Isn't he sweet?' cooed Sarah de Lisle*...» [18, p. 70]. Данный пример иллюстрирует типичное речеголосовое выражение эмоции нежности по отношению к младенцу – обычно женщины обращаются к грудным детям «воркующим» голосом.

Очевидно, комбинация таких ПХ как пониженная громкость + небрежное качество голоса и низкий уровень голосового тона + пониженная громкость ассоциируются именно с ЭС нежности, что вербально выражается с помощью конкретных ЛЕ.

Остальные положительные эмоции (радость, одобрение, удивление, ирония) в речевом голосе могут манифестироваться разными по своему семному составу ЛЕ. По всей видимости, различные, иногда оппозитивные по своей природе, модуляции ПХ могут вызывать ассоциации с данными ЭС. Исключение составляют ФГ *to burst*, *to bark*, типичные для выражения удивления, объединённые семой «повышенная громкость» (параметр повышенной громкости выявился типичным для эмоции удивления как с отрицательным, так и с положительным зарядом), которая в первом случае комбинируется с семой «резко», а во втором – с семами «высокий тон», «убыстренный темп».

Общих тенденций в вербальном речеголосовом выражении радости, одобрения, иронии выявить не удалось. Так, радость может выражаться как ЛЕ, номинирующими низкий голосовой тон в комбинации с длительностью (*to moan*), либо с повышенной громкостью, грудным глухим качествами голоса (*to bellow*), так и высокий голосовой тон в комбинации с повышенной громкостью (*to shriek, to trill*); ЛЕ, вербализующими повышенную громкость + звонкое качество голоса (*to sing*), наряду с ЛЕ, номинирующими небрежное качество голоса + убыстренный темп – (*to babble, to gabble*).

Итак, из всего вышеизложенного следует, что большинство вербализаторов ПХ обладают потенциалом передавать различные отрицательные и положительные эмоции, при этом их конкретная спецификация по ЭС зачастую контекстуально обусловлена. Однако в отдельных случаях удалось установить более или

менее устойчивую корреляцию вербализаторов как одного, так и комбинаций параметров с конкретными ЭС. Связь средств вербализации ПХ с эмоциями, включающими отрицательный либо положительный оценочный элемент, в большинстве случаев (99,5 %) зависит от знака оценочного компонента их значения. Случаи несовпадения оценочных знаков компонентов значения ЛЕ и выражаемой эмоции составили всего 0,5 %.

В целом, полученные нами данные подтверждают существующие результаты экспериментально-фонетических исследований эмоциональной речи, за некоторыми исключениями. Так, спектр выражаемых эмоций ЛЕ, номинирующими темп, оказался шире по сравнению со спектром эмоций, манифестируемых теми же ПХ звучащего эмоционального речевого голоса. Вербализаторы отдельных ПХ, в частности грудного качества голоса, выявились нетипичными средствами выражения эмоций, однако проявили функциональную способность к манифестации ЭС на семном уровне в комбинациях с семами, номинирующими другие ПХ речевого голоса.

Потенциал ЛЕ, вербализующих комбинации ПХ, выражать те или иные эмоции в определённой степени обусловлен их семным составом. Это объясняется тем, что определенные модуляции ПХ ассоциируются с конкретными ЭС, что находит своё отражение в языке. При этом наблюдается устойчивая тенденция к сужению спектра выражаемых эмоций вербализаторами комбинаций просодических параметров по мере увеличения количества номинируемых ПХ. Если вновь обратиться к экспериментально-фонетическим исследованиям просодических характеристик эмоциональной речи, то становится очевидным, что их результаты в большей степени содержат выводы о корреляции отдельных просодических параметров с конкретными ЭС, реже речь идёт о «просодических контурах» базовых эмоций, другими словами, об определённых комбинациях ПХ, типичных для выражения той или иной базовой эмоции. Таким образом, результаты исследований звучащего эмоционального речевого голоса проецируются на вербализованный эмоциональный речевой голос.

В заключение отметим, что предложенный в работе подход к изучению вербализации просодических характеристик может быть экстраполирован на изучение восприятия звучания как явления окружающей действительности, что впоследствии поможет сконструировать когнитивную модель представления об этом феномене в сознании носителей английского языка.

Библиографические ссылки

1. **Антипова А. М.** Тембр (качество голоса) как лингвистическая категория / А. М. Антипова. // Ритмическая и интонационная организация текста : сб. науч. трудов МГПИИЯ. – Вып. 200. – М., 1982. – С. 79–91.
2. **Вольф Е. М.** Эмоциональные состояния и их представления в языке / Е. М. Вольф // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. – М. : Наука, 1989. – С. 55–75.
3. **Галунов В. И.** Акустические корреляты эмоциональной речи / В. И. Галунов, В. В. Пиктурна, В. Й. Янушавичюс // Акустика речи и слуха : матер. докладов и сообщений 5-го Всесоюз. совещания-симпозиума цикла. – Одесса, 1989. – С. 16–25.
4. **Давыдов М. В.** Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика / М. В. Давыдов. – М. : МГУ, 1984. – 204 с.
5. **Демчук А. И.** К обоснованию понятия «речевой голос» / А. И. Демчук // Записки з романо-германської філології : зб. наук. статей ОНУ ім. І. І. Мечникова. – Вип. 25. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 91–98.
6. **Калита А. А.** Система фонетичних засобів актуалізації смислу висловлювання (експериментально-фонетичне дослідження англійського емоційного мовлення) : автореф.

дис. … д-ра філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / А. А. Калита; КНЛУ. – К., 2003. – 32 с.
7. **Медведева Т. Г.** Корреляты тембра в эмоционально окрашенной речи / Т. Г. Медведева // Проблемы супрасегментной фонетики : сб. науч. трудов. МГПИИЯ. – Вып. 248. – М., 1985. – С. 51–58.
8. **Носенко Э. Л.** Эмоциональное состояние и речь / Носенко Э. Л. – К. : Высш. шк., 1981. – 195 с.
9. **Нушикян Э. А.** Типология интонации эмоциональной речи / Э. А. Нушикян. – Киев-Одесса : Вища шк., 1986. – 157 с.
10. **Drioli C.** Emotions and voice quality: experiments with sinusoidal modeling / C. Drioli, G. Tisato, P. Cosi, F. Tesser. – Mode of access : http:pfstar.itc.if/publications/CD-VQAL2003.pdf.
11. **Johnstone T.** The effects of emotions on voice quality / T. Johnstone, K. R. Scherer. – Mode of access : http://www.unige.ch/fapse/emotion/publications/geneva-studies.html/ 1999.
12. **Keller E.** The analysis of voice quality in speech processing / E. Keller. – Mode of access : http:/www.springer.de/comp/index.html/2004.
13. **Scherer K. R.** Emotion inferences from vocal expression correlate across language and culture / K. R. Scherer, R. Banse, H. G. Wallbott // Journal of cross-cultural psychology. – 2001. – Vol. 32. – № 1. – P. 76–92.
14. **LDCE** : Longman Dictionary of Contemporary English. – Edinburgh : Pearson Education Ltd., 2000. – 1668 p.
15. **OALDCE**. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: In 2 V. / A. S. Hornby. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1982. – 1092 p.
16. **Cooper J.** Polo: [novel] / Jilly Cooper. – London : Corgi Books, 1992. – 766 p.
17. **Cronin A. J.** The Citadel: [novel] / Archibald Cronin. – M. : Foreign languages, 1963. – 475 p.
18. **Fielding H.** Bridget Jones's Diary : [novel] / Helen Fielding. – London : Picador, 1996. – 310 p.
19. **Fitzgerald F. S.** Tender Is The Night: [novel] / Francis Scott Fitzgerald. – London : Penguin Books, 1997. – 392 p.
20. **Hailey A.** Airport : [novel] / Arthur Hailey. – N. Y. : Bantam Books, 1965. – 405 p.
21. **Hailey A.** In High Places : [novel] / Arthur Hailey. – N. Y. : Bantam Books, 1979. – 376 p.
22. **The Second Ghost Book** : [short stories]. – London : Pan Books, 1964. – 223 p.

Надійшла до редколегії 28.04.11

УДК 81'282.4

Ю. В. Дорофеев

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКА

Розглянуто проблему мовного варіювання на матеріалі міжрегіональних лексичних тотожностей. Запропоновано механізм аналізу та опису варіативності у лексичній системі на основі поняття семантеми.

Ключові слова: варіант мови, зміни в мові, запозичення, семантема.

Рассмотрена проблема языкового варьирования на материале межрегиональных лексических соответствий. Предложен механизм анализа и описания вариативности в области лексики на основе понятия семантемы.

Ключевые слова: вариант языка, изменения в языке, заимствования, семантема.

© Дорофеев Ю. В., 2011

In the article the problem of a language variation on the material of inter-regional lexical conformity is considered. The mechanism of the analysis and the description of variability in the field of lexicon on the basis of concept semantema is suggested.

Keywords: variant of language, change in language, loans, semanteme.

Языковая вариативность на уровне лексики рассматривается в рамках социолингвистики как одна из основных форм проявления адаптации языка к территориальным, социальным и культурным условиям, в которых протекает речевая деятельность его носителей. Вопросы вариативности языка поднимались в работах многих исследователей: Р. А. Будагова, Ю. Д. Дешериева, В. К. Журавлева, В. А. Звегинцева, Н. Б. Мечковской, Г. В. Степанова, А. Д. Швейцера, Т. Р. Белла, В. Лабова и др. Анализ работ перечисленных авторов убеждает в том, что описание различных форм языка (подъязыков, вариантов, экзистенциальных форм) является одним из важнейших и малоизученных вопросов взаимодействия общества и языка.

Наиболее ярко своеобразие различных форм языка проявляется в лексике, поскольку она непосредственно отражает социальную, профессиональную, этнокультурную дифференциацию общества в структурных и семантических новообразованиях. Это особенно справедливо для региональных социальных процессов, влияющих на ареальную дифференциацию языков, получивших широкое распространение на территории нескольких стран. Изучение данной проблемы требует детального описания лексической вариативности каждой формы языка, но вместе с тем необходима разработка методики описания этих идиомов, исходящей из единого основания и представляющей все формы языка не как разрозненные элементы, а как систему.

В связи с этим ***целью*** данного исследования является объяснение взаимодействия и образования лексико-семантических соответствий в различных вариантах конкретного языка, по отношению к которым данный язык выступает в качестве инварианта.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

– определить общие методологические принципы описания вариативности лексико-семантической системы языка;

– выявить существенные социолингвистические, структурные и семантические черты регионально отличающихся идиомов, которые опосредованно детерминированы экстралингвистическими факторами, специфическими для данного географического ареала и социума;

– проанализировать закономерности отражения в лексике региональной, социальной и культурной дифференциации общества и выявить соответствующие особенности организации лексики для разных экзистенциальных форм языка.

Для понимания проблемы вариативности языка как системного явления необходимой методологической основой становится, во-первых, положение о тесной взаимосвязи развития общества и языка при определяющей роли первого; во-вторых, представление о языке как инвариантной системе, реализующейся в виде многообразных вариантов, которые также обозначаются как формы существования языка, уровни языка, экзистенциальные формы языка.

Варианты возникают в результате воздействия различных экстралингвистических факторов, поэтому правомерным является выделение национальных вариантов языка, этнических, территориальных, социальных [7, с. 35], отношения между которыми можно истолковать в терминах вариант – инвариант. В этом случае под вариантами понимаются разные проявления одной и той же языковой сущности, закономерно чередующиеся в речевой деятельности [8, с. 80], а вариативность предполагает не просто изменчивость, а такие модификации, которые не

ведут к появлению новой сущности. Инвариант реализуется в речи позиционно чередующимися вариантами, среди которых одни рассматриваются как типичные, а другие как менее типичные. И процесс изменения в языке связан с тем, что некоторые формы выражения инвариантных единиц, считавшиеся периферийными или вовсе не учитывающиеся, смещаются на позицию типичных представителей инварианта. То есть изменения проявляются в синхронии «в «спорадических» формах, в так называемых «типичных ошибках» по отношению к установленной норме и в иносистемных особенностях, наблюдаемых в речи, а с функциональной точки зрения они проявляются в наличии внутри одного и того же типа речи факультативных вариантов и изофункциональных элементов» [3, с. 82]. То есть в количественном отношении объем языковой системы может значительно изменяться (расширение лексического состава, сокращение грамматических форм и т. д.), однако в функциональном отношении язык при любых условиях сохраняет стабильность. Поэтому фундамент данного исследования составляет также лингвистический функционализм, в частности, функциональная семантика, исходящая из представления о том, что единицей номинации является семантема, представляющая собой инвариантную единицу языка, реализующуюся в речи рядом позиционно чередующихся вариантов, а для анализа лексико-семантической вариативности в работе использованы основные положения, содержащиеся в трудах Ж. П. Соколовской, А. Н. Рудякова и его учеников.

Понятие вариативности языка получило обоснование прежде всего в трудах академика Г. В. Степанова на материале испанского языка Америки. В дальнейшем проблема языкового варьирования становилась предметом исследования в трудах ведущих специалистов в области романского и германского языкознания А. Д. Швейцера, А. И. Домашнева, Е. А. Реферовской. Таким образом, сложилась традиция описания английского, французского, испанского, немецкого языков как национально негомогенных [1, с. 70–71], то есть существующих в форме системы взаимосвязанных вариантов. Теоретически модель взаимодействия национально-территориальных вариантов полинациональных языков в виде пересекающихся множеств позволяет аналогичным образом представить и закономерности развития других языков, однако это требует включить в ее рамки другие вариантные формы, а также учесть, что в рамках отдельного национального языка в конкретную эпоху вовсе не обязательно будут представлены все возможные варианты, поскольку их возникновение зависит от ряда условий. Такие языки, как английский, испанский, португальский, в центрах метрополий культурно-исторически и функционально отличаются от тех же языков, развивающихся в бывших колониях, и поэтому их формы существования гораздо более разнообразны, чем, например, исландского или украинского языков. В этой связи представляется необходимой дальнейшая разработка модели языкового варьирования, позволяющей изучать разнообразные национальные, территориальные, региональные, социальные варианты современных языков как инструменты передачи и хранения культурной информации. В основу этой модели, несомненно, должны быть положены принципы, выявленные и сформулированные исследователями полинациональных языков.

Национальный язык любого народа, как известно, включает в себя различные формы проявления, основной из которых является литературный язык. Не меньшую роль играют и региональная, локальная, а также социальная и профессиональная дифференциации языка. Таким образом, любой язык сам по себе существует как система вариативная, а наличие вариантных форм языка является неоспоримым фактом. В связи с этим возникает ряд наиболее важных и сложных для современного языкознания вопросов: можно ли рассматривать эти формы как

проявления одной общей закономерности? С чем связано появление и развитие тех или иных типов вариантных форм? Какие типы экзистенциальных форм языка можно определить как продуктивные или непродуктивные? Каковы закономерности образования таких форм, одинаковы ли условия их развития, как протекают процессы образования вариантов?

Я исхожу из положения, что территориальные, региональные, социальные, национальные, культурные формы существования языка реализуют единый инвариант и характеризуются рядом различий, которые наиболее ярко проявляются в лексике. Поэтому далее я остановлюсь на вопросе о возможных путях развития лексической системы тех форм языка, которые характеризуются разной степенью региональной обособленности.

Развитие вариативности в лексике связано с расширением словаря, который пополняется рядом регионально значимых номинативных единиц. При этом могут использоваться все возможные способы создания новообразований, которые можно, в целом, разделить на две группы: новообразования, возникшие внутри данного языка, и новообразования, заимствованные из других языков, которые в данном ареале активно взаимодействуют друг с другом. Причем это взаимодействие обусловлено необходимостью различных контактов между носителями разных языков, и в результате оба языка стремятся отразить некую общую для их носителей когнитивную базу, картину мира, которая тоже возникает на стыке культур и наций, вследствие чего и возникают регионально обособленные идиомы.

Развитие вариантных форм языка во многом обусловлено взаимодействием двух языков. Исследования в этой области убеждают, что случаи заимствований на региональном уровне носят системный характер. Сравним, например, развитие русских диалектов (территориальных вариантов) в разных регионах, когда слова заимствовались из языков коренных народов (в севернорусских говорах из западнофинских языков заимствованы слова *курья* ‘залив реки’, *сахта* ‘поросшая кустарником болотистая местность’, *рада* ‘моховое болото’, *кибас* ‘грузило на неводе’, *лох* ‘семга после метания икры’; из коми языка пришли слова *виска* ‘ручей, проток’, *кулёма* ‘западня на пушных зверей’, *лузан* ‘охотничья накидка’, *орда* ‘бурундук’; в южнорусских и особенно юго-восточных говорах функционируют многочисленные заимствования из языков тюркских народов: *казан* ‘ведро’, *бирюк* ‘волк’, *учуг* ‘проволочная сетка, которой перегораживают реку’, *арьян* ‘кислое молоко, разведенное водой’, *махан* ‘вареное мясо’, *сурпа* ‘мясной бульон’, *турсук* ‘кожаный мешок) [6, с. 178–179], и развитие национальных вариантов английского языка (например, в английском языке Австралии *dingo*, кроме значения ‘дикая собака’, имеет значение ‘предатель’, *galah*, помимо названия попугая разновидности какаду, имеет значение ‘глупый человек’) и испанского языка (например, в странах Южной Америки: *caiman* ‘крокодил’, *xaguey* ‘водоем’, *gaubin* ‘форель’, *hicoteas* ‘черепахи’ [9, с. 233–240]. Такие заимствования используются в соответствующем варианте языка не как отдельные элементы, а в качестве полноправных языковых единиц, обладающих всеми свойствами системы данного языка, за исключением своего происхождения.

Взаимное проникновение иноязычных элементов в структурных моделях, по традиции называемое в литературе «заимствованием», представляет собой важнейший процесс при взаимодействии языков, поскольку пополнение словарного состава языка тесно связано с функционированием языка в обществе. В основном, именно общественные потребности приводят к появлению новых слов. Свое функционирование на новой языковой почве слова чужого языка, как правило, начинают не с проникновения в тексты, отражающие нормативное использование языковых средств, а распространяются первоначально в узусе гово-

рящих, поэтому те формы языка, которые не обладают кодифицированной нормой, в первую очередь подвергаются такому влиянию. При этом использование лексических заимствований обусловлено рядом факторов: социально-исторических, социально-психологических, социокультурных и прагматических. Лексическое заимствование никогда не осуществляется одновременно на всех участках языковой системы, а происходит в рамках конкретных языковых подсистем. Более того, можно выделить и отдельные лексико-семантические группы, которые характеризуются высокой степенью вариативности. Например, такой группой является гастрономическая лексика: ср. исп. в Испании *patata* и исп. в Южной Америке *papa* ‘картофель’, *alubia* и *frijol, chaucha* ‘фасоль’ [9, с. 189]; англ. Великобритании *biscuit* и англ. США *cookie* ‘печенье’, *whisky* и *scotch* ‘виски’, *maize* и *corn* ‘кукуруза’, рус. в России *окорок, кефир, водка, арбуз* и рус. в Казахстане *жанбас, айран* [2, с. 26] и в Украине *горилка, кавун*.

Изучение масштабов лексического варьирования подобного рода в разные исторические периоды и установление роли определенных языков как источников пополнения словаря привели к появлению ряда терминов «иноязычные вкрапления», «варваризмы», «экзотизмы», «регионализмы», «единицы, отражающие инонациональную специфику». Данные термины, по-видимому, отражают тенденцию недооценивать роль и место такого взаимодействия языков, поскольку подчеркивается их нерегулярный характер. Однако нельзя не учитывать, что в условиях постоянного и массового двуязычия такие явления приобретают вполне системный и закономерный характер, и поэтому их лингвистическое исследование становится особенно актуальным по мере накопления таких отличий в разных формах отдельного языка.

Конечно же, пополнение лексического фонда языка осуществляется и за счет внутриязыковых ресурсов, и исследование вариативности предполагает учет различных способов развития лексической системы языка, однако в данном случае я обратил внимание на процессы заимствования, которые характеризуют ситуацию взаимодействия языков на отдельной территории в речи носителей разных языков или билингвов и ярко отражают специфику языкового варьирования. Это позволяет, среди прочего, выявить культурные связи народа-носителя данного языка с другими народами.

Результатом развития вариантных форм в языке становятся межрегиональные лексические соответствия, которые обладают различной семантической емкостью, отражают различные участки общей картины мира. Ср. англ. Великобритании *faculty* и англ. США *department* ‘факультет’, *teachers (staff)* и *faculty* ‘кафедра, преподаватели’; рус. в России *глава совета* и рус. в Украине *городской голова*. Помимо этого можно отметить, что слова, перешедшие из одного языка в другой, далеко не всегда влекут за собой полный набор значений. Так, в Южной Америке испанское слово *invierno* ‘зима’ имеет значение ‘период дождей’, в русском языке Украины слово *мова* имеет значение ‘украинский язык’. Соответственно, объем семантики, лексическая сочетаемость, стилистические коннотации, являясь специфичными признаками культурного компонента, определяют необходимость системного рассмотрения проблемы языкового варьирования, которое отражает расширение картины мира и изменение когнитивной базы носителей языка на определенной территории.

Изложенные выше рассуждения подводят к мысли о системном характере образования и развития вариантных форм языка. Поэтому далее мы попытаемся охарактеризовать механизм появления и закрепления вариантов в лексико-семантической системе языка. Вслед за А. Н. Рудяковым мы рассматриваем эту систему как совокупность функциональных номинативных единиц – семантем.

Семантема представляет собой сложное единство сигнификата и средств его выражения в данном языке [5]. И поскольку большую роль в развитии вариантных форм языка играет пополнение словарного состава национального языка в определенный исторический период и на отдельной территории, то можно рассматривать этот процесс как появление нового способа выражения сигнификата, который является общим для картины мира соседствующих народов (или регионально обособленных народов), но не имеет специализированных форм экспликации в языке.

Так, семантема '*автобус'* может быть выражена в стандартном испанском словом *autobús*, в Аргентине *colectivo*, в Мексике *camion*, в Колумбии *chiva*, в Чили *gondola*, на Кубе *guagua*, на Антильских островах *micro*; в английском языке Великобритании семантема *'конфета'* реализуется словом *sweet*, в США *candy*, в Австралии *lolly*; в русском языке семантема *'совет как административный орган власти'*, сегодня представлена разнообразными средствами выражения: в России *дума* (*«13 апреля под председательством главы города Георгия Колягина состоялось очередное заседание Ставропольской городской* ***Думы****»*, в Украине *рада* (*«Верховная* ***Рада*** *одобрила решение президента»*), в Узбекистане *кенгаш* (*«В 2004 году городской* ***Кенгаш*** *народных депутатов избрал Светлану Ивановну сенатором Олий Мажлиса»*), в Казахстане *маслихат* (*«Программа кандидата в депутаты Актюбинского городского* ***маслихата*** *по избирательному округу № 10»*), хотя во всех случаях слово *совет* может использоваться как регионально нейтральная единица.

В целом, представление межрегиональных соответствий в виде способов выражения единого для данного языка понятия (сигнификата) позволяет отметить, что не нарушается единство языка, проследить, как такие единицы могут закрепляться в разных экзистенциальных формах языка, отличаясь прагматической оценкой, стилистическим значением и т. п. При этом они выступают не только как средство номинации, имеющее свой референт в реальности, но и отражают свойственный данной территории культурологический фон, национальный колорит, которые лежат в основе формирования образа мира или, точнее, инварианта данной местности в сознании среднего жителя определенного региона (или страны). Рассмотрение таких единиц в рамках концепции функциональной семантики позволяет утверждать, что механизм образования и развития вариантных форм языка носит универсальный характер [4].

Закреплению узуального использования подобных единиц и, как следствие, осознанию и расширению вариативности языка способствуют тексты, в которых используются номинативные единицы, отражающие функционирование языка на определенной территории. В этом отношении можно привести широко распространенные примеры влияния русского языка на украинский и наоборот: *«Активисты «****Громады Рыбалок*** *Украины» необычным способом лоббируют принятие нового экологического законопроекта»; «Тем не менее качество украинской* ***горилки*** *долгое время оставалось низким; «Міністерство юстиції України відповідає на* ***багаточисленні*** *звернення громадян»; «Обов'язку* ***заключати*** *такий договір у вас немає».*

Межрегиональные лексические соответствия, таким образом, являются закономерным явлением, которое объясняется рядом экстралингвистических и лингвистических причин. Данные единицы занимают прочное место в лексическом составе, качественно отличаясь своей способностью специфически номинировать общераспространенные реалии, а также реалии, характерные для отдельных регионов.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы.

Проблема языкового варьирования на современном этапе может рассматриваться не только на материале полинациональных языков, поскольку экзистенциальные формы языка присущи любому языку и распространяются в пределах некоторых ареалов (в форме территориальных диалектов, региональных и национальных вариантов) и в пределах разных групп населения (социально-этническая, социально-профессиональная и социально-корпоративная вариативность). Таким образом, здесь проявляется как региональная, так и социальная вариативность, присущая языку как системе.

Вариативность в номинативной подсистеме разных языковых состояний может быть представлена в форме системы семантем, реализующихся в речи рядами позиционно чередующихся вариантов (семем). При этом могут быть выделены тематические микросистемы (или лексико-семантические группы), в которых наблюдается большая степень варьирования: наименования природных явлений (в том числе флоры и фауны), особенности быта (еды, одежды, предметов обихода), традиционный уклад жизни, а также ономастика (топонимы, антропонимы, мифонимы).

Бесспорно, в границах данной статьи невозможно уделить внимание многим интересным и важным вопросам описания вариативности лексико-семантической системы языка, однако представляется, что функциональный подход к изучению варьирования лексико-семантической подсистемы позволяет установить соответствия между различными формами языка, выявить и классифицировать языковые реалии, передающие ценную культурологическую информацию, и последовательно сопоставить номинативные средства различных экзистенциальных форм языка с точки зрения выражения единого семантического инварианта.

Библиографические ссылки

1. **Домашнев О. А.** О лексикографическом отражении американского стандарта английского литературного языка / О. А. Домашнев // Лингвистические исследования. 1985. Структура языка и языковые изменения. – М., 1985. – С. 70–79.
2. **Журавлева Е. А.** Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Е. А. Журавлева. – Алматы, 2007. – 49 с.
3. **Косериу Э.** Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). – 2-е изд., стереотип. / Э. Косериу. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
4. **Рудяков А. Н.** Георусистика и закономерности формирования национальных вариантов языка / А. Н. Рудяков // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ / науч. ред. А. Н. Рудяков. – Т. 1. – Симферополь, 2010. – С. 5–6.
5. **Рудяков А. Н.** Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – К. : Грамота, 2004. – 224 с.
6. **Русская диалектология** / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина и др.; под ред. В. В. Колесова. – М. : Высш. шк., 1990. – 207 с.
7. **Словарь социолингвистических терминов** / под ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.
8. **Солнцев В. М.** Вариантность / В. М. Солнцев // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 80–81.
9. **Степанов Г. В.** К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки / Г. В. Степанов. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 328 с.

Надійшла до редколегії 23.05.11

УДК 811.161.1'37

С. В. Евраева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ИДИОСТИЛЕ А. БЛОКА

Виявлено витоки сакрального в ідіостилі О. Блока, розглянуто ключові релігійні концепти в його поезії, проаналізовано семантичні особливості цих концептів.
Ключові слова: концепт, концептосфера, картина світу, ідіостиль, вербалізація.

Выявлены истоки сакрального в идиостиле А. Блока, рассмотрены ключевые религиозные концепты в его поэзии, проанализированы семантические особенности этих концептов.
Ключевые слова: концепт, концептосфера, картина мира, идиостиль, вербализация.

Background of the sacral in A. Blok's idiostyle is identified, the key religious concepts in his poetry are described, semantic qualities of this concepts are analyzed.
Keywords: concept, the sphere of concepts, worldview, verbalization.

Понятия концепта и концептосферы за последнее десятилетие прочно укоренились в русистике. В частности, в рамках лингвокультурологических исследований анализируются культурные коннотации языковой единицы, производится реконструкция языковой картины мира, которая формируется в сознании языковой личности в виде системы концептов, а также описываются ценности и установки того или иного народа, отражённые в национальном языке.

Ключевой в лингвокультурологии ценностный подход заставил исследователей обратиться к изучению концептов духовности – концептов, отражающих суперморальные ценности народа. Для русской лингвокультуры это в первую очередь религиозные концепты, составляющие один из важнейших фрагментов русской наивной картины мира – концептосферу сакрального. Об актуальности и значимости этих концептов для русской лингвокультуры свидетельствует наличие значительного количества их вербализаторов в русских пословицах и поговорках (см.: [6]), а также в поэтической речи.

Богатый материал для исследования религиозной концептосферы русской языковой картины мира даёт поэзия Серебряного века, в основу которой легли противоречивые идеи русской философской мысли начала XX столетия.

Творчество Александра Блока – одного из наиболее ярких представителей Серебряного века – демонстрирует всю сложность религиозно-философских исканий своего времени: *В своей молитве суеверной* / *Ищу защиты у Христа,* / *Но из-за маски лицемерной* / *Смеются лживые уста* [3, с. 205]. Его идиостиль сформировался под влиянием множества экстралингвистических факторов, таких как образование, воспитание в патриархальной бекетовской семье, религиозно-философские убеждения поэта (в частности, увлечение работами Вл. Соловьёва), а также образность и символичность мышления, характерные для художников слова Серебряного века.

Цель нашего исследования – показать, какие религиозные концепты входят в индивидуальную картину мира А. Блока и какие религиозные установки и ценности отражаются в его поэтических произведениях.

Как известно, эпоха Серебряного века ознаменовалась появлением в России самостоятельной философской мысли, в основу которой легли религиозные искания русского человека. Среди религиозных философов, по-новому представивших учение Иисуса Христа, следует назвать имена Н. А. Бердяева, С. И. Булгакова,

© Евраева С. В., 2011

Н. О. Лосского, В. С. Соловьёва, В. В. Розанова, Е. Н. Трубецкого, П. А. Флоренского. Как философы, так и деятели искусства Серебряного века сознавали исключительность своей эпохи. Предчувствие грядущих перемен заставляло их переосмыслить фундаментальные ценности, на которые долгое время опиралась русская культура. И в первую очередь русского человека начала XX столетия волновали вопросы веры: соотношение философской и обрядовой её сторон, место человека в дихотомии «добро – зло», сосуществование в человеке телесного и духовного начал и др. В результате в России возникло множество религиозно-философских течений, школ, кружков. В. Н. Орлов определил религиозное мировоззрение русской интеллигенции начала XX века как «анархо-индивидуалистическую веру» [8, с. 85].

Характеризуя идеологию Серебряного века, А. Эткинд пишет, что Вл. Соловьёв и В. Розанов «раскачивали корабль русской мысли (в истории с концом более благополучным было бы сказано: уравновешивали его) своими противонаправленными влияниями» [10, URL]. Тем не менее оба философа указывали на самобытность русской веры, противопоставляя её официальным религиозным догматам. По мнению Александра Эткинда, розановское понятие «русской веры» – эквивалент «народной веры» Вл. Соловьёва – шире православия, поскольку включает также старообрядчество и секты. К последним философы относились неоднозначно. Так, В. Розанов посвятил изучению русского сектантства двухтомный труд «Метафизика христианства» [9]. Особенно его интересовали распространившиеся в конце XIX в. религиозные течения скопчества и хлыстовства, призывавшие к отрицанию телесного начала в человеке во имя торжества духовного.

В работе А. Эткинда «Содом и Психея» есть глава «Революция как кастрация: мистика сект и политика тела в поздней прозе Блока». В ней особое внимание уделяется отрицанию тела, характерному для мировоззрения русской интеллигенции начала XX века [2, URL]. Исследователь проводит параллель между идеологией крайнего религиозного сектантства (в частности скопчества) и религиозной идеологией А. Блока: «Основной символ позднего Блока – “полет”, “порыв”, “ELAN”. Он, как замечает исследователь, несовместим с похотью, органы чувственности нужно обменять на крылья» (цит. по: [1, URL].) К идее скопчества в символико-метафорическом её понимании восходит также ощущение А. Блоком себя «тупиковой» ветвью рода.

Мысль о вторичности телесного начала по отношению к духовному легла в основу религиозно-мистического учения Владимира Соловьёва, который переосмыслил платоновское понятие двоемирия. Высший, духовный мир, «незримый очами», Вл. Соловьёв называл подлинной реальностью, в то время как земная жизнь, по его словам, – всего лишь «отблеск», искажённое подобие этой реальности. Идеи Вл. Соловьёва, а также мистицизм его учения были восприняты Блоком как откровение и во многом определили направление его творчества.

Лирика А. Блока пропитана идеями мистических религиозных учений, распространённых в начале XX века. Так, стихи о Прекрасной Даме отсылают к соловьёвским образам божественной Софии Премудрости, Мировой Души, Вечной Женственности, Девы Радужных Ворот. В блоковской интерпретации образ Мировой Души – одухотворённого начала Вселенной, призванного спасти мир и наделить его божественной гармонией, – сливается с образом идеальной женщины и становится очень личным, отражая не только религиозно-философские взгляды поэта, но и его отношение к любви. Поэтому в стихах А. Блока после 1901-го года, когда поэт открыл для себя философию Вл. Соловьёва, обращение к божественной Прекрасной Даме сливается с молитвой:

Будут страшны, будут несказанны
Неземные маски лиц...
Буду я взывать к Тебе: «Осанна!»
Сумасшедший, распростертый ниц.
«Ты свята, но я Тебе не верю…» [3, с. 244]

Разумеется, в поэзии А. Блока находят отражение и традиционные православные идеи и образы. Ядром религиозной концептосферы произведений Блока являются концепты ***Бог, Душа, Вера, Церковь*** и ***Христос***.

Значимым для идиостиля поэта является также концепт ***Прекрасная Дама***, который можно отнести к вторичным религиозным концептам. Однако его изучение не входит в задачи настоящего исследования.

В качестве ядра блоковской религиозной концептосферы был выделен концепт ***Христос***, поскольку именно он выражает суперморальные ценности автора. Данный концепт характеризуется ёмкостью и неоднозначностью: его значимую часть составляет концепт ***Русский Христос***, однако в идиостиле автора он приобретает и другие характеристики, иногда противоположные оценочно-смысловому наполнению концепта ***Русский Христос***. Важнейшим свойством данного концепта является использование его автором с целью характеристики личных качеств и психического состояния лирического героя:

Да. Ты – родная Галилея
*Мне – **невоскресшему Христу.***
«Ты отошла, и я в пустыне…» [4, с. 40]

Отдельного внимания заслуживают прономинальные вербализаторы концепта ***Христос*** «Он» / «Его», довольно часто используемые поэтом:

*И **Он** идет из дымной дали;*
*И ангелы с мечами – с **Ним**;*
Такой, как в книгах мы читали,
Скучая и не веря им.
«Сон» [4, с. 155]

Употребление личных местоимений и их онимизация наделяет концепт ***Христос*** дополнительными смыслами, указывая на его особую значимость для автора. Умышленно «избегая» прямой номинации, поэт создаёт некий мистический образ Христа, образ-загадку. В стихотворении «Сон» имя Христа не упоминается, и читатель может «расшифровать» его благодаря косвенным указаниям: *Воскресение, ангелы с мечами, древний склеп* и др.

Анализ лексических единиц, вербализующих религиозные концепты ***Бог***, ***Душа, Вера*** и ***Церковь*** в произведениях А. Блока, позволил выявить такие их особенности:

1) Концепт ***Бог*** в поэзии А. Блока мотивирован абстрактным понятием, а его антропоморфные характеристики, характерные для русской наивной картины мира (см.: [6]), проявляются нерегулярно и носят метафорический характер.

2) Концепт ***Душа*** в произведениях А. Блока не всегда имеет религиозную коннотацию. Его прямая номинация чаще всего используется в значениях «внутренний, психический мир человека», «человек», «сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти», что обусловлено его тесной связью с концептом ***Человек.*** Однако последнее толкование данной лексемы указывает на сакральную природу души как связующего звена между человеком и Богом:

*Вознесусь **душой** нетленной*
На неведомых крылах.
Сердцем чистые блаженны –
Узрят бога в небесах. «Новый блеск излило небо…» [3, с. 107]

3) Концепт ***Церковь,*** представленный в произведениях А. Блока большим количеством разнообразных вербализаторов, приобретает несколько специфических коннотаций: храм в блоковских произведениях становится таинственным, мистическим местом, где лирический герой встречается с ирреальными существами (призраком, Прекрасной Дамой). Вербализатор данного концепта, лексема «монастырь», наделяет концепт особыми, индивидуально-авторскими смыслами, в которых реализуется идея затворничества, добровольного отречения от мира: *Ты сама придёшь в мою келью / И разбудишь меня от сна* [3, с. 244].

4) То же символическое значение выполняет в идиостиле А. Блока лексема «монах», вербализующая концепт ***Священнослужитель***. Как и многие блоковские концепты, он характеризуется неоднозначностью. Одни из его вербализаторов имеют негативную оценку и используются для создания картины русского крестьянского быта («поп», «иерей»), другие стилистически нейтральны и называют субъект религиозного обряда («священник»), третьи приобретают символическое значение («монах», «чернец»).

5) Концепт ***Вера*** реализуется в поэзии А. Блока посредством двух идей: веры, как естественного психического состояния человека, и религии. При этом ценностный компонент концепта выражен в первом понимании веры, которую поэт считает необходимым условием внутренней гармонии человека. Исходя из этого, *вере* А. Блок противопоставляет *безверие* как негармоничное, неспокойное душевное состояние:

Или в минуту ***безверия***
Он мне послал облегчение?
«Медленно в двери церковные…» [3, с. 166]

В блоковской идее *религии* ценностный компонент ослаблен. Поэт чётко не выражает своей принадлежности к православию. Н. А. Бердяев отмечал, что «Блок всегда упорно сопротивлялся всяким догматическим учениям и теориям, догматике православия и католичества, догматике Мережковского, догматике Р. Штейнера и многочисленным догматикам Вяч. Иванова. В его понятие о честности входило сопротивление догматике... Но лирика его связана с исканием Бога и Царства Божьего» (цит. по: [7, URL]). Поэтому в поэзии Александра Блока практически отсутствуют наименования религиозных конфессий, а лексема «православный» используется только в составе устойчивого словосочетания «православная Россия». Христианская позиция автора выражается через безоценочное противопоставление понятий *вера – иноверие*, *христианство – язычество*.

6) Концепты ***Бог***, ***Христос*** и ***Церковь*** в произведениях А. Блока эксплицируются системой визуальных символов, семантически связанных между собой. Это наименования цветовых символов, заимствованных автором из иконописи, а также названия природных явлений: *Я –* ***голубой****, как* ***дым*** *кадила, / Она –* ***туманная*** *весна* [3, с. 414]; *Купол стремится в* ***лазурную*** *высь* [3, с. 307]; *Но низка* ***зелёная*** *келья, / Бледно* ***золото*** *твоё* [4, с. 103]; *Нежной поступью* ***надвьюжной****, /* ***Снежной*** *поступью* ***жемчужной****, / В* ***белом*** *венчике из* ***роз*** *– / Впереди –* ***Иисус Христос*** [4, с. 324].

7) Т. П. Вильчинская указывает на то, что диалектика сакрального (религиозного) определяется взаимодействием священного и демонического [5, с. 127]. Таким образом компоненты религиозной концептосферы образуют модальную рамку «праведное – греховное».

Вышеперечисленным концептам аксиологически противопоставляются концепты ***Чёрт*** и ***Грех***. В поэтической картине мира А. Блока они находятся на периферии религиозной концептосферы.

Различные вербализаторы концепта ***Чёрт*** служат в блоковских произведениях разным художественным задачам: лексема «демон», как правило, используется для обозначения тёмной, страстной стороны человеческой души или с целью характеристики психического состояния лирического героя: *Я гляжу на тебя. Каждый* ***демон*** *во мне / Притаился, глядит…* [4, с. 210].

«Чёртом» поэт именует инфернальное существо, обитателя вымышленного, карнавального мира. Лексемы «чёрт» и «бес» отсылают к русской наивной картине мира, где они сохраняют языческую связь с силами природы:

Вертлявый ***бес*** *верхушкой ели*
Проткнёт небесный золотой,
И долго будут петь свирели,
И стадо звякать за рекой.
«Ищу огней – огней попутных…» [3, с. 411]

7) Как оценочное понятие ***Грех*** в блоковских произведениях используется для характеристики и оценки внутреннего мира, чувств, поступков человека. Так, греховными, или грешными, могут быть *мечты, помыслы, стихи, песни, смех, душа*.

В поэзии А. Блока отсутствует дифференциация человеческих грехов: они не конкретизируются и не оцениваются как «лёгкие» или «тяжкие». Отсутствует также связь блоковского концепта с внутренней формой прямой номинации («жжение совести»), а следовательно, стремление языковой личности оправдывать греховный поступок или делегировать ответственность за его совершение инфернальному существу, что характерно для русской наивной картины мира (см.: [6]).

Кроме того, в произведениях поэта ***Грех*** тесно связан с концептом ***Любовь*** и понимается не столько как тяжкое бремя вины, сколько как неотъемлемая часть удовольствия. Поэтому наряду с эпитетами *смертный* и *гнусный*, в блоковских стихах используются такие характеристики ***Греха***, как *тайный* и *невинный*:

Греши*, пока тебя волнуют*
Твои невинные ***грехи****,*
Пока красавицу колдуют
Твои ***греховные*** *стихи.*
«Жизнь моего приятеля» [4, с. 221]

Таким образом, в религиозной картине мира А. Блока сплелись воедино идеи канонического православия, религиозного сектантства и философско-религиозных учений конца XIX – начала XX вв.

Активное функционирование вербализаторов религиозных концептов в произведениях поэта (нами было проанализировано около 1000 микроконтекстов) и наполнение этих концептов индивидуально-авторскими смыслами свидетельствуют об их значимости в идиостиле А. Блока.

Библиографические ссылки

1. **Арьев А.** Петушок-Психея [Электронный ресурс] / Андрей Арьев // Новый мир. – 1997. – № 5. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/5/rew05.html
2. **Берг М.** Содом и психея [Электронный ресурс] / Михаил Берг. – Режим доступа : http://www.mberg.net/etkin/
3. **Блок А.** Собрание сочинений : в 6-ти т. – Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1898–1906 / вступ. статья М. Дудина; сост. и примеч. Вл. Орлова. – М., 1980. – 512 с.
4. **Блок А.** Собрание сочинений : в 6-ти т. – Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1907–1921 / сост. и примеч. Вл. Орлова. – М., 1980. – 472 с.
5. **Вільчинська Т. П.** Концептуалізація сакрального в українській поетичній мові XVII–XVIII ст. : монографія / Тетяна Вільчинська. – Тернопіль : Джура, 2008. – 424 с.

6. **Євраєва С. В.** Релігійні концепти як відображення російської наївної та індивідуальної картин світу (на матеріалі російських прислів'їв та поезії О. Блока) : автореф. дис. … канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / С. В. Євраєва. – Д., 2010. – 20 с.
7. **Левандовская О. В.** Евангельская символика в поэме А. Блока «Двенадцать» [Электронный ресурс] / О. В. Левандовская. – Режим доступа : http://festival.1september.ru/articles/213117/
8. **Орлов В. Н.** Гамаюн: Жизнь Александра Блока / В. Н. Орлов. – К. : Мыстэцтво, 1989. – 626 с.
9. **Розанов В.** Метафизика христианства / Василий Розанов. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2000. – 864 с.
10. **Эткинд А.** Розанов [Электронный ресурс] / Александр Эткинд // Хлыст (Секты, литература и революция) – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – С. 179–190. – Режим доступа : http://users.kaluga.ru/kosmorama/whip2.html

Надійшла до редколегії 15.05.11

УДК 811.161.2'38

Г. П. Євсєєва, В. С. Єгорова

Придніпровська державна академія будівництва та архітектури (м. Дніпропетровськ)

ДО ПИТАНЬ КУЛЬТУРИ МОВЛЕННЯ В ЗМІ (на прикладі видань Дніпропетровщини)

Розглянуто питання культури мовлення в засобах масової інформації, наведено приклади вживання русизмів, американізмів, жаргонізмів, розмовних слів у текстах дніпропетровських газет.

Ключові слова: культура, мовлення, засоби масової інформації, суржик, запозичення, жаргонізми, розмовні слова.

Рассмотрены вопросы культуры речи в средствах массовой информации, приведены примеры употребления русизмов, американизмов, жаргонизмов, разговорных слов в текстах днепропетровских газет.

Ключевые слова: культура речи, средства массовой информации, суржик, заимствованные слова, жаргонизмы, разговорные слова.

In the article the problems of the culture of the speech in mass media are considered, the examples of the usage of mixed Ukrainian and Russian, of mixed Ukrainian and American English, of slang and words of the common people in texts of Dnipropetrovsk newspapers are given.

Keywords: the culture of language, mass media, surzhyk, borrowing, slang, words of the common people.

Засоби масової інформації (ЗМІ) є одним із елементів громадського життя, який активно реагує на суспільні процеси, віддзеркалює їх, впливає на свідомість людей. Здатність швидко й майже повністю охоплювати найширші аудиторії дає їм змогу формувати суспільну думку, визначати духовні цінності. Ось чому мова ЗМІ, зокрема газет, важлива й актуальна проблема постійних наукових досліджень.

Часто саме газета стає мовним взірцем для своїх читачів. Одним із найвищих мовних авторитетів для сучасного українця є засоби масової інформації, зокрема газети і журнали. З огляду на це, підвищується відповідальність працівників друкованого видання за мовне оформлення газетних матеріалів, через які читач вдосконалює не лише свої орфографічні та синтаксичні навички, а й підвищує культуру мовлення. Тому ЗМІ повинні відігравати дедалі більшу роль у розвитку лі-

© Г. П. Євсєєва, В. С. Єгорова, 2011

тературної мови, у збагаченні її словника. Тобто мова газет має бути нормативною, літературною, стилістично виваженою.

Особливості газетної мови, у тому числі й культуру мови преси, розглядали провідні українські дослідники, зокрема мовознавці: М. Жовтобрюх, О. Пономарів, О. Сербенська, Л. Масенко, А. Васильєва, Н. Линник, М. Ковальчук, Н. Голікова та інші.

Мета цього дослідження – проаналізувати особливості мови преси, звернути увагу на культуру мови газет Дніпропетровщини.

Культура мови – це дотримання усталених мовних норм усної і писемної літературної мови. Головним завданням культури мови є виховання навичок літературного спілкування, засвоєння літературних норм слововживання, граматичного оформлення мови, у вимові та наголошуванні, неприйняття спотвореної мови або суржику.

В останні роки з'явилися нові спроби теоретичних досліджень суржику в статтях Т. Кузнєцової, В. Радчука, О. Рудої, О. Сербенської, М. Феллера, М. Флаєра, О. Шарварка та інших. Слушною є думка О. Сербенської, яка пише: «Сьогодні слово "суржик" почали вживати і в широкому розумінні – як назву здеградованого, убогого духовного світу людини, її відірваності від рідного, як назву для мішанини залишків давнього, батьківського із тим чужим, що нівелює особистість, національно – мовну свідомість… Скалічена мова отуплює людину, зводить її мислення до примітива. Адже мова виражає не тільки думку. Слово стимулює свідомість, підпорядковує її собі, формує. Суржик в Україні є небезпечним і шкідливим, бо паразитує на мові, що формувалась упродовж віків, загрожує змінити мову…» [1, с. 6–7].

На жаль, дуже часто наша періодика рясніє помилками різного типу, найпоширенішими з-поміж яких є суржикові покручі, тобто російські слова, вимовлені на український лад, або українські слова, оформлені по-російськи: *утюг, міроприємство, ступєнька, клюква, мова йдеться* і т. п. Наведемо приклади подібного явища з деяких газет Дніпропетровщини: *Масляну настільки шанували, що придумали* (укр. – *вигадали*) *назви для кожного з її днів* (НМ, 22.02.09); *Вхід на фестиваль – безплатний* (укр. – *безкоштовний*) (З, 18.01.11); *А банк і досі прид'являє* (укр. – *висуває*) *вимоги до сплати* (укр. – *щодо сплати*) *кредиту до так званого боржника* (НМ, 19.01.11); *Результати податкових перевірок не примусять довго чекати* (укр. – *не забаряться*) (НМ, 20.02.09); *А Галина, Олександр, Параска, Павло і Надія із своїми дітьми та внуками* (укр. – *онуками*) *... тішать її серце, збираючись у цьому гостинному домі* (Вет.П, 15.01.11); *Її вислідили* (укр. – *вистежили*) *і розстріляли* (Вет.П, 15.01.11); *Тому саксаганці придумали* (укр. – *вигадали*) *замінити стару металеву трубу сучасною пластиковою…* (ВП, 18.01.11); *Тож надіємось* (укр. – *сподіваємось*) *на плідну співпрацю з нашими комунальниками* (ВП, 18.01.11); *Так історично склалося, що Правобережна Україна довгий* (укр. – *тривалий) час перебувала у складі Речі Посполитої…* (ВП, 18.01.11). Таких слів, що увійшли до нашої мови непроханими гостями, є багато. Ми настільки звиклися з ними, що часто й не помічаємо, як вони зриваються з уст. Правда, людина, яка стежить за своїм мовленням, за його культурою і чистотою, вживає русизмів менше, рідко хто не вживає зовсім, але більшість мовців, на жаль, не замислюється над своїм мовленням, не прислуховується до себе, внаслідок чого і виходить макаронічна мова.

Ще одним суттєвим недоліком є плутанина з відмінками, несприйняття українських закінчень*: Проблема підтоплення територій довгі роки була актуальна* (прав. – *актуальною*) *для Синельникового* (ВП, 13.01.11); *Ще в новорічні свята побували в цій школі-інтернат* (прав. – *школі-інтернаті*) *спортивного*

спрямування (З, 10.01.11); *Але криворіжцям нічого не загрожувало, адже місто розташовано* (прав. – *розташоване*) *на твердому базальтовому пласті.* (З, 18.01.11); *Олександр був найстарший* (прав. – *найстаршим*) (Вет.П, 15.01.11). *Вона додала, що тим прокурорам, які не звертають увагу* (прав. – *уваги*) *на скарги людей, проводять суперечні або протизаконні дії, загрожує покарання.* (ВП, 18.01.11).

Недосконалим є вживання кличного відмінка як ознаки української мови. Українська мова належить до тих слов'янських мов, що зберегли кличний відмінок, тоді як інші (російська, білоруська) втратили його. Важливо правильно утворювати форми кличного відмінка. Його мають усі іменники першої, другої та третьої відмін в однині. Але рідше утворюється він від іменників третьої відміни, бо це здебільшого назви предметів, понять, до яких ніхто не звертається, хоч і тут існує ця форма (переважно в поезії). Також важливо пам'ятати, що в українській мові форми звертань виражаються у кличному відмінку: *шановний Олександре Петровичу, друже Миколо, пане Максимчук.* Та, на жаль, вживання в газетних текстах кличного відмінка як ознаки української мови є недосконалим: *Прийміть же у цей ювілейний день, дорогий наш керівник* (прав. – *керівнику*), *побажання міцного здоров'я, сімейного затишку, нових професійних надбань* (З, 15.01.11).

Прийменник – це службова частина мови, яка разом з відмінковими закінченнями служить для вираження підрядних зв'язків між словами, вказуючи на відмінок іменника або займенника. Прийменники дають змогу чіткіше виражати смислові зв'язки між словами у реченні. Їх точне використання у відповідному контексті дозволяє уникнути небажаних двозначностей, особливо при перекладі українською мовою. Вживання сполучень слів з прийменниками викликає деякі труднощі і є причиною помилок у газетних текстах, спричинених незнанням значень деяких українських прийменників та наданням невластивих їм значень: *Кваліфікаційна комісія фахівців повітрянодесантної служби перевіряє знання методичних посібників та інструкцій по експлуатації* (прав. – *щодо експлуатації*) *цієї техніки, спеціального обладнання, виконання нормативів з ПДП* (НМ, 19.01.11); *У минулому році* (прав. – *торік*) *були добудовані та введені в експлуатацію об'єкти незавершеного житлового будівництва* (НМ, 19.01.11); *Нинішній рік має стати періодом активізації правозахисної діяльності по всіх* (прав. – *у всіх*) *напрямах* (З, 18.01.11); *Місце проведення фестивалю, Петриківку, обрали свідомо, адже розпис цей знають по всьому* (прав. – *у всьому*) *світі* (НМ, 02.07.10); *У цьому році* (прав. – *цього року*) *на заходи з енергозбереження у міському бюджеті передбачено 3,6 млн. гривень* (НМ, 19.01.11); *Втім, коли ми говоримо про розбіжності та особливості в українському народові* (прав. – *українського народу*), *нам не треба забувати, що всі ми поєднані одними державними цінностями і при всіх відмінностях – єдині* (ВП, 18.01.11); *Я зрозумів та відчув це ще з 1999 року* (прав. – *1999 року*), *коли розпочав свою трудову діяльність у Криворізькому районі* (З, 18.01.11); *Є немало прикладів, коли й на фермерських невеликих наділах* (прав. – *з фермерських невеликих наділів*) *господарі отримують високі врожаї* (ВП, 18.01.11); *На даний момент* (прав. – *сьогодні*) *загрози зсувів тут немає* (ВП, 13.01.11).

Трапляються помилки у слововживанні, у виборі морфологічних форм та побудові синтаксичних конструкцій. А тому іноді маємо недосконалі вислови на шпальтах місцевих газет: *Тому уклінно дякує пекарям, що усердно* (прав. – *старанно*) *потрудилися* (НМ, 17.04.09); *Також поменшало* (прав. – *стало менше*) *звертань щодо вирішення земельних питань* (ВП, 13.01.11); *Тим не менше* (прав. – *проте*), *відзначено певне збільшення фінансування окремих напрямків* (прав. – *напрямів*) (ВП, 13.01.11); *Тимофій Гордійович розповідає, що нічого спеціально* (прав. – *на-*

вмисне) *не робив, аби стати довгожителем* (ВП, 13.01.11); *Мова йшла* (прав. – *ішлося*) *про те, як вести житлове господарство* (З, 15.01.11); *У коксохімічному технікумі Кривого Рогу відкрилася фотовиставка Олександра Панкова, який також співробітничає* (прав. – *співпрацює*) *із "Зорею"* (З, 15.01.11); *У районі Катя зайняла* (прав. – *посіла*) *перше місце* (Вет.П, 15.01.11); *Зокрема, йдеться про порушення питання щодо відповідності зазначених керівників займаним посадам* (прав. – *посадам, які обіймають*) (З, 18.01.11); *На ці та інші запитання, пов'язані зі здоров'ям очей* (прав. – *про здоров'я очей*), *ви зможете одержати відповіді у фахівця* (З, 18.01.11); *Люди задають* (прав. – *ставлять*) *питання такі, що є загальними для більшості населення* (З, 18.01.11).

Неправильна побудова речень іноді призводить до спотворення змісту таких конструкцій: *Після Перемоги колишній солдат працював на відновленні народного господарства в своєму селі* (Вет.П, 15.01.11); *У ході запеклих боїв з'єднання, у складі якого нищив фашистів командир ескадрону Костянтин Недорубов, стало гвардійським* (Вет.П, 15.01.11); *Якщо треба, то й трактора десь домовимось* (З, 18.01.11); *Сьогодні й справді нічого навіть приблизного на цей рахунок не зустрінеш* (З, 18.01.11).

Однак варто зазначити, що найчастіше в газетах все ж таки використовуються правильні конструкції, адже більшість журналістів – люди освічені і працюють над вдосконаленням мовної грамотності і культури. Доказом цього можуть бути цитати з місцевих газет : *Протягом минулого року вони заощадили 35 мільйонів кВт/год електроенергії* (НМ, 19.01.11); *Затримували учнів і в комп'ютерних клубах у навчальний час* (З, 15.01.11); *У Дніпродзержинську тривають роботи з благоустрою* (13.01.11). *Найближчим часом приберуть хащі та будівельне сміття…* (ВП, 13.01.11).

Позитивним є і те, що орфографія дніпропетровських газет найменше уражена безграмотністю. Це правила, що зберігають зміст слів і дозволяють нам розуміти одне одного. Повторювані протягом тривалого часу помилки призводять до того, що слово втрачає свій звичний вигляд. Воно стає невпізнанним. А це загрожує взаємонепорозумінням між різними поколіннями, тобто розривом історії – у наших нащадків може з'явитися слово, зовні цілком відмінне від слова, яке в нас має те ж саме значення. Тож орфографічні помилки журналістів можуть бути небезпечними, бо для багатьох їхня мова залишається прикладом для наслідування. У досліджуваних газетах все ж зустрічаються орфографічні недоліки, хоч їх і небагато. Серед найчастіше повторюваних – чергування *у/в, і/й,* вживання постфіксів *ся/сь*, написання складних слів та інші: *Нещодавно шановані гості побували у підшефних й* (прав. – *і*) *привітали їх з Днем Святого Миколая* (ВП, 13.01.11); *Ми отримаємо стратегію євро освіти* (прав. – *євроосвіти*) *для студентів…* (НМ, 10.07.09); *В* (прав. – *у*) *рамках проекту протягом останнього року відбувся візит українських партнерів до Любліна…* (НМ, 15.12.10); *Не забарилось* (прав. – *не забарилося*) *з висновками й вибагливе журі…* (З, 15.01.11); *І суть завдань, які ставить перед нами президент* (прав. – *Президент*), *дуже проста: «Україна – для людей»* (З, 15.01.11); *Поспішайте занотовувати свідчення, адже учасників бойових дій залишилось* (прав. – *залишилося*) *вже не багато* (прав. – *небагато*); *По перше* (прав. – *по-перше*), *це свято символізує з'єднання територій, на яких проживають українці* (ВП, 18.01.11).

Іноді в газетах трапляються і стилістичні помилки. В. Костомаров пише: «Характеризуючи сьогоденний стилістичний смак, слід зазначити, що не просто насичення мови сумнівними словами і зворотами малюється його сутність, але й загальна свобода, не просто зняття заборони, але принциповий допуск будь-яких у даному випадку відповідних засобів виразу у мові газет. Іншими словами, він

(тобто смак) характеризується ставкою на змішання, суміщення, зчленовування будь-яких одиниць мови, на неоднорідність мовної форми спілкування, на гетерогенність кожного окремого тексту» [2, с. 5]. Звичайно, така мішанина не сприяє підвищенню рівня національної культури. У контексті стилістики варто говорити й про таку лексику, яку більшість словників уводить до мовного обігу, проте при уважному аналізі все ж відбиває свої стилістичні недоліки. Йдеться насамперед про використання синонімів: *Наш заклад – Дніпропетровський національний університет має договори* (можна – *угоди*) *з Харківським національним університетом* (ВП, 18.01.11); *... а також практично* (можна – *майже*) *всі підприємства, які споживають воду…* (З, 18.01.11). Звичайно, іноді деякі питомо українські варіанти (*жирне масло – масне, мастке, ситне*) не є такими поширеними, проте кому ж братися за стилістичне збагачення нашої мови, як не журналістам. До стилістичних помилок газетних текстів можна долучити і тавтологію. Тавтологія – спеціальне або непередбачене повторення тих самих, спільнокореневих або близьких за значенням слів. Тавтологія як стилістичний засіб увиразнення належить до стилістики, як спосіб організації віршованого мовлення – до віршування, як прояв мовленнєвої неохайності – до культури мовлення [3, с. 670–671]. У газетах Дніпропетровська зустрічаємо невиправдане повторення тих самих і спільнокореневих слів, що збіднює лексичний склад тексту: *Ірина Кириченко і Дмитро Іванов, які гідно представили наше місто і <u>стали чемпіонами на чемпіонаті світу</u> з академічного веслування серед спортсменів-параолімпійців у польському місті Познань* (НМ, 11.10.09); *Перемоги та <u>спортивні досягнення</u> двох останніх <u>спортсменів</u> стали можливими завдяки копіткій роботі з ними досвідченого фахівця… Валерія Цодікова…* (НМ, 11.10.09); *<u>У лікарні</u> вона провела два роки, <u>лікарі</u> повернули їй можливість рухатись…* (З, 18.01.11); *Якої <u>твердості</u> духу! Сьогодні <u>утвердилася</u> думка, що перед партійними керівниками всі стояли навитяжку* (З, 18.01.11). До тавтологічних помилок належать і підрядні словосполучення, які легко віднайти у тексті значення головного і залежного слів, зміст залежного входить у семантику головного слова: *натовп швидко кинувся, вільна вакансія, захисний імунітет, моя автобіографія*. Далі зустрічаємо й такі стилістичні помилки: *Так, на <u>січень місяць</u> виплатні документи підготовлені з урахуванням прийнятого Закону України «Про Державний бюджет України на 2011 рік»* (З, 15.01.11); *Він наголосив, що будівництво <u>соціального і</u> <u>доступного</u> житла залишається серед пріоритетів діяльності обласної влади й у 2011-му.* (НМ, 19.01.11); *При цьому <u>більша половина</u> – 14,5 млн. грн. – припадає на підприємства-банкрути та неактивні підприємства* (З, 18.01.11); *Позиція моєї шановної колеги <u>і тоді, і зараз завжди</u> зрозуміла…* (З, 18.01.11).

Окремої уваги потребує так звана американізація мовного простору українських ЗМІ, зокрема преси. Українсько-американський суржик уже став самостійним явищем нашого інформаційного простору. Розвивається зовнішня економіка України, розширюються культурні зв'язки із країнами Заходу і, як наслідок, мова збагачує свій лексичний запас іншомовними словами. Українські ЗМІ на такі події реагують швидко. І ось уже на шпальтах газет рясніють чужі слова: *мас-медіа, тату́, ріелтор, дефіле, хіт, шоу-бізнес, арт-салон* та інші. З одного боку, велика кількість запозичень свідчить про зростання числа двомовців (або багатомовців) серед українського населення. І це добре. З іншого боку, часто така двомовність (або багатомовність) є невисокою, недосконалою, що призводить до змішування мов, надання одній з них, як правило, іноземній, переваг перед першою, рідною мовою. За цих умов відбувається засмічення українського мовлення внаслідок невиправданого вживання чужоземних елементів. Саме цим можна пояснити появу в друкованих виданнях великої кількості англіцизмів, які не тільки не збагачують

нашу мову, а, навпаки, руйнують її самобутність. Наведемо кілька прикладів: *Відвідувачі виставки у книзі відгуків відзначають, що це криворізьке ноу-хау* (З, 15.01.11); *І ми, журналісти трьох редакцій, регулярно здійснювали рейди по районах, які змагалися між собою* (З, 18.01.11); *Як зазначив міський голова Юрій Вілкул, бігборди, виготовлені з металевого прокату, мають незадовільні естетичні показники* (ВП, 18.01.11). Англомовні запозичення часто є незрозумілими для простого читача. Кількість англіцизмів в одній фразі часом сягає такого числа, що людина уже нездатна сприймати інформацію: *Генеральний директор холдингової, консалтингової чи трастової компанії організовує тренінгові курси, наділяє бізнес-планами, складає лістинг котирувань відповідно до маржі, встановленої Нацбанком, укладає ф'ючерсні контракти, які набувають сили при в'їзді до офшорних зон* (НМ, 17.04.09).

У текстах ЗМІ серед запозичень переважають, як зазначалося, слова англійського походження. Менший відсоток становлять запозичення з французької, німецької та інших мов. Наприклад: *Так відбулося моє знайомство з душевною, простою, відповідальною і зовсім незаангажованою жінкою з чудовим російським ім'ям Анастасія* (З, 18.01.11); *Коли ми, заінтриговані обіцяним, прибули до Свято-Миколаївського собору в Синельникове, мені пригадалася розповідь матері про прадіда Марка* (НМ, 17.04.09); *...Намагалися спалити фаєрами не лише володіння Гріна, а й самого рудоволосого воротаря збірної Англії* (НМ, 11.10.09).

Іноді людям, які вже звикли до запозичених слів, здається, що неможливо дібрати українських відповідників. Але це не так. Скажімо, популярне слово *консалтинг* має в українській мові сім відповідників (деякі з них – синоніми): *порадництво, дорадець, порадник, радний, дорадчий, порадний, порадчий* [5, с. 4].

Зрозуміло, що будь-який суржик, чи українсько-англійський, чи українсько-російський, не може претендувати на статус норми, оскільки руйнує системи обох контактуючих мов. Особливо потерпає мова-сприймач, українська, бо їй нав'язується нездатність обходитися власними виражальними засобами. Спостерігаємо тенденцію до надання переваг англійській мові у контактах з українською, а це негативно впливає на мовну свідомість українців. Тож можна порадити журналістам, редакторам, усім, хто причетний до ЗМІ, впроваджувати українські слова замість іноземних скрізь, де вони можуть задовольнити потреби спілкування.

Характерним для газетної мови на сучасному етапі є тяжіння до розмовних і просторічних елементів, а також до використання жаргонізмів. Прокрадаючись через ЗМІ в систему мови, такі мовні засоби з часом можуть стати приналежністю літературного стандарту. Так, наприклад, ми спостерігаємо помітний вплив соціальних жаргонів (молодіжного сленгу та кримінального арго) на сучасну мову преси. Автори досить вільно вводять у свої тексти арготизми та сленг і таким чином пропагують жаргонне мовлення. На жаль, ненормативна лексика стає нормою не тільки усно-розмовної мови, але й поширюється на мову преси. Помилковою є думка журналістів про те, що необхідно писати мовою, якою люди спілкуються щодня в побуті. Тому і дозволяють вживання у газетних публікаціях розмовних та жаргонних слів. І забувають, що ЗМІ повинні нести в народ культуру мовлення, а не розмовляти зниженою мовою.

Жаргонні слова не мають лексичних відповідників у літературній мові, а можуть бути визначені лише через описову конструкцію. Використовуються слова із жаргону музикантів *(тусовка, розкрутити),* молодіжного жаргону *(прикол, розслабуха),* жаргону військових *(дух, дембель, батя, салага),* кримінального жаргону *(зек, пахан, розколовся),* жаргону наркоманів *(наркота, ломка, ширка).* Входження жаргонної лексики у стиль газет зумовлене насамперед її експресивністю, прагненням журналіста яскраво викласти думку, загострити увагу читача на пев-

них реаліях суспільного й політичного життя. Наведемо деякі приклади використання жаргонізмів у газетах Дніпропетровська: *Тут Олександру дуже згодився набутий досвід у роботі нескорених патріотів, коли він з пацанами розклеював листівки, в полі обривав електронний зв'язок, що з'єднував німецькі об'єкти* (Вет.П, 15.01.11); *Спочатку він слушно звернув увагу делегата УЄФА на дії наших фанів* (НМ, 11.10.09); *На щастя, фарт не покинув збірну України після невдачі Шевченка* (НМ, 11.10.09); *Команду Славена Біліча принизили по повній* (НМ, 11.10.09); *Словом, почалося тертя* (З, 15.01.11).

Журналісти нерідко для своїх статей обирають насамперед лексику розмовної мови, бо вона має великий потенціал виражальних засобів, дає необхідний експресивний ефект, робить текст конструктивним [3, с. 66]. Такі елементи розмивають межі між «серйозними» стилями та розмовно-побутовими типами мовлення. Розмовна лексика надає повідомленню виразності, образності, емоційного забарвлення, тому й приваблює працівників ЗМІ. Іноді доцільне, свідоме використання елементів розмовно-побутового стилю, підпорядковане меті висловлювання, сприймається як цілком природне урізноманітнення мови, щоб краще та переконливіше розкрити певну думку. Головне, щоб такий словесний матеріал не став нормою мови преси. Просторічні, розмовні лексичні одиниці та синтаксичні конструкції знаходимо і в дніпропетровських газетах: *Якщо брати кредит, то це обов'язково відіб'ється на ціні й до того недешевого хліба* (З, 18.01.11); *А це завжди влітає у досить солідну копійку* (З, 18.01.11); *А це, будемо називати речі своїми іменами, окреме явище, яке цікаве не лише селянам, а й жителям міст* (З, 15.01.11); *Пенсійна реформа – дуже чутлива* (З, 15.01.11); *Її представники спромоглися заткнути за пояс усіх своїх конкурентів* (НМ, 17.04.09); *Автомобіль мав піти на сплату боргу* (НМ, 19.01.11); *Вони отримали похоронку…* (Вет.П, 15.01.11); *Привітати старожительку району приїхали голова районної ради Віктор Куліковський, заступник голови райдержадміністрації Олександр Трофимюк, сільський голова Миколаївки Наталя Лисенко* (Вет.П, 15.01.11); *Інколи скаржиться на болячки та забудькуватість* (Вет.П, 15.01.11); *Всі своїм вухам не повірили* (Вет.П, 15.01.11); *Майстри-кулінари випікали обрядові короваї, пиріжки та іншу смакоту на фестивалі хліба* (НМ, 02.07.10).

Отже, сфера сучасних українських засобів масової інформації засвідчує: мова живе, розвивається, і завдання небайдужих до її долі всіх громадян України, а особливо журналістів, дбати, щоб мова зберігала свої національно-культурні риси. А от акули пера мусять мати тонке мовне чуття, розуміти, що треба, а чого не варто пускати в інформаційний світ. Та й загалом, усім носіям української мови необхідно частіше заглядати у словник, аби в повному обсязі використовувати те словесне багатство, яке має наша мова. І пам'ятати: мова – це не лише засіб спілкування, а й національний скарб, збереження державності країни, особливий чинник формування нації.

Бібліографічні посилання

1. **Антисуржик** / за ред. О. Сербенської. – Л. : Світ, 1994. – 149 с.
2. **Костомаров В. Г.** Языковой вкус эпохи: из наблюдений над языковой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М. : Златоуст, 1994. – 320 с.
3. **Линник Н.** Вживання зниженої лексики у мові друкованих засобів масової інформації та її вплив на норми літературної мови / Н. Линник. – Режим доступу : www.nbuv.gov.ua.
4. **Літературознавчий словник-довідник** / за ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва. – К. : Академія, 1997. – С. 670–671.

5. **Нікітіна Н.** Українська мова на телебаченні / Н. Нікітіна // Дивослово. – 2004. – № 12. – С. 4–6.

Джерела фактичного матеріалу

ВП – газета «Вісті Придніпров'я»
Вет.П – «Ветеран Придніпров'я» (додаток до газети «Зоря»)
З – газета «Зоря»
НМ – газета «Наше місто»

Надійшла до редколегії 31.05.11

УДК 811.161.2'37

М. Г. Зеленцова

Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського

СЕМАНТИЧНИЙ ПРОСТІР КОНЦЕПТУ «МЕНЕДЖМЕНТ ЗНАНЬ»

Розглянуто проблему семантичної структури концепту – однієї із найактуальніших проблем когнітивної лінгвістики. Виконано семантичний аналіз понять, які входять до семантичного простору концепту «менеджмент знань». Визначено особливості їх семантики.
Ключові слова: концепт, семантика, семантико-когнітивний підхід, менеджмент знань.

Рассмотрена проблема семантической структуры концепта – одной из самых актуальных проблем когнитивной лингвистики. Проведен семантический анализ понятий, которые входят в семантическое пространство концепта «менеджмент знаний». Определены особенности их семантики.
Ключевые слова: концепт, семантика, семантико-когнитивный подход, менеджмент знаний.

The article considers the problem of semantic structure of a concept as one of the most important problem of cognitive linguistics. The semantic analysis of notions which desribe the concept "Knowledge management" is conducted. The peculiarities of their semantics are determined.
Keywords: concept, semantics, semantic-cognitive approach, Knowledge management.

За свідченням З. Попової та Й. Стерніна, «когнітивна лінгвістика – це лінгвістичний напрям, що активно розвивається, визначаючи обличчя сучасної світової лінгвістичної науки» [12, с. 3]. Одними із центральних предметів її дослідження є когнітивна семантика та концепти, з допомогою яких відбувається модулювання світу. Феномен концепту набув поширення та став, треба сказати, «модним і навіть «ласим» об'єктом вивчення» в сучасних наукових розвідках [12, с. 45]. Розуміння концептів досить варіативне в сучасній лінгвістиці. Так, наприклад, існує кілька підходів до інтерпретації концепту, що докладно розглянуті у працях М. Агієнка, В. Іващенко, В. Карасика, О. Клименко, Т. Космеди, С. Нікітіної, О. Мальцевої, М. Піменової та ін. Класичне тлумачення концепту розробила О. Кубрякова: «Концепт – термін, що служить поясненню одиниць ментальних і психічних ресурсів нашої свідомості й тієї інформаційної структури, що відображають знання й досвід людини…» [8, с. 90].

На думку науковців О. Бабушкіна, З. Попової та Й. Стерніна, ідеальна сутність концепту розглядається з точки зору семантико-когнітивного підходу, тому що він матеріально втілюється в конкретних словах мови, оскільки «у самому слові так, як і в його вербальній дефініції, фіксуються результати когнітивних зу-

© Зеленцова М. Г., 2011

силь людського розуму» [1, с. 35]. Семантичну інтерпретацію концепт набуває також у дослідженнях М. Піменової, М. Алефіренка. Так, М. Піменова зазначає, що «когнітивний підхід у дослідженні семантики полягає у вивченні самого значення слова, в якому фіксуються не лише ознаки, необхідні та достатні для інтенсифікації того, що позначається, але й наївні знання про те, що позначається» [11, с. 14].

Нині прийнято широко відзначати той факт, що суспільство, в якому ми живемо, поступово перетворюється в «суспільство знань». Знання і здатність до їх творення та використання розглядаються як найбільш важлива запорука сталої конкурентної переваги у всіх сферах людської діяльності: бізнесової, наукової, суспільної тощо. Відповідно ще з середини 90-х років минулого століття активно дискутується потреба нової теорії, базованої на знаннях, яка б фундаментальним чином відрізнялась би від існуючих економічних та організаційних теорій. Знання – єдиний вид ресурсу, що істотно відрізняє один бізнес від іншого, ресурс, який не піддається швидкому відтворенню конкурентами, що дозволяє компаніям, що уміють їм управляти, отримати унікальні і стійкі переваги.

Початок XXI століття знаменується новими можливостями для поширеного застосування принципів і методів управління. Світова практика розробила певну типологію ініціатив, які заохочують працівників організацій до творчого ставлення. Усвідомлене ставлення вищого керівництва до необхідності управління процесом створення знань призводить до впровадження змін у структуру компанії. Тому з 90-х р. XX ст. починає своє становлення нова гілка в менеджменті – ***менеджмент знань*** (від англ. Knowledge Management – далі KM).

Метою даної статті є опис семантичної структури концепту «менеджмент знань» в українській мові. *Завдання,* поставлені в даній статті, зводяться до того, щоб: 1) дати визначення концепту «менеджмент знань» в українській мові; 2) виявити компоненти семантичної структури даного концепту; 3) проаналізувати особливості семантики кожного поняття, що входить до семантичного простору концепту «менеджмент знань» в українській мові.

Концепція «**менеджмент знань»** належить до числа тих розпливчастих понять, що можуть одночасно здаватися як усеосяжними, так і не означаючими нічого конкретного. За останні роки цю концепцію ототожнювали то з управлінням документами, то з інформаційними системами для бізнесу, то з засобами колективної роботи, то з корпоративними порталами і багатьма іншими модними новинками. Але система управління знаннями (менеджмент знань) – це не просто окремо узятий продукт.

Поняття «менеджмент знань» ще остаточно не сформувалося, а в нашій країні взагалі поки звучить екзотично. Те, що ми сьогодні називаємо «менеджмент знань», виникло років п'ятнадцять тому як новий напрям у менеджменті. Вперше термін *менеджмент знань* прозвучав у 1986 р. у виступі Карла Віга на конференції ООН. Спочатку під управлінням знаннями розумілися IT-рішення, спрямовані на збереження, структурування, аналіз, пошук звітів, аналітичних записок та інших документів з описанням певного успішного досвіду в галузі або в самій компанії.

Спочатку поняття «менеджмент знань» ніяк не було пов'язано з інформаційними технологіями. Первинною метою було створення керівництва і методик для оптимального використання інтелектуального потенціалу працівників компаній. Знання були визнані економічною категорією, і через короткий час з'явилися інформаційні технології для роботи з ними. Про те, навіщо потрібно KM для діяльності підприємства, які переваги воно дає, вельми повно описано в звіті Knowledge Management Research Report 2000 [6]. З цього документа виходить, що для більшості європейських і американських підприємств впровадження KM стало реальністю [4].

Також сьогодні в літературі з питань сучасних напрямків управління можна знайти найрізноманітніші визначення цього поняття, крім цього й використання одночасно двох термінів: *менеджмент знань* і *управління знаннями*. Їх часто ототожнюють, хоча між ними є відмінності. *Управління знаннями* належить до чисто функціонального завдання – управління систематизованою інформацією, а *менеджмент знань* – цілеспрямована діяльність людини або компанії, де «знання» розглядаються як головний стратегічний ресурс успіху, а філософія (цінності компанії) направлена на розвиток здатності навчатися, прогнозувати нові потреби, створювати нові джерела своєї конкурентної переваги.

Основи управління знаннями помітні у відомих з історії звичаях, пов'язаних з передачею родинних традицій ведення справ, купецької мудрості чи ремісничого досвіду. Суть сьогоднішнього управління знаннями в організаціях істотно не відрізняється від розуміння знань як важливого активу кожної організації. Як і раніше, вміння накопичувати знання, передавати їх та замінювати на кращі (зокрема, стосовно пропонованих іншими способів діяльності) нині так само важливі як основа діяльності організації. Порівняно зі згаданими прикладами з історії істотно змінилися обсяги знань та інформації, яка є здебільшого цілком доступною в організаціях та навколишньому світі, шляхи їх отримання, накопичення, утримування, передачі та заміни на те, що ми називаємо конкурентними перевагами [4].

Кваліфіковане управління знаннями – завдання більш складне, ніж управління матеріальними активами або фінансовими ресурсами. Вирішення цього завдання створює можливість отримувати принципово нові переваги в конкурентній боротьбі, оскільки дозволяє використовувати ще невідомі більшості суб’єктів ринку сигнали про перспективні технології, майбутні потреби та попит. У підприємств з’являється нагальна потреба в нових управлінських технологіях та інструментах, впровадження яких націлене на продукування, збереження та ефективне використання важливих знань та досвіду, здатних забезпечувати успішний розвиток підприємств у наддинамічному середовищі [18].

Проаналізувавши дефініції управління знаннями та менеджменту знань, можна зробити висновки, що під поняттям управління знаннями розуміють: 1) загальну назву для методик, організуючих процес комунікацій (цільового спілкування) в корпоративних співтовариствах; 2) сукупність процесів і технологій для виявлення, створення, розповсюдження, обробки, зберігання і надання для використання знань усередині організації; 3) базову функцію менеджменту знань. Під поняттям ***менеджмент знань*** розуміють: 1) цілеспрямовану організацію діяльності всієї компанії, де знання розглядаються як головний стратегічний чинник успіху; 2) філософію організації; 3) сукупність процесів і процедур, об'єднаних поняттям «знання» і направлених на підвищення конкурентоспроможності організації. Діяльність з менеджменту знань дозволяє набувати, зберігати, адаптувати, поширювати, створювати і комерціалізувати знання, уміння, досвід і комунікації.

Система управління знаннями – це система, яку будує організація для запровадження менеджменту знань, підтримуючи збирання, зберігання, пошук, відтворення, а також застосування знань. Це передбачає підтримку з боку керівництва, управління процесами обміну знаннями і застосування інформаційних технологій [17].

Інформатизація суспільства і впровадження нової концепції управління як менеджмент знань в організації створили передумови для переосмислення таких понять, як «**дані**», «**інформація**», «**знання**», «**технологія**», «**рішення**», «**навчальна організація**, «**компетенція**», «**корпоративна пам'ять**», «**інструменти керування знаннями»**, які якнайповніше розкривають поняттєвий зміст концепту «менеджмент знань». У століття комп'ютеризації достатньо легко отримати вели-

чезний масив даних або інформації, який може бути структурований, систематизований, кодифіковний. Потенційно інформація може бути доступна багатьом людям, але реально не всіма може бути засвоєна, а «споживання інформації тотожне формуванню нового знання» [3].

Тому під поняттям **дані** розуміють отримані емпіричним шляхом і зафіксовані факти, дискретну ситуацію / проблему / об'єкт, які описують поза контекстом, тобто характеризуючи окремі властивості об'єктів, процесів або явищ. Поняття **інформація** – це дані, що піддалися перетворенню в частині виділення контексту опису. Це структурований опис ситуації. Поняття **знання** – сукупність відомостей, понять, уявлень про будь-що, отриманих, придбаних, накопичених у результаті учення, досвіду, в процесі життя, і що зазвичай реалізовуються в діяльності. Найширше використовуються такі трактування знань з позиції управління ними в організаціях: 1. Знання є практичною інформацією, яка активно управляє процесами виконання завдань, вирішення проблем і ухвалення рішень; 2. Знаннями є слова, чинники, приклади, події, правила, гіпотези або моделі, які розширюють розуміння процесів і явищ, можливості їх використання в певній області діяльності.

Відповідно до першого визначення завдання управління знаннями позначається як їх систематичне формування, оновлення і застосування з метою максимізації ефективності підприємства і прибутку від активів, заснованих на знаннях. Друге визначення трактує управління знаннями як діяльність із формалізації і забезпечення доступу до практичного досвіду, знань і експертних даних, які створюють нові можливості, що сприяють вдосконаленню роботи, стимулюють інновації і збільшують споживну вартість товарів і послуг. У всіх визначеннях підкреслюється, по-перше, зв'язок знань з даними і інформацією, а, по-друге, роль знань у роботі організацій з погляду їх використання, вирішення організаційних проблем і ефективності управління. Чіткіше уявлення про відмінності між даними, інформацією і знаннями має значення для будь-якої організації. Знання – це не дані і не інформація, вони тісно пов'язані, але не взаємозамінні. Різні компанії нерідко витрачають чималі засоби на створення систем, що забезпечують їх якимись даними або інформацією, проте незабаром виявляють, що це не призводить до зростання організаційного потенціалу знань.

Поняття **«інформація»** підкреслює зв'язок змісту з даними, на базі яких отримана інформація, – це дані, представлені в контексті. В той же час тут виділяються нові якості, якими характеризується інформація в порівнянні з даними. Вона адресна – належить до ситуації того, хто її отримує і інтерпретує в своїх цілях. Існує деяка різниця між інформацією і знаннями. Інформація сама по собі може виявитися, в принципі, марною, якщо, зіштовхнувшись з задачею, працівник не розуміє, де шукати необхідну інформацію, як її використовувати і до кого звернутися по допомогу. Знання знаходяться у розумах людей і виявляють себе в момент взаємодії між ними. У процесі спілкування співробітники обмінюються знаннями, які неможливо почерпнути з документації й інших джерел інформації. Необхідно направляти цю взаємодію на досягнення мети, генерацію нових ідей і відновлення існуючих знань.

У більшості управлінських робіт підкреслюється, що знання – поняття ширше, глибше і багатше в порівнянні з інформацією. Вони є рухомим з'єднанням різних елементів – досвіду, цінностей, інформації, експертного бачення – і постійно міняються; вони інтуїтивні; характерні для людей і є невід'ємною частиною людської суті з її непередбачуваністю. Управління знаннями направлене на додавання реальних цінностей до інформації за допомогою її фільтрації, синтезу, узагаль-

нення і надання її у такому вигляді, який допомагає людям одержати необхідні знання.

Семантичний простір концепту «менеджмент знань» складає також поняття «**технології**». Так, для інтеграції в єдиний комплекс системи управління знаннями використовують **ряд технологій**: традиційні системи автоматизації й інформаційно-пошукові системи; електронну пошту, корпоративні мережі й Інтернет-сервіси; бази і сховища даних (data warehouse); системи електронного документообігу; спеціалізовані програми обробки даних (наприклад, статистичного аналізу); експертні системи і бази знань. Більшість оглядів концепції **менеджмент знань** приділяють увагу тільки первинному опрацюванню корпоративної інформації типу електронної пошти, програмного забезпечення колективної роботи або гіпертекстових баз даних. Вони формують істотну частину з необхідної, але явно недостатньої, технічної інфраструктури для керування знаннями.

Враховуючи поняття «**технології**», неможливо не розглянути поняття «**рішення**», тому що рішення в сфері інформаційних технологій (IT-рішення) допомагають зняти бар'єри на шляху вирішення задач формування єдиного робочого середовища, реалізації механізму відчуження, нагромадження, використання і модифікації знань, підтримки інновацій і доведення інформації про їх усім зацікавленим у них співробітникам. Управління завжди здійснюється з метою досягнення певних цілей, а реалізація цілей будь-якого організаційного формування забезпечується шляхом прийняття і виконання численних рішень. Тому до семантичного простору концепту «менеджмент знань» входить і поняття «**рішення**». Управлінські рішення є основою процесу управління, тому що вони – результат вибору суб'єктом управління способу дій, спрямованих на вирішення поставленого завдання в існуючій чи спроектованій ситуації. Вироблення рішення – це творчий процес вибору однієї або декількох альтернатив із множини можливих варіантів дій, спрямованих на досягнення поставлених цілей. Рішення є процесом, який реалізується суб'єктом управління та визначає дії, спрямовані на досягнення наперед визначеної цілі в певній фактичній чи запроектованій ситуації.

Поняття «**навчальні організації**», що поширилося в Європі і США в 1990-ті роки, в Україні стало відомо нещодавно. Одна з відомих у нас концепцій навчальної організації належить американцю П. Сенге. Інша, «європейська», була розроблена декількома авторами: Т. Бойделом, Н. Діксоном і П. Сенджем. Навчальна організація – це не нова модель побудови і розвитку компанії, а, скоріше, комбінація передових управлінських інструментів, зведених воєдино.

Одним з нових рішень щодо розуміння концепту «менеджмент знань» є поняття «**корпоративна пам'ять**», що за аналогією з людською пам'яттю дозволяє користуватися попереднім досвідом і уникати повторення помилок. Корпоративна пам'ять фіксує інформацію з різних джерел підприємства і робить цю інформацію доступною для фахівців під час вирішення виробничих завдань. Корпоративна пам'ять не дозволяє зникнути знанням фахівців, що вибувають (вихід на пенсію, звільнення та ін.). Вона зберігає великі обсяги даних, інформації й знань із різних джерел підприємства. Вони відображені в різних формах, таких як бази даних, документи й бази знань.

Також слід розглянути ще два поняття для розкриття семантичного простору концепту «менеджмент знань». Поняття **інструменти керування знаннями** – сукупність технологічних рішень для виявлення, зберігання, передачі, структуризації, обробки, перетворення, поширення й проведення інших операцій зі знаннями й інформацією, якщо це необхідно для ефективної діяльності співтовариства; сукупність організаційних методів і рішень, що дозволяють створити умови для ефективного обміну знаннями й інформацією [6].

Поняття «**компетенція**» об'єднує єдність знань, професійного досвіду, здібностей діяти і навичок поведінки індивіда, що визначаються метою, заданістю ситуації і посадою. Управління компетенцією – сукупність дій, направлена на придбання необхідної компетенції відповідно до потреб організації в якісному і кількісному складі персоналу. Говорячи про об'єм поняття професійної компетенції або якості особи, або знання, уміння, здібності, використовують абревіатуру KSAO: знання (knowledge); уміння (skills); здібності (abilities); інші характеристики (other).

Отже, до семантичного простору концепту «менеджмент знань» входять поняття, семантика яких якнайповніше відображає його поняттєвий зміст. Безумовно, менеджмент знань – якісно новий ступінь розвитку управлінської науки, тому що сучасна концепція управління знаннями відкриває широкі перспективи використання персоналу, створює умови вдосконалення функціонування організації в цілому та її інноваційного розвитку. А управління знаннями, в свою чергу, стає новою парадигмою сучасного менеджменту, воно виявляється стратегічним чинником успіху і забезпечує конкурентоспроможність підприємства.

У структурі концепту «менеджмент знань» визначено універсальні його семантичні ознаки, мовне вираження яких охоплює широке коло напрямів діяльності управління інтелектуальним капіталом, пов'язаних водночас як і з мудрістю чи розумом окремих осіб, так і з різноманітною інформацією, яка використовується у цій діяльності, а знання, що «вплетені» в організаційну структуру, перетворюються на потужний фактор конкурентоспроможності [4].

Варто зазначити, що один концепт не може бути виражений у мові вичерпно. Це пов'язано з тим, що пізнання індивідуальне так само, як і формування самого концепту. Розвиток інформаційних технологій, складні соціальні і культурні зміни в житті суспільства, процеси глобалізації і наростання конкуренції – всі ці чинники підводять до необхідності звернути особливу увагу на концепт «менеджмент знань». Але, в свою чергу, ніякі технічні інновації не можуть допомогти досягти конкурентоспроможності, якщо немає персоналу, здатного ефективно використовувати ці нововведення, якщо немає якогось креативного середовища, що породжує унікальне знання, необхідне для функціонування організації, що дозволяє забезпечити розвиток співробітників і бізнесу в найширшому розумінні цього слова. У цьому – суть менеджменту знань.

Бібліографічні посилання

1. **Бабушкин А. П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж гос. ун-та, 1996. – 104 с.
2. **Базилевич В. Д.** Інтелектуальна власність / В. Д. Базилевич. – К. : Знання, 2008. – 431 с.
3. **Бекетов Н. Ст.** Роль інформації і знань в сучасному економічному розвитку суспільства / Н. Ст. Бекетов // Инновации. – 2003. – № 1.
4. **Вавжиняк Б.** Управління знаннями – виклик майбутнього / Б. Вавжиняк. – Режим доступу : http://www.management.com.ua/hrm/hrm016.html
5. **Друкер Питер Ф.** Задачи менеджмента в XXI веке / Ф. Друкер Питер; [пер. с англ.]. – М. : Изд. дом «Вильямс», 2000. – 272 с.
6. **Звіт II Міжнародної HR-конференції «Knowledge Management»** / «Управління знаннями» 23–24 лютого 2006 р., м. Київ. – Режим доступу: http://www.management.com.ua/events/km_23-02-2006.html
7. **Коулопоулос Т. М.** Управление знаниями / Т. М. Коулопоулос, К. Фраппаоло. – М. : Эксмо, 2008. – 224 с.
8. **Кубрякова Е. С**. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; [под общ. ред. Е. С. Кубряковой]. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 248 с.

9. **Мильнер Б. З.** Управление знаниями / Б. З. Мильнер. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 465 с.
10. **Мильнер Б. З**. Управление знаниями в корпорациях / Б. З. Мильнер, З. П. Румянцева, В. Г. Смирнова, А. В. Блинникова. – М. : Дело, 2006. – 304 с.
11. **Пименова М. В.** Методология концептуальных исследований / М. В. Пименова // Антология концептов : в 5 т. – М. : Генеза, 2007. – Т. ½. – 2007. – С. 14–16.
12. **Попова З. Д**. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
13. **Приходько А**. **М.** Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запорожжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.
14. **Сайт виртуального сообщества молодых экономистов**. – Режим доступу : http://economica.org.ua/2009/upravlinnya-znannyami1
15. **Сайт Консалтинговой группы MD по развитию сети информационных бизнес-порталов**. – Режим доступу : http://www.md-management.ru/articles/html/.
16. **Сайт консалтинговой компании Iteam**. – Режим доступу : http://www.iteam.ru/publications/human/section_55/article_3080
17. **Сватюк О. Р.** Система управління знаннями як елемент менеджменту кадрової політики в організації / О. Р. Сватюк // Науковий вісник. – Вип. 17.8. – 2007. – С. 241–243.
18. **Титенко С. В.** Проблема моделювання знань в інтелектуальних навчальних Web-системах / С. В. Титенко, О. О. Гагарін // Интеллектуальный анализ информации ИАИ-2009 : матер. IX Междунар. науч. конф. им. Т. А. Таран. – К. : Просвіта, 2009. – С. 384–390.

Надійшла до редколегії 20.03.11

УДК 811.161.2'373.2+811.161.2'373.611

Г. В. Зимовець

Інститут мовознавства імені О. О. Потебні НАН України (м. Київ)

ОСОБЛИВОСТІ АНАЛІТИЧНОГО СЛОВОТВОРУ ЕРГОНІМІВ

Розглянуто особливості утворення ергонімів-юкстапозитів, з'ясовано характер їхньої мотивації у зв'язку із виконуваними ними функціями, проаналізовано типові мотиватори ергонімів-юкстапозитів.
Ключові слова: ергонім, мотивація, словотвір, юкстапозит.

Рассмотрены особенности образования эргонимов-юкстапозитов, определен характер их мотивации в связи с выполняемыми ими функциями, проанализированы типичные мотиваторы эргонимов-юкстапозитов.
Ключевые слова: эргоним, мотивация, словообразоание, юкстапозит.

The article focuses on characteristics of business compound names formation, correlation between their language motivation and functions is established, the main patterns of their semantics are analyzed.
Keywords: business name, motivation, word formation, compound noun

Об'єктом нашого розгляду є аналітичний спосіб утворення одиниць такого ономастичного розряду, як ергоніми, під якими ми традиційно розуміємо назви підприємств, організацій, відомств. Ергоніми окремих регіонів України вивчалися в аспекті мотиваційних моделей, способів їхнього утворення та, у меншій мірі, особливостей функціонування в працях О. О. Белея, О. Галай, Н. В. Кутузи, Н. М. Лєсовець, Л. Н. Соколової, М. М. Цілиної, С. О. Шестакової [2; 3; 4; 7; 8; 10; 11; 12; 13]. Будучи досить новою ономастичною категорією та результатом штучної номінації, ергоніми потребують розмежування з іншими лексичними розряда-

© Зимовець Г. В., 2011

ми, визначення специфіки їх будови та функціонування. Нашим завданням у цій статті є простежити особливості утворення ергонімів способом словоскладання. Попри велику кількість робіт із словоскладання (Є. А. Карпіловська, І. І. Ковалик, Н. Ф. Клименко, О. С. Кубрякова, В. В. Лопатін, І. С. Улуханов), все ще відсутня загальноприйнята термінологія щодо класифікації складних слів та розуміння трансформацій, які відбуваються при конденсації синтаксичних структур, що, імовірно, зумовлене саме їхнім тісним зв'язком із предикацією. «Загалом можна стверджувати, що така формальна операція, як складання, служить відображенню та вираженню зв'язаності предметів, процесів тощо у світі, що нас оточує, та через надзвичайну складність можливих типів зв'язку у дійсності може призводити до виникнення семантичних структур різного змісту» [6, с. 66].

Серед слів, утворених способом словоскладання, найбільш аналітичними є лексеми, утворені поєднанням двох слів без засобів формального зв'язку (насамперед, інтерфіксів), для позначення яких немає усталеної традиційної термінології. Ми спираємося на тричленну класифікацію складних слів, представлену в працях Н. Ф. Клименко [5], і називаємо такі утворення юкстапозитами. Серед основних ознак юкстапозитів дослідники виділяють такі: а) постійна номінативність; б) ідіоматичність лексичного значення, денотативна співвіднесеність; в) цілісне оформлення слова; г) синонімія слів і компонентів юкстапозитів; ґ) наявність поряд з ними синонімів [1, с. 102]. Формулювання першого критерію як «**постійної** номінативності» зумовлене необхідністю протиставлення юкстапозитів та апозитивних словосполучень. Однак, на нашу думку, потреба в такому розмежуванні знімається в контексті ергонімії, оскільки будь-яка власна назва за визначенням виконує номінативну функцію, позначаючи певний референт не лише в якомусь одному контексті, а для мовної спільноти (ширшої або вужчої) загалом. Стосовно деяких випадків констатуємо складність розмежування юкстапозиції та композиції у тому разі, коли перший компонент складного слова закінчується на -о, що є інтерфіксом в українській мові. Насамперед ідеться про випадки із топонімом *Дніпро*, які неможливо класифікувати однозначно: *Дніпро-Захід, Дніпрозварка, Дніпро-Каолін, Дніпрококс*.

Слід зазначити, що принцип цільнооформленості стосовно ергонімів-юкстапозитів не витримується, оскільки такі назви проявляють варіативність у графіці, а саме: вони можуть писатися разом, через дефіс або окремо (*Київхліб, Сталь профіль, Метал-холдинг, Бучач-цукор, Стандарт парк, Браво маркетинг*). Наслідком такої графічної неусталеності є поява омофонів (*Комп'ютер Сервіс* vs *Комп'ютер-сервіс*). На нашу думку, така відсутність єдиних стандартів у графічному оформленні ергонімів-юкстапозитів має як зовнішньомовні, так і внутрішньомовні причини. Останні стосуються перехідного характеру між розглядуваним типом словотвору та синтаксисом, на що вже вказувалося вище, що призводить до неусталеності в написанні не лише ергонімів, але і одиниць-апелятивів (*бізнес план* vs *бізнес-план*). Зовнішньомовною причиною є трактування оформлених з відмінами у графіці назв підприємств як окремих позначень суб'єктів діяльності, що породжує значну кількість подібних з позиції адресата найменувань. Така практика, мабуть, зумовлена обмеженістю лексичних ресурсів, які в стислій формі можуть інформувати потенційного споживача про характер діяльності підприємства. Зокрема, вищенаведена омонімічна пара адекватно виконує інформативну функцію власної назви, повідомляючи про сферу діяльності фірми. Натомість реалізація ідентифікаційної функції розрізнення конкретного суб'єкта в даному випадку була б ускладненою у разі співіснування цих двох підприємств на одній території. Однак, за даними довідкового видання «Золоті сторінки 2006», такі назви отримали компанії в різних регіонах, що на рівні мовлення знімає омонімію.

Ознака ідіоматичності, з нашої точки зору, відіграє центральну роль при розгляді семантики ергонімів-юкстапозитів, оскільки номінація, безумовно, не відображає всіх істотних ознак суб'єкта. Тому постає питання, що саме може бути покладене в основу назви, які семантичні переходи відбуваються при цьому. Стосовно апелятивів О. С. Кубрякова зазначала, що мотивація може мати відмінний характер, починаючи від прямого виведення одного слова з іншого, включаючи різні види асоціативних зв'язків за формою, кольором, смаком, призначенням, матеріалом, та закінчуючи такою непрямою мотивацією, як метафора, переніс тощо [6, с. 24].

У літературі загалом спостерігається консенсус стосовно того, що з позиції мотивованості ергоніми слід поділяти на ті, де простежується семантичний зв'язок між назвою та відповідним фреймом практичної діяльності людини, та ті, де називання відбувається не за ознаками, безпосередньо дотичними до основних елементів фрейму. Так, Л. Н. Соколова поділяє власні назви на мотивовані та умовно мотивовані [10]. До мотивованих, зокрема, належать ті, чиє доономастичне значення співвідноситься з відповідним об'єктом (референтом власної назви) за низкою ознак (місце розташування, функціональне призначення, своєрідність даного об'єкта або потенційний клієнт). У групу умовно мотивованих ергонімів дослідниця зараховує ті одиниці, доономастичне значення яких не викликає прямих асоціацій з названим об'єктом. При цьому основними семантичними групами, які онімізуються, за даними Л. Н. Соколової, є різні соціальні явища, назви творів, імена людей, космічні терміни, назви квітів, пташок, комах, мінералів, найменування різних абстрактних понять тощо. О. Галай розглядає мотивовані урбаноніми під терміном «асоціативні», поділяючи їх на 1) позитивні назви (позитивна емоційна оцінка); 2) естетичні найменування (фітоніми, колореми), 3) пафосні назви [4]. О. О. Белей пропонує класифікувати фірмоніми Закарпатської області на власні назви підприємств з прозорою мотивацією (з подальшим розрізненням залежно від конкретної мотиваційної ознаки) та одиниці з неясною мотивацією. За кількістю мотивів дослідник поділяє власні назви підприємств на однознакові, двознакові та багатознакові. Продуктивними мотиваторами, за його даними, є сфера діяльності фірми, її організаційна структура та правова форма. До рекламного типу мотивованості дослідник відносить емоційні конотації, теоніми, реалії західної культури, культуреми, кримінальні слова тощо. В окрему підгрупу ним виділяються випадки ідеологічної мотивації. «В українській ергонімії номінаційною рисою загальноонімного масштабу можна вважати ряд мотиваційних ознак, які розкривають, характеризують сферу діяльності, спеціалізацію найменованого підприємства, його організаційну структуру та правову форму, а також просторові відношення. Рекламу, асоціативні зв'язки як мотиваційні ознаки можна зарахувати до специфічних рис номінації у сфері ергонімії України» [2, с. 138–139].

С. О. Шестакова виділяє два основних розряди ергонімів: мотивовані та рецесивні (штучні слова). Перші, в свою чергу, поділяються дослідницею на реально мотивовані та умовно мотивовані. Реально мотивовані ергоніми безпосередньо вказують на факт, дотичний до діяльності підприємства та продукції. Умовно мотивовані назви натомість ґрунтуються на асоціативних зв'язках, які містять лише натяк на ознаки чи характеристики реалій.

М. М. Торчинський у мотиваційній класифікації власних назв виходить із основних ознак денотата, покладеного в основу власної назви, виділяючи такі класи: апотропейні, асоціативні, ідеологічні, квалітативні, локативні, меморіальні, номінальні, патронімічні, посесивні, символічні, ситуативні, сутнісні та темпоральні [11, с. 440].

Ми пропонуємо розрізняти експліцитно та імпліцитно мотивовані власні назви. Під експліцитною мотивацією розуміємо наявність у ергоніма семантичних зв'язків з позиції адресата. План вираження назв із імпліцитною мотивацією, на перший погляд, формується лише одиницями фонетичного рівня, однак такі ергоніми можуть мати приховані від адресата причини називання. Експліцитні назви, в свою чергу, поділяємо на метонімічні (індексальні), які вказують на певні компоненти фрейму продуктивної діяльності людини, метафоричні, які характеризують об'єкт через порівняння його з іншими референтами, символічні, що відсилають до певних мовних і, ширше, культурних смислів, а також аксіологічні. В основі останніх лежить індивідуалізація референта через модальність оцінки, яка, як відомо, не має дескриптивного характеру, а передає ставлення суб'єкта до об'єкта.

Мотивація ергонімів-юкстапозитів має в багатьох випадках прозорий метонімічний характер, причому наявність двох або більше коренів дозволяє значно посилити їхню інформативну наповненість, оскільки така структура забезпечує віднесення ергоніма одразу до декількох тематичних полів, що уможливлює різнопланове характеризування діяльності суб'єкта. Розглянемо основні випадки семантики юкстапозитів.

Частою моделлю є поєднання географічного компонента та вказівки на сферу або предмет діяльності, тобто спостерігається мотивація характерологічного типу. Найбільшу групу становлять поєднання ойконіма та апелятива із конкретним значенням: *Бердичівтара, Бершадьмолоко, Житомир-Авто, Львівхолод, Кривий Ріг Цемент, Азов-Вояж*, *Алчевськкокс, Артемсіль* тощо. Ергоніми з такою мотивацією здебільшого належать до підрядного типу, а в плані семантики є опосередковано ендоцентричними, тобто за своїм компонентом-основою вони є позначенням предмета діяльності, який через метонімічний переніс називає відповідне підприємство, відтопонімний елемент при цьому виконує атрибутивну функцію. У поодиноких прикладах базовий компонент складного слова є багатозначним, відкриваючи можливості для декількох інтерпретацій. Зокрема, у назві *Артем-Контакт* другий компонент належить до тематичного поля, пов'язаного із сферою діяльності (зварювальне обладнання), одночасно вказуючи на готовність до комунікації, що є бажаною рисою в бізнес-сфері.

Використання хороніма *Україна* у складі ергонімів-юкстапозитів має різні функції. В одних випадках констатуємо конкретизацію, тобто звуження, території діяльності материнської іноземної компанії: *Бізнес Аналітика Україна, Етол-Украіна*. В інших ергонімах цей пропріатив виконує протилежну функцію розширення території діяльності до меж всієї країни, водночас виступаючи засобом національної ідентифікації суб'єкта: *Бізнес Україна, Бізнес-Букет Україна*. Імовірно, що вибір стратегії номінації через конкретизацію ойконімом або топонімом іншого розряду зумовлений прагматикою, а саме масштабом діяльності підприємства.

Іноді роль ідентифікатора за місцем розташування відіграє гідронім, який представляє відповідний регіон: *Дон-Каскад, Донплод, Донцемент, Дністер Транс*. Однак в інших прикладах співзвучний вищезазначеному компонент ергоніма, швидше, відсилає до марки комбайнів *«Дон»*, будучи, відповідно, елементом, трансонімізованим у межах вже самої ергонімії: *Дон-Сервіс, Дон-Лан*. Значною продуктивністю при утворенні складених ергонімів відзначається гідронім *Дніпро*, однак мотивовані ним лексеми не піддаються однозначній трактовці щодо визначення словотвірного типу, на що вже вказувалося вище.

Крім топонімів, уточнення щодо географічного розташування компанії в межах України передають також апелятиви на позначення сторін світу: *Валгер-*

Юг, Восток-Маклер, Дніпро-Захід, Південь Сервер, Північ-Вікна. Функцію обмеження території діяльності виконує також апелятив ***регіон***: *Воля-Регіон, Нафта-Регіон, Регіон-Агро, Регіон-Прес, Регіон-Сервіс, Регіон-Трейд, Регіон-Юг*. Фактично використання зазначеного апелятива звужує діяльність суб'єкта місцем його розташування. Слід зазначити можливість одночасного використання звужуючого апелятива та топоніма, який називає відповідний регіон: *Донбас Сіль Регіон.* У деяких випадках інформація про розташування підприємства може мати ще більш звужений характер. В ергонімі *Аптека-Центр* апелятив вказує на місце розташування стосовно населеного пункту, тобто змінюється масштаб референції. Безумовно, що ефективність таких номінацій зумовлена ситуацією їхнього використання. Вони є достатньо інформативними для підприємств, орієнтованих на місцевий рівень.

Географічна номенклатура при використанні в ергонімії може зазнавати переосмислення. Наприклад, у назві *Бізнес Континент* (компанія спеціалізується на правовій допомозі), географічний термін зазнає метафоричного переносу, позначаючи не фізичний світ, а підкреслюючи дискретний характер бізнесу стосовно інших сфер життя, фактично виокремлюючи його. В інших випадках при використанні географічної номенклатури на перший план виходить символічна та естетична функція ергонімів-юкстапозитів: *Атолл Авто*, *Атолл Холдинг*. Імовірно, що одним із чинників використання цього апелятива є його асоціативні зв'язки із екзотичним, з позиції українського споживача, світом Тихого океану. Таке припущення підкріплюється використанням при просуванні автомобілів, які є предметом діяльності позначених за допомогою даного апелятива компаній, візуального ряду, пов'язаного із літнім відпочинком, екзотикою тощо.

Топоніми інших країн у складі ергонімів виконують відмінні функції. В одних випадках вони виступають на позначення території, з якою у підприємства є виробничі зв'язки: *Байкал-Трейд* (компанія займається деревообробкою). Але в більшості ергонімів іншомовний топонім має символічну функцію, яка в більшій або меншій мірі є прозорою щодо характеризування діяльності підприємства. Наприклад, у назві *Апельдоорн-Тур,* яка походить від назви міста в Голландії *Апелдорн* (*Apeldoorn*), констатуємо непрямий генералізуючий зв'язок топоніма із предметом діяльності підприємства – пасажирськими перевезеннями. Деякі випадки використання топонімів мають, на наш погляд, похідний від іншомовних номінацій характер. Зокрема, використання ойконіма *Аскона* (Швейцарія) виступає мотиватором українських ергонімів опосередковано через назву однойменної моделі автомобіля «Опель»: *Аскона-Маркет*, *Аскона-Центр*. Вживання історичних назв привносить у семантику аксіологічний та символічний компоненти. Позитивна оцінка при цьому виражається опосередковано через апелювання до вказівки на традиції: *Паллада-Авіатур, Фалбі-Славутич*. Подібний характер мотивації констатуємо в разі використання деяких іншомовних топонімів. У назві компанії *Волга-Центр* (продаж харчів) перший компонент є багатозначним прецедентним іменем, яке виступає в символічній функції. Більш визначений семантичний зв'язок спостерігаємо в ергоніма *Декор Версаль* (шпалери), який відсилає до уявлень про Францію як законодавця моди. Символічне використання ойконіма констатуємо також у випадку використання назви американського міста *Атланта*, яке асоціюється із капіталістичним способом виробництва: *Атланта Капітал* (цінні папери), *Атланта-Капітал* (нерухомість), *Атланта-Сервіс* (будівельні роботи). В окремих прикладах спостерігаємо складну взаємодію смислів. Перший компонент назви *Атлантіс-Центр* є транслітерацією позначення Атлантиди в англійській мові *Atlantis*, при цьому слід зазначити, що цей топонім набув додаткових культурних, у

т. ч. прецедентних, значень у результаті його використання в англомовній культурі на позначення дослідницького корабля, шатла, міст, ігор, компаній тощо. При використанні в Україні, очевидно, на перший план виходить прив'язка до Атлантичного океану, метонімічно позначаючи предмет діяльності компанії – продаж риби та морепродуктів.

Хоронім *Європа* в одних прикладах вказує на ціль діяльності підприємства. Наприклад, у назві туристичного оператора *Європа Плюс* обмежена територія його діяльності. Така сама мотивація притаманна транспортній компанії *Європа Транс*. В інших ергонімах він виконує радше символічну функцію, виражаючи ідеологічні цінності номінатора: *Європа Плюс*, *Європа Плюс Україна*, *Європа Прінт.*

Поширеною стратегію номінації серед ергонімів-юкстапозитів є використання у їх складі двох апелятивів на позначення предмета діяльності: *Абразив-комплект, Акумулятор-Сервіс, Кадастр-Аудит, Клімат Техніка, Ліспапір, Магніт-Інструмент, Офістехніка, Полімерконтейнер, Аудит-Тест, Бакалеяопт, Водатепло™*. Крім метонімічного переносу назви предмета діяльності на суб'єкта, спостерігаємо також використання синекдохи, тобто використання апелятивів, які належать до тематичних полів, пов'язаних із діяльністю підприємства: *Байт-Сервіс* (комп'ютери), *Декор-Центр* (будівельні матеріали). Апелятиви у складі ергонімів також вказують на професійну ознаку самого адресанта: *Акціонер-Річфлот-Реєстратор*, *Аудит-Фінансист*, *Бізнес Сервіс Провайдер, Визниця-Сервіс, Аналітик-Аудит, Аналітик-Реєстратор, Аналітик-Софт, Диллер-Центр, Фармацевт-Практик*. Ще одним продуктивним мотиватором ергонімів-юкстапозитів виступають апелятиви, які вказують на форму організації колективної діяльності людини: *Абразив-Центр, Авіа-Альянс, Артель-Групп, Артель-Кедр, Бізнес-Ліга, Бізнес-Центр, Біоальянс, Епос Холдінг, Брейн Груп, Вензель Груп.*

Деякі компоненти складених ергонімів широко використовуються в сучасних номінаціях, що дає підстави говорити про типову модель називання в тій або іншій галузі роботи підприємства. Така стратегія полегшує ідентифікацію сфери діяльності відповідного суб'єкта, знижуючи водночас індивідуальний характер назви. Як правило, подібний елемент вказує на широку сферу діяльності. Продуктивним елементом ергонімів є апелятив ***сервіс,*** який вказує на галузь надання послуг у поєднанні з лексемами, які конкретизують предмет діяльності: *Басейн Сервіс, Колірсервіс, Акумулятор-Сервіс, Аудитсервіс, Аудит-Сервіс, Газсервіс*. Крім того, характеризування суб'єкта діяльності відбувається через синекдоху із відповідного тематичного поля. Наприклад, у назві *Аргон-Сервіс* хімічний термін на позначення інертного газу вказує на сферу діяльності підприємства – зварювання металів. Подібним чином є мотивований і ергонім *Арка-Сервіс* (будівництво), у якому перший апелятив належить до периферії тематичного поля будівництва. Надзвичайною продуктивністю серед ергонімів-юкстапозитів відзначається апелятив ***бізнес***, який поєднується з ідентифікаторами на позначення предмета діяльності, організаційної форми підприємства, членів відповідних тематичних полів: *Бізнес Інтернет Центр, Бізнес Автоматика, Бізнес Консалтинг, Бізнес Сервіс, Бізнес Сервіс Центр, Бізнес Системи, Технологія, Бізнес-Агро, Бізнес-Аудит, Бізнес-Безпека, Бізнес-Букет Україна, Бізнес-Довідка, Бізнес-Досьє, Бізнес-Інкубатор, Бізнес-ІТ, Бізнес-Контакт, Бізнес-Оцінка, Бізнес-Право, Бізнес-Пропозиція, Бізнес-Рішення, Бізнес-Сервіс, Бізнестехніка*. Уважаємо, що цей компонент відіграє не лише інформативну функцію, яка є занадто загальною, вказуючи на належність підприємства до приватного сектора економіки в цілому, але й ідеологічну, будучи засобом вираження системи цінностей адресанта.

Іншими продуктивними інформативними елементами юкстапозитів виступають: ***проект*** *(Інтернет Проекти, Клімат-Проектсервіс, Медіа-Проект, Проектконтактсервіс, Проект-Плюс, Проектреконструкція, Проектсервіс);* ***альянс*** *(Альянс Сервіс Україна, Альянс-Аудит, Альянс-Клуб, Альянс-Плюс, Альянс-Проект, Альянс-Сервіс);* ***центр*** *(Колесо-Центр, Комп'ютерцентр, Консалтінг-Центр, Ліс-Центр, Логістік Центр*) тощо.

Таким чином, спостерігаємо в одних випадках використання апелятивів дуже широкої семантики, які не чітко визначають предмет діяльності, а в інших назвах підприємств спостерігається звуження референції. У цьому зв'язку слід констатувати наявність відмінних стратегій комунікації. Використання у назві апелятивів із широкою семантикою залишає більший простір для маневрувань із зміни профілю діяльності, у той час як апелятиви з конкретнішим значенням є більш зрозумілими адресату.

Поряд з інформативними ергонімами, які називають сферу, предмет та місце діяльності підприємства, у корпусі наявні назви, які виконують не інформативну, а персуазивну функцію. В цьому випадку істотним мотиватором складних ергонімів виступає лексика аксіологічної семантики. Як правило, подібні юкстапозити є підрядними та ендоцентричними. Типовою оцінкою є загальна, прагматична або параметрична оцінка. Деякі оцінні компоненти відзначаються в ергономіконі значною продуктивністю, зокрема йдеться про такі основи, які характеризують предмет або сферу діяльності підприємства, як ***екстра, еталон, імідж, класик, мрія, престиж, прем'єр, преміум, стар, стандарт***: *Еталон Авто-Юг, Імідж освіта, Імідж-галант, Лиття-екстра, Кредо-класик, Мрія сервіс-центр, Мрія трейд, Мрія-інвест, Прем'єр-експерт, Прем'єр-медіа, Прем'єр-продукт, Преміум-дизайн, Престиж авто Україна, Стандарт Парк, Стандарт-Аудит, Стандарт-Сервіс, Стандарт-Стиль, Стар-Україна, Стар-фото*. До оцінних елементів зараховуємо також компонент *константа,* який підкреслює стабільність діяльності суб'єкта, що є бажаною ознакою в бізнес-сфері: *Константа експерт, Константа лімітед*. Компонент нормативної оцінки присутній також у лексеми на позначення першої літери грецького алфавіту *альфа*, оскільки вона містить вказівку на ієрархію, тим самим нав'язуючи адресатові віднесення суб'єкта до групи лідерів. Компонент є поширеним серед суб'єктів економічної діяльності з різних галузей, при цьому другий компонент ергоніма здебільшого відносить підприємство до певної сфери або називає організаційну форму: *Альфа-Банк, Альфа-Групп, Альфа центр*, *Альфа Моторс, Альфа-Кабель*.

Один і той самий апелятив виступає у складі деяких ергонімів як інформативний елемент, а в інших – як оцінно-символічний. Семантичні відношення між мотивуючими лексемами та похідним юкстапозитом у першому випадку мають ендоцентричний, а в другому – екзоцентричний характер. Так, апелятив *енергія* виступає в денотативному значенні, вказуючи на сферу діяльності підприємства в ергонімах *Енергія Мото* (електромережі) та *Енергія Сервіс* (теплопостачання). Натомість у таких ергонімах, як *Енергія-Інвест* (сільськогосподарська продукція), *Енергія-Маркет* (цінні папери), *Енергія-Сервіс* (худ. вироби), *Енергія-Центр* (оренда), *Енергія-Юг* (одяг), констатуємо використання цього апелятива у похідному значенні «3. діяльна сила, поєднана з наполегливістю, рішучістю в досягненні поставленої мети» (СУМ), тобто на перший план виступає позитивна оцінка динамічності в сучасному бізнесі. Подібну семантику динамічності мають також ергоніми-юкстапозити з іменником *імпульс,* який має значення «внутрішній поштовх, спонукання до якоїсь дії» (СУМ): *Імпульс плюс* (компанія займається на-

данням туристичних послуг), *Імпульс-агро* (сільськогосподарська техніка), *Імпульс-плюс* (ремонт побутової техніки).

Аксіологічну мотивацію отримує не лише предмет діяльності підприємства, але і сам суб'єкт діяльності. Така оцінка стандартно виражається апелятивами ***експерт, гарант, лідер, майстер, фаворит:*** *Гарант-Оренда, Гарант-Плюс, Господар-Гарант, Гарант-Поліс, Гарант-Сервіс, Гарант-Трейд, Лідер клас, Лідер-аудит, Лідер-груп, Лідер-Преміум, Лідер-Радіо, Лідер-Тур, Майстер геймс, Майстер Трейд, Майстер Фасад, Майстер-Профі, Майстерсофт, Майстер-Студія, Майстер-Топ, Альтернатива-Експерт, Експерт Консалтинг, Експерт-Аналітик, Експерт-Оцінка, Експерт-Сервіс, Експерт-Сервіс-Плюс, Експерт-Центр, Інтернет-Експерт, Грант Експерт, Фаворит Сервіс, Фаворит Плюс, Флагман-Експерт.* До випадків аксіологічної мотивації ергонімів відносимо використання апелятивів на позначення професій *дипломат* та *доктор*, оскільки в основі їхнього використання лежить не характеризація підприємства за сферою діяльності, а висока оцінка представників цих професій: *Дипломат Сервіс* (організація конференцій), *Дипломат-Тур, Доктор Аудит*.

Складний екзоцентричний характер семантики мають юкстапозити, що містять компонент *плюс*: *Атлант-Плюс, Ідея плюс, Відеобезпека плюс, Дебет Плюс, Еталон Плюс, Земля Плюс, Вікно Плюс, Престиж плюс.* З одного боку, цей елемент виконує аксіологічну функцію, однак його семантика не зводиться лише до параметричної оцінки, оскільки він також виступає технічним засобом диференціації схожих назв, втрачаючи при цьому оцінну модальність.

Екзоцентричний характер мотивації констатуємо у разі використання одного або обох елементів у символічній функції. Такі назви позбавлені інформативності, їхня семантика ґрунтується на значеннях і смислах, які формуються у вторинних моделюючих системах. Причиною їх широкого використання в ергонімії, з нашого погляду, є виконання назвами фатичної та естетичної функцій, які сприяють реалізації спонукальних інтенцій адресанта, оскільки вони привертають увагу до повідомлення, включають назву до вже наявної сітки вербальних і невербальних асоціацій, що сприяє її запам'ятовуванню та впізнаванню. Слабким боком такої мотивації слід визнати відсутність характеристики суб'єкта, що легко долається у двокомпонентних юкстапозитах, де один компонент виконує інформативну функцію, а інший натомість є культурним символом. Типовими групами лексики, які входять до складних слів у символічній функції, є такі: назви літер алфавітів класичних мов, назви мінералів (каменів), рослин, тварин, космоніми, астроніми, міфоніми тощо. Назви літер грецького або латинського алфавітів можуть отримувати додаткові конотації, зокрема позначення першої літери грецького алфавіту набуло аксіологічної семантики першості, на що вже вказувалося вище. Крім того, використання комбінації перших трьох літер латинського алфавіту *ABC* корелює із оцінним значенням простоти та фундаментальності, що є бажаними характеристиками в бізнес-сфері: *ABC-Груп, ABC-Електроніка, ABC-Сервіс, ABC-Тур, ABC-Центр*. Іншими популярними назвами літер в ергонімії є ***дельта*** (*Контур-дельта, Дельта Тревел, Дельта-Консалтинг, Дельта-Крок, Дельта-Лоцман, Дельта-Сервіс, Дельта-Схід, Дельта-Тет, Дельта-Техніка, Дельта-Тур);* ***омега*** (*Омега-Авто, Омега-Автопоставка, Омега-Автопоставка, Омега-Газ, Омега-Авто-Захід, Омега-Київ)*; ***сігма*** *(Сігматрейд, Сігма Груп Інжиніринг, Сігма-Центр).* Як видно із наведених прикладів, назви літер здебільшого поєднуються з апелятивами на позначення предмета і сфери діяльності, а також географічними індикаторами.

В основі перенесення до ергонімії назв каменів, очевидно, лежить естетична та оцінна функції імені, оскільки коштовне каміння асоціюється із цілим комплексом смислів, зокрема шляхетністю, багатством, екзотичністю тощо: *Карат-Ліфткомплект, Корал Маркетинг Сервіс Україна, Корал Плюс, Онікс-сервіс, Онікс-тур, Рубін-компані, Сапфір траст, Сапфір-південь*. Хоча в деяких випадках назви каменів можуть виступати також у денотативному значенні, вказуючи на матеріал, який використовується в тому або іншому виробництві: *Графіт Медіа* (комп'ютерний дизайн), *Графіт-Альфа* (виробу з графіту), *Діамант-Композит* (будівельні матеріали). Чітким є аксіологічний компонент загальної позитивної оцінки в апелятива *діамант*, який позначає найвищу якість чогось: *Діамант Ріалті, Діамант банк, Діамант-Скло.* Символічне значення чистоти та твердості передається назвою мінералу *кристал*: *Кристал автосервіс, Кристал лайн, Кристал тур.*

Подібно до назв каменів апелятиви на позначення видів рослин в одних випадках використовуються на базі їхнього денотативного значення, яке пов'язує підприємство з тією або іншою сферою або місцем діяльності: *Каштан-Сервіс* (компанія розташована на вул. Київській), *Альфа-Стевія* (водоочищення), *Едельвейс Плюс* (декоративні рослини). В інших ергонімах спостерігаємо чисто символічне використання назви рослин, яка виступає, на нашу думку, в естетичній функції: *Едельвейс Плюс, РІА Едельвейс, Едельвейс-Лего, Едельвейс Ойл, Крокус-Авто, Крокус-Стиль, Крокус Агро Трейд, Крокус Телеком.*

У складі ергонімів-юкстапозитів широко використовуються надбання античної міфології, натомість питомі слов'янські ресурси залишаються поза межами розглядуваного лексичного розряду: *Меркурій-компані, Ніка-пласт, Юг-Атлант, Марсмедіа, Селена-трейд.* Очевидно, причини відсутності власне слов'янських міфонімів слід шукати, по-перше, в недостатній їхній присутності в масовій культурі, і, по-друге, в меншій екзотичності порівняно з античною міфологією. У деяких ергонімів простежується зв'язок між денотативним компонентом міфоніма та предметом діяльності підприємства. Зокрема, назва підприємства *Вулкан-Сервіс* (автомобілі) асоціюється із терміном *вулканізація*, похідним від міфоніма. Подібні асоціації простежуються також у назвах *Гефест-СВ* (зварювальне обладнання), *Гефест-Сервіс* (автосервіс), *Гефест-Трейд* (прокат кольорових металів). У разі використання міфоніма *Атлант* задіяним виявляється його аксіологічне значення сили: *Атлант-Крим, Атлант-Плюс*. Однак ми вважаємо, що основною причиною трансонімізації міфонімів і космонімів є їхній екзотичний характер, впізнаваність назви: *Акваріум-Наутілус Арго-Трейд, Астарта-Зв'язок, Гефест-Віта С, Гефест-Люкс, Дедал-Електронік, Дедал-Люкс, Еней-Плюс, Оріон Авто люкс, Оріон Експорт, Оріон Плюс, Техно-Сіріус, Сатурн-сервіс.* При цьому значення вихідного пропріатива в деяких випадках може залишатися невідомим широкому загалу: *Аргус-Сервіс* (від грецьк. Ἄργος, «який все бачить» – ім'я багатоокого великана), *Альматея-Нова* (від назви супутника Юпітера), *Дюна-Веста* (від лат. *Vesta*, богиня, покровителька сімейного вогнища), *Альтаір-Аудит* (назва зірки).

Символічна мотивація притаманна ергонімам у разі вираження певних ідеологічних понять, які є знаками не лише мовної, а й культурної сфери. В одних випадках такі назви апелюють до ідеологічних домінант сучасного світу. Наприклад, широке використання елемента *планета* у функції основи композитів пов'язуємо із імпілкованим ним смислом – вказівкою на глобалізацію: *Планета Пластик, Планета Сервіс-К, Планета Текстиль.* Однак у разі назви туристичних компаній використання цього елемента ґрунтується на метонімічному переносі, оскільки він співвідноситься із місцем діяльності компанії: *Планета-тур, Плане-*

та-турсервіс. Експліцитною є вказівка на глобалізацію при використанні апелятива *глобус*: *Глобус Трейд, Глобус-Авто, Глобус-Альфа, Глобус-Аудит.* Водночас спостерігаємо активне використання старих радянських ідеологем, насамперед компонента *союз*: *Азов-Союз, Союз Авто-коннект, Союз Трейд, «Союз-Восток».* Продуктивність цього елемента пов'язуємо з модою в радянському номінуванні на використання астронімів та космічних термінів загалом для позначення назв закладів різного профілю та їхньої продукції. Іншим популярним радянським «астрономічним» найменуванням підприємств, збереженим з часів Радянського Союзу, є ергонім *Вега* (назва зірки в сузір'ї Ліра): *Вега-Плюс, Вега-Стар*. Міфонім *Аврора* набув ідеологічного значення також в попередню епоху: *Аврора Інтерсервіс, Аврора-Стиль*. Радянський аксіологічний апелятив *авангард* зберігає свою продуктивність в українській ергонімії: *Авангард-Інвест, Авангард-Сервіс*.

Таким чином, юкстапозиція є продуктивним способом побудови ергонімів. Утворені за цією моделлю назви виконують різні функції, починаючи від базових для ергонімів загалом інформативної та персуазивної, і закінчуючи естетичною та ідеологічною. Їхні семантичні відношення з мотивуючими власними та загальними назвами мають відмінний характер, що зумовлює необхідність подальшого дослідження функціонування розглядуваного лексичного класу в різних дискурсах для з'ясування ефективності стратегій номінації у цій сфері.

Бібліографічні посилання

1. **Азарова Л. Є.** Складання як один із способів словотвору / Л. Є. Азарова, Н. Й. П'яст. – Вінниця, 2005. – 122 с.
2. **Белей О.** Трансформація українського ономастикону посттоталітарного періоду на загальнослов'янському тлі / О. Белей // Slavica Wratislaviensia. – CXLV. – 2007. – 201 с.
3. **Белей О. О.** Сучасна українська ергонімія: власні назви підприємств Закарпаття / Белей О. О. – Ужгород, 1999. – 111 с.
4. **Галай О.** Асоціативні назви офіційного закарпатоукраїнського урбаномікону / О. Галай // Людина. Комп'ютер. Комунікація. – Львів, 2008. – С. 51–54.
5. **Клименко Н. Ф.** Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові / Н. Ф. Клименко. – К. : Наукова думка, 1984. – 252 с.
6. **Кубрякова Е. С.** Теория номинации и словообразование / Е. С. Кубрякова. – М. : Книжный Дом «Либроком», 2010. – 88 с.
7. **Кутуза Н. В.** Структурно-семантичні моделі ергонімів (на матеріалі ергономікону м. Одеси) : автореф. дис. … канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Н. В. Кутуза. – Одеса, 2003. – 18 с.
8. **Лєсовець Н. М.** Ергонімія м. Луганська: структурно-семантичний і соціально-функціональний аспекти : автореф. дис. … канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Н. М. Лєсовець. – Луганськ, 2007. – 19 с.
9. **Лопатин В. В.** Многогранное русское слово. Избранные статьи по русскому языку / В. В. Лопатин. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2007. – 743 с.
10. **Соколова Л. Н.** Типи мотивованості ергонімів (на матеріалі ергонімів м. Києва) / Л. Н. Соколова // Мовознавство. – 1993. – № 6. – С. 65–69.
11. **Торчинський М. М.** Структура онімного простору української мови / М. М. Торчинський. – Хмельницький : Авіст, 2008. – 543 с.
12. **Цілина М. М.** Ергоніми м. Києва: структура, семантика, функціонування : автореф. дис. … канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / М. М. Цілина. – К., 2006. – 23 с.
13. **Шестакова С. О.** Лексико-семантичні інновації в системі української номінації (на матеріалі ергонімів і прагмонімів) : автореф. дис. … канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / С. О. Шестакова. – Харків, 2002. – 20 с.

Надійшла до редколегії 30.05.11

УДК 811.111'373.612

Е. А. Клочко

Академия таможенной службы Украины (г. Днепропетровск)

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ, ОБЪЕДИНЁННЫХ ПОНЯТИЕМ «УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ» В ДРЕВНЕ- И СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Присвячено лексико-семантичному розвитку слів, об'єднаних поняттям «навчальний заклад». Розглянуто процес потрапляння та входження латинських запозичень у загальновживану лексику англійської мови.

Ключові слова: запозичення, лексика, архаїзація, похідні слова, навчання.

Посвящена лексико-семантическому развитию слов, объединенных понятием «учебное заведение». Рассмотрен процесс проникновения и вхождения латинских заимствований в общеупотребительную лексику английского языка.

Ключевые слова: заимствование, лексика, архаизация, производные слова, обучение.

The article deals with the semantic and lexical development of the words under the notion «educational establishment». The process of borrowing and penetration of the Latin words into the English language is investigated.

Keywords: borrowing, lexics, derivatives, archaization, education.

Педагогическая лексика имеет многовековую историю. Вполне естественно и закономерно, что её развитие тесно связано с развитием педагогической теории и практики, образованием национальных языков, с переходом к обучению на родном языке. В течение веков педагогическая лексика обогащалась за счёт терминов философии, естествознания, истории [1; 2].

Будучи частью того или иного языка, педагогическая лексика связана с общей лексикологией и является объектом исследования с точки зрения семантики и этимологии слов; однако, обслуживая конкретную область практической деятельности и обозначая определённые понятия, она имеет свои особые проблемы.

В отличие от некоторых специальных видов лексики (особенно технической), представленных значительным числом исследований, язык педагогической науки мало изучен. Особенный интерес к этому направлению исследований вызван тем, что лексика и термины педагогической науки тесно связаны с процессом заимствования из латинского языка в английский [2; 3; 4].

В круг исследования включаются слова, не являющиеся собственно педагогическими терминами, а лишь употреблённые в качестве специальных наименований. В частности, это слова, объединённые понятием «учебное заведение». Прослеживаются изменения между компонентами синонимического ряда слов с данным значением в древне- и среднеанглийском языке.

Единицей, подвергшейся историко-семасиологическому рассмотрению, является слово во всём многообразии его лексико-фразеологических форм и семантико-синтаксических связей в системе языка.

Целью исследования является историко-семасиологическое исследование группы английских слов, объединённых понятием «учебное заведение». Критерием отбора этой тематической группы явилась частота употреблений в английской литературе с древнейших времен ключевых слов, отражающих зарождение и развитие грамотности и образования в Англии.

© Клочко Е. А, 2011

С этой целью изучались контексты употребления слов, реалии, соответствующие данному кругу понятий, производные и сложные слова, определялась смысловая структура исследуемых слов, т. е. устанавливалась иерархическая соподчиненность смысловых элементов полисемантичного слова (определение основных и производных, прямых и переносных значений слова): анализировались семантические связи исследуемых корневых слов с их производными, что позволило выяснить не только основные или продуктивные значения производящих основ в тот или другой исторический период, но и определить роль исследуемых слов в пополнении словарного состава языка.

В английском языке с древнейших времен существуют слова, имеющие значение «школа», «учебное заведение». Они могут быть представлены синонимическим рядом *scōle, lar-hūs, leornung-hūs.*

Древнегреческое слово *scōle (*«школа», «учебное заведение»*)* иногда встречается в форме *scolu* или *escōle,* в свою очередь, проникшее в латинский язык из греческого языка.

С употреблением слова *scōle* встречаемся в переводе «Истории мира» Орозиуса, сделанном королем Альфредом:

«Constantinus hiene benande Þære scōle Þe he on leornode…» [6].

(«Константин назвал (эту) школу в которой учился…»)

В латинском языке слово *scōla* имеет значение «школа», «учение», «лекция», «спор», «философская дискуссия», «свободное время». В греческом языке, кроме названных, существует значение «невозделанное поле, пустое поле».

Опираясь на данные общеисторического развития, можно предположить, что «пустое поле» при общинно-родовом строе служило местом, где собирались представители родов для решения каких-либо вопросов, проведения праздников и т. п. Последнее значение, в свою очередь, связывается со значением «беседа», «спор», «философская дискуссия». Из значения «беседа» развивается, по-видимому, частное значение «наставительная беседа», «поучение», «лекция», а затем обобщенное понятие «учение» и, наконец, «школа» [1].

Развитие значения идет в данном случае от названия места по смежности и по названию процесса, действия, которое на этом месте происходит, а позднее – помещения и того, что в этом помещении происходит (ср. совр. значение слов school, university, college, которые обозначают и «учебное заведение», и «помещение, в котором происходит занятие»).

В древнегреческих текстах слово *scōle* имеет два значения: «школа» и «учение». Следует отметить, что древнеанглийский язык в целом беден заимствованными словами и, в основном, использует исконную лексику для выражения новых понятий. Слово *scōle,* как и большинство заимствований, появилось в древнеанглийском языке в результате христианизации. С точки зрения лингвистики этот период интересен тем, что новые английские слова не только воспринимались английским языком, но и стимулировали образование слов от исконных корней.

Наряду со словом *scōle* в древнеанглийском языке употребляется слово *leornung-hūs,* состоящие из двух общегерманских корней и также обозначающее школу, а также слово *lār-hūs,* первым элементом которого является очень распространенный в древнеанглийском корень *lār* – «учение» (совр. lore, folklore).

Вместе с тем большая семантическая насыщенность слова *scōle* по сравнению с его синонимами *leornung-hūs* и *lār-hūs,* с одной стороны, и отсутствие дифференциальных признаков у этих синонимов, с другой, способствовали их исчезновению из употребления.

Кроме того, по формальным признакам близкое обычной структуре английских слов короткое слово *scōle* легко осваивалось народной речью, в то время как

leornung-hūs было значительно более громоздким, а *lār-hūs* выпало из употребления вместе с рядом других слов, имевших в своем составе корень *lār,* замененный корнем *teach* в значении «учитель».

Сохранению и широкому употреблению слова *scōle* способствовали также и экстралингвистические факторы. Изучение латинского языка продолжало оставаться задачей школы на протяжении длительного периода.

С течением времени смысловая структура лексемы *scōle* подвергается дальнейшим преобразованиям. В связи с созданием в Англии университетов – Оксфордского в XII в. и Кембриджского в XIII в. – это слово приобретает дополнительное значение – «университет».

Подобное употребление слова *scōle* можно встретить, главным образом, в литературе средних веков, тем не менее еще в начале XVII в. у Ф. Бэкона встречается слово *schoole* в значении «университет»:

«…in which scroule (scroll) were written in Ancient Hebrew and Ancient Greek and in good Latin of the Schoole…» [5].

(…/языками/ на которых был написан свиток были древний *Hebrew,* древнегреческий и хорошая латынь университета).

Таким образом, новое понятие «университет», «высшее учебное заведение» находит отражение в смысловой структуре слова *school* на определенном этапе его развития. Однако тенденция к более точному обозначению понятий, к детализации, способствует появлению новых слов, которые вступают в синонимические связи со словом *school.* В этом плане вызывают интерес взаимоотношения слов *school* и *university* в период становления университетской системы образования в Англии.

Средневековые юристы называли университетом (*universitas*) всякий организованный союз людей, всякую корпорацию (*corpus*). В этом же значении употреблялся и еще один термин римского права – коллегия (*collegium),* хотя коллегией обычно назывался отдельный, частичный союз внутри университетской корпорации. Впрочем, название *университет* (особенно в новоанглийский период) считалось уместным не только в применении к всецелой школьной организации, но и к составной ее части (напр., колледжу). Тот факт, что некоторые университеты состояли из одного колледжа (что имеет место и в настоящее время), значительно повлиял на взаимоупотребление слов *university* и *college* уже примерно в XVI в.

Следовательно, университет как учебное заведение был лишь видовым понятием, подходившим под общее понятие «университет» как организованный союз людей.

От этого союза, существование которого вызвано развитием системы образования, отличали школу, в смысле школьного или учебного дела *(stadium).* Особенно в тех случаях, когда речь заходила об учреждении университета, то тот, кто просил издать, и та власть, которая издавала учредительную грамоту, употребляли выражение *stadium generale* (или *stadium universale, stadium commune*), а не *universitas* (лат. *universitas* – «весь», «все количество», «вселенная»).

Именование университета «генеральной школой» свидетельствует о том, что в среднеанглийском языке XII–XIII в. не было еще слова для обозначения понятия «университет». Выражение *stadium generale,* однако, нельзя понимать в том смысле, что в этой «школе» преподавали все науки [8].

В противоположность обычным местным школам «генеральная школа» предназначалась для учителей и учащихся всех наций, а приобретенные в ней знания и ученые степени должны были пользоваться общим признанием во всех высших школах западного христианства. Университеты Англии с самого начала своего возникновения носили более или менее национальный характер [1].

Наблюдения показывают, что слово *school* и его синонимы употребляются в разных функциональных стилях.

Выражение *stadium generale* фигурирует только в официальных документах, которые, как правило, писались на латинском языке.

В среднеанглийских текстах понятие «университет» передаётся словом *school* и примерно с начала XIV в. словом *university*: «*So Þat he began at Oxenford of divinite, so noble alosed Þer nas non in al Þe universite …*» [8].

(«Он изучал богословие в Оксфорде и не было никого благороднее его во всём университете»).

Следует отметить, что у Виклифа для обозначения понятия «университет» – «учебное заведение» наряду со словом *school* встречается и *university* (*vnyuersitee)*, т. е. можно предположить параллельное употребление обоих слов для выражения одного и того же понятия. Это свидетельствует и о том, что слово *school* является, вероятно, в древне- и среднеанглийском языке синонимической доминантой для обозначения понятия «учебное заведение», в то время как слова *university* и *college* носят более узкий, специальный характер и не получают в среднеанглийский период такой широкой сферы употребления, как слово *school.*

По данным The New Dictionary (NED) [8], слово *university* было воспринято английским языком в средние века в значениях «организованный союз людей», «совокупность чего-либо», «вселенная». У Чосера, Виклифа и у других среднеанглийских писателей можно встретить случаи употребления этого слова в указанных значениях.

Впервые возникнув, университет получает, таким образом, название «союза людей, имеющих общее занятие, управление и т. п.». В связи с этим интересно определить, почему именно слово *university* обозначает «университет», «высшее учебное заведение», а не слово *college*, которое в среднеанглийский период также имеет общее с первым значение – «союз людей».

Также, как и рассмотренное выше слово *university*, *college* употребляется в среднеанглийском языке в значении «организованный союз людей», главным образом, в церковном лексиконе. Так, например, у Виклифа: *«Christe and his colage»* (… «Христос и его братство / т. е. апостолы /»).

Обращаясь к истории развития значения слова *college* в связи с формированием системы высшего образования в Англии, необходимо показать процесс закрепления за этим словом значения «высшее учебное заведение», учитывая в то же время различия в употреблении слов *university* и *college.*

Исторические факты свидетельствуют о том, что университетская система обучения в Англии на первой же ступени своего развития испытала большое влияние со стороны Парижского университета. Колледжи (или коллегии) как институты учебного характера возникли именно в Париже и из Парижа были заимствованы английскими университетами.

В одном официальном документе (1254 г.) (litera universitatis magistrorum et scholarium studientium) значится, что источник мудрости (sapientiae fons) делится (в Париже) на четыре факультета. Профессора этих факультетов, говорится в документе, чтобы иметь возможность с большей свободой и спокойствием предаваться занятиям, связав себя некоторыми специальными узами права, образовали корпорацию (corpus collegii sivi universitatis) [4; 7].

Однако в средние века ни в Оксфорде, ни в Кембридже не развилось деление на четыре факультета [7].

С другой стороны, «коллегии», или «колледжи» (colleges), получили в английских университетах большее развитие, чем где-либо.

Тем не менее употребление слова *college* в значении «учебное заведение» следует отнести уже к новоанглийскому периоду.

В среднеанглийском языке слово *college* употребляется преимущественно, как уже указывалось, в религиозной лексике и, наряду с упомянутыми значениями, обозначает «общину священников, живущих вместе для отправления церковных служб».

Основное значение слова *college* – «организованный союз людей» – сохраняется в течение всего среднеанглийского периода, в то время как значение «университет», «учебное заведение» закрепляется за словом *university* в XIV–XV вв. Возникающие союзы людей, т. е. колледжи внутри университетов, являются также лишь видовым понятием, тем более, что, возникнув, они носят большей частью благотворительный характер союза студентов, цель которого оказывать материальную помощь его членам.

Вследствие того, что слово *college* в среднеанглийском языке не употребляется ещё в значении «учебное заведение», синонимический ряд слов, объединённых этим понятием, к концу периода не включает эту лексику. Слова *leornung-hūs* и *lār-hūs*, также как и выражения *stadium generale*, *stadium universale*, *stadium commune,* выходят из употребления. Понятие «учебное заведение» обычно передают словами *school* и *university*.

Изучение группы слов, объединённых определённым семантическим признаком, в их историческом развитии представляет значительный научный и практический интерес.

Проведённое историко-семасиологическое исследование позволило выявить на фактическом языковом материале закономерности в развитии определённых семантических групп и их отдельных компонентов и сделать следующие обобщения и выводы.

Для обозначения понятий «учебное заведение» в каждом периоде развития английского национального языка существовал свой синонимический ряд. Становление этих синонимических рядов происходило под воздействием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

В изменении каждого синонимического ряда чётко проявляются семантические закономерности системы английского языка в различные периоды развития.

Для древне- и среднеанглийского языка характерны тесные синонимические связи между элементами ряда.

Общей закономерностью для всех исследуемых синонимических рядов является постепенная архаизация отдельных словарных единиц в каждом периоде и непрерывный рост количества новообразований на базе исконных и заимствованных слов.

Опираясь на данные настоящего исследования, можно заключить, что для обозначения понятий «учебное заведение» используются преимущественно слова латинского происхождения, часть которых проникла в английский язык через французский. Вместе с тем для современного английского языка характерно снижение общего количества заимствований.

Анализ материала свидетельствует о специфике и своеобразии лексем из области педагогики, что проявляется в отсутствии у них признаков, свойственных терминам точных наук, в их укоренении в общеупотребительной лексике, в развитии многозначности, которая идёт обычно в тесной связи с основным, центральным значением слова. Содержание же термина если и представляет собой одно из значений полисемантического слова, то отделяется от системы его значений спецификой своего речевого применения.

Данные исследования, естественно, не являются исчерпывающими и требуют дополнительной проверки и подтверждения, т. к. все явления, происходящие в языке, связаны с разнообразными объективными и субъективными факторами, которые ещё недостаточно изучены. Это касается формирования и развития и педагогической лексики.

Несомненно одно, что область исследований даёт богатейший материал для лингвистического изучения не только английского, но и других европейских языков, их связей и взаимоотношений.

Библиографические ссылки

1. **Вард Д. А.** К изучению основного словарного фонда английского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук / Д. А. Вард. – М., 1952.
2. **Контор И. М.** Педагогическая лексикография и лексикология / И. М. Кантор – М. : Просвещение, 1968. – 286 с.
3. **Комаровский Б. Б.** Русская педагогическая терминология / Б. Б. Комаровский. – М. : Наука, 1979. – 158 с.
4. **Суворов Н.** Средневековые университеты / Н. Суворов. – М., 1898. – 126 с.
5. **Bacon F.** The New Atlantis / F. Bacon. – Cambridge, 1900. – P. 2.
6. **Bosworth and Toller.** Anglo-Saxon Dictionary / Bosworth and Toller. – Oxford, 1898. – C. 838.
7. **Daly L. J.** The Medieval University (1200–1400) / L. J. Daly. – New York, 1961. – 201 c.
8. **The New English Dictionary of the English Language**. – Vol. 1–12. – Oxford, 1888–1933.

Надійшла до редколегії 30.05.11

УДК 811.161.1'367.624

С. В. Короткова

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НАРЕЧИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖЕЙ

На матеріалі прислівників, вилучених з художніх творів, визначено і розглянуто лексико-семантичні групи прислівників, що характеризують мову персонажів.

Ключові слова: художній текст, прислівник, дієслова мовлення, лексико-семантична група.

На материале наречий, извлеченных из художественных произведений, определены и рассмотрены лексико-семантические группы наречий, характеризующих речь персонажей.

Ключевые слова: художественный текст, наречие, глаголы говорения, лексико-семантическая группа.

Lexical and semantical groups of adverbs have been selected and analysed. These adverbs characterize the fiction character's speech.

Keywords*: *fiction, adverb, verbs of speech, lexico-semantic group.

Высокая коммуникативная значимость наречных единиц в условиях современного общения (см. об этом: [14, с. 5]) обусловливает постоянный интерес лингвистов к этому пласту лексики русского языка. На сегодняшний день самый «молодой», «структурно и функционально подвижный класс» наречий [10] полу-

© Короткова С. В., 2011

чил целостное описание в русистике в различных аспектах: в структурно-лингвистическом – как лексико-грамматический класс (В. В. Виноградов, М. В. Панов и др.), в логико-синтаксическом (М. В. Филипенко), в генетическом (А. К. Коневецкий, Н. В. Чурмаева), в территориальном (И. А. Попов), прагмасемантическом (Л. А. Савёлова) и др.

В последние два десятилетия усиливается внимание лингвистов к проблемам функционирования наречий в художественном дискурсе. Так, в исследованиях, посвященных изучению качественного наречия, отмечается взаимодействие данной языковой единицы с соотносительными частями речи [3; 4; 5 и др.], расхождение семантики наречий и производящих имен в художественном тексте [8; 13], а также значимость качественного наречия как стилеобразующей единицы в художественном тексте и в поэтике [16; 11; 6; 7 и др.].

Наречная лексика прямо или косвенно привлекает внимание ученых и в связи с изучением особенностей репрезентации в художественном контексте речевой характеристики персонажей [1; 2; 18; 19 и др.]. Однако вне поля зрения исследователей до сих пор остаются многие вопросы, связанные с описанием наречий как репрезентантов многоаспектных характеристик речевого действия в художественном дискурсе. ***Целью*** настоящего исследования является выявление лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) наречий, распространяющих глаголы речевого поведения в художественном тексте. Материалом для исследования послужили более 200 наречий, отмеченных в контекстах, извлеченных из произведений Б. Акунина и Т. Устиновой.

При формировании и изучении ЛСГ наречий, выступающих в функции обстоятельственных конкретизаторов глаголов речи, мы опирались на идею глагольно-адвербиального поля, предложенную и разработанную в диссертационном исследовании Ю. В. Беспаловой [2, с. 103–120]. В понимании глагольно-адвербиального текстового поля речи автор, прежде всего, исходит из того, что это глагольное поле, в котором глагольное слово выступает в качестве основного средства обозначения акта говорения. Лексическое своеобразие глагольного слова, его смысловая емкость, семантическая уплотненность структуры предопределяют широкую синтаксическую сочетаемость глагола. Этот синтаксический статус глагола обусловлен его функциями: во-первых, он передает признак, протекающий во времени; во-вторых, глагол организует ситуацию, он является, по словам Д. Н. Шмелева, «как бы конденсированным выражением целой ситуации» [20, с. 48]. Глагол, будучи самой сложной и семантически емкой частью речи, наиболее конструктивен по сравнению с другими частями речи. Этот лингвистический фактор не может не сказаться на установлении решающего значения глагола при его синтагматических отношениях в области словосочетаний и предложений. В тексте глагол представляет собой структурный и семантический центр предложения, является выразителем предикативных категорий и предопределяет своими валентностями количество, форму и общую семантику окружающих его компонентов, в том числе и адвербиалий. Более того, исследователи отмечают, что связь с различными адвербиалиями, к которым ученые относят наречия, наречные сочетания, предложно-именные сочетания, деепричастия, деепричастные и сравнительные обороты, является характерной особенностью глагола как части речи. Основная функция адвербиалий, как известно, состоит в том, чтобы модифицировать глагольное действие соответственно выражаемым ими значениям [15; 9].

В соответствии с лексической семантикой, выражаемой обстоятельствами, в глагольно-адвербиальные поля речи входят наречия-распространители, характеризующие: 1) внешнюю сторону речевого процесса; 2) содержание высказывания; 3) внутреннее состояние говорящего; 4) эмоциональное состояние говорящего [2,

с. 106]. Опираясь на данную классификацию, сформируем и рассмотрим ЛСГ анализируемых наречий с учетом их иерархической соподчиненности друг другу.

Первая группа, объединяющая наречия, **характеризующие внешнюю сторону речи**, наиболее разнообразна по составу подгрупп и количеству входящих в них единиц. Здесь прежде всего выделяется подгруппа 1.1, включающая конкретизаторы, эксплицирующие акустико-физиологические характеристики процесса говорения: силу звучания, отчетливость и легкость произнесения речи, темп речи, тембр и тон голоса говорящего, интонацию и особенности артикуляции. В отдельные подгруппы выделены обстоятельственные распространители, характеризующие манеру говорить; форму речи; языковую систему, с помощью которой осуществляется коммуникация.

Подгруппа 1.1.1 включает антонимические парадигмы адвербиалий, выражающих силу, степень громкости звучащей речи. Ряд обстоятельств, включающих сему ‘громко’, представлен наречиями *громко, громогласно, громоподобно, оглушительно, неистово, истошно*. Ср.: *Марина ... закричала* ***громко****, на весь дом* (Устинова, На одном дыхании!, с. 133), *Димка Горин* ***громогласно*** *орал: Идиоты!* (Устинова, На одном дыхании! с. 207). Противоположный ряд с инвариантной семой ‘тихо’ составляют наречия *тихо, потише, тихонько, шепотом*. Ср.: *«Хорошо, Марк Анатольевич», –* ***тихо*** *и обреченно сказала Варя* (Устинова, На одном дыхании!, с. 82); «*Да что ж вы так волнуетесь!» –* ***негромко*** *воскликнула Марина* (Устинова, На одном дыхании!, с. 65).

Следует отметить, что нормальная, средняя громкость голоса автором обычно не отмечается, тогда как повышение или понижение голоса приобретает коммуникативную нагрузку. Динамика изменений этого параметра – важное акустическое средство кодирования невербальной информации [12, с. 302].

В подгруппу 1.1.2 вошли наречия, указывающие на отчетливость речи, легкость произнесения. При этом «положительные» обстоятельственные характеристики звучащей речи, содержащие семы ‘легко’, ‘отчетливо’, создаются при помощи наречий *внятно*, *легко, отчетливо, четко*; а противоположные – посредством наречий *невнятно, невыразительно, сбивчиво, небрежно*. Ср.: *«Фотосессия была у нее дома», –* ***четко****, как на летучке, ответил Прохоров* (Устинова, На одном дыхании!, с. 108); *«Да что это она выдумала?» –* ***невнятно*** *из-за платка спросила Мелисса у водителя* (Устинова, Пять шагов по облакам, с. 91).

Подгруппу 1.1.3. образуют антонимичные ряды наречий со значением скорости, темпа речи, включающие обстоятельства, объединяемые, с одной стороны, семами ‘быстро’ и ‘коротко’ (*быстро, скороговоркой, словоохотливо, торопливо, поспешно, немедленно, моментально, живо, без умолку, безудержно, коротко, кратко, нетерпеливо, отрывисто*), а с другой – семами ‘медленно’, ‘долго’ (*вяло, нараспев, степенно*). Например: *«Ничком, что ли, лежала?» –* ***быстро*** *перебил пристав* (Акунин, Ф.М., с. 126); *На призыв повиниться перед обер-прокурором Пелагея* ***поспешно*** *сказала…* (Акунин, Пелагия и красный петух, с. 38); *«Бросьте», –* ***вяло*** *ответил Мефистов* (Акунин, Весь мир театр, с. 87).

Наречия подгруппы 1.1.4, характеризующие тембр голоса говорящего, образуют ряды, противопоставленные в стилистической шкале, если можно так сказать, по признаку приятности / неприятности тембра: *мягко* / *хрипло, раскатисто*. Ср.: *…из самой середины сада донесся голос,* ***мягко*** *спросивший что-то на неизвестном наречии* (Акунин, Пелагия и красный петух, с. 205); *«Марин, вы меня простите», –* ***хрипло*** *сказала Глафира* (Устинова, На одном дыхании!, с. 60).

Слова, входящие в подгруппу 1.1.5, указывают на тон (высоту) голоса и организуются в антонимичные ряды смысловыми семами ‘высокий тон’ (*тоненько, по-заячьи*) и ‘низкий тон’ (*глухо, поглубже, погуще*). Ср.: *Марина* ***тоненько, по-***

заячьи *закричала…* (Устинова, На одном дыхании!, с. 281); *Пожалуй, говорить это следовало не так,* ***поглубже, погуще****, не столько с удивлением, сколько с легкой завистью к другому, недоступному миру сложных чувств* (Устинова, На одном дыхании!, с. 50).

Обстоятельства со значением общей тональности речи, ее основного эмоционального настроя, окраски образуют подгруппу 1.1.6, в которой выделяются парадигмы, противопоставленные семами «выразительности» тона (*пылко, вдохновенно, горячо, деловито*) и «однообразности», невыразительности тона (*монотонно*). Ср.: *«Мои произведения уникальны и существуют только в единственном числе!» – вскричал итальянец* ***пылко*** (Устинова, На одном дыхании!, с. 150); *«Меня ударили», –* ***монотонно*** *выговорила она* (Устинова, На одном дыхании!, с. 43).

Обстоятельственные распространители, характеризующие манеру говорить, присущую тому или иному герою художественного произведения, выделены нами в отдельную подгруппу 1.2: *капризно, шаловливо, ухарски, фальшиво, интимно*. См., например: *«Аппарат абонента выключен», –* ***интимно*** *сообщила ей неведомая телефонистка* (Устинова, Пять шагов по облакам, с. 292).

Часть характеристик манеры говорения с грамматической точки зрения представляют собой обстоятельства, выраженные наречиями-сравнениями: *по-солдатски*, *по-секретарски*, ср.: *«Рад стараться!» –* ***по-солдатски*** *отсалютовал Ловчилин* (Акунин, Весь мир театр, с. 68).

Немногочисленная по составу подгруппа 1.3 включает нейтральные по стилистической окраске обстоятельства, характеризующие форму речи по способу осуществления речевого действия: *сказал* ***вслух***; его периодичности: ***вновь*** *заговорила*; места положения коммуникантов: ***вдогонку*** *велела*, *сказал* ***поблизости****,* ***издали*** *крикнул*; и их реакции на реплику-стимул или ситуацию речевого акта: ***неожиданно*** *сказал, сказал* ***вдруг, запоздало*** *спросил,* ***эхом*** *повторила*. Ср.: *«Проходите», –* ***издалека*** *пригласила Глафира* (Устинова, На одном дыхании!, с. 318).

Последняя подгруппа 1.4 объединяет нейтральные с точки зрения стилистической окрашенности адвербиалии, которые характеризуют языковую систему, служащую средством общения: говорил *по-французски, по-английски.* Ср.: *Максимус Росси* ***по-английски*** *тоже говорил довольно сносно* (Устинова, На одном дыхании!, с. 148).

Вторая группа включает ряды обстоятельств образа действия, характеризующих сторону речевого процесса с точки зрения важности, значимости содержания произносимого, его ясности, понятности, степени подготовленности и уместности. Актанты этой группы могут быть объединены **общим значением характеристики содержательной стороны речи**, хотя мы отдаем себе отчет в известной степени условности такой классификации.

Подгруппу 2.1 образуют обстоятельственные конкретизаторы, указывающие на важность, значимость для говорящего того, о чем идет речь; сюда же относятся уточнители, указывающие на интерес к содержанию речи: *серьезно, внушительно, назидательно, наставительно, заинтересованно*, *мимоходом* (посоветовал). См.: *«Да уж просят», – произнес привратник так* ***внушительно****, что прокурор больше ни о чем спрашивать не стал* (Акунин, Пелагия и красный петух, с. 175).

В **третью группу** входят обстоятельства образа действия, представляющие через речевую характеристику **внутреннее состояние говорящего**. В зависимости от того, какой аспект внутреннего состояния персонажа актуализируют обстоятельственные слова, выделяются следующие подгруппы.

Подгруппа 3.1 объединяет конкретизаторы, с одной стороны, обозначающие внутреннюю уверенность, готовность персонажа к чему-л., проявляющиеся в

речи; а с другой – характеристики, регистрирующие отсутствие у говорящего отмеченных качеств: *твердо*, *решительно*, *настойчиво, упрямо, самоуверенно, убежденно, удовлетворенно* и *неуверенно, недоверчиво, нерешительно, осторожно, остолбенело, оторопело, робко, растерянно, беспомощно*. Ср.: *«Мог», – возразила Глафира* ***убежденно*** (Устинова, На одном дыхании!, с. 104); *«Костенька», – сказала Марина* ***растерянно*** (Устинова, На одном дыхании!, с. 53).

Обстоятельства, нейтрально характеризующие интеллектуальный аспект внутреннего состояния говорящего (процесс размышления, обдумывания произносимого), образуют подгруппу 3.2: *задумчиво*: *«А что такое альков?» –* ***задумчиво*** *уточнил Прохоров* (Устинова, На одном дыхании!, с. 32).

Характеристики внутреннего состояния, указывающие на общее самочувствие, настроение, расположение духа говорящего, входят в подгруппу 3.3, смежную и частично пересекающуюся с обстоятельствами, манифестирующими эмоциональное состояние персонажа. Выделенные наречные парадигмы, с одной стороны, обозначают приподнятое расположения духа и настроения (*охотно, жизнерадостно, жизнеутверждающе, самозабвенно, торжествующе*), с другой – сниженное, подавленное, угнетенное и т. д. (*неохотно, устало, тупо, сухо*). Ср.: *«А то, что номер телефона у неё не тот», – заключила Варя* ***торжествующе*** (Устинова, На одном дыхании!, с. 295); *«Все из-за бабок», – повторил Дэн* ***устало*** (Устинова, На одном дыхании!, с. 262).

Подгруппу 3.4 составляют обстоятельственные характеристики, обозначающие эмоциональное состояние говорящего, которое В. Н. Телия определяет как чувство-состояние. Это как бы след эмоциональной реакции: оно кратковременно и полностью зависит от ситуации (таковы раздражение, гнев, радость и др., которые могут сопутствовать многим ситуациям) [17, с. 205–206]. В зависимости от чувства-состояния, испытываемого героем в момент речи, все обозначения этой подгруппы дифференцируются по шкале, нулевая ступень которой выражается наречием *спокойно* и его синонимами, например: *«Глаша», – сказал он совершенно* ***спокойно*** (Устинова, На одном дыхании!, с. 105).

В зависимости от чувства, сопровождающего акт говорения, в составе «плюсовой» зоны этой подгруппы можно выделить ряды актантов, обозначающих разную степень удивления: *удивленно*, *изумленно, восхищенно*; радостного состояния: *весело*, *восхищенно*, *радостно*, *восторженно, торжественно*. См.: *«Вы так сильно любите жену?» –* ***удивленно*** *спросил он* (Акунин, Весь мир театр, с. 433); *«Здоровенная!» –* ***восхищенно*** *сказал Пирогов* (Устинова, На одном дыхании!, с. 224).

Обстоятельственные слова, характеризующие «минусовую» зону эмоций, манифестируют внутренние состояния персонажей, проявляющиеся в разной степени волнения: *взволнованно, нервно*, *тревожно, облегченно*; страдания: *жалобно, обиженно*; стыдливости: *конфузливо, стыдливо, виновато, покаянно*; печали: *грустно, печально, хмуро, тоскливо*, *уныло, мрачно*, *угрюмо*; страха: *испуганно*; разочарования: *разочарованно, огорченно, сокрушенно*. Ср.: *Маньяк же, увидев Фандорина,* ***конфузливо*** *пробормотал: Здравствуйте* (Акунин, Ф. М., т. 2, с. 70); *«О чем они?» –* ***нервно*** *спросила Пелагия* (Акунин, Пелагия и красный петух, с. 530).

Четвертая группа объединяет обстоятельственные распространители с инвариантным значением оценки, обозначающие разного рода **отношения, возникающие в процессе речи между говорящим и слушающим**. Сюда входят слова, передающие отношение говорящего к своему собеседнику; оценочные отношения, которые квалифицируются в аспекте нравственности, морали; слова со значением самооценки героя или оценки произносимого им, а также актанты, выражающие оценку речи одного героя другим.

Подгруппа 4.1 объединяет актанты, эксплицирующие отношение говорящего к своему собеседнику, которое выступает в виде эмоциональной или этической (относиться по-доброму / относиться со злом) оценки. В. Н. Телия называет эмоциональную оценку, передающую отношение, чувством-отношением. В отличие от чувства-состояния, полностью зависящего от ситуации, чувство-отношение – это как бы «продуманное» эмоциональное отношение, социологизированное по своей природе. Например, несоответствие собеседника или его поступков, свойств и т. д. эталону или стереотипу, которые складываются в обиходно-бытовой картине мира, вызывает у говорящего чувство-отношение пренебрежения, которое может сопровождаться негативной эмоциональной реакцией. Эта реакция всегда будет более слабой по интенсивности в сравнении с таким чувством-отношением, как презрение: здесь не доходит до гнева, ярости, а присутствуют более «слабые» эмоции – недовольство, злорадство и т. д. [17, с. 206–207].

Нулевой уровень оценки-отношения в анализируемой подгруппе выражают обстоятельства *равнодушно, безучастно, безразлично, безмятежно, дежурно*, например: *«А-а, Марк», – сказала она совершенно* ***безразлично*** *и прищурилась за очками* (Устинова, На одном дыхании!, с. 317).

Остальные члены подгруппы достаточно четко распределяются по стилистическим парадигмам со значением доброжелательного и недоброжелательного отношения. В зависимости от чувства-отношения, которое испытывает персонаж к собеседнику, в обеих зонах этой подгруппы можно выделить ряды актантов, имеющих градуальную структуру. В «плюсовой» зоне интегрирующими смысловыми компонентами являются семы, манифестирующие благожелательность: *добродушно*, *благодушно, благожелательно, великодушно, миролюбиво, приветливо, вежливо, радушно*; уважение: *почтительно*; любезность: *любезно*; различные оттенки нежности: *ласково, сердечно*. См., например: *«Позавчера у Вадима не работал телефон», –* ***сердечно*** *сказала Лера* (Устинова, Пять шагов по облакам, с. 59); *«Я сам о себе доложу», – благодушно ответил Э. П.* (Акунин, Весь мир театр, с. 430).

Противоположную зону образуют ряды с интегрирующим значением холодности: *недобро, строго, сурово*; неуважения: *непочтительно*; насмешки: *насмешливо*; пренебрежения: *презрительно, язвительно, ядовито*; недовольства: *раздраженно*, *раздражительно, сердито*; враждебности: *зло, мстительно, свирепо, угрожающе*. Например: *Да, –* ***язвительно*** *сообщила Лера, – представьте себе!* (Устинова, Пять шагов по облакам, с. 65); *Варя, – перебил Волошин* ***угрожающе****, – прекратите* (Устинова, На одном дыхании!, с. 339).

Следующая подгруппа обстоятельств (4.2.) характеризует речевое поведение говорящего с точки зрения его честности, открытости по отношению к собеседнику (*честно, искренне*) и наоборот (*фальшиво, лукаво*). См.: *Интересовал, конечно, – почему-то* ***честно*** *ответила Глафира* (Устинова, На одном дыхании!, с. 155); *Если, конечно, пожелает, –* ***лукаво*** *подумала Элиза* (Акунин, Весь мир театр, с. 166).

Особое место среди обстоятельств, характеризующих отношения между участниками художественной коммуникации, занимают слова, указывающие на стремление говорящего оказать воздействие на слушающего, побудить его к ответной реакции. В предлагаемой классификации они вошли в подгруппу 4.3: *проникновенно, умоляюще, просительно, ревниво*. Например: *Такая, такая, – заговорил отец* ***умоляюще*** (Устинова, На одном дыхании!, с. 236).

Таким образом, проведенное исследование позволяет выделить ЛСГ наречий-конкретизаторов, характеризующие: 1) внешнюю сторону речевого процесса в аспекте интенсивности звучания, отчетливости и легкости произнесения, скорости произнесения слов и длительности произносимого; тембра, интонации и тона

речи, особенностей произношения и т. д.; 2) содержание высказывания с точки зрения его важности, истинности, понятности, уместности и периодичности; 3) внутреннее состояние говорящего, заключающееся в его уверенности, готовности к чему-либо, желании действовать и наоборот; 4) эмоциональное состояние говорящего, не влияющее на его отношение к собеседнику, и 5) эмоциональное и внутреннее состояние, проявляющееся в нейтральном, положительном или негативном отношении к собеседнику.

Следует отметить, что многие наречия в художественном контексте могут совмещать различные характеристики речи, например, наречия, эксплицирующие силу громкости голоса, одновременно выражают и соответствующее эмоциональное состояние персонажа. Способность наречий выражать различные характеристики, значимые в художественном дискурсе, вполне может стать предметом самостоятельного изучения, перспективным для дальнейшей работы в этом направлении.

Библиографические ссылки

1. **Антонова С. М.** О роли обстоятельственной сочетаемости в актуализации семантики глаголов говорения / С. М. Антонова // Семантическая структура слова : сб. науч. тр. – Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 1984. – С. 127–135.
2. **Беспалова Ю. В.** Лингвостилистический потенциал лексики речевого действия (на материале произведений А.И. Куприна и В. В. Вересаева) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / Ю. В. Беспалова. – Днепропетровск, 2002. – 198 с.
3. **Битехтина Г. А.** О формальном выражении частных синтаксических функций определительных наречий / Г. А. Битехтина // Спорные вопросы синтаксиса. – М. : Изд-во МГУ, 1974. – С. 63–81.
4. **Ермакова О. П.** О некоторых общих вопросах словообразования наречий / О. П. Ермакова // Развитие словообразования современного русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 45–56.
5. **Ермакова О. П.** О связи словообразовательных и синтаксических явлений / О. П. Ермакова //Вопросы синтаксиса русского языка. – Калуга, 1969. – С. 34–46.
6. **Ившина Т. П.** Реализация эстетических возможностей наречия в художественном тексте : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. П. Ившина. – Ижевск, 2002. – 261 с.
7. **Коренькова Е. В.** Качественное наречие как элемент идиостиля : на материале художественной прозы И. А. Бунина и Б. К. Зайцева : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Коренькова. – СПб., 2003. – 168 с.
8. **Кружилина М. В.** Всегда ли семантика наречия повторяет семантику прилагательного / М. В. Кружилина // Русский язык в школе. – 1993. – № 4. – С. 80–84.
9. **Максимова Т. В.** Адвербиальная сочетаемость русского и английского префиксального глагола / Т. В. Максимова // Русский глагол в сопоставительном освещении. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 160–167.
10. **Набатчикова Т. П.** Наречие в былинном тексте : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. П. Набатчикова. – Курск, 1997.
11. **Ножкина Э. М.** Средства выражения адвербиального признака в эпистолярном стиле / Э. М. Ножкина // Вопросы стилистики. – Саратов, 1989. – Вып. 23. – С. 132–145.
12. **Основы теории коммуникации** / под ред. М. В. Василика. – М., 2003. – 616 с.
13. **Пеньковский А. Б.** Очерки по семантике русских наречий. Наречие *впервые* / А. Б. Пеньковский // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1977. – Вып. 1. – С. 41–50.
14. **Савёлова Л. А.** Аспекты прагмасемантического описания системы русского наречия / Л. А. Савёлова. – Архангельск : Поморский ун-т, 2009. – 262 с.
15. **Самаркина Н. К.** Адвербиальная валентность английского глагола : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. К. Самаркина. – Калинин, 1971. – 23 с.
16. **Сидорец В. С.** В поисках точного слова. О наречиях в прозе И. А. Бунина / В. С. Сидорец // Русская речь. – 1979. – № 5. – С. 27–29.

17. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
18. **Теплякова Л. С**. Средства художественно-образной конкретизации глаголов говорения (на материале произведений Ф. М. Достоевского) / Л. С. Теплякова // Лексика русского языка. – Рязань : Рязан. пед. ин-т, 1979. – С. 76–80.
19. **Туманова Н. Л.** Сочетаемость глаголов речи с определенными наречиями / Н. Л. Туманова // Исследования по семантике. – Уфа, 1980. – С. 89–96.
20. **Шмелев Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1973. – 220 с.

Надійшла до редколегії 25.05.11

УДК 81'1

О. В. Лавриненко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Присвячено особливостям зародження та становлення теорії мовленнєвих жанрів як особливого напряму сучасної лінгвістики. Розглянуто проблеми базових одиниць теорії мовленнєвих жанрів, а також висвітлено основні вектори майбутнього розвитку цієї дисципліни.
Ключові слова: мовленнєвий жанр, теорія мовленнєвих жанрів, мовленнєвий акт, дискурс.

Посвящена особенностям зарождения и становления теории речевых жанров как особого направления современной лингвистики. Рассмотрены проблемы базовых единиц теории речевых жанров, а также освещены основные векторы будущего развития этой дисциплины.
Ключевые слова: речевой жанр, теория речевых жанров, речевой акт, дискурс.

The article is devoted to features of origin and formation of the theory of speech genres as a special direction of modern linguistics. Problems of basic units of the theory of speech genres are considered, and also the basic vectors of the future development of this discipline are elucidated.
Keywords: a speech genre, the theory of speech genres, the speech act, a discourse.

Теория речевых жанров (генристика, лингвистическая генология, жанроведение) – лингвистическая дисциплина (направление коммуникативной лингвистики), рассматривающая всю языковую деятельность человека как совокупность речевых жанров, имеющих свои правила порождения и определённую норму.

Термин *лингвистическая генология* возник в польской лингвистике и связан прежде всего с работами Анны Вежбицкой. Термины *генристика* и *жанроведение* употреблялись и употребляются как синонимы, хотя недавно было высказано предложение противопоставлять с помощью этих терминов два разных направления теории речевых жанров [12, с. 43–55], о чём будет упомянуто ниже.

Как отдельное лингвистическое направление, теория речевых жанров начала формироваться в 70–80-х годах XX века. В основу нового направления лингвистических исследований легли идеи М. М. Бахтина, фигурировавшие ещё в книге «Марксизм и философия языка» (1929) [5, с. 349–486], но более отчётливо и предметно сформулированные в статье «Проблема речевых жанров» [3], которая была написана ориентировочно в 1953–1954 году [18, с. 536], а впервые опубли-

© Лавриненко О. В., 2011

кована (фрагментарно) в 1978 году в «Литературной учёбе» и – в более расширенном варианте – в книге «Эстетика словесного творчества» (1979). С последних двух публикаций как раз и начинается постепенное (а сегодня уже и массовое) распространение идей Бахтина в лингвистической среде.

За последние несколько десятилетий было написано внушительное количество работ по проблемам речевых жанров. Это исследования конкретных речевых жанров, разработки оснований для типологии жанров, разработки понятийно-методологической базы нового направления. Украинское языкознание располагает даже попыткой создания учебника по теории речевых жанров [6], автор которого отдаёт предпочтение закрепившемуся в польской традиции термину лингвистическая генология. А совсем недавно и в русском языкознании появилась объёмная обобщающая монография В. В. Дементьева «Теория речевых жанров» [12].

Большие объёмы разноплановых исследований речевых жанров диктовали необходимость создания обзорных работ по соответствующей проблематике. Уже в середине 1990-х годов было очевидным существование принципиально отличающихся подходов к пониманию речевого жанра, что и было отражено в обзорной статье В. В. Дементьева [11], который выделил тогда три таких подхода (или группы исследований) [11, с. 109–110]:

1. К первой группе относятся исследования, исходящие из классического определения жанра, данного Аристотелем и Н. Буало. Этот подход практически не развивается в лингвистике, так как, по справедливому замечанию В. В. Дементьева, классическое определение жанра лишено «необходимой гибкости и динамизма» [11, с. 109], что приводит либо к слишком широкому, либо к слишком узкому пониманию жанра. Такое понимание речевого жанра, по мнению В. В. Дементьева, отражено в статье Т. Г. Винокур «Полилог» [9, с. 381] для «Лингвистического энциклопедического словаря», энциклопедии «Русский язык» [24] и коллективной монографии «Русская разговорная речь» [23].

2. Второй подход объединяет исследователей, изучающих отдельные аспекты структуры речевых жанров. Такие исследования не стремятся к следованию целостной и непротиворечивой теории речевых жанров, хотя и представляют немалую ценность в решении различных частных проблем. Этот подход характерен для учёных, занимающихся разноплановыми исследованиями разговорной речи, а также для представителей различных смежных дисциплин (социолингвистов, психолингвистов, этнологов, антропологов и пр.). Их работы зачастую содержат различные ценные идеи для теории речевых жанров. Например, в работах Н. Ю. Шведовой [30], Ю. М. Скребнева [27] упоминается о стереотипах и формулах речевого общения; в работах Роджера Белла [7], Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [8], О. А. Лаптевой [19] отмечаются соответствия между речевыми действиями и типами действительности; в работах В. З. Демьянкова затрагивается структурность речевых жанров; в работах А. М. Пешковского [21], Н. И. Жинкина [15, с. 108–194] отмечается вторичность составных элементов базовой единицы. Примыкают к этой группе работ исследования В. Я. Проппа [22] в области фольклорных жанров, а также теория «холодных культур» (Вяч. Вс. Иванов [16], К. Леви-Стросс [20]) и теория «прецедентных текстов» (Ю. Н. Караулов [17], Ю. А. Сорокин). Исследования этой группы хоть и пользуются самыми разноплановыми методиками и подходами, но постепенно всё же сближаются с концепцией речевого жанра в понимании Бахтина.

3. К третьей группе работ относятся исследования, ориентирующиеся непосредственно на концепцию речевого жанра М. М. Бахтина. Это прежде всего работы самого Бахтина и его круга. Кроме того, к этой группе относятся работы некоторых последователей Р. Якобсона и Дж. Остина, а также многих современных

зарубежных и российских языковедов. Это А. Вежбицка, Ст. Гайда, Н. Д. Арутюнова, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, О. П. Ермакова, И. П. Сусов, В. Е. Гольдин, В. В. Богданов, Г. Г. Почепцов, Е. В. Падучева, Т. В. Матвеева, Т. В. Шмелёва, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, С. А. Сухих, С. И. Гиндин, В. В. Колесов и многие другие. Среди украинских лингвистов на идеи Бахтина опираются, например, Л. Ф. Компанцева и Ф. С. Бацевич.

Позже в третьей группе исследований В. В. Дементьев предложил различать два принципиально отличающихся направления:

1) лингвистическое изучение речевых жанров (генристику). Это направление стремилось истолковать идеи Бахтина на основе «методологии и терминологии теории речевых актов» [12, с. 43];

2) прагматическое изучение речевых жанров (жанроведение). Этот подход отличается стремлением преодолеть недостатки генристического подхода. Для него характерно переосмысление речежанровых идей Бахтина с подключением диалогической концепции выдающегося философа.

Терминология, обслуживающая категории и понятия теории речевых жанров, довольно многочисленна. Ф. С. Бацевич отмечает, что теория речевых жанров, с одной стороны, активно пользуется терминологией общей теории коммуникации (*коммуникация, общение, коммуникативный акт, стратегия общения, тактика общения, замысел, реализация языкового замысла, порождение и восприятие речи, адресат, адресант, канал коммуникации, ситуация и контекст общения, коммуникативный смысл* и другие), а с другой – вводит в научный обиход некоторые собственные понятия, например: *речевой жанр, типы речевых жанров, анкета (паспорт) речевого жанра, жанровая тональность, межжанровая динамика* и другие [6, с. 13]. Однако такое многообразие единиц и категорий теории речевых жанров стимулирует исследовательский поиск основных (или базовых) единиц этого лингвистического направления. В. В. Дементьев, например, указывает на ряд смежных с *речевым жанром* понятий. Это *коммуникативный жанр, речевой акт, стиль* и *речевое событие* [12, с. 123–143]. Ф. С. Бацевич предлагает иерархическую трёхчленную структуру базовых понятий теории речевых жанров: *речевой акт – речевой жанр – дискурс* [6].

Из этих трёх базовых понятий, по-видимому, только *речевой акт* имеет устоявшуюся трактовку, отражённую, например, в соответствующей статье Н. Д. Арутюновой для «Лингвистического энциклопедического словаря»: «Речевой акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе <…> Последовательность речевых актов создаёт дискурс» [2, с. 412].

С трактовкой понятия *речевого жанра* возникают определённые трудности. В качестве отдельной словарной статьи речевой жанр стал проникать в справочную лингвистическую литературу только в 2000-х годах. Причём трактуется *речевой жанр*, как правило, в функционально-стилистическом ключе [29, с. 106; 28, с. 185–186], что очень слабо связано с *теорией речевых жанров*, и восходит к нормативно-стилистическим представлениям о жанрах, отражённым, например, у К. А. Долинина [13, с. 60]. В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» (2003) содержится прекрасная статья Т. В. Шмелёвой [31], в которой отражён ввод понятия *речевого жанра* в лингвистический обиход и особенности зарождения новой области исследований, но, к сожалению, Т. В. Шмелёва уходит от попыток сформулировать определение термина *речевой жанр*. «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» (2003) предлагает трактовку речевого жанра в ключе лингвистического жанроведения, почти дословно воспроизводя определение М. М. Бахтина. Ср. у Бахтина: «Тематическое содер-

жание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. <…> каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [3, с. 159]. В словарной статье В. А. Салимовского: «Речевой жанр – относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов)» [25, с. 352]. Однако нужно обратить внимание на ещё одно размышление Бахтина о понятии жанра, которое указывает на важный аспект исследования речевых жанров: «Жанр – это отстоявшаяся типологически устойчивая форма целого высказывания, устойчивый тип построения целого» [4, с. 243]. То есть внимание акцентируется не на том, что жанр – это группа текстов, объёдинённых какими-либо признаками, а на том, что это система определённых правил, речевых посылов и установок, регламентирующих порождение речи в конкретной ситуации. Этот аспект собственно и дал впоследствии стимул к развитию новой лингвистической области исследований.

Наиболее приемлемым на сегодня можно считать определение *речевого жанра*, данное в «Новом словаре методических терминов и понятий»: «**РЕЧЕВОЙ ЖАНР**. Совокупность *речевых произведений* (текстов или высказываний), *речевых актов*, объединенных целевыми установками высказывания. Это типовые способы построения речи, связанные с определенными ситуациями и предназначенные для передачи определенного содержания» [1, с. 256]. В этом определении объединены взгляды на *речевой жанр* как совокупность текстов и как формы высказывания.

В иерархии базовых единиц коммуникации *речевой жанр* занимает промежуточную позицию между *речевым актом* и *дискурсом*, если понимать последний как «обозначение системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определённой социальной или идеологической позиции» [26, с. 26]. То есть *дискурс* в таком понимании является родовым понятием по отношению к *речевому жанру* (например, политический дискурс – это совокупность речевых жанров политической коммуникации, спортивный дискурс объединяет жанры спортивной коммуникации и т. п.). *Речевой жанр*, в свою очередь, является родовым понятием по отношению к *речевому акту*, причём понимать вид иерархических отношений между *речевым жанром* и *речевым актом* можно по-разному. С одной стороны, *речевой жанр* может определяться как совокупность, некое множество *речевых актов*. С другой – *речевой акт* можно воспринимать как конкретную реализацию обобщённой жанровой структуры, запечатлённой в соответствующем *речевом жанре*, то есть в этом случае речь идёт о соответствиях сродни дихотомии язык / речь.

Сейчас в теории речевых жанров продолжается становление понятийного аппарата, методик исследования и попыток различных типологий речевых жанров. Кроме того, в последние годы возникают новые аспекты жанроцентрических исследований, порождающие такие направления, как когнитивное жанроведение [14], электронное жанроведение [10] и др.

Библиографические ссылки

1. **Азимов Э. Г.** Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Азимов Э. Г., Щукин А. Н. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
2. **Арутюнова Н. Д.** Речевой акт / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 412–413.

3. **Бахтин М. М.** Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений. – Т. 5. – Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М. : Русские словари, 1997. – С. 159–206.
4. **Бахтин М. М.** Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений. – Т. 5. – Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М. : Русские словари, 1997. – С. 207–286.
5. **Бахтин М. М.** (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка : статьи / М. М. Бахтин (под маской). – М. : Лабиринт, 2000. – 640 с.
6. **Бацевич Ф. С.** Вступ до лінгвістичної генології / Ф. С. Бацевич. – К. : Академія, 2006. – 248 с.
7. **Белл Р.** Социолингвистика: Цели, методы и проблемы / Р. Белл. – М. : Международные отношения, 1980. – 320 с.
8. **Верещагин Е. М.** Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1983. – 269 с.
9. **Винокур Т. Г.** Полилог / Т. Г. Винокур // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 381.
10. **Горошко Е. И.** Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное / Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2 (12). – С. 105–123.
11. **Дементьев В. В.** Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике / В. В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 109–121.
12. **Дементьев В. В.** Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
13. **Долинин К. А.** Стилистика французского языка / К. А. Долинин. – М. : Просвещение, 1978. – 344 с.
14. **Жанры речи.** – Вып. 5. Жанр и концепт / отв. ред. В. В. Дементьев. – Саратов : Колледж, 2005. – 440 с.
15. **Жинкин Н. И.** Речь как проводник информации. – М. : Наука, 1982. – 224 с.
16. **Иванов Вяч. Вс.** О некоторых принципах современной науки и их приложении к семиотике малых (коротких) текстов / Вяч. Вс. Иванов // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. – С. 5–9.
17. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : УРСС, 2010. – 264 с.
18. **Комментарии** / С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили, Н. А. Паньков, И. Л. Попова // Бахтин М. М. Собрание сочинений. – Т. 5. – Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М. : Русские словари, 1997. – С. 379–680.
19. **Лаптева О. А.** Русский разговорный синтаксис. – М. : УРСС, 2003. – 396 с.
20. **Леви-Стросс К.** Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
21. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : УРСС, 2009. – 432 с.
22. **Пропп В. Я.** Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. – М. : Наука, 1976. – 328 с.
23. **Русская разговорная речь** / под. ред. Е. А. Земской. – М. : Наука, 1973. – 398 с.
24. **Русский язык** : Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
25. **Салимовский В. А.** Речевой жанр / В. А. Салимовский // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 352–354.
26. **Серио П.** Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – С. 14–53.
27. **Скребнев Ю. М.** Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 210 с.
28. **Словарь социолингвистических терминов** / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
29. **Столярова Л. П.** Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К. : Изд-во Гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.

30. **Шведова Н. Ю.** Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 377 с.
31. **Шмелёва Т. В.** Речевой жанр / Т. В. Шмелёва // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 573–574.

Надійшла до редколегії 23.05.11

УДК 811.161.1'367.628

Лю Фейхун

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РУССКОЕ МЕЖДОМЕТИЕ – ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Розглянуто лінгвістичні проблеми, пов'язані з вигуками, та інновації у галузі вигуків сучасної російської мови.
Ключові слова: вигук, категорія, інновація.

Рассмотрены лингвистические проблемы, связанные с междометиями, и инновации в сфере междометий современного русского языка.
Ключевые слова: междометие, категория, инновация.

The article deals with linguistic problems, connected with interjections, and the innovations within the interjections of modern Russian.
Keywords: interjection, category, innovation.

В данной статье в общем виде ставится проблема исследования междометия как особой части речи и связанных с ним категорий. Эта проблема находится в русле актуальных исследований, поскольку междометие, будучи сравнительно немногочисленно представленной частью речи, тем не менее включено в важные парадигматические и синтагматические отношения.

Междометия как особый класс слов исследовались в ряде учебных пособий и научных трудов [1; 2; 4]. Однако анализ междометий с точки зрения функционирования их традиционных категорий и инноваций, насколько нам известно, еще не становился предметом специального исследования.

Целью данной статьи является очерчивание круга основных проблем, связанных с междометиями, и отражение их в лексикографической практике.

При изучении междометий возникают следующие проблемы:
– структурная классификация междометий;
– семантическая классификация;
– этимологическая классификация;
– существование междометий-заимствований;
– возможности раскрытия значения междометий в лексикографии;
– когнитивная функция междометий и многие другие.

Рассмотрение лингвистических проблем, связанных с междометием, целесообразно начать с определения данного понятия. Большой Энциклопедический словарь определяет его следующим образом: МЕЖДОМЕТИЕ – *часть речи, разряд неизменяемых, морфологически нечленимых слов, употребляющихся обычно для выражения чувств и волевых побуждений, напр. "о!", "ах!", "эй!"* [4].

В словаре С. И. Ожегова указано: МЕЖДОМЕ́ТИЕ, *-я, ср. В грамматике: неизменяемое слово, непосредственно выражающее эмоциональную реакцию,*

© Лю Фейхун, 2011

чувство, ощущение, напр. «ай», «ах», «ба», «ого», «ох», «ух», «фи», «эх». | прил. междометный, -ая, -ое. Междометные глаголы (неизменяемые глагольные формы типа бах, бух, прыг, хвать, хлоп, выражающие мгновенное действие) [5].

Междометие – это класс неизменяемых слов и словосочетаний, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других реакций. По ряду признаков к междометиям примыкают звукоподражания, представляющие собой условные преднамеренные воспроизведения звучаний, сопровождающих действия, производимые человеком, животным или предметом. Междометия не изменяются по родам и по числам. При использовании во множественном числе междометия становятся именами существительными.

Термин *междометие* впервые появился в 1619 году в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого, в форме «между́метие» (буквальный перевод с лат. interjectio, в котором inter – «между», а jectio – «бросание; невольное высказывание»). Междометия отличаются и от знаменательных, и от служебных частей речи. От знаменательных частей речи междометия отличаются тем, что не называют явления действительности, а от служебных – тем, что не выражают отношений между словами в словосочетании и предложении, не служат для связи слов и предложений и не вносят в предложение дополнительных смысловых оттенков. Их принадлежность частеречной системе языка отражена в следующей схеме.

Схема 1

Междометия в системе частей речи современного русского литературного языка

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ					ИНТЕРЪЕКТИВНЫЕ (служебно-самостоятельные)		СЛУЖЕБНЫЕ		
Имя существительное	Имя прилагательное	Имя числительное	Наречие	Глагол	Междометие	Звукоподражательные слова	Частица	Предлог	Союз
Местоимение			Категория состояния						

Междометие не всегда легко отличить от слов других классов. Обычно выделяют несколько характерных свойств, по которым можно отнести слово к классу междометий. Во-первых, междометия – это слова-предложения: в своем обычном, исходном употреблении они всегда являются самостоятельными высказываниями. Поэтому междометия, будучи словами, обладают в то же время свойствами, которые характерны для предложений. Они не способны иметь синтаксические связи с другими словами: ни от кого не зависят и никого себе не подчиняют. Они самодостаточны: наша реакция на какое-нибудь событие или ответ на целую реплику собеседника могут быть выражены одним лишь междометием.

Некоторые частицы тоже могут формировать отдельное предложение: – *Это действительно оказалась она. – То-то. Я же говорил*. Однако частицам, которые могут составлять отдельное высказывание, все-таки в первую очередь свойственно употребляться в составе другого предложения: – *То-то она так волновалась*.

В русском и в некоторых других языках междометия могут входить в состав другого предложения в качестве сказуемого: *Гуси здесь* ***ого-го***. Однако такое

употребление никак нельзя считать основным для междометия и даже характерным. В этой роли может выступать далеко не любое междометие: нельзя, например, сказать *Настроение у меня сегодня* ***эх***. С другой стороны, те междометия, которые могут быть сказуемыми, все-таки гораздо чаще употребляются в обычной междометной функции – в качестве самостоятельных высказываний.

Поскольку междометия – это слова-предложения, для них, как ни для каких других слов языка, важна просодия – долгота гласного или согласного, а особенно интонация, с которой они произносятся. Часто междометия, имеющие совершенно разные значения, отличаются только интонацией. Например: – *Что будем делать со сломанным телевизором? – А-а! Черт с ним. Новый купим*. Или: – *Что сломалось-то? – Телевизор. – А-а. Я так и думал*.

Во-вторых, междометие, как правило, не имеет никаких грамматических показателей, т. е. не может изменяться по родам, числам, временам и т. д.

Междометия, по мнению лингвистов [6], – это слова, которые выражают чувства и побуждения говорящего, но не называют их. В большинстве работ предлагаются, прежде всего, семантические классификации междометий.

1. В зависимости от смысла всей речи, от интонации, от обстановки разговора некоторые из междометий употребляются при выражении разных чувств, например: *Ах, как приятно!* (радость). *Ах, это ужасно!* (горе, возмущение).

2. Междометия, выражающие различные побуждения: *вон! прочь*! (желание удалить); *ну! ну-те* (побуждение к речи или действию); *на! нате*! (побуждение к тому, чтобы брали что-нибудь); *цыц! те! ш*ш! (запрещение); *марш*! (побуждение идти); *эй*! (желание, чтобы обратили внимание).

3. Междометия, выражающие различные чувства и изъявления воли по отношению к речи собеседника: *вот ещё!* (несогласие), *ой ли?* (недоверие), *право!* (уверение) и др.

Следующая общелингвистическая проблема, которая очень важна для местоимений, – это их образование. Словообразование междометий – процесс образования междометий от производящей базы другого междометия либо других частей речи – характеризуется тем, что аффиксация используется редко, исключительно в стилистических целях. Различают такие виды образования междометий: аффиксный, безаффиксный, сращение, конверсия.

Классификация по составу представлена в академических грамматиках и учебниках (Д. Э. Розенталя, Р. Н. Панова, Л. Д. Чесноковой и др.). К так называемым первообразным (непроизводным) ученые относят междометия, в современном языке не имеющие связей ни с одной из знаменательных частей речи (*а, ага, ай, ау, ах, ба, брр, брысь, ге, ей-ей, их, на, но, ну, о, ого, ой, ох, тпру, тю, тьфу, увы* и т.д.).

Непервообразные (производные) междометия представляют собой группу слов, в разной степени соотносимых со словами или формами той или иной знаменательной части речи. К их числу относятся слова *батюшки, матушки, Господи, блин, черт* и т. д., которые связаны с существительными.

Значительное число непервообразных междометий связано с глаголом: *брось, будет, вишь* и *ишь* (из *видишь*), *здравствуй(те), извини(те), пли* (из *пали*), *поди-тка* (прост.), *подумаешь, подумать, пожалуйста, помилуйте, скажите, товьсь* (из *готовься*), *усь* (из *куси*), *хватит* и т. д.

Единичны непервообразные междометия, связанные с местоименными словами, наречиями, частицами или союзами: *во́на* (прост.), *то-то, эва* (прост.), *эк, эка; вон, долой, полно, прочь; ужо* (прост.), *однако; тс, тш, цс, ш-ш* (из *тише*). Сюда же принято относить и нечленимые или слабочленимые сочетания первооб-

разного междометия с частицей или местоимением: *да уж, на тебе* (*нате*), *ну уж, ну да, ой-ли*, а также соединения *ну и ну, ей-же-ей*.

Заметное место среди этой группы междометий занимают устойчивые словосочетания и фразеологизмы: *батюшки-светы, Боже мой, Боже праведный, Боже правый, Господи Боже мой, прости Господи, упаси Бог, Боже сохрани, поди ж ты, скажите на милость, я тебя, вот тебе на, вот те(бе) раз, то-то и оно, вот это да, как бы не так, чтоб тебя*.

В отличие от первообразных междометий, непервообразные представляют собой пополняющуюся группу слов. Главными источниками пополнения являются оценочно-характеризующие существительные – *горе, беда, смерть, страх, ужас, крышка, табак, труба, каюк, дудки, пропасть* (сюда же – устойчивые сочетания типа *вот так клюква, вот так штука, вот так номер*), а также глагольные формы со значением побудительности: *постой, погоди, давай, вали*.

Большая группа междометий выражает состояние знаний и мыслей говорящего; такие междометия называют когнитивными. Например, в русском языке существует целый ряд слов, произнесение которых указывает на то, что говорящий получил некую новую информацию и соотносит ее со своими знаниями и представлениями. Так, когда человек узнает что-то новое, он произносит *А-а*, а если это новое как-то противоречит его прежним представлениям, он говорит *Э-э-э*.

– Как она свободно себя чувствует в чужой квартире.

– А она к нам уже приходила.

– А-а, она уже приходила! // – Э-э, да она здесь не в первый раз.

Междометия придают речи живость, они свойственны эмоциональным репликам и восклицаниям. Поэтому основная сфера их употребления – обиходно-бытовой стиль, живая непринуждённая речь. В художественной литературе междометия используются для речевой характеристики персонажей; употребительны они и в авторском тексте, передавая динамику описываемых событий, отношение к ним автора, внезапность действий, сопровождающие их звуки, восклицания и т. п. Глагольные междометия *бац, хлоп, бух* и т. п., выражающие значение мгновенного или неожиданного действия, придают речи наглядность, картинность: вместо сообщения о действии говорящий как бы рисует перед слушателями картину этого действия.

По своему происхождению междометия делятся на три разновеликие группы – вненациональные, исконно русские (славянские) и заимствованные.

К вненациональным относятся первообразные эмоциональные междометия, схожие с рефлекторными выкриками (*ах, а, о, ох, фу, хм, ха, эх, эй* и т. д.). Их значение очень тонко подчеркнул своим вольным стихом В. Солоухин. «Мы сидим за одним столом»:

...Но в это время кошка,
пробиравшаяся по крыше,
Прыгнула, чтобы поймать воробья.
Промахнулась и упала в кадушку
с водой.
Ха-ха-ха! – на это сказал англичанин.
– Ха-ха-ха! – ответил ему француз.
– Ха-ха-ха! – подтвердил им обои немец.
– Ха-ха-ха! – согласился русский с тремя.
Официант, поклонившись вежливо,
сообщил нам,
Что будет подано
Самое лучшее,

Чуть не столетней выдержки,
Уникальное, фирменное вино.
– О! – на это сказал англичанин.
– О! – француз отозвался мгновенно.
– О! – охотно включился немец.
– О! – согласился с ними и я. (...)
Так я понял, почему,
говоря по-разному,
Мы все же в конце концов
понимаем друг друга:
Англичанин, русский, немец,
француз.

Однако многозначность каждого такого междометия приводит к тому, что у разных народов появляются свои, не свойственные прочим языкам оттенки эмоций, передаваемых каким-либо подобным междометием. Во многих языках есть императивные междометия, с помощью которых отдаются команды животным. Например, по-русски цыплят подзывают, говоря *цып-цып-цып,* по-грузински – *йичи-йичи-йичи*; французские кошки не знают слова *кис-кис*.

В русском языке междометия давно заимствовались наряду с другими словами в результате контакта народов. Процесс заимствования в той или иной мере происходил и происходит постоянно. На сегодняшний день наиболее многочисленны заимствования из английского языка. Так, к новейшим заимствованиям междометий в современном русском языке можно отнести междометия типа *упс, кул, о-оу, бла-бла-бла, вау* и т. п. Конец XX – начало нынешнего столетия – это время, когда возникли определенные политические, экономические и культурные условия, которые создали предрасположенность общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но социально ограниченной иноязычной лексики.

Одним из наиболее распространенных «новых» междометий является слово *вау*! Как отмечает интернет-портал «Культура письменной речи», в американском английском сленговое слово *wow* употребляется как существительное со значением «нечто из ряда вон выходящее»; глагол в значении «ошеломить, поразить»; междометие, выражающее удивление и восторг («здорово!», «красота!», «класс!»). В шотландском сленге то же самое междометие выражает прямо противоположные эмоции: отвращение, удивление, горе, соболезнование («боже мой!», «какое горе!», «ой!»). Большинство лингвистов склоняются к мнению, что слово *wow* ведет свое происхождение от боевого клича индейцев племени окото. Однако есть и другая версия. Если носитель русского языка слышит в собачьем лае звуки «гав-гав», то англоговорящий – сочетание *bow-wow*. Иначе говоря, аналогом английскому междометию wow может служить русское *гав*.

Данное слово широко используется в устной и частично в письменной речи, но еще не получило дефиниции в толковых словарях современного русского языка. Носители языка и лингвисты выражают противоположные точки зрения по поводу целесообразности использования подобных слов, и, в частности, *вау*. Эти явления требуют, во-первых, лингвистического анализа и, во-вторых, нормативной оценки. Дело в том, что разного рода «коммуникативная мелочь» – союзы, частицы, предикативные наречия и в особенности междометия – составляют наиболее специфичную и консервативную часть каждого национального языка и с трудом пропускает в свой круг «чужаков» [3].

Есть мнение, что поскольку эквиваленты, имеющиеся в русском языке, семантически гораздо точнее самих заимствований и их выбор гораздо больший (*ой*

– ух – эх, здорово – класс – круто, здрасьте – приехали – ну вот – конец, ну-ну (да-да-да) ага, шик – блеск – красота – ого и т. д.), то частое использование иноязычных междометий в повседневной речи молодежи не представляется оправданным. Это безусловные варваризмы в составе заимствований русского языка. Так, чужеродность подобных междометий для носителей славянских языков очень интересно отмечена в одном из монологов М. Задорнова «Пока есть ...»: «...А сейчас – в какую глушь ни заедешь, везде можешь услышать отель, супермаркет, автобан, рецепшен, велкам, вау... Вот это вау просто достало. Иногда так и хочется подойти и спросить: “Мужик, ты себя в зеркало видел? Тебе не вау, тебе ага говорить надо...”». Исследователи отмечают, что это не несущее смысловой и эмоциональной нагрузки буквосочетание, при его использовании получается какой-то деревенский трэш, а не восхищение.

Однако ряд людей, использующих данное междометие, подчеркивает его положительные характеристики. Проникая в русский литературный язык, и прежде всего в язык художественной литературы, междометия молодежной речи и сленга привносят с собой характерную для них в живой разговорной речи экспрессию, яркую модальность, а потому требуют обращения на себя внимания как на неисследованное стилистическое средство. Это аналог той Эврики, о которой кричал Архимед после своего великого открытия. Когда мы произносим такие выражения, в организме резко усиливается выработка эндорфинов, т. е. гормонов радости, так как само сочетание звуков очень хорошо передает выражение удивления или радости.

Возникает вопрос о том, как должны отражаться новые явления в словарях, особенно тех, которые имеют статус нормативных. Мы полагаем, что данные слова в течение достаточно длительного периода должны отражаться в словарях новых слов, а затем, при условии их широкого проникновения в письменную речь, войти в словари нормативные. Междометия принадлежат конкретному языку и конкретной культуре, требуют перевода при переходе с одного языка на другой и специального изучения при овладении иностранным языком.

Библиографические ссылки

1. **Карцевский С. О.** Введение в изучение междометий / С. О. Карцевский. – Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 127–137.
2. **Кручинина И. Н.** Междометия / И. Н. Кручинина // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1990. – С. 290.
3. **Крысин Л. П.** Слово в современных текстах и словарях : очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – М. : Знак, 2008. – 320 с.
4. **Междометие** // Большой энциклопедический словарь. – Режим доступа : http://www.vedu.ru/BigEncDic/37628.
5. **Междометие** // С. И. Ожегов. Толковый словарь русского языка. – Режим доступа : http://www.ozhegov.org/words/15540.shtml.
6. **Шведова Н. Ю.** Междометия / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Энциклопедия. – М. : Сов. энцикл., 1997. – С. 137.

Надійшла до редколегії 19.05.11

УДК 81'342.9

Н. Г. Мартьянова

Донецький національний університет

ІНСТРУМЕНТАЛЬНІ ЗАСОБИ ДОСЛІДЖЕННЯ ІНТОНАЦІЇ: СИНХРОННИЙ ТА ДІАХРОННИЙ АСПЕКТИ

Визначено основні етапи розвитку засобів дослідження інтонації. Здійснено огляд методів дослідження інтонації у діахронному та синхронному аспектах.
Ключові слова: інтонація, інструментальний метод, Speech Analyzer.

Определены основные этапы развития средств исследования интонации. Осуществлён обзор методов исследования интонации в диахронном и синхронном аспектах.
Ключевые слова: интонация, инструментальный метод, Speech Analyzer.

The article is an attempt to define the basic stages of tools development of intonation research. The review of intonation research methods is carried out in diachronic and synchronous aspects.
Keywords: intonation, instrumental method, Speech Analyzer.

Методи дослідження звукового мовлення нерідко поділяють на метод слухового і метод експериментального аналізу. Останній правильніше було б називати інструментальним, позаяк експериментальним може бути і метод слухового аналізу і, навпаки, не будь-яке звернення до звукоаналізуючої апаратури свідчить про лінгвістичний експеримент [5, с. 69–70].

Не викликає сумнівів той факт, що проблема методів дослідження інтонації є актуальною і становить очевидний лінгвістичний інтерес як у теоретичному, так і в практичному плані.

Предметом дослідження є інструментальні засоби вивчення інтонації.

Мета наукової розвідки полягає в дослідженні еволюції інструментальних засобів вивчення інтонації.

Відповідно до мети необхідно розв'язати такі завдання:

1) здійснити огляд методів дослідження інтонації у діахронному аспекті;

2) визначити етапи розвитку інтонології в аспекті еволюції методики дослідження інтонації;

3) проаналізувати ефективність використання комп'ютерних програм у фонетичних дослідженнях.

Інтонація (від лат. intono – голосно вимовляю) – єдність взаємопов'язаних компонентів: мелодики, інтенсивності, тривалості, темпу мовлення і тембру вимови. Деякі дослідники включають до складу компонентів інтонації паузи. Разом з наголосом інтонація утворює просодичну систему мови. З погляду акустики інтонація – взаємопов'язані зміни частоти основного тону і інтенсивності, які розгортаються в часі [4, с. 197–198].

Інтонація як багатокомпонентна одиниця голосу являє собою набір певних елементів, які піддаються точним фізичним вимірюванням і, відповідно, аналізу. Інтонацію можна описати за допомогою акустичних параметрів, які доцільно згрупувати таким чином:

– інтенсивна група: пауза, логічний наголос, інтенсивність;

– частотна група: мелодика, діапазонна висота (смуга);

– темпоральна група: темп, емфатична тривалість;

– спектральний елемент: тембр.

© Мартьянова Н. Г., 2011

Історично слуховий аналіз інтонаційних явищ передував інструментальному. Одним з перших здійснив аналіз фразової інтонації слов'янських мов О. Брок у роботі «Огляд фізіології слов'янського мовлення» у 1910 році. Вчений розглядає всі основні компоненти інтонації без залучення точних експериментальних даних. На аудитивному методі базуються роботи Й. Хлумського «Чеська часокількість, мелодія і наголос» (1928 р.), спостереження С. Петержіка над інтонацією чеської і словацької мов наприкінці 30-х – початку 40-х рр.

Основи наукового підходу до вивчення інтонації в русистиці були закладені Л. В. Щербою, засновником Ленінградської фонологічної школи, та В. О. Богородицьким, представником Казанської лінгвістичної школи. Спочатку інтонація цікавила вчених як акустичний засіб оформлення речень, тобто її синтаксичний аспект. Лінгвісти досить детально описали інтонацію питальних, окличних, спонукальних, розповідних речень, досліджували і показали, як інтонація оформлює вислів, допомагає розрізняти його частини з врахуванням їх значущості.

Незважаючи на те, що всі показники інтонації сприймаються вухом людини, воно нездатне визначити тонкі і миттєві зміни, які відбуваються у процесі мовлення. Тому при аналізі мови аудиторськими засобами виключається, по-перше, точне визначення висотного рівня звуку, його інтенсивності та тривалості; по-друге, аудиторський аналіз ґрунтується на суб'єктивних оцінках, які, на відміну від об'єктивних показників, не завжди переконливі; по-третє, на слух можна встановити лише дуже приблизні характеристики мовлення, оскільки багато звукових явищ мови, наприклад, взаємозамінюваність тривалості та інтенсивності, не сприймаються точно на слух.

Відсутність належної аналізаторської бази не дозволяла вивчати інтонацію мовлення протягом століть так широко і плідно, як велося дослідження в інших галузях мовознавства. Розвиток експериментальної фонетики зумовив якісно новий етап у вивченні інтонації.

Захоплення інструментальним аналізом інтонації особливо характерне для 50-х років XX століття, коли з'являється велика кількість експериментально-фонетичних досліджень на матеріалі інтонації різних мов. Тут насамперед слід назвати монографію Ф. Данеша «Інтонація і речення в чеській літературній мові» (1957 р.), книгу П. Янчака «Звуковий бік чеського привітання» (1957 р.), розробки М. Ромпортла, праці В. Яссема, роботу В. О. Артемова «Експериментальна фонетика» (1956 р.) тощо.

У 1960 році на сторінках журналу «Іноземні мови в школі» [2, с. 3–7] ставиться питання про практичне значення інструментального методу дослідження інтонації. Виходить друком посібник О. А. Бризгунової «Практична фонетика та інтонація російської мови», в якому дані інструментального аналізу застосовуються у практиці викладання іноземних мов.

Для аналізу інтонації мовлення з магнітофонної плівки записувалося на електроакустичний рекордер. У результаті вчені отримували кімограму (рис. 1), яка давала можливість аналізувати інтонацію за інтенсивністю звуку (верхня крива), за рухом основного тону (середня крива). Нижня лінія містить часову відмітку, що дає можливість розраховувати тривалість. Результати розшифровки кімограм мали вигляд графіків, побудованих у логарифмічному масштабі [3, с. 161].

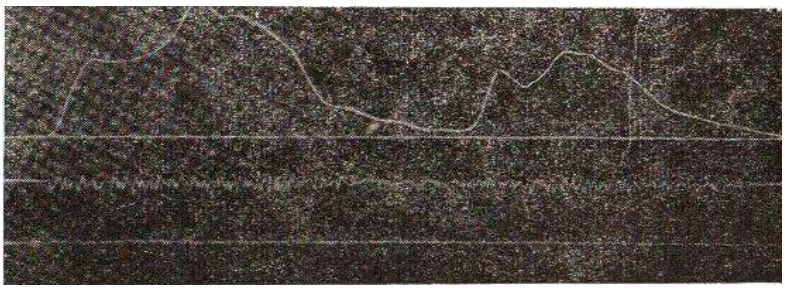


Рис. 1. Відрізок кімограми

У 70-х рр. XX ст. для отримання експериментальних даних застосовувався апарат ОФХАМС, який вирізнявся докладністю характеристик і високим ступенем точності, про що свідчить значна кількість експериментально-фонетичних робіт, виконаних у Радянському Союзі (рис. 2) [1, с. 48]. Це перш за все дослідження, проведені в Лабораторії експериментальної фонетики та психології мовлення І Московського державного педінституту іноземних мов ім. М. Тореза під керівництвом проф. В. О. Артемова.

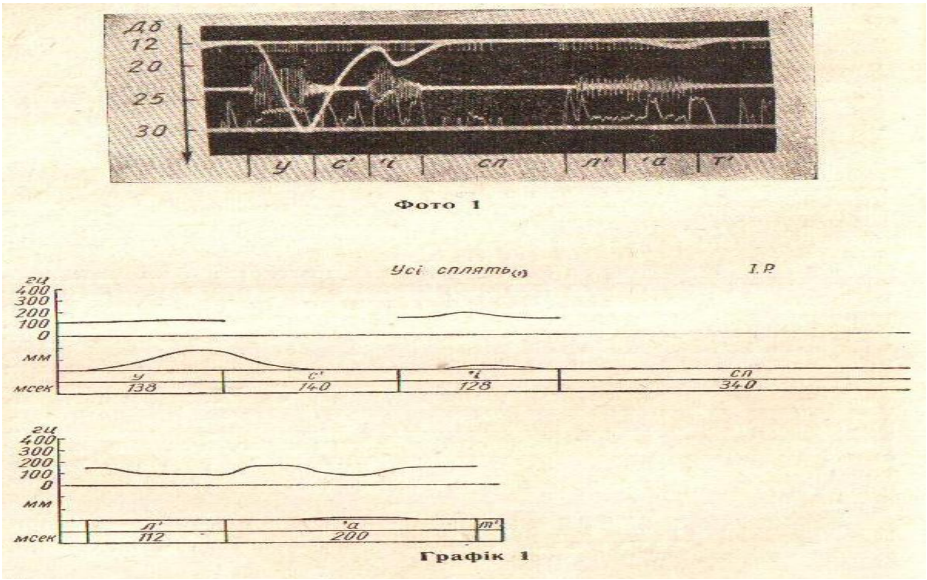


Рис. 2. Розповідне речення

У цей період виходить монографія А. Й. Багмут «Інтонаційна будова простого розповідного речення у слов’янських мовах» із залученням матеріалу української мови.

Починаючи з 1980-х рр. XX ст. і до сьогодні для методів дослідження в галузі інтонації характерний тісний зв'язок між інструментальними та слуховими методами.

Як зазначає Н. Д. Свєтозарова, у 80-ті рр. в ролі аналізаторів звукових коливань могли використовувати кімограф, осцилограф чи спектрограф. Найпоширенішим дослідниця називає осцилограф, а також осцилограф з автоматичним виділенням основного тону й інтенсивності – інтонограф. Прилади того періоду характеризуються різним ступенем надійності і зручності для дослідника [5, с. 76].

На сучасному етапі розвитку цифрових технологій і комп'ютерних програм стрімко розвивається інструментально-акустичний напрям у дослідженні просодії мови.

Мета використання комп'ютерних програм у фонетичних дослідженнях полягає в тому, щоб дати досить повне уявлення про те, якою мірою традиційні фонетичні і фонологічні уявлення про звукову систему мови відповідають тим даним, які отримані в результаті експериментально-фонетичних досліджень.

На сьогодні існує декілька звукових редакторів, зокрема:

– Sound Forge ver. 6.0. фірми Sonic Foundry (США) з умонтованими додатковими модулями;

– Spectrogram, ver. 7.2. Автор – R. S. Horne;

– Cool Edit Pro 1.2a фірми Syntrillium Software corp. (США);

– Wave Lab, ver. 4 фірми Steinberg (США);

– Spectra LAB – FFT Spectral Analysis System, ver. 4.32.11 фірми Sound Technology inc. (США);

– SFS ver. 4.30 Mark Huckvale University College;

– Speech Analyzer. A Speech Analysis Tool. Ver. 2.4 Test 2.2. SIL International Acoustic Speech Analysis Project JAARS-CCS, Waxhaw, NC.

Частота голосу, що виділяється, від 400 до 2500 герц. Сторонні шуми можна прибирати в Noise Reduction в Adobe Audition.

Під час аналізу звукового матеріалу доцільно використовувати програму Speech Analyzer. Ця програма дозволяє оперувати звуковими файлами у форматі wav, вимірювати паузи, «бачити» тони тощо.

Комп'ютерна програма Speech Analyzer була створена спеціально для обробки записів мовлення співробітниками Літнього лінгвістичного інституту (SIL). Отримуючи на вході звуковий сигнал, ця програма може репрезентувати його у вигляді трьох графічних зображень:

1. Осцилограма – графік, який показує, як змінюється амплітуда звукового тиску в часі під час вимови мовного відрізка (рис. 3).

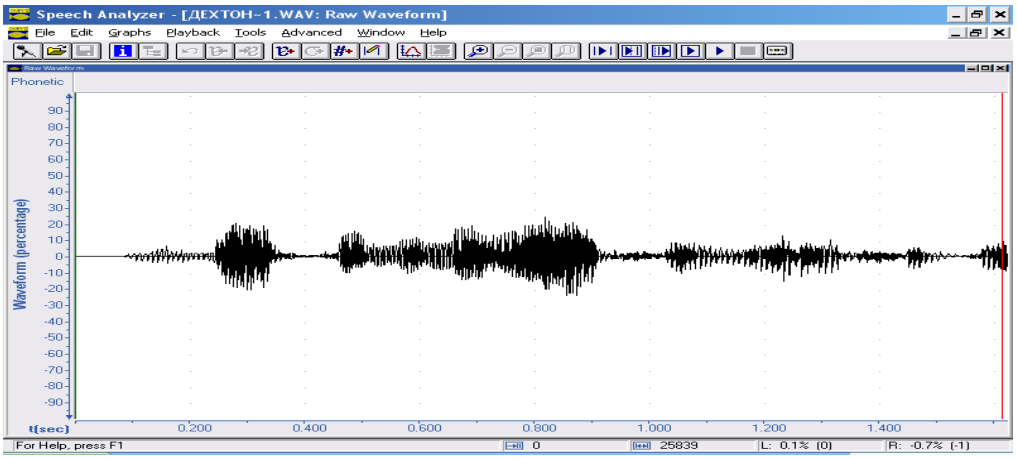


Рис. 3. Осцилограма речення *Дехто намагається вирішити*

2. Тонограма – графік, який показує зміну частоти основного тону в часі (рис. 4).

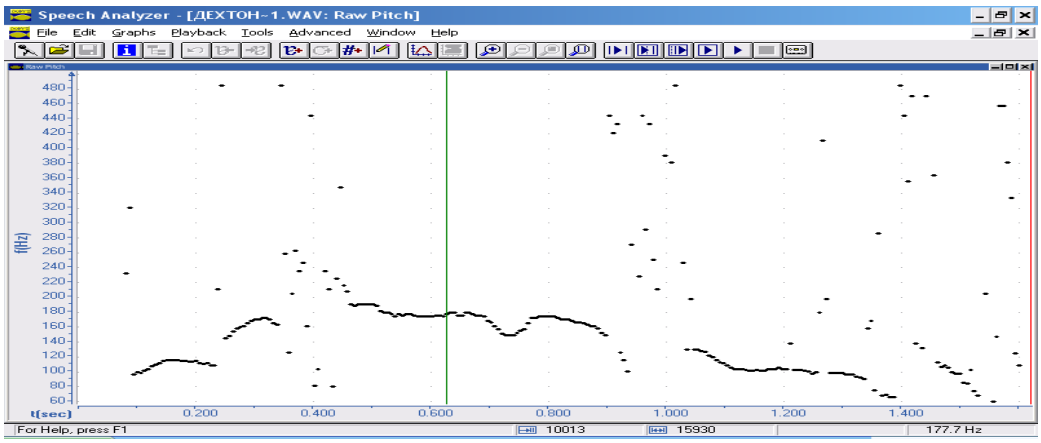


Рис. 4. Тонограма речення *Дехто намагається вирішити*

3. Динамічна спектрограма – графічне зображення зміни спектрального малюнка мовлення в часі (рис. 5).

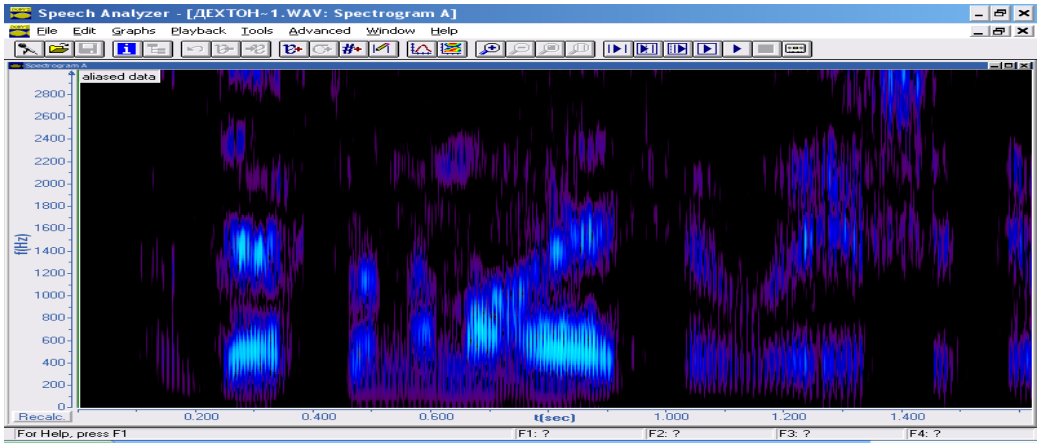


Рис. 5. Спектрограма речення *Дехто намагається вирішити*

За формою звукової хвилі, зображеної на осцилограмі, досить легко можна розрізнити різні типи звуків, і, отже, визначити межі між ними. Тонограма використовується для визначення частоти основного тону. При цьому слід враховувати, що показник частоти коливання, який легко визначається за допомогою тонограми, не вказує безпосередньо на те, який перед нами тон на фонологічному рівні, – низький або високий. Чим менше тонів протиставлено в системі, тим більший простір для варіативності в їх реалізації.

З цієї причини при визначенні тонів під час вимови не можна орієнтуватися на абсолютні величини частоти – основна частота, з якою реалізований склад, може мати значення лише в співвідношенні з основною частотою сусідніх складів.

Поточною є версія програми 3.0.1, яка вийшла у 2007 році.

Щоб почати працювати з програмою, необхідно:

– відкрити потрібний звуковий файл .wav моно;

– як два основні репрезентанти доцільно використовувати Graphs > Types > Custom > Raw waveform (зверху) та Custom points (унизу) (рис. 6).

– навчитися оперувати курсорами і користуватися позначкою zoom. Лівий курсор (зелений) виставляється натисканням лівої кнопки миші, правий (червоний) натисканням клавіші Shift одночасно з натисканням лівої кнопки миші. (На

малюнку курсори неактивні, обидва зліва біля шкали). Оптимальний рівень розтяжки 5–10 секунд на екрані (тоді мінімальна ціна поділу часової шкали становитиме 0,5–1 сек.).

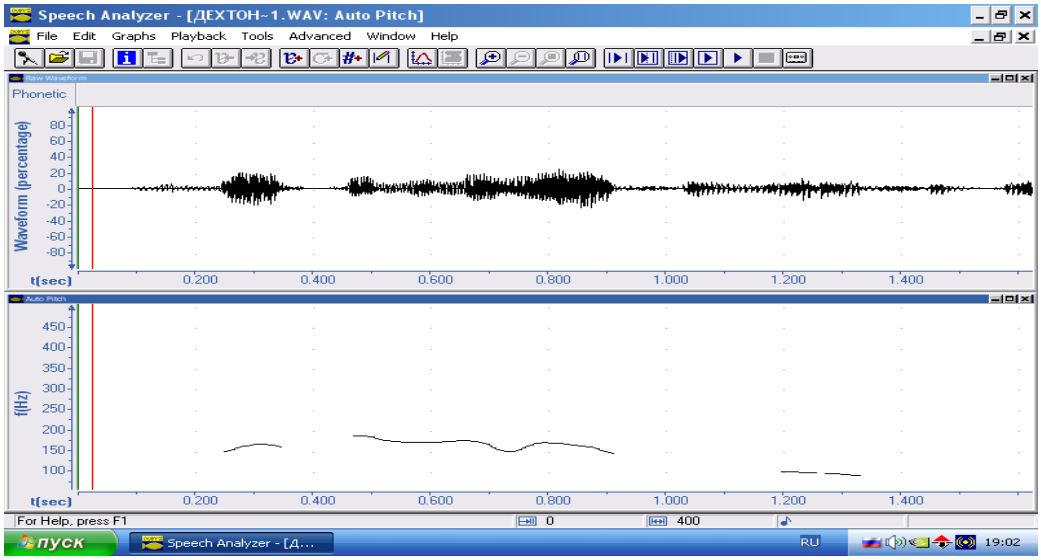


Рис. 6. Вигляд вікна програми Speech Analyzer

Отже, аналіз інструментальних методів дослідження інтонації у діахронному та синхронному аспектах показав, що ця проблема залишалася актуальною впродовж XX століття та не втратила своєї гостроти і сьогодні. Стрімкий розвиток комп'ютерних технологій дозволив ученим вийти на якісно новий рівень дослідження інтонації з метою виявлення її інваріантних властивостей.

Використання комп'ютерної програми Speech Analyzer під час просодичного аналізу речення відкриває перспективу встановлення інтонаційних показників одиниць актуального членування, що є предметом нашого подальшого дослідження.

Бібліографічні посилання

1. **Багмут А. Й.** Інтонаційна будова простого розповідного речення у слов'янських мовах / А. Й. Багмут. – К. : Наук. думка, 1970. – 173 с.
2. **Барышникова К. К.** К вопросу обучения интонации французского языка в школе / К. К. Барышникова // Иностранные языки в школе. – 1960. – № 2. – С. 3–7.
3. **Брызгунова Е. А.** Практическая фонетика и интонация русского языка : пособие для преподавателей, занимающихся с иностранцами / Е. А. Брызгунова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 306 с.
4. **Лингвистический энциклопедический словарь** / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – 2-е изд., доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 197–198.
5. **Светозарова Н. Д.** Интонационная система русского языка / Н. Д. Светозарова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 175 с.
6. **Селіванова О. О.** Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.

Надійшла до редколегії 30.05.11

УДК 811.111-811.161

Т. Ю. Миронова

Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна

ГЛАГОЛЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Присвячено смисловій функції дієслів у англомовному авторському тексті як національно-культурному явищу, що має враховуватися при перекладі.

Ключові слова: присудок, фіксований порядок слів, смисловий фокус, вільній порядок слів, національно-культурне сприйняття.

Посвящено смысловой функции глаголов в англоязычном авторском тексте как национально-культурному явлению, которое должно учитываться при переводе.

Ключевые слова: сказуемое, фиксированный порядок слов, смысловой фокус, подвижный порядок слов, национально-культурное восприятие.

By the English writing tradition, verbal forms bring much precision, vitality, and dynamism into the text. The original authors are careful about this sentence element; the translators' responsibility is to respect their efforts.

Keywords: fixed verb position, subject-verb expectations through the text, semantic focus, active vs. passive, correct translation.

Материал, лежащий в основе данной публикации, собирался долгое время как ответ на некоторые явления, наблюдаемые в межкультурных контактах, в частности, в письменных текстах. Возникло предположение, что общение на английском языке, для которого характерен фиксированный порядок слов, вырабатывает устойчивые антиципации элементов смысла в предложении и в пределах всего текста.

Англоязычные традиции связного письменного высказывания строго сохраняют полный состав и прямой порядок слов в предложении. Глаголы тщательно подбираются пишущим человеком в зависимости от их статичной или динамичной, активной или пассивной, конкретной или двусмысленной семантики. Все они способны более других членов предложения сообщать тексту богатство оттенков смысла. Будучи внимательно сочетаемы автором, английские глаголы образуют в тексте уникальную систему смыслов, которая становится чувствительной к замене некоторых из них синонимами.

Переводчики зачастую являются носителями иной речевой культуры с отличающимися антиципациями структуры предложения. К примеру, при подвижном порядке слов в родном языке, переводчики, работая с английским текстом, могут остаться во власти национально-культурного речевого опыта и акцентировать смысл в переводе неожиданно иначе, чем это замышлял оригинальный автор. Глагол, характер действия, которое он выражает, нить смысла, прокладываемая с помощью глагольных форм в абзаце и в целостном тексте, становятся зонами особого переводческого риска и богатым полем для исследования в разных гуманитарных дисциплинах.

Представляется необходимым рассмотреть, как возникает разночтение оригинального текста относительно его глагольного смысла, и как оказывается, что оригинальные авторы не узнают свои мысли в переводе. Для этого интересно со-

© Миронова Т. Ю., 2011

поставить оригинальный англоязычный авторский текст и его перевод на участках содержания, характеризующихся особой интенсивностью глагольного смысла.

Если говорить о глаголах в общечеловеческом плане, то они интересны для многих и исследуются лингвистами, психолингвистами, психологами, а также специалистами в области методики преподавания языков как в нашей стране, так и за рубежом. Г. В. Колшанский писал: «Категория предикативности независимо от всех видов ее языкового существования является абсолютно достаточной для выражения знаний о предметах и тем самым для практической ориентации человека в мире. Текст не нарушает этого фундаментального признака любого высказывания. Он лишь способствует объединению многих элементарных смыслов, ... превращая это множество в коммуникативную единицу» [2, с. 59]. Г. В. Колшанский, отмечая универсальную роль глагола в интеллектуальной деятельности и его заметное место в общей теории коммуникативной функции языка, не говорит о национально-культурном восприятии предикативности как отдельной проблеме. Однако упомянутый автор прозорливо намечает перспективы исследований: «Главная задача коммуникативной лингвистики и состоит именно в том, чтобы, не упуская единства глобальной функции языка, определить гармоничную основу всех слагающих ее моментов, которые позволяют обществу всегда достигать в языковом общении абсолютного взаимопонимания» [2, с. 151].

Национально-культурные особенности текстов замечены сравнительно давно. Л. А. Брагина этот пласт смысла называет семантикой отражения [1, с. 9], высказывая при этом почтение еще более раннему авторитету, И. И. Срезневскому, который призывал научную мысль учитывать, что «народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык один без другого представлены быть не могут» [5, с. 16–17]. Эта истина переводческой деятельности нацеливает на то, что следует познавать оригинальные духовные потенциалы носителя другой культуры и воплощать их в переводимом тексте.

Обобщая сведения из англоязычной теории творческого письма, которая является колыбелью авторских текстов, убеждаешься, что глаголы там заметно выделяются по сравнению с другими частями речи. О глаголах, объясняя и предостерегая, пишут много: они влияют практически на каждый компонент авторской работы с текстом. Глаголы необходимы при передаче авторского взгляда, голоса, тона, дикции, динамики текста и некоторых других параметров авторского смысла.

Отрадно видеть последние отечественные исследования англоязычного глагола, в которых он в фокусе внимания наряду с темами – веяниями нового времени [3; 4; 6; и др.]. ***Задачей*** нашей публикации является попытка проанализировать английский авторский текст и его перевод, осознавая особую смысловую сосредоточенность, свойственную англоязычному пишущему при воплощении замысла в веренице глаголов. Такое единодушие с оригинальным автором способно во многом скорректировать работу переводчика.

В трудно обозреваемом внутреннем формировании и формулировании мысли или, наоборот, в ее восприятии, концентрация внимания высказывающегося или понимающего человека в англоязычной и русско/украинскоязычной среде разная. В связи с обобщением, охватывающим русских и украинских коммуникантов, уточним, что мы себе это позволили, не игнорируя различия соответствующих славянских языков, а в связи с тем, что объединяет эти речевые действительности в плане рассматриваемых в данной публикации вопросов. В такой параллели значительно больше сходства, чем совпадения, к примеру, между русским и польским и даже польским и украинским речевым опытом, если не брать пограничные случаи.

Продолжая разговор о концентрации внимания англоязычных людей при чтении или слушании, отметим, что их отличает так называемый «комфорт мысли», или другими словами, ощущение ненарушенного смысла, когда они легко находят неизменную гармонию между подлежащим и сказуемым в каждом предложении. Это нерушимое сопряжение фрагментов смысла, передаваемого главными членами предложения, считается самой надежной опорой для разворачивающейся англоязычной мысли.

В русско/украинской коммуникативной традиции, позволяющей подвижный порядок слов в предложении, такого обязательного ритмичного внутреннего поиска подлежащего и сказуемого нет. В русском и украинском языках глагол может появиться в конце предложения, стало быть, попасть в фокус особого внимания, но это не обязательно и нерегулярно, и постоянной потребности держать глагол при любой его позиции в поле внутреннего зрения у русско- и украинскоговорящих, по всей очевидности, нет.

Это совсем не значит, что в русско- и украинскоязычном мирах высказываемые мысли качественно другие. В этих языковых реальностях глубина и тонкость мыслей не нуждается в еще одной похвале, но достигается это иначе, чем в англоязычной среде. В этой связи можно вспомнить знаменитую «*Глок**ую** кузд**ру***» Л. В. Щербы, которая «*щте**ко** будланул**а** бокра*». По этому образцу могут быть созданы и «Строгая учительница спокойно спросила ученика», и «Серая корова нежно облизала теленка», и множество порождений того же рода. Найденная формула «Куздры» в свое время считалась удивительной находкой лингвистов, поскольку казалась универсальной. Связность мысли в ней гарантируется богатой системой окончаний русского языка. Русскоязычный ум в родной среде с малых лет практикуется внимательно следить за безукоризненной согласованностью окончаний и при этом воображать как персонажи учительниц, общающихся с учениками, так и животных, заботящихся о своем потомстве. Это, вероятно, некое особое отношение к миру и людям, которое лежит очень глубоко в каждом выросшем в нашей стране.

Замечены и другие расхождения национально-культурного восприятия глаголов со стороны англоязычных и русско/украинскоязычных людей, что характерно для духовных измерений и что впоследствии проникает в традиционное отношение к реальности.

Примечательно, что знаменитую библейскую фразу от Иоанна (или Джона) «Вначале было слово...» в некоторых версиях англоязычной Библии представляют как «Сперва был ***глагол***...». При первом прочтении возражений не возникает: глагол – тоже слово. Затем приходит мысль, что не все слова есть глаголами и функции глагола несвойственны другим словам. В священном писании, как известно, мысль была не о лингвистике, а о первооснове человеческой жизни, о том, что всему начало лежит в активном праведном ***деле***, которое бог поддерживает. И через века англоязычный мир руководим смыслом, что надо ***делать нечто*** хорошее, а значит – божье дело, и быть в праведном деле ***активным***.

Если мы возьмем русский перевод, начинающийся фразой «Вначале было ***слово***...» (а такой вариант не только в этом языке), то при беглом восприятии современного человека, все звучит так же хорошо и правильно. Однако интерпретации могут возникать несколько иные. Случается, что для себя люди истолковывают библейские строки: «Помолись – и за дело». Это очень близко к смыслу, что только ***после слова*** – действуй или, по-другому, делай нечто, ***получив чье-то слово***, с благословения.

Если национально-культурная ***активная жизненная позиция*** англоязычных пишущих проникает в их тексты, то перед переводчиками стоит задача быть

обостренно внимательными к такому смысловому явлению, а тем самым к цепочке глагольных форм, которые более всего создают соответствующую картину. Практика межкультурных контактов часто напоминает, что такое понимание необходимо профессионалам лингвистических услуг, поскольку в англоязычном мире неизменно ожидают и не всегда получают тексты, в которых открыто и ясно излагается, кто, что делает и кто за что отвечает. Можно продолжить описание национально-культурных расхождений смысла, но для осуществления практической деятельности перевода, а также для подготовки профессионалов-переводчиков уже есть основания определить англоязычный глагол как явление, таящее многие проблемы.

В процессе творчества англоязычные авторы едва ли проговаривают про себя школьные правила о глаголах; они виртуозно непринужденно или в муках творчества насыщают действиями тексты и тонко понимают, насколько один глагол вслед за другим способен изменить общий смысл. Переводчики же приступают к прочтению англоязычного материала не на равных позициях с образованным англоязычным автором. Зачастую они имеют представления о грамматике глагола из книг для изучающих язык как иностранный. Некоторые национально-культурные явления, заложенные в текст оригинальным автором из усвоенного речевого опыта и по традициям англоязычного письма, остаются за пределами восприятия и тем самым не учитываются при переводе. Пример тому можно найти в предлагаемом нами отрывке из перевода английской авторской работы.

Основной целью аналитической части нашего исследования является попытка наглядно показать случаи, когда переводчик с культурной точки зрения предвзято воспринимает смысл текста, оставаясь нечувствительным к содержанию глагольных форм. Из-за этого возникает подмена смысла, и текст истолковывается со значительными отклонениями от первоначального замысла англоязычного автора.

Абзац из перевода. «*Вошел Пабло Пикассо с компанией из пяти человек, и хозяйка ресторана, красивая женщина, суетливо усадила его за столик у противоположной стены. Крейг посмотрел на него, с восхищением подумал о том, какую бычью энергию излучает его невысокая плотная фигура, большая лысая голова, темные глаза, нежные и жесткие одновременно, и тут же отвел взгляд. Пикассо, конечно, гордится своей славой, но почему, когда он ест суп, за каждым его движением должен следить какой-то немолодой американец, чья претензия на внимание художника обусловлена только тем, что у него в доме, который, в сущности, уже не его, висит литография с изображением голубя*» [7 , с. 76].

Читая перевод, русскоязычный человек естественно любознателен и намерен узнать нечто новое о персонаже: «Что ***с ним*** происходит...? Как они ***с ним обходятся***...? Почему они так ***к нему относятся***...?». Такая заостренность внимания выглядит натуральной: хороший читатель и вдумчивый человек сосредоточивается на тексте и ищет ответы на вопросы, совершая обычные мысленные шаги познания людей и действительности.

Англоязычный читатель в силу национально-культурного отношения к активному действию и к глаголу, его выражающему, настроен несколько иначе. Он отвечает себе самому на другие вопросы: «Что ***делает*** художник...? Что ***делает*** хозяйка...? Посетитель ***выбирает*** какое место...? Что ***делает*** американец ...? Как, с точки зрения американца, ***ощущает*** себя художник...?» и т. д.

Абзац из оригинала. «*Pablo Picasso **came in** with a party of five and the handsome woman who **owned** the restaurant **fussed him into** a table along the opposite wall. Craig **looked at him once**, **admired** the bull-like vitality **radiating** from the small stocky figure, the great naked head, the dark eyes, that **were** somehow gentle and fierce at the*

same time. Then he ***averted*** *his glance. Picasso, he* ***was sure, enjoyed*** *his fame, but he* ***had*** *the right* ***to spoon*** *his soup without* ***having his every gesture noted*** *by a middle-aged,* ***prying*** *American whose only claim to the artist's attention* ***was*** *that he had once* ***hung*** *a lithograph of a dove on the wall of a house he no longer* ***owned***» [9, с. 79].

Анализируя представленный текстовый материал, мы обнаружили расхождения смысла перевода и оригинального текста на двух уровнях: **(А) функционально-лингвистическом**, на котором смысловые отклонения связаны с конкретными лексико-грамматическими формами, и **(Б) текстовой семантики**, на котором изменения смысла ощущаются по общему впечатлению от прочитанного текста, в нашем случае – абзаца.

(А) Функционально-лингвистический анализ фрагментов оригинала 1–7

На этом уровне анализа в фокусе внимания оказались не только глагольные формы из оригинального текста, но и именные части сказуемого, дающие смысл активности. Лексико-грамматические формы, образованные оригинальным автором, сопоставлялись со способами выражения у переводчика.

Фрагмент 1 оригинала: «*...the handsome woman who owned the restaurant* ***fussed him into*** *a table...*». У англоязычного автора нет пассивной мысли о том, что **хозяйка усадила** якобы податливого Пикассо в определенное место. Было иначе, «хозяйка суетилась до того...» или «засуетилась так», что художник сел у стены напротив (тем самым, не на видное место, как в русско/украинскоязычной реальности для великих гостей, а скромно и приватно у стены). Скорее всего, при переводе сработал неанглоязычный речевой опыт. Фраза официанта: «Я вас посажу...» – из русско/украинскоязычной действительности, а фраза «Где бы вы хотели сесть...?» характерна в большей степени для зарубежного сервиса. Социально-культурный стереотип ситуации в ресторане увлек русскоязычного переводчика. Ощущение типичности того, что клиент попадает во власть ресторанного работника, затмило первоначальный авторский взгляд на вещи.

Фрагмент 2 оригинала: «*...admired the bull-like vitality...*». Сравнение с **быком** в русско/украинскоязычной и англоязычной реальности не равнозначное. В англоязычной среде даже политические деятели могут согласиться с прозвищем «быки», но в русско/украинскоязычной культуре такие ассоциации положительного смысла не передают. Соответственно, силу личности художника англоязычный автор связывает с первозданным, неподдельным и дарованным природой могуществом. Такое речевое употребление не оскорбительно, а, наоборот, высказывает восхищение. В общем контексте уважения к жизненной активности художник получил комплимент от писателя, но не получил его от переводчика.

Фрагмент 3 оригинала: «*... the great naked head...*». Нет английских слов оригинала, которые бы осудили внешность Пикассо. Нет у англоязычного автора слов о голове, которую отметила природа или годы так, что о ней можно уничижительно сказать **лысая**. Голова художника описана в оригинале с симпатией как непокрытая или открытая перед миром. А в целом, в оригинале слагается картина умной, великой и необыкновенной головы. В отличие от перевода английские слова не меряют физические размеры головы, и это верно, поскольку в жизни голова Пикассо вовсе не была громадной.

Фрагмент 4 оригинала: «*... enjoyed his fame...*». Английское «enjoy» – слово, окрашенное положительным смыслом. Оно предполагает как приятные ощущения, так и положительный человеческий опыт, типа «enjoy high standard of living, enjoy rights or good health». Кроме этого, «enjoy» позволяет воспользоваться чем-то **по-праву** полагающимся и обогатиться духовно, физически или социально. В этом слове нет амбиций, которые привнес переводчик, употребив слова «*гордиться своей славой*». В этом вновь сомнительная похвала, поскольку пере-

водчик, не спроецировав мышление человека творческого труда, поставил великого созидателя в смешное и унизительное положение наслаждаться своей славой, когда он ест. Более точным мог бы стать следующий вариант перевода: «у Пикассо славу не отнимешь. Что ж поделать, если на него везде смотрят. Все-таки художнику надо бы спокойно поесть...».

Фрагмент 5 оригинала: «*... having his every gesture noted by a middle-aged, prying American...*». Подстрочник оригинала «с особым **вниманием замечать**» движения интересного человека, посматривая на него украдкой, несовместим с прямолинейно детективным пассажем переводчика «*за каждым движением должен следить какой-то американец*».

Фрагмент 6 оригинала: «*... only claim to the artist's attention ...*». «Претензия» в русскоязычном восприятии есть качество мало похвальное, притворное и раздражающее; в англоязычной действительности «claim» не получает негативных коннотаций, поскольку это то, на что люди имеют **прямое право** и его не уступают, что считается хорошей и неагрессивной позицией.

Фрагмент 7 оригинала: «*... he had once hung a lithograph of a dove on the wall of a house...*». Переводчик некорректно истолковал характер действия, выраженного данным глаголом. Его слова «*все еще висит*» – вовсе не то, что в замысле автора «**когда-то разместил** на стене» или «для чего когда-то нашел место на стене».

(Б) Анализ текстовой семантики оригинала в сопоставлении с переводом

Чтобы сделать этот этап текстового анализа более объективным, а его результаты представить более осязаемо, применим три техники работы с содержанием текста: (а) вычленение **индивидуальных сценариев** участников коммуникативного события, (б) определение **содержательных очертаний** коммуникативного события, и (с) характеристику расхождения смысла двух текстов по **параметрам авторства**.

(а) Сценарии участников коммуникативного события, представленного в абзаце оригинала и перевода:

На данной стадии анализа мы определяли, что делал каждый из участников ситуации, описанной в приведенном абзаце авторского текста. При этом мы оставили без внимания, как и сам автор, лиц, сопровождающих художника.

(1) ***Художник***: вошел в ресторан со своими знакомыми – сел незаметно – выглядел одухотворенно сильным – ел спокойно.

(2) ***Американец***: быстро взглянул – узнал – восхитился притягательностью художника – поспешил отвести взгляд – ощутил уважение к частной жизни – припомнил связующую духовную нить – не позволил себе быть навязчиво внимательным.

(3) ***Хозяйка ресторана***: узнала знаменитость – волновалась – проявляла знаки гостеприимности.

Сценарии индивидуальной активности персонажей свидетельствуют, что в переводе есть заметные отклонения от авторского смысла.

(б) Содержательные контуры коммуникативного события

Для определения очертаний коммуникативного события, обладающего определенным содержанием, но выраженного в двух текстах с некоторой разницей, применим технику «кубических вопросов» («cubic questioning» как профессиональный прием журналистов). Эта работа очерчивает приблизительные, но обязательные контуры любой коммуникативной ситуации. Посмотрев на отрывки оригинала и перевода с этой точки зрения, можем сделать первый шаг в определении меры отклонения одного текста от другого. Перевод действительно есть попыткой передать содержание абзаца из оригинала средствами другого языка.

Однако текст перевода содержит в себе значительную долю «переводческого акцента». Такая неосязаемая характеристика может быть раскрыта в параметрах авторства текста, что мы предлагаем на следующем уровне анализа.

(c) Характеристика расхождения смысла двух текстов по параметрам авторства

Параметры авторского смысла в тексте представляются авторским голосом, взглядом, тоном, динамикой, а также вкусом, позицией и некоторыми другими семантическими силами.

Авторский голос из оригинального текста для анализа (см. выше) потерял в переводе долю человеческого уважения к ближнему, которое в англоязычном мире заключается во фразе «Live and let the other live», которую можно объяснить как «соблюдай свои пределы и не вторгайся в жизнь другого человека».

Авторский взгляд из оригинала утратил в переводе йоту «withdrawal» в смысле сознательного и поспешного ухода из поля зрения и, шире, личной жизни другого человека.

Авторский тон из оригинала заглушился в переводе на нотах радости узнавания и теплого понимания человека в его повседневных потребностях.

Авторская динамика в тексте для анализа, первоначально отличавшаяся плавной раскрепощенностью, в переводе приобретает резкость и даже легкую нервозность.

Авторский вкус, присутствующий в английском тексте, в переводе потерял деликатность образованного человека и приобрел от переводчика некую «лихость» суждений.

Авторская позиция в оригинале, которую можно назвать «insider's» (того, кто «свой», кто гармоничен в ситуации с окружающими, духовно включен в обстоятельства), в переводе преобразуется отчасти в позицию «onlooker's» (того, кто «чужой», выносящий суждения: «Это у них так ...»).

Представляется, что как теоретическая постановка межкультурной проблемы перевода авторской работы, так и результаты анализа текстовой ткани свидетельствуют о плодотворных перспективах исследования в представленном направлении.

На данном этапе заключим, что успех работы с текстами на стыке культур зависит от способности слиться внутренним взором со взглядом англоязычного автора на реальность, отраженную в тексте, от чуткости к авторскому голосу, дающему отношение к жизни, и от других факторов авторства, которые качественно написанный текст заключает в себе. Определенным достижением в профессионализме переводчика станет его способность проецировать авторское видение в цепочке глаголов. При таком умении текстовые реальности оригинала и перевода значительно сблизятся и не возникнет значительной доли разночтения с последующими переводческими погрешностями.

Библиографические ссылки

1. **Брагина Л. А.** Лексика языка и культура страны / Л. А. Брагина. – М. : Рус. яз., 1981. – 176 с.
2. **Колшанский Г. В.** Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
3. **Кубрякова Е. С.** Язык и значение: на пути получения знаний о языке / Е. С. Кубрякова // Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. **Куш Е.** Прагмасемантичні особливості використання активних та пасивних конструкцій у політичному дискурсі консерваторів з питань імміграції / Е. Куш // На-

укові записки Кіровоград. держ. пед. ун-ту ім. В. Винниченка. Серія : Філологічні науки. – Вип. 75 (3). – 2008. – С. 348–350.
5. **Срезневский И. И.** Мысль об истории русского языка / И. И. Срезневский. – М., 1959. – 165 с.
6. **Чуян С.** Сильномарковане перехідне дієслово to tell в різних дискурсивних формах / С. Чуян // Наукові записки Кіровоград. держ. пед. ун-ту ім. В. Винниченка. Серія : Філологічні науки. – Вип. 75 (3). – 2008. – С. 402–405.
7. **Шоу И**. Вечер в Византии : роман (переклад з англ.) / И. Шоу. – К. : «Ада-Атіка», 1993. – 448 с.
8. **Щерба Л. В.** Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л., 1974. – 186 с.
9. **Shaw I.** Evening in Byzantium / I. Shaw. – London : New English Library : Times Mirror. – 1977. – 285 p.

Надійшла до редколегії 01.06.11

УДК 811.161.1'1

В. И. Мордань

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОТКРЫТЫЙ ТЕЗАУРУС КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА МЕТАЯЗЫКОВЫХ ВЕРБАЛЬНО-ИКОНИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Про розробку відкритого тезауруса для інвентаризації різнорівневих вербально-іконічних комунікативних одиниць з метою вирішення завдань створення єдиної метамови та рішення практичних завдань.
Ключові слова: відкритий тезаурус, інвентаризація відображальних об'єктів, вербально-іконічні паралелі, іконічна метамова.

О разработке открытого тезауруса для инвентаризации разноуровневых вербально-иконических коммуникативных единиц с целью решения задач создания единого метаязыка и решения практических задач.
Ключевые слова: открытый тезаурус, инвентаризация изобразительных объектов, вербально-иконические параллели, иконический метаязык.

The article is about open thesaurus development for inventory of iconic and verbal communicative units of different levels to solve the problem of common metalanguage building and practice
Keywords: open thesaurus, inventory of graphic objects, iconic and verbal parallels, iconic metalanguage.

В предлагаемой работе рассматриваются четыре тезиса, являющиеся ключевыми элементами заголовка:

– вербально-иконические параллели;
– метаязыковые (параллели);
– тезаурус как инструмент анализа;
– открытый тезаурус.

Тезис первый. В значительной мере благодаря техническому прогрессу нынешний уровень развития общества вывел средства изобразительной (иконической) коммуникации в разряд средств общеупотребительных, неспециальных. В сфере коммуникации, похоже, окончательно утрачивается примат вербалики как средства общения [10]. Главной средой развития этого процесса является, преимущественно, так называемая IT-субкультура, возрастной диапазон которой

© Мордань В. И., 2011

простирается от детского до самого что ни на есть преклонного возраста [8]. Но речь идет не только об этой части общества. Нас сплошь окружают плакаты, афиши, объявления, объекты рекламы с привычным ныне включением разных изображений. Изображения и текст тесно в коммуникативном плане взаимодействуют (должны взаимодействовать, по крайней мере). Но, как показывает анализ, коммуникативная цель, поставленная этими вербально-иконическими высказываниями, чаще всего так и не достигается [3]. Просто нет механизмов, позволяющих решить эту проблему ни на этапе подготовки таких высказываний, ни при их публикации. Проблема касается вербальной в таком агрегате и изобразительной части сообщений, но, естественно, больше изобразительной. Поэтому, когда мы говорим в своих исследованиях о ***вербально-иконических параллелях***, то имеем в виду: во-первых, что исповедуем лингвоцентрический подход к изучению и описанию иконических объектов и связанных с ними явлений, а во-вторых, что совершенно не исключаем корректировки традиционных, давно сложившихся для вербалики подходов и дополнения их новациями, могущими возникнуть при детальном изучении взаимодействия ее с изобразительными средствами. Вопрос только в том: где проходят названные параллели, поскольку у иконики, в противоположность вербалике, попросту нет своего, условно назовем, «словаря», «морфологии», «синтаксиса» и т. п. (см. [11]), т. е. нет собственного описательного инвентаря, нет метаязыка, способного отобразить явления изобразительного процесса.

Из сказанного вытекает также, что этот метаязык должен иметь общую с вербаликой базу, а отсюда и **второй тезис** данной работы – поиск ***метаязыковых параллелей*** как путь к построению единого вербально-иконического метаязыка. Данная работа – один из начальных этапов достижения поставленной нами многоаспектной цели, а именно:

– прорисовки некоего концептуального поля исследования;

– выделения, инвентаризации и классификации изобразительных объектов, претендующих на элементарные иконические конструктивные элементы;

– поиска вербальных параллелей, соответствующих выделенным элементарным иконическим элементам;

– инвентаризации и обобщения различных описаний вербальных метаязыковых категорий и наложения их на сложившиеся описательные представления, которые используются в изобразительном пространстве;

– наконец, создания некоего предварительного **синтетического коммуникативного инвентаря** – системы, наподобие системы привычных вербальных словарей (см. [10]).

Третий тезис, выраженный ключевым элементом заголовка – ***тезаурус как инструмент анализа***, презентует наши работы по созданию основного компонента указанного инвентаря – некоего специфического тезауруса. Специфического потому, что в настоящее время в традиционный тезаурус включают и аудио- и видеодокументы, но это – **документы.** В нашем же случае тезаурус – это понятие самого широкого первородного толкования как «вся сумма накопленных знаний» (из [2]). Мы имеем в виду отображение знаний вербальными и изобразительными средствами разного уровня: от элементарных единиц до уровня, подобного текстовому, отображение как в статическом представлении, так и представлении анимированном, как в 2D-, так и в 3D-виде. На очереди отображение в тезаурусе элементов основных подсистем невербалики, в том числе и фонетической составляющей (тембр, интонация и т. п.). В конструкцию тезауруса заложены не только возможности исследовательского характера (например, поиск, накопление и исследование названных параллелей, где в полной мере нами используется опыт по-

строения «ассоциативно-вербальных моделей языкового сознания» и работы по созданию т. н. ассоциативных тезаурусов [1; 14; 15]), но и заложена возможность решения сугубо прагматических задач. Это:

– оптимальная реализация учебного процесса в сфере художественного образования, например, в процессах контроля знаний при составлении и последующем итоговом анализе разного рода изобразительных и смешанных тестов;

– рекламная деятельность, пропаганда и агитация, задачи создания систем, связанных с понятием фирменного стиля и других дизайнерских задач, уязвимых в плане неоднозначности восприятия;

– розыскная деятельность, например, при составлении розыскных картотек, где объект поиска может быть автоматически представлен во множестве своих эмоциональных проявлений;

– решение проблемы известной ущербности вербального текста, обычно компенсируемой эксплицитной составляющей, которая теперь в большинстве ситуаций может быть без труда заменена явным представлением (простейший пример – уже привычные смайлики);

– проблема информационного поиска в массивах графической информации. Здесь такой тезаурус, работая в привычной для себя роли, принимая поисковые предписания на основе комбинации словесных и изобразительных элементов, обеспечил бы эффективный поиск этой информации посредством традиционных поисковых систем, дополненных системой распознавания образов;

– такая проблема как интер-общение. Можно предположить, что мы на пороге очередного витка диалектической спирали, когда общество вернется к «описательно-изобразительным приемам» в общении (из [5]), бытовавшим на заре нашей цивилизации. Программа превращает обычный текст любого национального языка (не обязательно написанного) в некий «иконический текст» – по форме нечто вроде озвученного комикса или ребуса, понятного в любом нацсоциуме. Возможна обратная ситуация – упомянутый «иконический текст» или любое привычное графическое произведение отображается в виде вербального текста. Понятность здесь призван обеспечить разрабатываемый тезаурус.

Наконец, **четвертый тезис** – ***открытый тезаурус.*** Речь идет о задаче наполнения тезауруса данными и актуализации хранимого. Любая система обеспечения коммуникации постоянно находится в состоянии непрерывного развития, поэтому для нормального функционирования представляющей эту систему информационной базы остро стоит непростая задача как раз актуализации последней и обеспечения достоверности ее данных, в данном случае – категории крайне неоднозначной (по крайней мере в рамках общепринятых представлений). Здесь достаточно четко различим **стартовый этап** и **текущие корректировки** по мере возникновения соответствующих событий. На первом этапе разыскиваются и подлежат инвентаризации любые графические представления тех или иных материальных объектов, состояний, процессов, событий и т. п. Очень продуктивным в этом плане является сбор, анализ (причем анализ совместно с антецедентом) и препарирование разного рода объектов графической стилизации. Это логотипы, где естественным образом пересекаются графическая и вербальная составляющие; это разного рода пиктограммы и геральдические знаки, где достаточно прозрачно пресуппонируется содержательный уровень, а иногда и весьма четко проглядывает упомянутый антецедент, т. е. то, что заменяется стилизованным изображением.

В этом плане особый интерес представляет портретная графика, выраженная в такой ее разновидности, как шарж. Кстати, шарж – это не только «портретное изображение, в котором при определённом внешнем сходстве гипертрофиро-

ванно обособлены самые характерные черты модели», т. е. разновидность карикатуры, но и рисунок сюжетный, групповой, предметный, «когда изображается с юмором какой-либо предмет, например, любимый автомобиль или компьютер», и даже шаржи на животных [13]. Подобное трактование дает и Википедия [4]. Особый интерес определяется тем, что, во-первых, именно в этом направлении графики в полной мере отображается то, что обычно считается областью невербальной коммуникации, что с трудом передается словесно или создает известную текстовую избыточность. Таким способом отображается множество абстрактных понятий, не имеющих предметного аналога, скажем, таких как *ласковый, злой, холодный* и т. п. Во-вторых, этой проблеме посвящено много фундаментальных работ, например, работ, относящихся к кинесике (К. Бердвистл, И. Соболевский и др.), а также работ методического плана с обильным иллюстративным материалом (в том числе персонифицированного характера), который с минимальной содержательной коррекцией пригоден для непосредственного включения в базу данных тезауруса. Здесь особо следует отметить практические работы Пола Экмана [4], который на основе анализа множества литературных источников с упоминанием различных выражений человеческого лица, произвел их описание, классификацию и кодирование. Классификация осуществлялась по оригинальной методике, разработанной им и Уоллесом Фризеном в 1978 году. На сегодня «это общепринятый стандарт систематической классификации физического выражения эмоций». Методика, известная как **Система кодирования лицевых движений** (***FACS – Facial Action Coding System***), изложенная более чем на 500 страницах, доказала свою пользу для психологов и аниматоров [4].

Для реализации механизма **текущих корректировок** нами рассматриваются принципы и технология создания и сопровождения уже упоминавшихся ассоциативных тезаурусов [1; 14; 15], где, очевидно, возможна объективизация разного рода восприятий, в том числе и абстрактных. Это позволит выявить и подтвердить или, наоборот, отмести некоторые спорные посылы физиогномики, а также разные, приводимые в литературе данные по «архетипам бессознательного», касающиеся накапливаемых вербальных и изобразительных массивов. Здесь, на наш взгляд, наиболее перспективным и продуктивным способом реализации сопровождения является удивительный пример общеизвестной Википедии (Wikipedia), которая, будучи задумана как вспомогательная база черновых материалов «свободной энциклопедии Nupedia» (материалов, которые коллективно обсуждались бы и дорабатывались), не успев появиться в Интернете, стала самостоятельным и востребованным ресурсом. Поэтому разработка, о которой речь в данной работе, готовится к размещению на одном из интернет-сайтов. Таким образом, разрабатываемый тезаурус будет изначально иметь **открытый статус** и свободно актуализируемое и сопровождаемое профессиональной экспертизой наполнение.

Как один из начальных этапов создания указанного тезауруса и отработки принципов его использования разрабатывается информационная база для текстовой информации, включая описание и параметризацию источников как стартового этапа, так и этапа текущих корректировок. Здесь нами применены ранее апробированные принципы построения лексикографической информационной базы [7; 9]. Одновременно в рамках имеющегося опыта решается задача хранения и сопровождения разноуровневых графических объектов-образцов, предъявляемых системе распознавания образов в ходе обработки ею графических объектов наполнения WEB-сайта и формирования в результате соответствующих текстовых последовательностей. Последние включаются в META-инструкции сайта (например, в CONTENT-атрибут) в качестве поискового образа документа. На данном этапе – это не связный текст, а набор ключевых слов, словосочетаний, что вполне

в данном случае допустимо и значительно упрощает задачу. Этим обеспечивается возможность поиска такого сайта традиционными интернет-ИПС не только по вербальному содержимому сайта, но и косвенно – по его изобразительной составляющей. Это особенно важно при необходимости частого обновления контента WEB-документа. На очереди разработка надстройки для традиционного интернет-поисковика, которая, используя тезаурус, анализирует введенное поисковое предписание, а в найденном материале – графику и по заданным критериям фильтрует найденные источники для исключения изобразительного «шума».

В условиях нынешнего галопирующего технического и технологического прогресса, особенно в области информационных технологий, работы выполняются с постоянной оглядкой на неминуемые серьезные корректировки. Внимание сосредоточено на трех уровнях: на идеологическом уровне (поиск и апробирование наиболее оптимальных моделей, которые бы накладывались как на вербальную, так и на иконическую составляющую), на внешнем интерфейсном уровне (осуществление наиболее эффективного способа взаимодействия с информационной структурой) и на внутреннем технологическом уровне (техническая и технологическая реализации: структуры баз данных, программное обеспечение и т. п.).

На первом уровне поиск, анализ и описание осуществляются в рамках когнитивного моделирования, позволяющего реализовывать категоризации независимо от того, вербальное это представление или иконическое [6]. На втором уровне серьезным подспорьем являются достаточно продвинутые средства WEB-строительства (WEB-usability), позволяющие достаточно эффективно реализовать разного рода графические аллегории, включая аллегории анимированные. И не исключено, что в ближайшее время мы получим возможность непосредственного отображения осязательных, тактильных и т. п. «метафор». Третий уровень – технологический – относительно решен, по крайней мере, в части автоматизации формирования тезаурусных структур (см., например: [12]) – процессов постоянных, трудоемких и непростых. Кроме того, в последнее время появился ряд доступных систем распознавания образов, ранее известных нам как распознаватели отсканированного текста. Это программы, использующие специальные алгоритмы поиска изображений по содержанию, так называемые CBIR-алгоритмы (Content Based Image Retrieval). Некоторые из них, которые предусматривают внешний ввод поискового предписания в виде изображения (например, **GazoPa** [www.gazopa.com], **Retrievr** [retrievr – search by sketch search by image]), обнадеживающе показали себя в работе с экспериментальной моделью описанного тезауруса.

Библиографические ссылки

1. **Автоматизированная система научных исследований ассоциативных экспериментов** (АСНИ АЭ). – Режим доступа : http://philippovich.ru/Projects/ASIS/
2. **Арнольд И. В.** Основы научных исследований в лингвистике / И. В. Арнольд. – М. : Высш. шк. – Режим доступа : http://www.classes.ru/grammar/128.Arnold-research/html/topic.html
3. **Будник К. В**. Про комунікативний аналіз друкованих рекламних оголошень / К. В. Будник, В. І. Мордань // Філологічні науки : зб. наук. пр. ст.-в фак-ту : у 2-х т. Т. 1 / упоряд. О. І. Панченко. – Д. : Пороги, 2007. – С. 280–283.
4. **Википедия**. – Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/
5. **Гельб И. Е.** Опыт изучения письма (основы грамматологии) / И. Е. Гельб; пер. с англ. – М. : Радуга, 1982. – 368 с.
6. **Лакофф Дж.** Когнитивное моделирование (George Lakoff. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. 1987. Гл. 1, 17.) / Дж. Лакофф. – Режим доступа : http://victor-safronov.narod.ru/systems-analysis/papers/cognitive-modelling.html.

7. **Мордань В. И.** Аналитическое представление текстов в лексикографической информационной базе / В. И. Мордань // IV Міжнар. конф. «Франція та Україна, науково-практичний досвід у контексті діалогу національних культур», 13–15 травня 1997 р. : тези допов. – Т. 1, ч. 1. – Дн., 1997.
8. **Мордань В. И.** К вопросу об эволюции языковых средств коммуникации и некоторые следствия этого процесса / В. И. Мордань // Язык: модель, структура, функционирование : сб. науч. тр., посвященный 70-летию проф. И. И. Меньшикова / под общ. ред. проф. Т. С. Пристайко. – Д. : Пороги, 2007. – С. 60–67.
9. **Мордань В. И.** Кроссворд как объект лингвистического исследования / В. И. Мордань // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія «Мовознавство». – 2002. – Вип. 7. – С. 60–65.
10. **Мордань В. И.** Метаязыковые проблемы вербально-иконической коммуникации / В. И. Мордань // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія «Мовознавство». – 2009. – Вип. 15, т. 2. – С. 95–102.
11. **Мордань В. И.** Метаязыковые проблемы художественного воспитания / В. И. Мордань // Педагогіка середньої та вищої освіти : зб. наук. праць. – Вип. 26 : Мистецька освіта в Україні (історія, методи, технології). – Кривий Ріг : КДПУ, 2009. – С. 263–268.
12. **Панченко А.** Технология автоматизированного построения информационно-поискового тезауруса / А. Панченко. – Режим доступа : http://www.philippovich.ru /Persons/Panchenko/article_thesauri.pdf
13. **Сайт «Шишкин Иван Иванович»**. – Режим доступа : http://www.ivanshishkin.ru/.
14. **Филиппович А. Ю.** Автоматизированная система научных исследований ассоциативных экспериментов (АСНИ АЭ) / А. Ю. Филиппович // Вопросы психолингвистики 6, 2007. – М., 2008. – С. 142–152.
15. **Черкасова Г. А.** Формирование баз лингвистических знаний с использованием технологии ассоциативного эксперимента / Г. А. Черкасова // Третья Всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка : тез. докл. (Ч. 1). – М., 1989. – С. 197–199.

Надійшла до редколегії 27.05.11

УДК 811.161.1'367

И. В. Острецова

Днепропетровская металлургическая академия

РЕПРЕЗЕТАЦИЯ ОБЪЕКТНЫХ АКТАНТОВ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ОПИСАТЕЛЬНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ (на материале специальных дискурсов)

На матеріалі висловлювань з описовими предикатами, що функціонують у навчальних текстах з металургії, медицини та права, розглянуто види об'єктних актантів, способи вираження їх у тексті, а також особливості сполучуваності їх з іншими компонентами пропозиційної структури.

Ключові слова: описовий предикат, пропозиційна структура, об'єктний актант.

На материале высказываний с описательными предикатами, функционирующими в учебных текстах по металлургии, медицине и праву, рассмотрены виды объектных актантов, способы их текстового представления, а также особенности их сочетаемости с другими компонентами пропозициональной структуры.

Ключевые слова: описательный предикат, пропозициональная структура, объектный актант.

© Острецова И. В., 2011

The types of object actants, textual representation as well as peculiarities of compatibility with other components of the propositional structure by material of statements with descriptive predicates in educational texts of metallurgy, medicine and law are considered.

Keywords: descriptive predicate, propositional structure, object actant.

С середины прошлого столетия внимание лингвистов-практиков, преподающих русский язык как неродной, неоднократно обращалось к изучению глагольно-именных сочетаний, получивших в работах последнего времени название описательных предикатов (далее ОП. – *И. О.*). Следует отметить, что термин *описательные предикаты* введен в лингвистический обиход сравнительно недавно [Канза] для обозначения двух групп описательных единиц с процессуальным значением: 1) непредикативных конструкций, состоящих из глагола и прямого или косвенного дополнения (*подвергать прокатке, обследованию; производить прокатку, обследование*) и 2) предикативных конструкций, состоящих из подлежащего и сказуемого (*идет прокатка, обследование*; *происходит прокатка, обследование*).

Высказывания с описательными предикатами, как известно, организуют событийную пропозицию, «портретируя» ситуации объективной действительности [Макович, с. 28]. Естественно, что поверхностная структура высказывания не может одновременно отражать все компоненты ситуации того или иного действия: субъект, объект действия и объект-результат, цель, инструмент, временные и пространственные координаты, так как в этом просто нет необходимости: для идентификации ситуации действия достаточны отдельные из них. Однако при этом есть обязательные компоненты структуры высказываний с ОП и факультативные. ***Целью*** проводимого исследования является описание одного из обязательных компонентов актантной структуры высказываний с ОП, функционирующими в учебных текстах по металлургии, медицине и праву, а именно: объекта. В число объектных актантов входят, по мнению Е. А. Стародумовой, собственно объект (*собрать информацию, писать письмо*), контрагенс (лицо, с которым взаимодействует субъект, агенс: *поссориться с сестрой*), адресат (лицо, в интересах которого совершается действие: *подарить ребенку игрушку*), инструмент (*писать карандашом, рубить (дерево) топором*), средство (*прикрепить кнопками, белить известкой*), объект восприятия, имеющий предикатное значение (*слышать шум*). В специальных дискурсах, по нашим наблюдениям, представлены чаще всего собственно объект (объект действия или процесса), инструмент, средство, адресат, на характеристике которых мы и остановимся.

Направленность на объект является едва ли не важнейшим концептуальным свойством конкретного действия, поэтому это свойство, как правило, имеет языковое выражение в объектной сочетаемости описательных предикатов действия: *Готовый* ***прокат*** *подвергают механической резцовой обточке или сплошной абразивной зачистке*; *Иссечение* ***опухоли*** *следует производить как можно раньше…*; *…частные предприниматели осуществляют выплату* ***доходов*** *физическим лицам*.

Значение и формы выражения объектного актанта зависят от семантики описательного предиката. В частности, в зависимости от конечного результата действия или процесса можно выделить предикаты конструктивного действия / процесса и предикаты трансформативного действия / процесса. Конструктивные процессы и действия, с одной стороны, направлены на исходный материал, объект воздействия, который можно обозначить как O_1 (*прокатку исходных* ***штабиков*** *… осуществляют…*). С другой стороны, они приводят к появлению или созданию какого-либо нового качества, в том числе и материального предмета – конечного объекта-продукта, который можно обозначить как O_2.

В текстах по металлургии объект воздействия и объект-результат часто находят выражение в одном контексте, ср.: *Прокатку* ***вольфрамовых прутков*** (O_2) *из* ***исходных заготовок*** (O_1) *осуществляют по калибровкам, представленным на рисунке* [ПММ, с. 150]; *Дальнейшую прокатку* ***листов*** (O_1) *на* ***фольгу толщиной 2–3 мм*** (O_2) *можно осуществлять прокаткой на многовалковых станах* [ДМС, с. 241]. Очевидно, что для дискурсов производственной направленности чрезвычайно важно указание на исходный и конечный продукты того или иного технологического процесса.

Описательные предикаты трансформативного действия / процесса обозначают такие процессы и действия, в результате которых в объектах происходят разного рода изменения, при этом объект воздействия (O_1) и продукт (O_2) не расчленены и представлены одним материальным объектом (*делать массаж* ***тела****, производить уборку* ***палаты***).

При ОП конструктивного действия объект воздействия обычно выражен существительным в род. падеже: *Тампонада* ***носа*** *производится только при сильном кровотечении*; *Корректировка* ***норм*** *осуществляется двумя различными методами*; *Конституционный суд осуществляет официальное толкование* ***закона****...* [ТГП, с. 333].

В правовом дискурсе типичной формой выражения объекта является конструкция с предлогом ***над + тв. пад.***: *Высший судебный совет осуществляет контроль* ***над*** *мусульманскими* ***судами****...* [ТГП, с. 658] = *контролирует мусульманские суды*. К менее частотным способам выражения объекта в специальном дискурсе относятся предложные конструкции следующих типов: 1) ***за + тв. пад.***: *…таможенные органы вправе осуществлять контроль* ***за товарами****...* [МТП, с. 112]; 2) ***на + род. пад.***: *…регулирующий механизм осуществляет влияние* ***на плательщиков*** *независимо от воли государства* [ОНП, с. 55].

Описательные предикаты трансформативного действия сочетаются с объектным актантом, выраженным формой имени существительного в винительном падеже без предлога: *После каждой прокатки* ***жесть*** *подвергают лужению…*; *...* ***канал*** *подвергают медикаментозной обработке и пломбированию*.

Объект воздействия в высказывании с ОП-1 может быть выражен предложной конструкцией с предлогом ***в отношении***: *Они также осуществляют правосудие* ***в отношении военнообязанных****...* [ТГП, с. 137].

В специальных дискурсах закономерно присутствуют предложения с ОП-1, в которых позиция объектного актанта не заполнена, однако указание на него встречается в ближайшем контексте, например: ***Промывку осуществляют*** *брандспойтом или в струях воды в специальных баках. При этом* ***проволоку*** *промывают до тех пор, пока с нее не начнет стекать прозрачная вода* [ВП, с. 75].

Очевидно, что эллипсис дополнения в первом предложении вызван условиями коммуникации, ходом авторского изложения.

Описательные предикаты, построенные по модели ОП-2 (*происходит распад, происходит волочение*), состоят из двух членов синтаксической структуры предложения: подлежащего и сказуемого, поэтому могут выступать как самодостаточные структуры без объектных актантов – распространителей. Однако в сфере научной коммуникации такие ОП, и в частности с глагольным компонентом *происходить*, всегда включены в распространенные предложения, эксплицирующие их связь с логическим объектом, который занимает в синтаксической структуре предложения позицию родительного приименного: «*…между коническими сечениями валков происходит обжатие* ***заготовки*** *по диаметру*» = *заготовка обжимается*; «*На первом уровне, или уровне движения глазных яблок, происходит нормализация* ***дыхания***» = *дыхание нормализуется*; «*Создание* ***экономиче-***

ского и валютного союза *должно было происходить постепенно…» = экономический и валютный союз создавались постепенно*. Родительный приименной при заменах, как правило, становится именительным падежом и занимает позицию подлежащего.

Помимо собственно объекта действия, структура высказываний с описательными предикатами может содержать и такие объектные актанты, как инструмент, средство, адресат. Рассмотрим способы выражения этих объектных актантов, начав с инструмента.

Основная форма выражения **объекта-инструмента** – имя существительное в творительном падеже, ср.: *Крепление хвостовиков подушек валковых узлов в пазах корпусов кассет осуществляют* ***клиньями*** *механизмов осевой регулировки валковых узлов* [ПММ, с. 272]; *Измерения температуры металла выполнялись* ***пирометром****…* [ТКП, с. 150]; *…стоматологическим* ***шпателем*** *или* ***гладилкой*** *производят соскоб* [ТС, с. 94]. В трехчленной пассивной конструкции эта форма совпадает с формой выражения агенса-функтива, ср.: *Транспортировка металла в цехе осуществляется* ***электромостовыми кранами, электрокарами, передаточными тележками и конвейером*** [ХПМ, с. 75].

Значение **объекта-инструмента** при описательных предикатах могут передавать конструкции, включающие предложные компоненты: а) **с помощью**: *Смена кассет выполняется* ***с помощью специального механизма****...* [ПММ, с. 273]; *Установку необходимого зазора между рабочими валками осуществляют* ***с помощью нажимных винтов****...* [ТПО, с. 157]; *Осмотр шейки матки производят* ***с помощью зеркал*** [А, с. 175]; б) **при помощи**: *Пуск полностью остановленной машины... производят* ***при помощи пусковой кнопки****...* [ВП, с. 186]; в) **с использованием**: *Осуществляют протяжку квадратных заготовок в круглые* ***с использованием*** *плоских бойков* [ТПО, с. 363].

В текстах производственно-технического профиля (подъязык металлургии) для репрезентации объекта-инструмента часто используются конструкции с предлогами ***на*** и ***в***, сочетающимися с именами, называющими инструмент, ср.: ***На машинах большой мощности*** *осуществляют первую и вторую ковку* [ПММ, с. 128]; *Прокатку балок осуществляют* ***в универсальных клетях*** [ТПО, с. 77]. В подобных оборотах совмещаются объектное значение инструмента и обстоятельственное значение локатива.

Объект-средство в специальных дискурсах чаще всего выражается теми же способами, что и объект-инструмент, а именно: а) формой тв. падежа: *Обработку* ***абразивом*** *осуществляют одновременным вращательным и возвратно-поступательным движением притиров в канале волок* [ВП, с. 211]; *… производят травление металла* ***кислотой****...* [ТПП, с. 112]; *…производят импрегнацию каналов резорцин-формалиновой* ***смесью*** [ТС, с. 282]; б) конструкциями с предлогами **с помощью, при помощи**: *Количественное описание продольного скольжения частиц металла по поверхности валков осуществляют* ***при помощи величины относительного скольжения*** [ПММ, с. 42]; *Исследование дуоденального содержимого осуществляют* ***с помощью двухканального зонда****…* [ВБ, с. 292]; *…следует провести повторное определение групп крови* ***при помощи стандартных сывороток других серий*** [СДХ, с. 180]. Кроме этого, в анализируемых дискурсах отмечены высказывания с оборотами с предлогами **через**: *Нагружение происходит* ***через редуктор и червячную передачу*** [ДМС, с. 53]; *Народное волеизъявление осуществляется* ***через выборы, референдум и другие формы непосредственной демократии*** [ТГП, с. 415]; **посредством**: *Охлаждение металла на открытой платформе происходит* ***посредством свободной конвекции холодного воздуха*** *у поверхности слитка* [ТКП, с. 134].

Следует отметить, что предложно-именная группа, репрезентирующая объект-средство, может быть интерпретирована и как форма выражения обстоятельственного сирконстанта со значением способа действия.

Объект-средство может выражаться и другими способами, в частности, конструкциями с предлогом ***в***, привносящим в общий контекст сему локативности: *При грубом волочении травление производят* ***в*** *расплавленной* ***селитре****...* [ДМС, с. 306].

Следует отметить, что иногда достаточно трудно разграничить объект-инструмент и объект-средство, называющие то, с помощью чего оказывается воздействие на объект для получения объекта-результата в сферах металлургии и медицины. Поэтому в ряде случаев эти актанты можно не разграничивать, причисляя их к категории инструментов. Актантную позицию объекта инструмента-средства в текстах по металлургии часто занимают наименования различных веществ, жидкостей, газов и т. д., что обусловлено спецификой самого производства, предназначенного для получения и обработки металлических изделий, ср.: *Электрохимическая очистка осуществляется* ***в тех же растворах****, что и химическая* [ХПМ, с. 147]; *Нанесение жидких или диспергированных пластиков производится* ***с помощью распыленной воды или органической эмульсии*** [ВП, с. 278] (см. также примеры выше).

В то же время для производственно-технического и естественно-научного дискурсов в отдельных случаях важно одновременное указание и на инструмент, и на средство воздействия, как в следующих контекстах: *Охлаждение машин* ***воздухом*** (средство) *производят* ***вентиляторами*** (инструмент) … [ВП, с. 165]; *Шлифование и полирование канала волоки* ***абразивными порошками*** (средство) *осуществляют* ***притирами*** (инструмент) … [ВП, с. 211]; *С помощью таких* ***дренажей*** (инструмент) … *можно осуществить промывание полостей* ***антисептическими растворами*** (средство) [СДХ, с. 29].

Объект-адресат (лицо, в интересах которого совершается действие) и **объект-контрагенс** (лицо, с которым взаимодействует субъект, агенс) находят выражение в специальных дискурсах, представляющих сферу медицины и права.

Объект-адресат репрезентируется в форме дательного падежа имени существительного: *Резиденты, осуществляющие выплату дохода* ***нерезидентам*** *от осуществления портфельных инвестиций, облагают их по ставке 30 %* [ОНП, с. 212]; *...украинские предприятия и организации, осуществляющие выплату доходов* ***иностранным юридическим лицам*** [ОНП, с. 86]; *Рентгеноскопическое исследование органов грудной клетки проводится* ***всем больным*** [ВБ, с. 38]. В медицинском дискурсе позиция адресата может быть представлена предложно-именной конструкцией, см.: *Полную коррекцию дальновидности ... осуществляют* ***у детей*** *со сходящимся косоглазием* [Офт., с. 82].

Контрагенс оформляется, как правило, с помощью предложно-именных конструкций, при этом агенс часто бывает не выраженным: *В целях объективной оценки состояния здоровья ... проводятся беседы* ***с больным****…* [Офт., 346].

Объектные актанты в пределах высказывания могут употребляться самостоятельно (одиночно) или же сочетаться друг с другом и с сирконстантами. В дополнение к примерам, приведенным выше, проиллюстрируем наиболее типичные конфигурации, включающие объектные актанты в разноместных пропозициональных структурах:

а) д в у х м е с т н о й: **Объект (О) + Инструмент (И)**: *Сверление, шлифование и полирование алмазных волок* (О) *проводят на специальных станках* (И) [ВП, с. 206]; *Точное определение рефракции* (О) *может осуществляться на рефрактомере* (И) [Офт., с. 80];

О + Средство (Ср.): *Расчеты режима топливопотребления* (О) *проведены с помощью математической модели* (Ср.)*, разработанной во ВНИПИТеплопроект* [ТКП, с. 227]; *Торможение фибринолитической активности* (О) *осуществляют с помощью ингибиторов животного происхождения* (Ср.) [А, с. 322]; *Посредством конституции* (Ср.) *проводится самый серьезный пересмотр государственного строя* (О) [ЕП, с. 126];

О + Локатив (Л): *Чистовую обработку канала волок* (О) *осуществляют на заводах-потребителях* (Л) [ВП, с. 198]; *Необходимое для социально-трудовой реабилитации профессиональное обучение или переобучение незрячих* (О) *осуществляется в специальных техникумах* (Л) [Офт., с. 380]; *Кодификация гражданского и торгового права* (О) *проводится только в провинции Квебек* (Л) [ТГП, с. 618];

О + Способ (Сп.): *Расчет калибровки полос производят с учетом энергосиловых параметров прокатного стана* [ТПП, с. 225]; *Лечение больных с сердечной недостаточностью* (О) *проводится согласно общепринятым принципам* (Сп.) [ВБ, с. 104]; *Таможенное оформление книжки МДП* (О) *производится незамедлительно* (Сп.) [МТП, с. 320];

О + Темпоратив (Т): *После проведения опробования* (Т) *производится прием оборудования* (О) [ХПМ, с. 256]; *При заживлении ран* (Т) *осуществляется рассасывание мертвых клеток, крови, лимфы* (О) [СДХ, с. 238]; *В 1998 г.* (Т) *будет проведен анализ предыдущего развития Союза* (О) [ЕП, с. 185];

О + цель: *Для их получения* (Цель) *было проведено исследование процессов прокатки сплавов никеля* (О) [ПММ, с. 107]; *С целью профилактики* (Цель) *проводят санацию полости рта* (О) [ТС, с. 450]; *Осуществляется выделение отдельных составных частей из общего объекта налогообложения* (О) *с целью уменьшения на их величину объекта при начислении и уплате налога* (Цель) [ОНП];

О + Caus: *Снижение скорости металла* (О) *происходит из-за увеличения сил трения* (Caus) [ДМС, с. 115]; *Под влиянием экстрогенов* (Caus) *происходит расширение сосудов* (О) [А, с. 76]; *Подвергаться преследованию за нарушение законов и правил прибрежного государства* (Caus) *могут только суда, не обладающие полным иммунитетом* (О) [МТП, с. 79];

б) т р е х м е с т н о й: **О + И + Сп.**: *Захват полосы* (О) *валками* (И) *происходит при числе оборотов* n_1 (Сп.) [ТПО, с. 49]; *Рассечение стенозированного участка* (О) *необходимо производить небольшими порциями* (Сп.) *острым скальпелем* (И) [КО, с. 154];

О + И + Л: *Операцию подачи ленты* (О) *в моталки* (Л) *осуществляют с помощью откидных заслонов* (И)*, встроенных в рольганги стана перед моталками* [ТПО, с. 211];

О + И + Т: *После прокатки* (Т) *проводят горячую правку толстых листов* (О) *на роликовых правильных машинах* (И) [ТПО, с. 164]; *Введение зонда* (О) *производится только после интубации трахеи* (Т) *интубационной трубкой с раздувной манжетой* (И) [ХР, 511];

О + Т + Ср.: *При необходимости* (Т) *проводят коррекцию аметропии* (О) *очковыми линзами* (Ср.) [Офт., с. 72]; *При встрече одноименных агглютинов и агглютиногенов* (Т) *происходит склеивание одноименных агглютинов (эритроцитов)* (О) *одноименными агглютиногенами* (Ср.) [СДХ, с. 172];

О + Л + Сп.: *Подачу гильз* (О) *к стану* (Л) *необходимо производить без задержек* (Сп.) [ТПО, с. 270]; *В стоматологических поликлиниках и отделениях* (Л) *прием больных* (О) *проводится дифференцированно по терапевтической и хирур-*

гической стоматологии (Сп.) [ТС, с. 528]; *Размещение депутатов* (О) *в зале заседаний* (Л) *осуществляется не по странам, а по фракциям* (Сп.) [ЕП, с. 335];

О + Л + Т: *Упаковку полосового металла* (О) *производят на некоторых заводах* (Л) *во время перевозки и складирования внутри цеха* (Т) [ХПМ, с. 201]; *Образование фолликулов* (О) *в яичниках плода* (Л) *происходит после 20-й недели* (Т) [А, с. 70]; *Очередная встреча министров иностранных дел* (О) *была проведена в Венеции* (Л) *в мае 1956 г.* (Т) [ЕП, с. 54];

О + Т + Сп.: *Съем мотков* (О) *таким способом* (Сп.) *можно осуществить только после остановки всей машины…* (Т) [ВП, с. 162]; *При недостатке фтора в питьевой воде* (Т) *может быть осуществлено дополнительное введение фтора* (О) *как внутрь, так и местно* (Сп.) [ТС, с. 57]; *Воссоединение Германии* (О) *произошло 03.10.1990 г.* (Т) *на основе второго государственного договора…* (Сп.) [ТГП, с. 574];

О + Т + цель: *Плоские заготовки* (О) *перед отжигом* (Т) *подвергают механической обработке для снятия поверхностного дефектного слоя* (Цель) [ДМС, с. 237]; *В течение 2–3 дней* (Т) *следует проводить толчкообразный массаж области слезного мешка* (О)*, чтобы прорвать желатинозную пленку* (Цель) [Офт., с. 132].

в) многоместной: **О + Л + Цель + И**: *Чтобы избежать аспирации слизи* (Цель)*, производят удаление слизи* (О) *из носовых ходов и ротика плода* (Л) *с помощью электроотсоса* (И) [А, с. 158];

О + Л + Т + Сп.: *Пуск газа* (О) *в нагревательные устройства* (Л) *после остановок* (Т) *производят в соответствии с утвержденными инструкциями* (Сп.) [ТПП, с. 138]; *Извлечение ребенка* (О) *из чрева умершей матери* (Л) *путем разреза брюшной стенки и матки* (Сп.) *производилось еще в глубокой древности* (Т) [А, с. 435];

Сп. + Л + О + О + С: *Впервые* (Сп.) *ковку и прессование в вакууме* (Л) *слитков диаметром 80–100 мм* (O_1) *на пруток диаметром 45 мм* (O_2) *осуществил С. Б. Певзнер с сотрудниками* (С) [ДМС, с. 94];

Т + Л + Сп. + О + Цель: *В настоящее время* (Т) *на этих станах* (Л) *в значительной мере* (Сп.) *осуществлено упорядочение размеров заготовок по сечению* (О) *в целях уменьшения их числа на заводах* (Цель) [ТПП, с. 99] и др.

Приведем данные о частоте объектных актантов разных видов в высказываниях с ОП, взяв для анализа ОП с наиболее частотными ГК *осуществлять / осуществляться, производить / производиться, проводить / проводиться* и *происходить*. При подсчете не учитывались формы объекта-адресата и объекта-контрагенса как наименее частотные в исследуемых контекстах. Помимо уже введенных выше, в табл. 1 приняты следующие сокращения: Мт. – сфера металлургии, Мд. – медицины, Пр. – права.

Таблица 1

Данные о частоте объектных актантов в высказываниях с ОП

	Осуществлять/ся			**Производить/ся**			**Проводить/ся**			**Происходить**		
	Мт.	**Мд.**	**Пр.**	**Мт.**	**Мд.**	**Пр.**	**Мт.**	**Мд.**	**Пр.**	**Мт.**	**Мд.**	**Пр.**
О	296	129	91	172	161	18	136	180	24	120	262	61
И	71	13	–	43	30	–	41	4	–	1	–	–
Ср.	6	12	–	25	19	–	8	24	–	8	3	–

При суммировании данных о наличии объектных актантов в структуре высказываний с ОП по каждой конкретной специальной сфере получается следующий результат, представленный в табл. 2:

Таблица 2

Сводные данные о частоте объектных актантов

	Металлургия		**Медицина**		**Право**	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Объект действия	724	78,1	590	84,9	194	100
Инструмент	156	16,8	47	6,8	–	–
Средство	47	5,1	58	8,3	–	–
Всего	**927**	**100**	**695**	**100**	**194**	**100**

Полученные данные свидетельствуют, что объект действия/воздействия является практически обязательным элементом структуры высказываний с ОП, помимо него, высказывание может включать и другие объектные актанты, имеющие факультативный характер. На фоне информации об общей представленности объектных актантов в анализируемых высказываниях, которые дает табл. 1, показательными являются сведения, свидетельствующие о важности выраженности объекта-инструмента-средства в производственно-техническом дискурсе. Высокая частота репрезентации этого актанта в структуре высказываний с ОП обусловливается спецификой металлургического производства. Значима эта актантная позиция и для медицинского дискурса, репрезентирующего различные манипуляции с инструментами, лекарствами и главным объектом медицины – больным человеком. В правовом же дискурсе, как правило, представлены объекты со значением воздействия или конечного результата. Таким образом, можно сделать вывод, что в сфере специальной коммуникации позиция инструмента и/или средства при описательных предикатах оказывается заполненной в случае коммуникативной важности указания на него.

В целом же следует отметить, что конфигурация актантов и сирконстантов в пределах высказывания с ОП может быть весьма разнообразной и разнотипной, поскольку выбор той или иной предикатно-аргументной структуры и выбор актантов и сирконстантов для построения функциональной перспективы высказывания определяется коммуникативным намерением автора. Коммуникативная значимость высказываний с ОП в специальных дискурсах вполне может стать предметом дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. **Канза Р.** Описательный способ выражения семантического предиката в современном русском языке (предикат со значением состояния человека) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Канза Р. – М., 1991. – 24 с.
2. **Макович Г. В.** Описательные предикаты со значением конкретного действия, поведения, когнитивно-познавательной и речевой деятельности в современном русском языке / Г. В. Макович. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – 148 с.
3. **Стародумова Е. А.** Синтаксис современного русского языка [Электронный ресурс] / Е. А. Стародумова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – Режим доступа : http://window.edu.ru/window_catalog/ pdf2txt?p_id

Источники фактического материала

Металлургия – **ВП** – Красильников Л. А. Волочильщик проволоки / Л. А. Красильников, А. Г. Лысенко. – М. : Металлургия, 1987. – 320 с.; **ДМС** – Новые процессы деформации металлов и сплавов / [А. П. Коликов, П. И. Полухин, А. В. Крупин и др.]. – М. : Высш. шк., 1986. – 351 с.; **ПММ** – Прокатка малопластичных металлов с многосторонним обжатием / Л. А. Барков, В. Н. Выдрин, В. В. Пастухов, В. Н. Чернышев. – Челябинск : Металлургия, 1988. – 304 с.; **ТКП** – Немзер Г. Г. Теплотехнология кузнеч-

но-прессового производства / Г. Г. Немзер. – Л. : Машиностроение. Ленингр. отд., 1988. – 320 с.; **ТПО** – Технология процессов обработки металлов давлением / [П. И. Полухин, А. Хензель, В. П. Полухин и др.]. – М. : Металлургия, 1988. – 408 с.; **ТПП** – Бахтинов В. Б. Технология прокатного производства / В. Б. Бахтинов. – М. : Металлургия, 1983. – 488 с.; **ХПМ** – Зотов В. Ф. Холодная прокатка металла / В. Ф. Зотов, В. И. Елин. – М. : Металлургия, 1988. – 288 с.

Медицина – **А** – Акушерство / под ред. Э. К. Айламазяна. – СПб. : СпецЛит, 2000. – 494 с.; **ТС** – Терапевтическая стоматология / [Е. В. Бобровский, Ю. Д. Барышева, Ю. М. Максимовский и др.]. – М. : Медицина, 1988. – 560 с.; **ХР** – Дмитриева З. В. Хирургия с основами реаниматологии. Общая хирургия / З. В. Дмитриева, А. А. Кошелев, А. И. Теплова. – СПб. : Паритет, 2003. – 576 с.; **Офт.** – Ковалевский Е. И. Офтальмология / Е. И. Ковалевский. – М. : Медицина, 1995.; **СДХ** – Кузнецова В. Н. Сестринское дело в хирургии / В. Н. Кузнецова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2000. – 416 с.; **ВБ** – Маколкин В. И. Внутренние болезни / В. И. Маколкин, С. И. Овчаренко. – М. : Медицина, 1994. – 464 с.

Право – **ОНП** – Кучерявенко М. П. Основы налогового права / М. П. Кучерявенко. – Харьков : Легас, 2001; **МТП** – Сандровский К. К. Международное таможенное право / К. К. Сандровский. – К. : О-во «Знання», 2001. – 461 с.; **ТГП** – Скакун О. Ф. Теория государства и права / О. Ф. Скакун. – Харьков : Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. – 704 с.; **ЕП** – Топорнин Б. Н. Европейское право / Б. Н. Топорнин. – М. : Юристъ, 2001. – 456 с.

Надійшла до редколегії 15.04.11

УДК 81'1

Л. А. Петрова

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИИ

Розглянуто проблему визначення художнього концепту в сучасній лінгвокогнітології. Проаналізовано співвідношення понять «концепт» і «художній концепт». Визначено структуру художнього концепту, в якій пріоритетним вважається асоціативний шар.

Ключові слова: мовна картина світу, художній концепт, концептуальний аналіз.

Рассмотрена проблема определения художественного концепта в современной лингвокогнитологии. Проанализировано соотношение понятий «концепт» и «художественный концепт». Определена структура художественного концепта, в которой приоритетным считается ассоциативный слой.

Ключевые слова: языковая картина мира, художественный концепт, концептуальный анализ.

The article deals with the problem of determination of artistic concept in modern linguistic scientific. Correlation of «concept» and «artistic concept» is analysed. The structure of artistic concept, in which priority is considered to belong to an associative layer, is concerned.

Keywords: linguistic picture of the world, artistic concept, conceptual analysis.

Центральной единицей когнитивной парадигмы исследования художественного текста является художественный (текстовый, индивидуально-авторский) концепт. Проблемы концептуализации окружающей действительности впервые были поставлены в трудах В. фон Гумбольдта [3] и А. А. Потебни [13]. Введение термина *концепт* в область лингвистических изысканий было вызвано, в частности, тем, что при анализе художественных текстов были выявлены смыслообра-

© Петрова Л. А., 2011

зующие функции текста, которые потребовали пересмотреть фундаментальные постулаты и повернуться к человеку как к носителю языка. Исследования в этом направлении привели к необходимости обозначить функциональную мыслительную единицу в процессе понимания и абстрагировать ее от термина *понятие*.

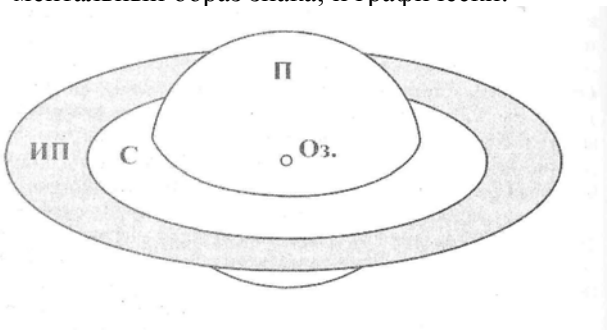
Цель предлагаемой статьи – определить теоретические основы выделения художественного концепта в современной лингвокогнитологии.

Из основного определения следует, что концепт формируется между значением слова и смыслом понятия, где значение слова – отношение словесного знака к содержанию понятия, его сигнификат, а смысл понятия – отношение объема понятия к референту. Определение концепта устанавливается на основе общерусских семантических корреляций, т. е. не ограничивается только литературным контекстом и не создается на основе словарных дефиниций. Как сущностный признак словесного знака грамматически концепт может быть представлен, главным образом, в виде имени, выражающего обобщенный признак.

По мнению В. В. Колесова, язык как форма деятельности предполагает постоянное возобновление концепта во всех его содержательных формах; исторически и системно это инвариант всех возможных его «значений», данный как отношение смысла слова к вещи. Отсюда ученый определяет функциональные свойства концепта: ***постоянство существования***, т. е. развитие семантики слова с развертыванием внутренней формы слова до логического предела (символ или миф) в границах данной культуры; ***художественная образность***, т. е. сохранение постоянной связи с производными по однозначному корню, в результате чего сохраняется семантический синкретизм значений корня как семантический инвариант всей словообразовательной модели и продолжается встроенность в систему идеальных компонентов данной культуры; ***общеобязательность для всех***, сознающих свою принадлежность к данной культуре, поскольку проявление концептов культуры в народном менталитете и составляет обыденное сознание среднего человека этой культуры [6, с. 158].

Исходным моментом экспликации концепта в словесной форме является образное представление (*первоначальное представление* в терминологии В. В. Виноградова); поэтому важна интуиция философа и поэта, способного осознать и выразить адекватное концепту представление [6, с. 158–159].

По мнению С. А. Кошарной, составляющими концепта являются понятия и представления, однако не всякое представление является концептообразующим. Концепт вбирает в себя лишь некоторый инвариантный комплекс представлений, общий для носителей одной культуры, соотносимый с коллективным знанием, из этого комплекса исключаются индивидуальные, личностно обусловленные представления. Такой инвариантный комплекс представлений исследовательница называет синэйдосом (от греч. syn – «вместе» и eidos – «вид, образ»). В результате концепт может быть выражен схематически: К = {П Ụ С Ụ Оз}, где П – понятие, С – синэйдос, Оз – ментальный образ знака; и графически:



ИП – индивидуальные представления, не входящие в структуру концепта.

Процесс формирования концепта С. А. Кошарная представляет следующим образом. «Сгущение образов» (термин А. А. Потебни), исходных представлений оформляется в синэйдетический инвариант, а затем – в законченное понятие об объекте с последующей «концентрацией» представления и понятия в материальном носителе – знаке, слове. Слову отводится роль своеобразного стимула: оно как бы открывает в сознании человека файл, содержание которого заключено в понятии, а понятие вызывает воспоминание о представлениях, актуализирует некоторое ментальное изображение (образ).

О том, что концепт существует для каждого основного словарного значения слова отдельно, писал и Д. С. Лихачев. Ученый полагал, что главная функция концепта – заместительная: он облегчает языковое общение, поскольку позволяет преодолевать несущественные, но всегда существующие между общающимися различия в понимании слов, их толковании. Большое значение при этом отводится культурному опыту человека – носителя языка. «Концепт не только подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия, различия в понимании значения слова, чем облегчается общение, он в известной мере и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, «дофантазирования» и для эмоциональной ауры слова», – писал Д. С. Лихачев [10, с. 5]. Таким образом, сопоставляя значение слова и концепт, исследователь наделял последний большим семантическим объемом, ставя его наполнение в зависимость от культурного потенциала личности, языковой ситуации и контекстуальных условий.

Принципиальное различие в терминах «концепт» и «понятие» проводит Е. С. Кубрякова [9, с. 143]. Указанные термины, отмечает лингвист, характеризуют разные аспекты человеческого сознания и мышления. Понятие представляет собой высший продукт деятельности мозга, это одна из важнейших разновидностей отражения объективной реальности, реализуемой в определенной логической форме. Концепт же трактуется более широко, под его обозначение подводятся разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия. Такие концепты могут объединяться в единую систему, называемую «концептуальной системой», или «концептуальной моделью мира».

Концептуальная система не является статичной. С развитием языковой способности человека концептуальная система преобразуется и перестраивается. Подвергаясь вербальной обработке, она испытывает влияние как со стороны осуществляемой человеком деятельности и чувственного восприятия, так и со стороны информации, полученной через язык.

Разные определения концепта позволяют выделить его следующие инвариантные признаки: 1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру; 2) это основные единицы обработки, хранения и передачи знаний; 3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции; 4) концепт социален, его ассоциативное поле обусловливает его прагматику; 5) это основная ячейка культуры. Следовательно, концепты представляют мир в голове человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы.

Как сообщение, законченная и оформленная идея, которая возникает в результате столкновения двух миров – реально существующего и сверхъестественного, рассматривается мифоконцепт [7, с. 88].

Рассматривая язык как продукт культурного развития общества, ученые выдвигают понятие лингвокультурного концепта. Отличительным признаком такого образования является совокупность субъективных элементов культуры, реализованных в языке [14]. Лингвокультурный концепт структурирован фактуальной и образной составляющими.

Фактуальная составляющая включает информацию трех видов:

– повседневное знание, воплощенное в языковых дефинициях (*Огурец* – продолговатый зеленый огородный овощ);

– элементы научного знания и общей эрудиции (*Волга впадает в Каспийское море*);

– стереотипные и прототипические ситуации (*Иномарка* – признак богатства).

Образная составляющая включает две группы элементов:

– внутренние формы языковых единиц (*застолье* – происходящее за столом);

– образы, закрепленные в авторских или фольклорных прецедентных текстах (*кошка, гуляющая сама по себе – кошка* как олицетворение независимости) [11, с. 46].

Художественный и лингвокультурный концепты в современном языкознании не отождествляются. Разграничение между ними проводится по следующим параметрам: 1) связь с формами речевого – внеречевого художественного мышления; 2) ориентация относительно концептосферы литературы как подсистемы культуры – ориентация относительно всего ментального пространства культуры; 3) перераспределение ядерных и периферийных признаков в содержании концепта у разных поэтов – устойчивое соотношение ядра и периферии концепта в сознании среднестатистического носителя языка; 4) декодирование содержания концепта на основе художественной – культурной пресуппозиции.

Разграничение между **познавательными** и **художественными** (в другой терминологии говорят о **первичных** и **индивидуальных**) концептами впервые провел С. А. Аскольдов. Это определило основные направления исследования – с одной стороны, универсальные представления о мире, с другой – индивидуально-личностные.

Понятие художественного концепта находится в стадии осмысления. Л. В. Миллер этот феномен определяет как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и ... психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [12, с. 41–42].

В. А. Маслова отмечает следующие отличия художественного концепта от познавательного: «Во-первых, в основе связи его лежит ассоциация; во-вторых, художественный концепт заключает в себе не только потенцию к раскрытию образов, но и разнообразные эмотивные смыслы; в-третьих, художественный концепт тяготеет к образам и включает в себя их». Автор считает, что «в отличие от обобщенных познавательных концептов художественные концепты индивидуальны, личностны, размыты и психологически более сложны; это комплекс понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений, возникающий на основе художественной ассоциативности. Чем богаче культурный и эмоциональный опыт поэта, тем глубже и обширнее его концепты» [11, с. 34–35].

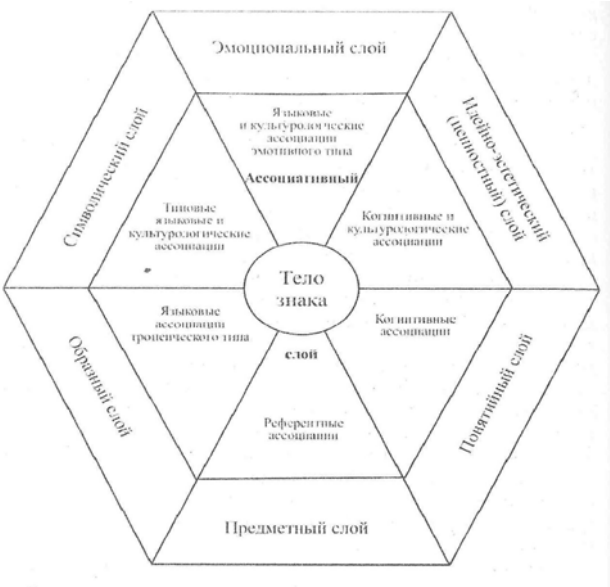
Художественный концепт понимается как вербализованная в художественном произведении ценностно значимая ментальная единица индивидуально-авторской картины мира, представляющая, с одной стороны, общепринятые знания, а с другой – отражающая субъективный авторский опыт переживания действительности. Художественный концепт, часть культурного наследия, характеризует национальную картину мира того народа, к которому принадлежит писатель.

Художественный (поэтический) концепт в качестве понятия или представления имеет общие основания с логическим концептом, а также с художественным словом и образом. Общность проблемы определения смыслового значения концепта и ее решения может быть обоснована той или иной степенью рациональности при осмыслении существенных сторон художественных переживаний. Художественные концепты вписываются в иррациональную и неопределенную стихию поэтических слов и приемов. Какими бы индивидуальными ни были значения художественных слов, они всегда имеют некоторые общие точки пересечения, в них всегда заключена та или иная общность, и в этом отношении все художественные восприятия имеют характер концептов.

Приоритет ассоциативного «слоя» в структуре художественного концепта признает и Н. С. Болотнова, объясняя его «ассоциативностью речемыслительной деятельности автора и адресата, вступающих в диалог на основе текста» [1, с. 202]. Принимая точку зрения И. А. Тарасовой, которая включает в структуру художественного концепта предметный, понятийный, ассоциативный, образный, символический, ценностно-оценочный слои, руководитель Томской школы указывает на отношения включения и пересечения некоторых из них. Такой подход к изучению художественных концептов называется коммуникативно-когнитивным, учитывающим лингвистические и экстралингвистические факторы текстовой деятельности. В качестве текстовых ассоциатов, опорных элементов и маркеров ассоциаций выступают словные и сверхсловные единицы текста (от словосочетаний – до больших фрагментов текста), т. е. учитываются данные текстовой парадигматики и синтагматики.

В структуру текстового ассоциативно-смыслового поля концепта Н. С. Болотнова включает: 1) ключевое слово-номинат концепта и синонимичные ему лексические единицы словного и сверхсловного типов, обычно относящиеся к ядерной части поля (в соответствии с эстетической природой текста среди них могут быть образные перифразы и индивидуально-авторские новообразования); 2) различные репрезентанты (экспликаторы) и актуализаторы концепта (текстовые единицы, прямо или косвенно связанные с анализируемым концептом по каким-либо признакам). Репрезентанты и актуализаторы различаются функционально: первые выражают закодированный в тексте концепт, являясь формой его материализации, вторые служат дополнительными маркерами концептов, усиливая его текстовую репрезентацию. При отсутствии слова-номината концепта эти единицы его текстового ассоциативно-смыслового поля могут становиться ядерными.

Особенно очевидной представляется связь предметного, образного и ассоциативного «слоев». В результате Н. С. Болотнова предлагает следующую структуру художественного концепта:



С точки зрения ассоциативного развертывания текста репрезентанты и актуализаторы концепта являются стимулами-элементами лексической структуры текста, рождающими ассоциаты, соотносящиеся в сознании адресата с определенными реалиями языка, сознания и окружающей действительности. В случае вербализации ассоциатов в процессе текстового развертывания отмечается «точка контакта» в диалоге автора и читателя.

Художественный концепт, вербализованный в тексте, предстает как многогранная структура различных ассоциативных рядов, отражающих определенные направления ассоциирования, актуализированные в тексте, фиксирующие многоаспектность концепта и его динамичный характер. Поскольку концептуальное пространство текста континуально, ассоциативно-смысловые поля разных концептов могут связываться между собой по типу включения, пересечения, контраста, дополнения и т. д. на основе определенных направлений ассоциирования.

Свою методику разработки художественного (текстового) концепта предлагает Е. М. Кагановская. Проводя системный анализ текстовых концептов на семантическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом уровнях – от слова к образу, от образа к символу и, наконец, к формализованной репрезентации структуры художественного текста, автор устанавливает иерархию текстовых концептов художественного произведения, определяет их кодированный характер, раскрывает когнитивную и коммуникативную динамику развертывания.

Автор отмечает, что когнитивная динамика развертывания текстовых концептов детерминирована единством их концептуальной организации и композиционной структуры текста, и прослеживает две тенденции, связанные с композиционной структурой художественных произведений, а именно: тенденцию к сильным позициям художественных произведений в идентификации текстовых мегаконцептов и тенденцию к обусловленности структурирования текстовых мегаконцептов композиционной структурой романов.

В соответствии с первой тенденцией среди сильных позиций основную концептоидентифицирующую роль выполняют заглавия, которые удостоверяют полную или частичную идентификацию текстовых мегаконцептов. Вспомогательную концептоидентифицирующую роль выполняют предисловия, завязки и развязки. На поддерживание идентификации текстовых мегаконцептов направлены различные типы эпиграфов (классического типа, сентенции персонажей дру-

гих художественных произведений) и эпилоги, наличие которых не является, однако, характерным для анализируемых романов. Таким образом, в идентификации текстовых мегаконцептов сильные позиции французских романов середины XX столетия распределяются в такой последовательности: заглавие – предисловие, завязка, развязка – эпиграф, эпилог.

Согласно второй тенденции, развертывание текстовых концептов в когнитивной динамике, структурирование мегаконцептов предопределяется композиционной структурой романов. Содержание тематических линий исследуемых художественных произведений согласовывается с названиями концептуальных составляющих, которые развертывают текстовые мегаконцепты романов. Таким образом, «концептотвірні зв'язки між імплікацією і підтекстом, а також імплікацією і контекстом зумовлюють розуміння текстової імплікації як ситуативної», что «передбачає спосіб організації й об'єднання текстових концептів» [4, с. 13].

В полифонической природе произведений прозаического жанра заложена способность текстовых концептов отражать тот уровень знания, который определяет, прежде всего, их свойство изменяться в зависимости от преобладания в тексте имплицитной или эксплицитной информации. В таком случае они предстают в виде конденсируемого знания о художественном объекте или рассматриваются в плане парадигматической структуры, которая выведена из синтагматических отношений имени, зафиксированных в тексте. Это позволяет определить двойственную сущность текстового концепта, которая интегрирует речевой и мыслительный планы. Речевой план текстового концепта является проявлением его вербального характера, и в таком случае концепт предстает как реальность, которая отражена в сознании не непосредственно, а через речь. В мыслительном плане текстовый концепт рассматривается как образ, в котором воплощены определенные культурно обусловленные представления говорящих об окружающем мире.

Речемыслительная двуплановость текстовых концептов свидетельствует о том, что иерархические отношения между словом, предложением и далее высказыванием и целостным текстом образуют параллельные интеграционные уровни, в которых взаимодействие формы и содержания приводит к «приращению смыслов». Свойство художественного текста использовать приращение смыслов позволяет ответить на вопросы, почему членение его семантического пространства проходит именно таким, а не иным образом, и какие текстовые концепты привлечены к этому процессу.

Большую роль в формировании художественного концепта играют пресуппозиция и когнитивное пространство человека. Под пресуппозицией обычно понимается общий фонд знаний коммуникантов, т. е. зона пересечения их индивидуальных знаний, или когнитивных пространств. Когнитивное пространство человека есть некоторым образом структурированная совокупность знаний и представлений об окружающем мире. В. В. Красных [8] предлагает формализовать когнитивное пространство человека в виде «магического шара», заполненной сферы, каждая точка которой имеет определенное множество векторов деятельности: вербальной, ментальной, физической, эмоциональной. Следовательно, воздействуя на сознание по одному из векторов, т. е. создавая возбуждение в какой-либо точке сферы, можно вызвать определенную реакцию, идущую из той же точки, но по другому вектору (вектору другой деятельности).

Разные типы концептов могут выполнять следующие функции:

– структурирующая, или конститутивная (концепт является «элементарной частицей», строевой единицей ментально-языковой картины мира);

– кумулятивная (концепты накапливают и хранят – в виде «сгустков», «квантов знания» – культурную информацию);

– классифицирующая, или таксономическая (устанавливают взаимосвязи, иерархии объектов действительности, образуя концептуальные поля);

– когнитивная (актуализируют гештальты, образуют фреймовые структуры, сценарии);

– аффективная, или эмоционально-оценочная (несут в себе оценку культурной информации, прежде всего по шкале «хороший – плохой»).

Вслед за И. А. Голубовской [2], при определении слов-концептов, объективно отражающих художественное представление определенного кванта знаний, мы придерживаемся следующих принципов:

– принцип словарной (культурной) разработанности;

– принцип частотности употребления в художественных текстах, ограниченных временной локализацией;

– принцип словообразовательной продуктивности;

– принцип регулярности употребления во фразеологических единицах языка;

– принцип обязательной аксиологической маркированности;

– принцип значимости для выражения духовности данного лингвокультурного ареала.

Таким образом, художественный концепт – структура когнитивного уровня языковой личности, репрезентированная языковыми единицами, средствами художественной образности и отражающая художественно-образное мировосприятие.

Библиографические ссылки

1. **Болотнова Н. С.** Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста / Н. С. Болотнова // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3–4. – С. 198–207.
2. **Голубовська І. О.** Етнічні особливості мовних картин світу / І. О. Голубовська. – К. : Вид.-поліграф. центр «Київський університет», 2002. – 293 с.
3. **Гумбольдт В.** Язык и философия культуры [пер. с нем.] / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.
4. **Кагановська О. М.** Текстові концепти художньої прози: когнітивна та комунікативна динаміка (на матеріалі французької романістики середини XX сторіччя) : автореф. дис. … д-ра філол. наук: спец. 10.02.05 «Романські мови» / О. М. Кагановська. – К., 2003. – 52 с.
5. **Казарин Ю. В.** Художественная картина мира и текст / Ю. В. Казарин // Актуальные проблемы лингвистики : матер. конф. 1–2 февраля 1994, Екатеринбург. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ им. А. М. Горького, 1994. – С. 37–38.
6. **Колесов В. В.** «Жизнь происходит от слова…» / В. В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999. – 368 с.
7. **Кошарная С. А.** Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2002. – 288 с.
8. **Красных В. В.** Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2001. – 269 с.
9. **Кубрякова Е. С.** Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 141–172.
10. **Лихачев Д. С.** Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия АН России. Серия л-ры и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
11. **Маслова В. А.** Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Флинта, 2004. – 256 с.
12. **Миллер Л. В.** Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39–45.
13. **Потебня А. А.** Мысль и язык / А. А. Потебня. – К. : СИНТО, 1993. – 192 с.

14. **Слышкин Г. Г.** Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин // Вестник Воронеж. гос. ун-та. – Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 46–51.

Надійшла до редколегії 30.04.11

УДК 811.161.1'27 : 004.738.5

Л. П. Попко

Государственная академия руководящих кадров культуры и искусств Министерства культуры и искусств Украины (г. Киев)

О НЕКОТОРЫХ «НОВЫХ ЯЗЫКАХ» СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Розглянуто новотвори у російській лексиці, які функціонують завдяки появі «нових мов» у мережі Інтернет.
Ключові слова: Інтернет, неологізм, нова мова.

Рассмотрены новообразования в русской лексике, связанные с функционированием «новых языков» в сети Интернет.
Ключевые слова: Интернет, неологизм, новый язык.

The article deals with the new formations in Russian vocabulary due to the functioning of new languages on the Internet.
Keywords: Internet, neologism, new language.

Современная неология уделяет пристальное внимание проблеме возникновения и употребления новых слов. Особую актуальность эта проблема приобрела в наши дни, поскольку отличительными чертами современной эпохи стали раскрепощенность носителей языка, ослабление языковой нормы и, как следствие, обилие всевозможных новообразований (в т. ч. окказионализмов). Изменение общественной ситуации влечет за собой и изменение языка, его обновление, появление новых наименований. Интерес лингвистов к новым словам не ослабевает уже на протяжении нескольких десятилетий, о чем свидетельствует большое количество работ, посвященных вопросам неузуальной деривации (см. работы В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Е. А. Земской, В. П. Изотова, Н. З. Котеловой, В. В. Лопатина, А. Г. Лыкова, И. С. Улуханова, Н. А. Янко-Триницкой и др.).

Современное развитие информационно-образовательной среды, электронных способов общения и предъявления информации, усиление удельного веса аудиовизуальной информации электронных СМИ в компьютерных системах диктуют необходимость изучения соответствующих лингвистических изменений. На наших глазах складывается мощное поле деятельности современного человека, которое обслуживается специфическими языковыми формами.

Целью нашего исследования является рассмотрение специфической лексики, характерной для сети Интернет и, шире, компьютерного дискурса, как особого слоя неологизмов, который включается в общую систему языка, или языковую картину мира, своеобразно сочетаясь с уже имеющимися в ней элементами как лексического, так и грамматического уровней.

Преобразования в языке, не имеющие прямого отношения к отражению картины мира, менее заметны, чем те, которые связаны с меняющейся реальностью. Обусловленные ими неологизмы не обозначают новых предметов и понятий; они чаще используются для наименования уже бытующих реалий, которые

© Попко Л. П., 2011

прежде обозначались либо описательно, либо уже известным в языке отдельным словом. В силу этого они менее заметны, экспрессия новизны в них выражена не столь ярко.

Новообразования в языке прослеживаются на всех уровнях. Так, графическая форма некоторых слов приближена к звуковой и похожа на транскрипцию, например: «всю жизнь мечтала побывать в мужской шкуре, *мона*?» «*эт-хрошо*» «а *ниччё*, мило», «ну, чё?», или «оставь «*Змейа-а-а---э-эээ*!!!!!!!!!!!!!!!!» «НЕ СПАААААААТЬ!». Такие отклонения от орфографической нормы могут носить ситуативный характер, не быть узусными, как, например, «*феньк ю вери мач!*», «*нажала-а-а-а-а*» или «штоля-а», так и традиционными, общепринятыми (в чатах). К последним можно отнести «чё», «щас», «чего-нить», «ваще», «эт» вместо «это». Конечно, это никоим образом не свидетельствует о сложении некоей сетевой нормы, подобное написание не носит тотальный характер, и привычное написание словоформ можно встретить наряду с перечисленными вариантами. Это же явление встречается и в других формах интернетного общения, например, на форумах и в гостевых книгах: «С Ув... Николай», их употребление диктуется принципом удобства, то есть экономии усилий отправителя и получателя. Учитывая то обстоятельство, что «новая» орфография отражает варианты произношения – правила чтения некоторых буквосочетаний, редукция гласных в речи, синкопа – чтение не должно вызывать трудностей у получателя.

«Новая орфография» становится принципиально важной для некоторых пользователей:

«Ни знаю... грамотно пишу в реальной жизни и апсолютно неграмотно в виртуальной.. мне так нравиться, здесь нет навязаных рамок и нет препода, который будет проверять ошибки.. здесь я такая какая я есть на самом деле! мне это нравиться!»

Какой-то новоявленный Тургенев даже написал широко разошедшееся в сети стихотворение в прозе (*Когда типа кумарит, када, в натуре, рвет башню от голимых глюков о том, какой, блин, на хазе напряг, — ты один мне в кайф, крутой, отпадный, чиста пацанский русский базар!*).

Как правило, в основе каждого словообразовательного гнезда лежит заимствование или калькирование англоязычной корневой морфемы. Заимствуются не только морфемы, но и аббревиатуры, которые затем занимают место корневых морфем. Далее процесс словообразования идет в соответствии с правилами русской словообразовательной системы.

Продуктивны словосложение, суффиксация, префиксация и другие обычные способы. В ряде случаев заметно стремление к выбору словообразовательных парадигм, более типичных для просторечия.

В результате появляются, например, следующие глаголы ультрамгновенного действия: *кликнуть*, *хакнуть, апгрейднуться* и прочие новообразования: *банить, флудить, коннектиться, офлайновый* и т. п.

Интересны случаи, когда заимствованный элемент – корневая морфема или аббревиатура – сохраняется в латинской графической форме: *chatланит, FTP-сервер, MIDI-контроллер, GIF-анимация.*

Суффиксы, продуктивные в общелитературном языке при словообразовании наименований лиц, машин и устройств по виду выполняемой ими деятельности, используются для образования наименований программных продуктов. Активны, в частности, заимствования с заимствованным же суффиксом -ер: *браузер, мейлер, спеммер*.

В ходе заимствования форма нового заимствованного слова может уподобляться форме какого-нибудь уже бытующего слова. В результате заимствованное

английское обозначение электронной почты – э-мейл (сокращенно мейл) часто фигурирует в Интернетовских чатах как *мыло*. Например, *сбрось фотку мне на мыло* означает «отправь ее мне по электронной почте».

В некоторых словообразовательных моделях несколько более активно используются исконные корневые морфемы. Активна, в частности, универбация с суффиксом -к(а). Так, из «программы для перелистывания страниц» получается «листалка», из «программы для осуществления телефонных звонков» – «звонилка».

Встречается и усечение. В отдельных случаях – когда усечение проходит по морфемному шву – может идти речь о регрессивной деривации. Однако морфемный шов – не обязательное место усечения. Так, вместо «скопируй программу» советуют: «скачай прогу».

Весьма активны в качестве исходных элементов словообразовательных гнезд синонимы самого понятия «Интернет», как заимствованные, так и исконные: Интернет, веб и сеть. Они дают следующие ряды производных: *Интернет-технология, Интернет-кафе, Интернетчик, по-Интернетски; веб-дизайн, веб-узел, веб-сайт, вебовский; сетянин, сетеголовый, сетеголик* и т. п.

Интересно, что еще один член этого синонимического ряда – *паутина* – значительно менее активен в словообразовательном отношении, чем остальные.

У самого слова *Интернет* еще не окончательно устоялась парадигма склонения. Хотя оно воспринимается средним носителем русского языка как слово мужского рода, кое-кто из компьютерных специалистов и пользователей Интернета, ориентирующихся на нормы английского языка, все еще не могут с этим примириться и продолжают воспринимать Интернет как несклоняемое существительное женского рода.

Это колебание, как и упомянутые выше различия в правописании данного слова, свидетельствуют о пока не полном освоении его русским языком. Тем не менее можно прогнозировать, что вскоре парадигма склонения мужского рода перестанет вызывать возражения у кого бы то ни было. Она однозначно рекомендуется нормами словоизменения и соответствует лингвистической интуиции основной массы говорящих на русском языке. В самом деле, число «виртуалов», применяющих к Интернету парадигму склонения женского рода, неуклонно уменьшается.

Пополнение словарного состава происходит также за счет лексико-семантических изменений, не сопровождаемых изменениями на морфемном уровне. Параллельно с заимствованием преимущественно англоязычных слов для передачи новых значений, развиваются новые значения и у слов исконно русских.

Например, слово *страница* приобретает новое значение, синонимичное значению заимствованного из английского языка слова *сайт* или *Интернет-сайт*.

Современная Интернет-среда характеризуется уже не просто новой лексикой, а появлением новых языков. Одним из первых русских «неоязыков» стал «албанский язык». Впервые язык возник не стихийно, а в результате целенаправленной деятельности энтузиастов. И впервые – сначала в письменном виде – в Интернете, и уже из него новые слова и выражения стали перениматься устной речью. Возникновение термина «албанский язык» (на «правильном» наречии – «олбанскей») связано с Живым журналом, где рунетовское общество активно приняло «язык падонкаф». Предпосылкой для появления «аццких» слов и выражений, в отличие от большей части другой интернет-лексики, стала, вероятно, потребность в создании набора эмоциональных клише той частью интернетчиков, которые по тем или иным причинам не удовлетворены традиционным механизмом – так называемыми смайликами, или эмотиконами (emoticons).

«Албанский язык» можно проиллюстрировать следующей версией стихотворения В. Маяковского: *«Крошка-сын к отцу пришёл, и спросила кроха: что такое «АФФТАР ЖЖОТ» (понимаю плохо)? у меня секретов нет, чтобы все узнали – папы этого ответ помещу в журнале... если от рассказа рвёт десять суток кряду, то напишут: НИЗАЧОТ, АФФТАР ВЫПЕЙ ЙАДУ. был читатель увлечён, громко ржал весь офис? скажут: ПЯТЬ! ПЕШЫ ИСЧО! или же: ВМЕМОРИЗ».*

А вот еще пример литературной пародии с применением языка падонкаф. На сей раз – диалог «людоедки» Эллочки с мужем, инженером Эрнестом Щукиным, из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова (публикация журнала Newsweek): *– Здравствуй, Еленочка, а это что такое? Откуда стулья? – Пазитиф! (Отличные стулья!* – Здесь и далее перевод Newsweek) *– Нет, в самом деле? – Гламурно! (Миленькие стулья!) – Да. Стулья хорошие. – Готично! (Нормальные стулья!) – Подарил кто-нибудь? – Ужоснах! (Возмутительно!) – Как?! Неужели ты купила? На какие же средства? Неужели на хозяйственные? Ведь я тебе тысячу раз говорил... – Эрнестуля! Выпей йаду! (Ах, отстань от меня!) – Ну как же так можно делать?! Ведь нам же есть нечего будет! – Фтопку!.. (Иди к черту!..) – Но ведь это возмутительно! Ты живешь не по средствам! – В газенваген! (В газовую камеру!* – Выражение принадлежит юзеру apazhe*) – Да-да. Вы живете не по средствам... – Где модератор? (Где модератор?) – Нет, давай поговорим серьезно. Я получаю двести рублей... – Выпей йаду! – Взяток не беру... Денег не краду и подделывать их не умею... – Ханжа, убей себя! (Чтоб ты провалился!).*

Еще одной лексической интернет-инновацией можно считать Интернéт-мем (англ. *Internet meme*) – в средствах массовой информации и бытовой лексике название информации или фразы, часто бессмысленной, спонтанно приобретшей популярность в интернет-среде посредством распространения в Интернете всеми возможными способами (по электронной почте, в мессенджерах, на форумах, в блогах и др.) или обозначающее явление спонтанного распространения такой информации или фразы, которое вошло в употребление в середине первого десятилетия XXI века.

Примером такого мема является сочетание «весёлый гном», происхождение которого объясняется следующим образом. Визит президента России Дмитрия Медведева в Омск в феврале 2010 года сопровождался беспрецедентной закрытостью, небывалыми мерами безопасности и беспримерным чиновничьим рвением. Так, по пути следования кортежа президента в экстренном порядке была демонтирована афиша детского спектакля «Ждём тебя, весёлый гном». Якобы Медведев, человек невысокого роста, мог принять это на свой счёт. Событие широко обсуждалось в российской блогосфере.

На новый, более агрессивный и, на наш взгляд, морально неприемлемый уровень выходят интернет-инновации в виде кащени́зма, который представляет собой стиль общения на форумах или в эхоконференциях, характеризующийся провокационными, зачастую психиатрическими высказываниями и ситуационной насмешкой над собеседником. Слово происходит от названия эхоконференции ФИДО SU.KASCHENKO.LOCAL, которая, в свою очередь, названа в честь Психиатрической больницы № 1 г. Москвы имени Н. А. Алексеева, до 1994 года имени Петра Петровича Кащенко.

Пример кащенизма: *Фимоз головного мозга (сокращённо – ФГМ) – название «болезни», от которой лечат «пациентов», характеризуется «сужением мыслепроводящих каналов головного мозга». Антикащенизм является одним из симптомов заболевания. В целом, обозначает фанатизм, воинственность, негибкость мышления.*

Важным термином интернет-общения является *медиави́рус* (англ. *media virus*) – термин, введённый американским специалистом в области средств массовой информации Дугласом Рашкоффом для обозначения медиасобытий, вызывающих прямо или косвенно определённые изменения в жизни общества.

В Рунете одним из наиболее заметных медиавирусов стало появление неологизма *превед*, быстро распространившегося в виде мема по информационному пространству русскоязычного Интернета, которому были посвящены ряд статей в различных СМИ. Данный факт послужил вдохновением для создания интернет-ресурса, посвящённого медиаактивизму, под названием «Превед» (в настоящее время недоступен). Его создатели называют данный сайт «медиавирусной лабораторией», на его страницах авторы анализируют деятельность различных медиавирусов.

В качестве инноваций, привнесенных в русский язык, следует отметить смайлики и другие графические средства, компьютерный жаргон и компьютерную метафору, ники, понятие гипертекста и мн. др. Влияние Интернета сказывается и на изменении самой природы и структуры общения: появление новых форм и способов коммуникации (электронные письма, смски, форумы и т. п.). Существенность данной проблемы доказывает тот факт, что в разных странах ученые наблюдают и исследуют схожие процессы, происходящие в естественных национальных языках, на которых общаются пользователи Интернета. Например, даже в Англии, где нет ситуации заимствования Интернет-терминологии из чужого языка, ученые пришли к необходимости выделения и изучения нового функционального стиля «Веблиш» (Web+English), который энергично распространяется в среде пользователей Интернета, охватывая все более широкие слои массовой аудитории.

Следует упомянуть также о такой особенности естественного языка в Интернете, как существование Ruglish – языка для неформальной переписки по электронной почте, когда из-за ограниченности технических возможностей русскоязычные тексты передаются латиницей или имеют многочисленные английские вкрапления. Поскольку технические возможности обеспечивают одинаково легкое использование того и другого алфавита, следовательно, выбор языка зависит только от коммуникативных интенций пользователей.

Таким образом, Интернет – это информационно-коммуникативная среда с высоким тонусом коммуникативности, экспрессивности и диалогичности. Язык – единственное средство формирования и функционирования веб-контента и вебличности, поэтому человек и общество актуализируются в Интернете в исключительно вербальной сущности.

Краткий анализ современной компьютерной лексики позволяет говорить о том, что специфические особенности словоупотребления и словообразования, типичные для русской языковой картины мира, находят свое проявление в данной сфере и их дальнейшее исследование является перспективным.

Библиографические ссылки

1. **Бергельсон М. Б**. Языковые аспекты виртуальной коммуникации / М. Б. Бергельсон // Вестник МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 1. – С. 55–67.
2. **Валиахметова Д. Р**. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса / Д. Р. Валиахметова // Бодуэновские чтения : Бодуэн де Куртэнэ и современная лингвистика : Междунар. науч. конф. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001.– Т. 2. – С. 7–9.

3. **Виноградова Т. Ю**. Специфика общения в Интернете / Т. Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная филология : Лингвокультурологический аспект. – 2004. – № 11. – С. 63–67.
4. **Галичкина Е. Н.** Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. Н. Галичкина. – Волгоград : ВГУ, 2001. – 24 с.
5. **Гусейнов Г. Г.** Заметки к антропологии русского Интернета : особенности языка и литературы сетевых людей / Г. Г. Гусейнов // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 43. – С. 56.
6. **Иванов Л. Ю.** Язык интернета : заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи / Л. Ю. Иванов; под ред. Н. Ю. Шведовой, В. Г. Костомарова. – М. : Индрик, 2001. – С. 131–148.
7. **Леонтович О. А.** Проблемы виртуального общения / О. А. Леонтович // Полемика. – 2000. – № 7. – С. 4.
8. **Лесников С. В.** Гипертекст русского языка / С. В. Лесников // Словарь русских словарей. – 2001. – № 2. – С. 18–27.
9. **Трофимова Г. Н.** Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты / Г. Н. Трофимова. – М. : Изд-во РУДН, 2004. – 380 с.

Надійшла до редколегії 26.04.11

УДК 811.112.2'38

И. А. Сахно

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ПОВТОРА В ИНТЕРВЬЮ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКОЙ (на материале публикаций журнала «Der Spiegel»)

На матеріалі німецької мови досліджено типи повтору як засобу когезії в жанрі публіцистичного інтерв'ю на економічні теми. Проаналізовано специфіку та функції повтору щодо створення внутрішньотекстової єдності між запитаннями та відповідями.
Ключові слова: засоби когезії, повтор, інтерв'ю.

На материале немецкого языка исследованы типы повтора как способа когезии в жанре публицистического интервью экономической тематики. Проанализированы специфика и функции повтора при создании внутритекстового вопросно-ответного единства.
Ключевые слова: средства когезии, повтор, интервью.

The types of repetition as a means of cohesion in mass-media-interview of economic topic are examined on the basis of the German language. The peculiarities and functions of the repetition as to forming textual integrity between questions and replies are analyzed.
Keywords: means of cohesion, repetition, interview.

Заявленная в статье проблема связана, с одной стороны, с изучением текстовых категорий, а с другой – с исследованием структурно-семантических характеристик публицистических жанров. ***Целью*** данной статьи является рассмотрение специфических структурных, семантических и функциональных особенностей повтора в журнальном интервью на немецком языке. Очевидно, что в связи с поставленной целью необходимо осветить понимание современной лингвистикой следующих теоретических вопросов: 1) место журнальной и газетной публицистики среди произведений разных функционально-языковых стилей; 2) жанровая

© Сахно И. А., 2011

специфика журнально-газетного интервью; 3) когезия и когерентность как формы текстовой связи; 4) повтор, его разновидности.

Анализировались статьи, опубликованные в журнале «Der Spiegel». Этот печатный орган отличается издательским и журналистским интересом к широкому спектру политических, экономических, научно-технических и культурных проблем в жизни Германии и всего мира. В силу того, что журнал «Der Spiegel» оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения, его часто называют ведущим средством массовой коммуникации Германии. Для анализа нами были отобраны журнальные интервью социально-экономической тематики.

В современном языкознании существует множество дефиниций понятия «функциональный стиль». Приведем лишь определение, данное Р. А. Будаговым и ставшее классическим для отечественной лингвистики: «Языковой стиль – это разновидность общенародного языка, сложившаяся исторически и характеризующаяся известной совокупностью признаков, часть из которых своеобразна по-своему, повторяется в других стилях, но определенное сочетание, которых отличает один языковой стиль от другого» [2, с. 68].

Во всех традиционных классификациях функциональных стилей языка, наряду с разговорно-бытовым, научным, официально-деловым и художественным, неизменно выделяется публицистический стиль или, как его все чаще определяют сегодня, стиль СМИ [3]. Это достаточно емкое понятие, включающее в себя и такую разновидность как стиль газетной и журнальной публицистики. Именно газетно-публицистический стиль переживает сегодня период бурного развития, что обусловлено все более растущей ролью СМИ не только как источника актуальной информации, но и как оперативного средства воздействия на читателя и формирования его взглядов. Языку СМИ уделяется значительное внимание в трудах таких исследователей, как В. Г. Костомаров [7], Г. Я. Солганик [12], М. Н. Володина [3], Т. В. Милевская [9] и т. д. По мнению многих исследователей, в наши дни наблюдается значительное расширение спектра стилевых манер газет, дифференциация газет и журналов по стилистическому признаку, радикальные изменения в системе жанров. Углубляются и расширяются процессы развития оценочности, использования различных пластов лексики. В связи с этим происходит становление новой лексической системности газеты. Все это оказывает влияние и на развитие литературного языка, расширяя возможности его выражения [12, с. 39].

Среди газетно-журнальных жанров выделяют статью, очерк, репортаж, заметку, комментарий, интервью и т. д. Термин *интервью* происходит от английского *interview* «встреча, беседа». Интервью, как полифункциональный жанр, пользуется сегодня особой популярностью не только в журналистике, где является признанным средством получения оперативной информации в процессе межличностного общения. К жанру интервью все чаще обращаются сегодня практики и аналитики самых разных гуманитарных сфер общения. Как следствие, за последние двадцать лет функциональные особенности интервью стали предметом внимания разнообразных научных дисциплин, среди которых этнология, история, лингвистика, литературоведение, педагогика, психология, социология. Особо следует отметить при этом «интердисциплинарность» как успешный исследовательский прием [18, с. 5]. Среди прочих жанров публицистики интервью традиционно относят к информационным жанрам [1]. Однако ряд авторов выделяет в сегодняшней публицистике пять групп текстов: 1) оперативно-новостные; 2) оперативно-исследовательские; 3) исследовательско-новостные; 4) исследовательские; 5) исследовательско-образные [10]. В этом случае интервью отводится место среди оперативно-исследовательских текстов. Тем самым подчеркивается

социальная значимость и усиление роли средств массовой коммуникации в современном мире. Очевидно, что при разграничении монологических и диалогических публицистических жанров, интервью следует отнести к последним.

Немало работ посвящено рассмотрению проблемы типологических черт интервью как жанра [5; 13]. В традиционном понимании интервью – это беседа журналиста с политическим, общественным или другим деятелем на актуальные темы. Этим определяются и такие жанровые особенности газетного интервью, как четкость структуры и композиции, вопросно-ответная форма, акцент на экспертном мнении, наличие исходного, зафиксированного материала и т. д. Как правило, интервью включает зачин, основную часть и концовку. За журналистом остается вводное и заключительное слово, право последующей стилистической обработки зафиксированных высказываний интервьюируемого. Вместе с тем журналистское интервью сегодня испытывает влияние смежных жанров, что придает ему элементы непосредственности, эмоциональности и черты спонтанного диалога.

Ключевым структурным элементом интервью является чередование вопросов и ответов. Это, по сути, форма соавторства журналиста и его собеседника. Для создания текстового единства интервью требуется творческая редакторская работа журналиста, умение придать тексту завершенный и цельный характер. Поэтому представляется полезным проанализировать языковые элементы, выполняющие функцию создания логического и стилевого единства, обеспечивающие взаимосвязь и взаимозависимость структурных и содержательных компонентов текста интервью.

В современной лингвистике анализ текстового единства базируется на разграничении понятий когезии и когерентности. Большой вклад в их изучение внесли такие отечественные и зарубежные авторы, как И. Р. Гальперин [4], О. И. Москальская [8], Т. В. Милевская [9], Г. Я. Солганик [12], R.-A. Beaugrande [14], A. Linke, M. Nussbaumer, P.-R. Portmann [19] и другие. Иногда понятия «когезия» и «когерентность» рассматриваются как синонимичные, чаще их разграничивают. При этом когерентность соотносится с глубинной текстовой структурой, под когезией же понимаются, прежде всего, языковые средства осуществления связи между двумя и более элементами в тексте.

По определению И. Р. Гальперина, когезия – это особые виды связи, обеспечивающие континуум, то есть логическую последовательность, темпоральную и/или пространственную взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и прочего [4]. Обычно выделяют такие средства когезии, как повтор, эллиптические конструкции, временные формы и коннекторы (союзы и служебные слова) [14, с. 288–289].

Различают несколько типов повторов: повтор лексический, грамматический, стилистический [14, с. 58–83]. Возможны и иные трактовки повтора как рекуррентности, субституции, параллелизма, парафразы, проформы [19, с. 215–218]. В рамках данной статьи будут рассмотрены случаи полного или частичного лексического, словообразовательного и лексико-грамматического повтора.

Под рекуррентностью понимается обычно простой повтор материальной единицы, однажды уже встретившейся в тексте. Особенности механизма действия этого типа повтора определяются наличием у немецких имен существительных категории «определенность/неопределенность», ср.: *Wann haben Sie zum ersten Mal* <u>*einen neuen Musiktrend*</u> nicht verstanden? – <u>*Dieser Trend*</u> *zum Morbiden ging dann…)* [17]. Вместе с тем простой повтор часто воспринимается читателем как стилистический недостаток. В тексте экономического интервью, однако, дословное повторное употребление лексемы неизбежно в силу стремления собеседников

дать четкий ответ на поставленные вопросы и глубоко осветить суть затронутой проблемы.

Менее монотонно выглядит так называемый неполный повтор (частичная рекуррентность). Рассмотрим выявленные формы неполного повтора.

Во-первых, это повтор не самой лексемы, а композитной единицы с соответствующим словообразовательным элементом. Например, в статье, посвященной проблеме финансового участия немецких налогоплательщиков в единых валютных программах Европейского союза [16], встречаем следующие композиты с ключевым компонентом *Steuer*: *Ertragssteuer, Steuerharmonie, Steuerharmonisierung, Steuerdumping, Steuerharmonie, Steuergesetze, Steueroasen* и т. д. Такой повтор глубоко коренится в словообразовательных возможностях немецкого языка, а именно – в широком применении моделей детерминативных композит.

Во-вторых, нередко в вопросно-ответной связке варьируется словосочетание с последующим сложным словом, например: *Verteilung der Beiträge → Verteilungsmaßstab* [16].

В-третьих, возможны частеречные различия однокорневых слов: *knausern – Knauserigkeit, Senkung – wird gesenkt, unfair – Fairness* [15; 16].

Полный лексический и словообразовательный повторы порождают так называемую «тематическую цепочку», которая служит выделению ключевой темы беседы и способствует ее всестороннему освещению.

В случае полной или частичной рекуррентности имеем дело со сменой референтного значения при сохранении определенной общей референтой области.

Как смысловую рекуррентность иногда трактуют субституцию, при которой слово или группа слов повторно упоминается с помощью элементов текста, имеющих близкую или тождественную денотативно-референтую соотнесенность [19, с. 216]. В проанализированных интервью обнаружены случаи субституции в форме синонимов, антонимов, гипо- и гиперонимов, слов одного тематического ряда, например: *ein harter Gegner – ein guter Freund; Geschenk – kein Geschenk; wichtig – überhaupt nicht* (антонимы) [17]; *im Herbst – im vorigen Jahr* (синонимы) [15]; *ein paar Milliarden – Kosten* (гипо-гиперонимы) [15]; *USA oder Asien – Europa; die Staaten – die Iren* (тематический ряд слов) [16].

При субституции речь идет не о простой кореферентности, а об упоминании новых важных аспектов предмета интервью.

К явлению лексико-грамматической рекуррентности можно отнести и так называемые проформы. Автор интервью указывает с помощью синсемантичных слов с широкой семантикой на определенные соотносимые элементы контекста. В роли таких маркеров активно используются местоимения (*er, der, das, dieser*), наречия (*da, dort*), местоименные наречия (*dafür, damit*). Проформы могут указывать как на отдельные слова и словосочетания, так и на более объемные фрагменты интервью (например, на предшествующий вопрос). В печатном интервью текстовые связи имеют преимущественно анафорический характер, поскольку текст развертывается линейно от начала к концу.

Проанализированные публикации журнала «Der Spiegel» носят характер интервью-мнения, в котором дается экспертная оценка актуальным экономическим ситуациям и проблемам. Этим определяется и типология повтора как средства создания смысловой целостности текста. Наиболее популярной формой повтора в немецких публицистических текстах с экономической тематикой выступают композитные словообразовательные единицы, а также случаи смысловой рекуррентности в форме слов одного тематического ряда.

В отличие от произведений других жанров здесь не имеет места грамматизация отдельных средств когезии. Вопросно-ответная структура, информационная насыщенность интервью определяют и основную функциональную нагрузку повтора, а именно – реализацию задачи создания логико-тематического и смыслового единства текста.

Библиографические ссылки

1. **Богданов Н. Г.** Справочник журналиста / Н. Г. Богданов, Б. А. Вяземский. – Л. : Лениздат, 1971. – 265 с.
2. **Будагов Р. А.** Литературные языки и языковые стили / Р. А. Будагов. – М. : Высш. шк., 1967. – 376 с.
3. **Володина М. Н.** Вторая Международная конференция «Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования» / М. Н. Володина // Вестник Москов. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2008. – № 5. – С. 246–256.
4. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2007. – 148 с.
5. **Каменская О. Л.** Текст и коммуникация / О. Л. Каменская. – М. : Высш. шк., 1990. – 562 с.
6. **Ковальчук И. Ю.** Повтор и его функции в тексте : дис. … канд. филол. наук / И. Ю. Ковальчук. – Пятигорск, 2004. – 149 с.
7. **Костомаров В. Г.** Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров. – М., 1971. – 267 с.
8. **Москальская О. И.** Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1981. – 344 с.
9. **Милевская Т. В.** Связность как категория дискурса и текста: когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты: дис. … д-ра филол. наук / Т. В. Милевская. – Ростов н/Д., 2003. – 390 с.
10. **Основы творческой деятельности журналиста**. – СПб. : Знание, 2000. – 46 с.
11. **Розенталь Д. Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 544 с.
12. **Солганик Г. Я.** Стилистика текста : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта, Наука, 1997. – 256 с.
13. **Степанова М. А.** Диалогичность коммуникации в жанре интервью в современной немецкой прессе : на материале журнала «Der Spiegel» : дис. … канд. филол. наук / М. А. Степанова. – М., 2006. – 259 с.
14. **Beaugrande R.-A.** Einführung in die Textlinguistik / R.-A. Beaugrande, W. Dressler. – Tübingen : Niemeyer, 1981. – 328 S.
15. **Der Spiegel.** Nr. 30/21.7.97.
16. **Der Spiegel.** Nr. 33/11.8.97.
17. **Der Spiegel.** Nr. 49/1.12.97.
18. **Schröder H.-J.** Interviewliteratur zum Leben in der DDR. Zur literarischen, biographischen und sozialgeschichtlichen Bedeutung einer dokumentarischen Gattung / H.-J. Schröder // Studien und Texte zur Sozialgeschichte der Literatur. – Bd. 83. – Tübingen : Niemeyer, 2001. – 426 S.
19. **Linke A.** Studienbuch Linguistik / A. Linke, M. Nussbaumer, P.-R. Portmann. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1996. – 463 S.

Надійшла до редколегії 02.06.11

УДК 811.161.1'38(477.62)

С. Б. Сереброва

Донецкий национальный университет экономики и торговли

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ЗАГОЛОВКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ДОНБАССА

Проаналізовано, які функції виконують прецедентні феномени у заголовках та підзаголовках у сучасному газетному друкованому регіональному дискурсі ЗМІ, а також стилістичні особливості їх використання.

Ключові слова: заголовок, підзаголовок, сучасний дискурс, мовна гра, прецедентні феномени, інтертекстуальність.

Проанализированы функции использования прецедентных феноменов в заголовках и подзаголовках в современном региональном печатном дискурсе СМИ, а также стилистические особенности их использования.

Ключевые слова: заголовок, подзаголовок, современный печатный дискурс, языковая игра, прецедентные феномены, интертекстуальность.

The article gives analysis of the headlines and sub-headlines functioning in a modern regional discourse of printed MASS-MEDIAS as well as functional-stylistic peculiarities of their usage.

Keywords: headline, subheading, modern discursus, language play.

Усилению значимости прецедентных феноменов (ПФ) в тексте способствует их функционирование в условиях максимального «текстового напряжения», когда интертекстуальные элементы привлекают особое внимание адресата. Такими сильными позициями являются заголовок, подзаголовок, начало и конец текста. Кроме того, в любом тексте, грамотно построенном, присутствуют ключевые слова, которые несут основную смысловую нагрузку.

Общеизвестно, что заголовки выполняют стратегическую задачу в тексте газеты, так как они несут не только смысловую, информативную нагрузку, но и призваны привлечь внимание читателей не только внешним видом (графикой), но и необычной стилистикой. «Разные языковые приемы позволяют превратить заголовок в тот самый «крючок», который способен привлечь внимание к любой проблематике. Журналист имеет право вступить в коммуникативную игру с реципиентом через заголовок, он может использовать игровые стратегии и тактики образования интригующего названия» [1, с. 105]. Изучением современных заголовков и функционированием их в дискурсе современных газет занимаются многие российские и украинские лингвисты, такие как Е. А. Земская [3], В. В. Славкин [6], Э. А. Лазарева [5], Т. В. Желтоногова [2].

Ученые обратили внимание на то, что одной из тенденций в развитии языка современной газеты является повышенное внимание к заголовкам. Газеты как бы соревнуются в изобретении все более необычных, броских, привлекающих внимание заголовков. Можно сказать, что заголовочный комплекс является визитной карточкой газеты. «Заголовок на газетной полосе – это та одежка, по которой встречают журналистский текст. Хотелось бы, чтобы она соответствовала его уму – содержанию» [5, с. 49].

Используя контент-анализ (сплошную и рейдовую выборки), а также интент-анализ, мы исследовали стилистические особенности использования прецедентных феноменов в заголовочном комплексе следующих изданий: региональ-

© Сереброва С. Б., 2011

ных – «Донбасс», «Донецкий кряж», «Салон», «Донецкие новости», «Остров»; городских – «Вечерний Донецк», «Жизнь», «Город».

Остановимся на выяснении того, как влияет использование ПФ в заголовках на восприятие газетных текстов, а также насколько часто в заголовках региональных СМИ Донбасса используются прецедентные феномены, употребляют их в исконном значении или в измененном, трансформированном виде. Так как мы уже знаем, что чаще всего в языке газеты присутствуют прецедентные высказывания (в расчет брались и заголовки), примем это утверждение как данность.

Целью данной статьи является стилистический анализ использования прецедентных феноменов в качестве заголовков современных СМИ. Мы обратились к наименее исследованным в современной медиалингвистике региональным газетным текстам.

Изучая тексты региональных СМИ, мы пришли к выводу о том, что они не всегда отвечают современным тенденциям в развитии языка: раскрепощенности, карнавализации языка; использованию различных стилистических средств: ресурсов многозначности, омонимии, игры слов, различных фигур речи. И в этом они в значительной степени отстают от центральных украинских качественных изданий и, конечно, от российских. Мы заметили также большую разницу между коммерческими и некоммерческими изданиями. Это деление условное. К некоммерческим мы отнесли издания «Вечерний Донецк», «Жизнь», которые распространяются бесплатно и дотируются из городского бюджета. Вследствие этого перед ними не стоит задача продажи, что сказывается и на лексико-грамматическом построении заголовков. А коммерческие СМИ, такие как «Салон», «Город», «Донецкие новости», «Донецкий кряж», стремятся к соответствию современным тенденциям подачи материала. Это выражается и в оформлении заголовочного комплекса. Используются приемы, относящиеся к области метаграфемики. В частности, такие ее средства, как супраграфемика (выбор шрифта, средств шрифтового выделения: курсив, подчеркивание, разрядка, использование заглавных букв, варьирование насыщенности и размера шрифта, разница в цвете) и топографемика (способы размещения печатного текста на плоскости). Например: ***«Венесуэльский УГОдник»*** [«Донецкий кряж», № 46, 08–14 декабря, 2006], «***ФАТАльные*** платья» [«Комсомольская правда» (КП), № 106/20, 29–26.05.11].

Главным качеством газетного заголовка, несомненно, является точность и вытекающая из нее смысловая объемность, т. е. умение журналиста в максимально сжатом виде передать основную мысль текста.

Стилистическое оформление заголовков в современных СМИ выходит на первый план. Очень часто основой стилистически окрашенного заголовка становится прецедентное высказывание [4, с. 172]. Это может быть известная всем носителям данного когнитивного пространства пословица, поговорка, цитата из фильма, песни и т. д.

В данной работе нас интересует стилистическая функция прецедентных заголовков, и в первую очередь трансформированных цитат в широком смысле. Именно трансформация прецедентных феноменов – наиболее востребованный прием современной журналистики. Хотя нужно отметить, что в текстах современных украинских русскоязычных СМИ широко используются прецедентные феномены в их исходном виде (канонической форме). Например: «***Спят курганы тёмные***» [«Жизнь», № 169, 20.11.07], «***Пешеходов нужно любить***. Крылатому выражению Ильфа и Петрова – не менее восьми десятков лет» [«Вечерний Донецк», № 170, 20.11.07], «***Оглянись, незнакомый прохожий!***» [«Вечерний Донецк», № 135, 14.09.07], «***Виват, король, виват***!» [«Вечерний Донецк», № 154,

19–25.10.04.07], «***Доля ты тяжкая, долюшка женская***» [«Донецкий кряж», № 30, 2006].

Источниками прецедентных заголовков становятся известные всем носителям языка крылатые выражения. Сразу отметим, что такое прямое цитирование, называемое в научной литературе упоминанием, используется, в основном, в некоммерческой прессе. Стилистическая функция таких заголовков с точки зрения экспрессивности минимальна, используются преимущественно самые известные выражения, исконное значение которых от частого употребления стерто и приобретает значение штампа. Для современной газеты все-таки характерна игра со словом, стремление к тому, чтобы даже известные выражения зазвучали по-новому. И этого эффекта журналисты могут добиться и минимальными средствами. Частый прием такого цитирования в заголовках – незаконченная цитата с многоточием в конце фразы. Приведем примеры: «***Скажи мне, кто твой друг***…» [«Итоги недели», № 48, 28.11.07–04.12.07], «***Вот она была – и нету***!...» [«Громадська правда», № 6, 01.09.07], «***А нечистым трубочистам***…» [«Салон», № 73, 21.09.07], «***Такой же, но с перламутровыми пуговицами***…» [«Салон», № 73, 21.09.07], «***Если у вас нету дома, пожары ему не страшны…***» [«Итоги недели», № 44, 24–30.10.07], «***Не за то отец бил…***» [«Публика», № 42, 2006], «***Ах, Одесса, жемчужина у моря***…» [«КП», № 106/20, 29–26.05.11].

Такие заголовки вносят элемент интриги (загадки), как бы призывают к сотрудничеству, привлекают внимание знакомой цитатой, соотносимой с известным прецедентным феноменом, будь то фраза из фильма, первая часть пословицы, слова из популярной песни, ставшие крылатыми слова из классики и т. д. Чаще всего в качестве такого типа заголовков используются прецедентные высказывания. Этот способ трансформации обычно называют *усечением*.

Измененные цитаты, использующиеся в заголовках, отражают, как правило, настроения в обществе. Очень часто это могут быть так называемые «злободневные» феномены – это фразы из высказываний политиков, рекламных слоганов. Например: «Возвращение «***любых друзив***?» [«Остров», № 43, 28.11.07]. «***Жизнь*** настолько «***покращили»*** мне, что исчезла уверенность в завтрашнем дне» [«Остров», № 31, 05.09.06]. Ситуация билингвизма отражается в региональной прессе самыми разными способами: украиноязычный текст может быть передан в русской транскрипции или в украинском написании. Этот процесс смешанного (по лексике и грамматике) языка в результате взаимодействия двух или более языков, функционирующих на данной территории, обозначается в лингвистике терминами *креолизация*, или *пиджинизация.* «Креолизованный (креольский) язык – язык, образовавшийся благодаря взаимодействию двух языков и ставший основным средством общения в данном коллективе» [7]. Обратим внимание на последний пример. В нем автор цитирует лозунг регионалов на последних выборах, он звучал так: «***Покращення вашого життя вже сьогодні»***. Журналист первое слово приводит на русском языке, а второе – на украинском и в кавычках – яркий пример процесса креолизации.

Но более частотными, по нашим наблюдениям, являются трансформированные фразы из классических произведений, популярных кинофильмов, советских лозунгов и песен, библеизмы, пословицы и поговорки. Причем степень изменения структуры может быть минимальной, скажем, введение отрицательных частиц *не, без,* или их отсутствие полностью меняет семантику известной фразы. Например: «***Мы, ниже*** не ***подписавшиеся***» [«Остров», № 43, 28.11.07]. «***На тобі, небоже, що мені не гоже***» [«Вечерний Донецк», № 170, 20.11.07]. «***Первый блин*** не ***комом***» [«Салон», № 54, 15.07.08].

Такие заголовки, как правило, удачно реализуют номинативную функцию, и в то же время выглядят стилистически ярко и каждый раз по-новому, в зависимости от фантазии автора и темы статьи.

Следующим способом изменения структурного состава известного выражения, имени, ситуации является наполнение его другим содержанием за счет введения нужного автору лексического наполнения. Этот способ, пожалуй, наиболее удачно выполняет стилистическую функцию привлечения читательского внимания минимальными средствами за счет использования прецедентного феномена, известного всем носителям данного когнитивного пространства. Например: «Шиит сунниту – ***не товарищ***! [«Итоги недели», № 48, 28.11.07–04.12.07] – аллюзия к известной поговорке «*Гусь свинье – не товарищ*!»; «Мартынюк ***раздора***» [«15 минут», № 148, 13.11.07] – легко угадывается «*яблоко раздора*»; «***Договор*** дешевле ***денег***» [«15 минут», № 148, 13.11.07] – игра на антонимах; «***Ударим*** *авто*баном ***по разгильдяйству***!» [«Жизнь», № 170, 21.11.07] – замена части известного выражения (расширение лексического состава) дает желаемый стилистический эффект, яркий заголовок, соответствующий теме заметки; «***Вышел в степь донецкую*** Кака ***молодой***» [«Город», № 39, 9.11.07] – замена исконного «парень» на имя собственное (футболиста команды «Шахтер) вряд ли можно считать удачным, скорее вызывает отторжение, потому что далеко не все читатели являются болельщиками; «***Кому на*** Донбассе ***жить хорошо*?** [«Народная воля», № 1, 10.09. 07], «*Кому* в ВТО ***жить хорошо*?**» [«Донецкий кряж», № 44, 24–30.11.06], «***Кому*** в Приазовье ***жить хорошо*?»** [«Донецкий кряж», № 26, 2006] – частое использование названия поэмы Н. А. Некрасова, с одной стороны, говорит о ее абсолютной прецедентности, с другой – становится штампом.

«***Важно, чтобы*** «спецовка» ***сидела***» [«Вечерний Донецк», № 149, 09.10.07]; «В тюрьме ***хорошо,*** но дома ***лучше*** (Пэрис Хилтон удвоили срок, зато отпустили домой) [«15 минут», № 42, 8.07.07]. Заметим, что в вышеприведенных примерах стилистический эффект достигается за счет замены одного, двух слов исходного текста, при этом сохраняется цельность канонического фрагмента, и он полностью ассоциативно считывается читателем.

Способ *расширения* лексического состава используемого прецедентного феномена широко востребован в заголовках современных СМИ. Имеется в виду свободное обращение с исходным текстом, нарушение цельности его структуры за счет введения посторонних лексических элементов. Например: «***Эх, хорошо в стране*** свидомых ***жить!»*** [«Итоги недели», № 25, 25.06.–01.07.08], «***Каждый*** ревизор ***желает знать***…» [«Салон», № 54, 15.07.08]. В данных примерах использован прием *замещения* части прецедентного высказывания авторскими словами, что позволяет использовать игру слов, соответствующие аллюзии и реминисценции, связанные с известными выражениями.

Ситуативная когезия, как один из видов трансформации, также широко используется в региональной прессе Донбасса. Опять же, прецедентная часть заголовка позволяет, помимо экономии языковых средств, обратиться к наличию в сознании читателя соответствующего культурного кода, который позволит адекватно воспринять предложенную информацию. Например: «***Дай лапу, друг***, и ее прибьют гвоздем к лавке!» [«Город», № 31, 14.09. 2007], «***Большим кораблям*** – большие сиськи» (о том, что австралийский королевский флот оплачивает женщинам-военнослужащим операции по увеличению груди) [«Салон», № 73, 21.09.07].

Использование такого приема придает заголовкам парадоксальность за счет искажения первичного смысла прецедентного феномена, и всё это приводит к неожиданному стилистическому эффекту.

Использование синтаксического приема парцелляции, представляющее собой намеренное расчленение связанного текста на несколько интонационно и на письме пунктуационно самостоятельных отрезков («дислокация», в терминологии Ш. Балли), например, «Буш любит троицу. Удары по Сирии, Ирану и Северной Корее откладываются» [«Корреспондант», № 75, 28.04.07].

Но самым интересным, на наш взгляд, способом цитирования является *скрытый намек, отсыл*. В данном случае цитаты в исконном виде, как таковой, нет вообще, иногда это выражение, построенное по образцу известного текста – и оно прекрасно прочитывается. Например: «*Демократия – это контроль!» Фраза, вынесенная в заголовок, является перифразом известного ленинского изречения «**социализм – это, прежде всего, учёт**!». Но она, как **и ленинское учение, которое всесильно, потому что оно верно**, истина сама по себе. Что и подтвердили события прошедшей недели*» [«Остров», № 9, 28.02.07].

Чаще используется одно, два слова из канонического текста, таким образом, решается соответствующая стилистическая задача. Например: «***Зачем вы*,** юноши, идёте в армию?» [«Донецкий кряж», № 46, 14–20.12.07], «Земля ***тревоги нашей***» – аналогия с произведением Джона Стейнбека «*Зима тревоги нашей*», использована игра слов, основанная на фонетической близости [«Донецкий кряж», № 33, 07–13.09.07].

Подводя итоги вышеизложенному, можно отметить, что газетные заголовки, выполняя доминирующую функцию в тексте газеты, призваны не только привлечь внимание читателей, но и максимально точно и емко передать содержание статьи. Они несут еще и особую стилистическую нагрузку.

Рассматривая заголовки региональной прессы Донбасса с точки зрения использования культурной составляющей, мы пришли к выводу о том, что современные тенденции в оформлении и лексико-стилистическом наполнении свойственны коммерческим изданиям. Некоммерческие издания используют средства скрытой цитации в виде ПФ, в основном, в исходном (каноническом виде). Рассмотренный материал позволяет выделить основные признаки, по которым использование разных видов ПФ можно охарактеризовать как доминантную модель, играющую особую роль в организации газетного текста:

– высокая частотность использования;

– использование в наиболее сильных позициях текста (заголовок, эпиграф, первая и последняя фразы текста);

– функционирование ПФ не только в исходном, но и трансформированном виде, привлекающем внимание читателей индивидуально-авторскими образами;

– использование ресурсов интертекстуальности, опора на общий культурный код.

Так как региональная пресса связана с жизнью и проблемами конкретной местности в гораздо большей степени, чем центральная, то именно в материалах местных журналистов отражается национальная социокультурная специфика. И этому в большой степени способствует использование ПФ, аккумулирующих в себе многовековой опыт народа. Однако все чаще измененные, «обновленные» конструкции имеют мало общего с исходным выражением, можно наблюдать выворачивание известного высказывания, буквализацию, искажение канонического смысла с помощью иронии и сарказма, формирование лексических новообразований за счет искажения смыслового наполнения известных выражений.

Библиографические ссылки

1. **Артамонова І. М**. Ігрове кодування як структурний покажчик мотивуючих заголовків / І. М. Артамонова // Русский язык и литература: Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе : сб. научн. тр. – К., 2006. – С. 104–109.
2. **Желтоногова Т. В**. Заголовок як компонент структури українського політичного тексту : автореф. дис. … канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Т. В. Желтоногова. – Кіровоград, 2004, – 16 с.
3. **Земская Е. А.** Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23–31.
4. **Красных В. В**. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 309 с.
5. **Лазарева Э. А**. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия / Э. А. Лазарева // Известия Урал. гос. ун-та. – 2006. – № 40. – С. 158–166.
6. **Славкин В. В.** Заголовок в современном газетном тексте / В. В. Славкин // Журналистика и культура русской речи. – 2002. – № 1. – С. 39–49.
7. **Толковый словарь иностранных слов.** – Режим доступа : http://foreign.slovaronline.com

Надійшла до редколегії 01.06.11

УДК 81.161.2'367

О. М. Турчак

Дніпропетровський університет економіки та права імені Альфреда Нобеля

З ІСТОРІЇ ВИВЧЕННЯ ВСТАВЛЕНИХ КОНСТРУКЦІЙ ЯК СИНТАКСИЧНОЇ КАТЕГОРІЇ СТРУКТУРНО-КОМУНІКАТИВНОГО РІВНЯ

Охарактеризовано вставлені конструкції як синтаксичну категорію структурно-комунікативного рівня: розглянуто актуальні проблеми, пов'язані зі становленням вставлених одиниць як засобу мовної комунікації, проаналізовано наукові праці, присвячені вставленим елементам.

Ключові слова: вставлена конструкція, вставлена одиниця, вставлене речення, категорія вставлення, вставна конструкція, комунікативне значення, комунікативно-синтаксичний рівень.

Охарактеризованы вставные конструкции как синтаксическая категория структурно-коммуникативного уровня: рассмотрены актуальные проблемы, связанные со становлением вставных единиц как средства языковой коммуникации, проанализированы научные работы, посвященные вставным элементам.

Ключевые слова: вставная конструкция, вставная единица, вставное предложение, категория вставности, вводная конструкция, коммуникативное значение, коммуникативно-синтаксический уровень.

The article gives characteristics of inserted constructions as a syntactical category of structural communication level. Particularly actual problems are regarded, which connected with the formation of inserted units as a means of language communication and also scientific works dedicated to these inserted elements are analyzed.

Keywords: inserted construction, inserted unit, inserted sentence, the category of insertion, introductory construction, communicative significance, communicative and syntactic level.

Сучасна лінгвістика інтенсивно займається всебічним вивченням синтаксису української мови на межі XX–XXI століть. Проблеми синтаксису постійно знаходяться в центрі уваги мовознавців, тому що структура речення в сучасній

© Турчак О. М., 2011

українській мові є досить гнучким явищем, яке чутливо реагує на цільові установки акту комунікації. Це призводить до того, що на кожному етапі наукового пізнання постають нові питання. До таких актуальних проблем належить і питання про вставлені конструкції – особливі синтаксичні одиниці, за допомогою яких розкривається не тільки комунікативна суть мови, а й вивчається процес формування і передачі інформації в системі мови.

Інтерес щодо їх вивчення пояснюється тим, що вони були остаточно виділені зі складу вставних елементів у самостійну синтаксичну категорію тільки в кінці 50–60 років XX століття. Вставлені конструкції неодноразово розглядалися в мовознавчій літературі, але різні аспекти цього мовного явища на сьогодні ще потребують детального вивчення.

Питання про вставлені конструкції з неоднаковою повнотою і чіткістю висвітлили в спеціальних дослідженнях А. Анікін, Є. Артеменко, С. Гостєєва, І. Кірюхіна, Є. Сєдун, Л. Хатіашвілі, І. Щеболєва та інші, у вузівських посібниках – Н. Валгіна, О. Галкіна-Федорук, О. Гвоздєв, К. Горшкова, Д. Розенталь, А. Руднєв, М. Фоміна, В. Цапукевич, М. Шанський, Л. Кадомцева, М. Каранська та інші.

Увага дослідників була зосереджена на розмежуванні вставних і вставлених одиниць, на сутності вставлення, функціонуванні вставлених конструкцій у реченні, аналізі їх семантики, синтаксичній будові, співвідношенні і зв'язку з основним складом речення, пунктуаційному виділенні тощо, але єдиної думки в розумінні цього синтаксичного явища поки що не досягнуто.

Отже, ***мета*** статті – дати загальну характеристику вивчення вставлених конструкцій у мовознавчій літературі. Досягнення поставленої мети передбачає вирішення таких завдань: 1) з'ясувати особливості розмежування вставних і вставлених конструкцій; 2) визначити комунікативно-функціональну сутність поняття «вставлення»; 3) розглянути функції вставлених конструкцій у мові.

На ранніх етапах розвитку науки про мову питання про вставлені конструкції окремо не розглядалося, оскільки вони тривалий час не відмежовувалися від вставних, хоча явище парентези давно перебувало в центрі уваги дослідників. За визначенням І. Распопова, «парентеза – вставлення якихось елементів, які співвідносяться зі змістом основного складу речення або його конструктивних частин, але виходять за межі звичайних синтаксичних зв'язків, що встановлюються між компонентами цього складу» [17, с. 501].

Окремі фрагментарні зауваження щодо вставлених конструкцій знаходимо у працях М. Ломоносова, Н. Греча, О. Востокова, І. Давидова, П. Перевлесського, О. Пєшковського. Але ні М. Ломоносов, ні Н. Греч, ні О. Востоков не виділяють вставлені конструкції зі складу вставних. Тільки з другої половини XIX століття в синтаксичній науці склалася інша концепція вставності, згідно з якою термін *вставні слова* закріпився за граматично відокремленими виразами суб'єктивного відношення до висловлюваного, а *вставлені речення* – за реченнями, вставленими в інше, але не зв'язаними з ним граматично.

Вперше чітко намітив два типи вставних речень, які відрізняються за своєю функцією, І. Давидов і, таким чином, зробив перший крок до розмежування вставних і вставлених одиниць. П. Перевлесський продовжує думку І. Давидова, близько підходячи до сучасного розуміння категорії вставлення і використовуючи при цьому термін *вставлені речення*, який вперше був введений Євграфом Філомафітським. О. Пєшковський теж не ототожнює вставні і вставлені елементи [4].

У працях лінгвістів XIX і початку XX століття вставлені конструкції не виділяються з категорії вставних. Вперше на необхідність їх розмежування вказав А. Шапіро. Учений вважав, що вставленими є «слово, група слів, речення або

навіть група речень, які мають особливу функцію – додаткового, що раніше не передбачалося до включення в основну тканину речення, зауваження» [18, с. 63].

На проблемі розмежування вставних і вставлених конструкцій акцентує свою увагу Є. Сєдун. Проаналізувавши смислове наповнення і призначення вставних і вставлених одиниць, їх інтонацію, мовознавець доходить висновку, що «вставні» і «вставлені» речення не можуть бути принципово розмежовані ні за конструктивно-синтаксичним, ні за інтонаційним оформленням» [13, с. 187]. На думку Є. Сєдуна, розмежування між ними можливе лише до певної міри і не виключає об'єднання цих понять у синтаксичній категорії більш широкого обсягу.

Питання про диференціацію вставних і вставлених конструкцій порушує й В. Тихомиров. Він насамперед зупиняється на характеристиці місця вставлень у структурі речення. Детально розглядаючи цю проблему, В. Тихомиров, як і інші науковці, робить такий висновок: «…Вставлені конструкції можуть знаходитися в середині або в кінці основного речення, розташовуватися постпозитивно або становити абзац; але вони не можуть знаходитися на початку речення» [15, с. 102]. Це зумовлюється тим, що потреба у вставлених конструкціях може з'явитися тільки після того, як уже викладено основний зміст висловлювання або яку-небудь його частину.

На думку М. Карпенка, вставлені конструкції близькі до відокремлених членів речення. «Специфіка вставлених сполучень слів, – за словами науковця, – порівняно з … останніми полягає перш за все в додатковому, уточнюючому значенні вставлень (для відокремлених членів речення не обов'язковому, а для деяких їх типів взагалі неможливому) і в більшій синтаксичній самостійності, яка притаманна їм» [10, с. 73]. А. Прияткіна стверджує, що функціонально-семантичний зв'язок існує і між вставленням та ускладненням. Він «заснований на додатковій характеристиці будь-якого ускладнення. Чи то додаткова предикативність, чи розширення структури шляхом утворення рядів з різними типами внутрішньорядних відношень» [12, с. 162].

В академічному виданні «Сучасна українська літературна мова: Синтаксис» за редакцією І. Білодіда про вставлені конструкції є лише окремі зауваження [14]. Зовсім нічого не говориться про них у шкільних посібниках. Саме тому проблема вставлених одиниць передбачає необхідність нових пошуків у вирішенні окремих питань та шляхів їх розв'язання.

Дослідження вставлених конструкцій поновилося і було продовжене в 70–80-х рр. XX століття. Інтерес до категорії вставлення пояснюється тим, що змінився склад вставлених конструкцій, прийоми їх уведення в речення, форми ускладнення тексту, текстова мотивація в цілому. А. Загнітко вважає, що зацікавленість категорією вставлення зумовлена й особливістю змін у реченнєвій структурі, цілісність якої порушують компоненти-ускладнювачі, до яких традиційно належать вставлені слова, словосполучення і речення. На думку мовознавця, розвиток в українській мовній практиці вставлених конструкцій і збільшення їх питомої ваги є характерною особливістю сучасного простого ускладненого речення. Пояснення цього явища слід шукати в необхідності поєднання кількох інформаційних планів в одному висловленні, що сприяє лаконічності … і розкриває кілька планів повідомлення, тобто можна сказати, що інформативна двоплановість повідомлення шукає економні засоби вираження [7]. Саме цим можна пояснити активний розвиток вставлених конструкцій, за допомогою яких проявляється тенденція до розвитку аналітизму. А. Мамалига стверджує: «Повідомлення додаткового змісту, що виражається вставленою конструкцією, відбувається шляхом уторгнення в основний зміст … мовленнєвих побудов, підпорядковуваних міркуванням, завданням ефективної комунікації,

зокрема, необхідності своєчасного роз'яснення, доповнення, що полегшує сприйняття, розуміння сказаного» [11, с. 241]. Відомості, що містяться у вставлених конструкціях, виносяться нібито на інший план повідомлення. Часто цим досягається «більша смислова ємкість і виражальна сила висловлювання, що дозволяє рельєфно передати комунікативне навантаження речення в цілому: зміст основного речення і вставленої конструкції в їх єдності» [1, с. 247]. Розвиток вставлених елементів служить засобом компенсації зменшення вживаності синтагматично зв'язаних видів ускладнення простого речення.

Вставлені конструкції представлені найрізноманітнішими синтаксичними одиницями: словами, словосполученнями, простими і складними реченнями майже всіх типів, конструкціями з прямою мовою, а також більш складними побудовами, що складаються з декількох названих одиниць, ряду суміжних речень або абзацу.

У синтаксичній теорії існує проблема визначення вставлення, оскільки це синтаксичне явище виходить за межі ускладненого речення, бо пов'язане і з структурою складного речення, і з структурою тексту. Немає чіткості і в питанні про те, до якого аспекту синтаксису воно належить – конструктивного чи комунікативного. А. Прияткіна вважає, що термін «вставлення» використовується у двох випадках: коли йдеться про факти писемного мовлення, у яких визначальну роль відіграє пунктуація, та про факти, в яких визначальну роль відіграє характер синтаксичної структури. Відповідно до першого значення терміна, вставлення – це будь-яка частина тексту, взята в дужки, відповідно до другого – це частина висловлювання, особливим способом співвіднесена з іншими його частинами: синтаксично ізольована частина або предикативна конструкція, що вводиться в речення за допомогою сполучника, але особливим, відмінним від сурядності і підрядності способом [12]. Вставлені одиниці традиційно кваліфікуються як слова і групи слів, граматично не зв'язані з реченням, як синтаксично ізольовані частини речення.

Останнім часом у сучасному українському мовознавстві з'явився інший, відмінний від традиційного, погляд на вставлені конструкції, специфіка якого випливає з дворівневої природи речення. Вважається, що вставлені конструкції – це особливі синтаксичні одиниці мовлення, що належать до явищ комунікативно-синтаксичного рівня мови і разом із звертанням, вставними словами, словосполученнями та реченнями, а також словами автора утворюють так звану інфраструктуру речення, одиницям якої властива не граматична, а ситуативно-смислова та суб'єктивно-модальна зорієнтованість на речення. Вставлені конструкції виступають тут як актуалізатори смислового прирощення [3]. Д. Баранник стверджує, що вставлені одиниці «є важливою частиною речення, вони не ізольовані від нього, а тісно пов'язані з ним. Цей зв'язок не належить до жодного з традиційно відомих граматичних зв'язків. Це особливий тип синтаксичної організації…» [3, с. 18].

Переважна більшість мовознавців дотримується погляду, згідно з яким вставлення формується в тому випадку, коли мовець, почавши фразу, розгортаючи її, завершуючи чи, навіть, завершивши думку, усвідомив потребу в її продовженні, доповненні або уточненні. Саме тоді розпочате речення переривається в якійсь його частині, в нього мовець вставляє певне доповнення, після чого завершує реченнєву структуру, привносячи у висловлювану думку додаткову семантику.

Цілком природним є те, що думка, «виражена вставленою конструкцією, не збігається з загальною лінією розповіді, а чітко відмежовується від неї. Навіть слухове спостереження за живою мовою дає підстави говорити про особливий

комунікативний характер речень із вставленими конструкціями, що знаходить своє відображення насамперед в інтонації речення. У живій мові інтонація відіграє головну роль у відокремленні головних одиниць мови від елементів другорядного плану, серед яких вставлені конструкції займають значне місце» [6, с. 85].

На думку С. Глушакової, проблему вставлених конструкцій у сучасній лінгвістиці можна подати у двох аспектах: семантико-граматичному (визначення функціонально-семантичної природи вставлених конструкцій, встановлення характеру їх зв'язку з основним складом висловлювання) та стилістичному (характеристика семантико-стилістичних функцій вставлених конструкцій у певному функціональному стилі мови) [5].

Залежно від того, в яких співвідношеннях знаходяться вставлені конструкції з семантикою або стилем основної частини речення та між собою, А. Анікін виділяє два різновиди речень із декількома вставленими елементами: речення з парним співвідношенням вставлених конструкцій і речення з послідовним співвідношенням вставлених конструкцій. Мовознавець констатує той факт, що речення з послідовним співвідношенням вставлених конструкцій зустрічаються досить рідко, оскільки вони важкі для сприйняття на слух [2].

Питання про співвідношення вставлень із текстом продовжує вивчати В. Шаймієв. Мовознавець помітив, що властивість вставлених конструкцій переводити зміст висловлення на інший, порівняно з основним контекстом, ярус, дозволяє суміщати в тексті не тільки різні типи мовлення, але й різні типи розповіді. Це дає можливість використовувати ці одиниці в тексті для створення «ситуацій контрасту» [16, с. 87].

Речення в сучасній українській мові не мають семантичних і синтаксичних особливостей, які обмежували б не лише їх можливість ускладнюватися вставленими конструкціями, а і зміст та структуру вставлень. Саме тому синтаксична будова вставлень характеризується великим різноманіттям і залежить перш за все від характеру їх граматичного зв'язку з основним реченням. Відповідно до цього, як стверджує І. Щеболєва, вставлені конструкції прийнято поділяти на два структурні типи, кожний з яких має свої особливості. До першого типу належать синтаксично самостійні вставлення, не пов'язані сурядним чи підрядним зв'язком з основним реченням, до другого – вставлені конструкції, оформлені як члени речення або частини складного речення [19].

Згідно з концепцією Л. Кадомцевої, вставність, як і будь-яке функціональне явище, не підлягає вичерпній структурі класифікації, «проте напрями взаємодії вставних компонентів речення в семантичному відношенні з основним реченням і текстом у цілому простежуються» [8, с. 105]. Думки про те, що вставлена частина не піддається класифікації за змістом, дотримується й М. Каранська [9].

Цікавим є питання про функції вставлених одиниць. На думку А. Прияткіної, до визначення функції вставлення можна йти двома шляхами: від структури речення і від структури висловлювання. «З погляду структури речення, вставлення – це такий компонент, який не включений у позиційну і синтагматичну структуру речення, тобто він не відповідає ознаці члена речення, граматично так чи інакше зв'язаного з іншими членами, його не можна визначити ні як сурядний, ні як підрядний. З погляду висловлювання, вставлення – це його факультативна частина. Вона має цінність, але як додаткова інформація, відсутність якої не може вплинути ні на зміст, ні на структуру висловлювання» [12, с. 159].

Отже, дослідження, що стосуються вставлених конструкцій, не вирішують повністю проблему їх вивчення в сучасній лінгвістиці. Оскільки поняття «вставлених одиниць» виходить за межі традиційного синтаксису, бо являє собою реалізацію плану висловлення, пов'язаного зі специфікою не лише певного сти-

лю, а й певного автора, то вивчення вставлень у мовознавстві залишатиметься актуальним питання і в майбутньому. Зокрема, варто буде приділити увагу причинам активізації вставлених елементів у синтаксичній системі сучасної української мови.

Бібліографічні посилання

1. **Аникин А. И.** Вставные конструкции как компонент предложения / А. И. Аникин // Русский язык. Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. – М., 1967. – Т. 197. – Вып. 13. – С. 247–258.
2. **Аникин А. И.** Предложения с несколькими вставными конструкциями / А. И. Аникин // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. – М. : МГПИ, 1973. – С. 22–41.
3. **Баранник Д. Х.** Два рівні граматичної структури речення / Д. Х. Баранник // Мовознавство. – 1993. – № 6. – С. 13–19.
4. **Висоцький А. В.** З історії вивчення вставних і вставлених частин речення / А. В. Висоцький // Система і структура східнослов'янських мов. – К. : НПУ ім. М. П. Драгоманова, 1998. – С. 218–223.
5. **Глушакова С. О.** К вопросу о функционировании вводных и вставных конструкций в русских научных текстах XVIII – XX вв. / С. О. Глушакова // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. – Пермь : ПГУ, 1985. – С. 154–162.
6. **Жученко Д. І.** Інтонаційні особливості вставлених конструкцій в залежності від їх синтаксичної структури / Д. І. Жученко // Мовознавчі студії. – К. : Наук. думка, 1976. – С. 85–90.
7. **Загнітко А. П.** Український синтаксис (Науково-теоретичний і навчально-практичний комплекс) : навч. посібник / А. П. Загнітко. – К. : ІЗМН, 1996. – Ч. 2. – 240 с.
8. **Кадомцева Л. О.** Українська мова: Синтаксис простого речення / Л. О. Кадомцева. – К. : Вища шк., 1985. – 127 с.
9. **Каранська М. У.** Синтаксис сучасної української літературної мови / М. У. Каранська. – К. : НМКВО, 1992. – 399 с.
10. **Карпенко М. А.** К вопросу о вводных и вставных словах и конструкциях в современном русском языке / М. А. Карпенко // Вісник Київ. ун-ту. Серія філології та журналістики. – К., 1962. – № 5. – Вип. 1. – С. 68–74.
11. **Мамалига А.** Рівні текстового виокремлення вставних і вставлених конструкцій (на матеріалі газет) / А. Мамалига // Вісник Київ. ун-ту ім. Т. Шевченка. – Серія : Журналістика. – К., 1997. – Вип. 4. – С. 239–248.
12. **Прияткина А. Ф.** Русский язык: Синтаксис осложненного предложения / А. Ф. Прияткина. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.
13. **Седун Е. П.** О так называемых «вводных» и «вставных» конструкциях / Е. П. Седун // Славянское языкознание. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 186–194.
14. **Сучасна українська літературна мова :** Синтаксис : [за ред. І. К. Білодіда]. – К. : Наук. думка, 1972. – 516 с.
15. **Тихомиров В.** Разграничение вводных и вставных конструкций в современном русском языке / В. Тихомиров // Русский язык в школе. – 1963. – № 6. – С. 100–102.
16. **Шаймиев В. А.** Роль вставных предикативных единиц в семантической организации текста / В. А. Шаймиев // Функционирование синтаксических категорий в тексте. – Л. : ЛГПИ, 1981. – С. 81–88.
17. **Современный русский литературный язык** / [Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов, И. П. Распопов, А. В. Филиппов]. – Л. : Просвещение, 1981. – 584 с.
18. **Шапиро А. Б.** Рецензия на работу С. И. Абакумова «Методика пунктуации» / А. Б. Шапиро // Русский язык в школе. – 1948. – № 3. – С. 62–65.
19. **Щеболева И. И.** Структурные типы вставочных конструкций в современном русском языке / И. И. Щеболева // Вопросы синтаксиса русского языка. – Ростов-на-Дону, 1971. – С. 101–113.

Надійшла до редколегії 27.05.11

УДК 811.161.1'373

Е. А. Филатова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СРАВНЕНИЕ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ В. ТОКАРЕВОЙ

Присвячено вивченню порівняння як особливого засобу створення образності у творчості В. Токаревої. Розглянуто структурні, семантичні та стилістичні особливості порівнянь у художньому дискурсі.

Ключові слова: порівняння, ідіостиль, структура порівняння, засоби вираження порівняння, семантичне поле.

Посвящена изучению сравнения как особого образного средства в творчестве В. Токаревой. Рассмотрены структурные, семантические и стилистические особенности сравнений в художественном дискурсе.

Ключевые слова: сравнение, идиостиль, структура сравнения, способы выражения сравнений, семантическое поле.

The article is devoted to the investigation of a simile as a specific stylistic device in creating imaginary in V. Tokareva's artistic works. The main structural, semantic and stylistic peculiarities of literary discourse are outlined in the present work.

Keywords: simile, author's style, structure of similes, ways of expressing similes, semantic field.

В современной научной сфере сравнение является одним из актуальных объектов исследования не только литературоведов, но и лингвистов. Это объясняется многоплановой природой данного понятия. Сравнение в философии, психологии и логике – это основной метод познания действительности, форма образного мышления, а также сопоставление объектов с целью выявления черт сходства или черт различия между ними [27, с. 538]. В то же время сравнение является одним из наиболее употребительных средств образной, эмоционально-экспрессивной и выразительной речи. В основе сравнения лежит принцип сопоставления изображаемого предмета или явления с другим предметом по общему им обоим признаку, так называемому tertium comparationis, т. е. третьему элементу сравнения [1, с. 135].

Ряд научно-исследовательских статей обращен к роли и функции сравнений в языке отдельного писателя или поэта, а также их интерпретации в художественном дискурсе (см., например: [4; 14; 16]). Интересными представляются работы теоретического плана, направленные на изучение структуры и семантики сравнений. Так, серия исследований посвящена классификации синтаксических конструкций со сравнительными союзами в современном русском языке [13; 25; 28], а также лексико-грамматическим особенностям компаративных единиц и способам их выражения в тексте [7; 17; 26]. В структуре построения сравнения ряд исследователей, в частности А. И. Ефимов [5], Б. В. Томашевский [23], Е. М. Ушакова [26],) выделяют 3 основных элемента:

– предмет (то, что сравнивается);
– образ (то, с чем сравнивается);
– признак (то, на основании чего сравнивается).

Соответственно все сравнения могут быть трехкомпонентными (предмет – признак – образ) и двухкомпонентными (предмет – образ; признак – образ). В полных сравнениях предмет и образ сопоставляются на основе общего признака

© Филатова Е. А., 2011

и поэтому отличаются относительной четкостью проявления мысли автора. Двухкомпонентные сравнения, в которых признак выражен имплицитно, представляются более образными, однако требуют особого восприятия со стороны читателя и воссоздания необходимого компонента «в соответствии с принятыми в данном языковом коллективе эталонами, по окружающему контексту, в результате собственных ассоциаций» [17, с. 114]. Б. В. Томашевский делит неполные сравнения в зависимости от того, в какой степени развит тот или иной элемент сравнения, на три подтипа: а) предмет и образ сравнения кратки, лаконичны; б) предмет представляется в виде развитого положения, а образ дается кратко; в) предмет только указан, а образ сравнения очень развитый [23, с. 208].

По мнению Е. М. Ушаковой, функционирование сравнения как образного речевого средства становится возможным лишь в том случае, если сравниваемые предметы и явления будут неоднородными понятиями. Такая разнохарактерность создает «тот эффект в речи, когда сравнение помогает появлению зримого, слышимого, ощутимого образа» [26, с. 12]. Эстетическая функция сравнения заключается в том, что оно, сохраняя свою первоначальную понятийность, расширяет смысловой диапазон определяемого слова за счет прибавления экспрессивных и эмоционально-оценочных значений [26, с. 14].

Одним из представителей современной русской «женской прозы» 2-й половины XX – начала XXI века является В. Токарева. Творческий путь автора начался в конце 50-х годов XX века и насчитывает около сотни рассказов, повестей, пьес и сценариев, которые уже стали объектами исследования как литературоведов, так и лингвистов. В лингвистических работах акцентируется внимание на синтаксических, морфологических и семантико-стилистических средствах организации текста [3; 12; 22; 29]. Ряд исследований посвящен изучению афористичности [6; 8; 9; 24], языковой компрессии [10], метаязыкового комментирования [2], парцелляции [6] и категории времени [11] как особых характеристик художественного стиля автора.

Однако не все языковые аспекты прозы В. Токаревой были детально изучены. Так, остается открытым вопрос об использовании и функционировании **сравнений** в образной системе ее произведений. Следовательно, цель настоящей работы – исследование сравнения как отличительной черты идиостиля автора. Объектом данной статьи послужили сравнения в сборнике рассказов В. Токаревой «О любви», а именно в трех ее произведениях: *«Хэппи энд», «Можно и нельзя», «Из жизни миллионеров»*. Выбор произведений обусловлен, прежде всего, высокой частотностью употребления сравнений, а также общностью тематики и проблематики (тема любви, счастья, развития гармоничных отношений между мужчиной и женщиной, самоидентификации женщины в современном мире и т. д.). В связи с этим были сформулированы конкретные задачи: 1) проанализировать своеобразие сравнений в структурном аспекте, выявляя наиболее распространенные конструкции; 2) установить диапазон тематики «образа» сравнений; 3) определить функционально-стилистические особенности данного образного средства в творчестве автора.

При анализе языкового материала, состоящего из более 200 сравнений, были рассмотрены синтаксические особенности сравнительных конструкций. За основу их характеристики взята классификация А. И. Ефимова, которая, по нашему мнению, наиболее соответствует структурному своеобразию сравнений в произведениях В. Токаревой [5, с. 492]. Было установлено, что самыми употребляемыми конструкциями являются **сравнительные обороты**, присоединяемые с помощью союзов **как, как будто** и **будто**, например: *Эля съедала четыре штуки, желудок растягивался до того, что болела диафрагма, и вся она казалась себе пере-*

полненной, неповоротливой, ***как беременная бегемотиха*** [22, с. 126]; *Ненависть к режиссеру охватила Марусю,* ***как пожар*** [21, с. 123]; *Видение было неотчетливое,* ***как будто размыто водой*** [22, с. 146]; *Постучал в дверь, а потом вошел директор школы Николай Анисимович – смешной мужик, некрасивый,* ***как будто сделанный из собаки*** [22, с. 129]; *Деревня – под снегом пустая,* ***будто вымершая*** [21, с. 114]; *Все остальные артисты, которых Эля слышала в своей жизни, читали классику торжественно,* ***будто на цыпочках****, делая царственный голос, вибрируя голосом и бровями* [22, с. 129].

Значительно реже встречаются **сравнительные придаточные предложения, присоединяемые различными сравнительными союзами**: *Декольте низкое, видна стекающая вниз дорожка между грудями, губы горят,* ***как будто она долго целовалась*** [20, с .72]; *Марусино сердце созрело для любви, и она принимала любовь,* ***как весенняя земля принимает зерно*** [21, с. 108]. Немногочисленную группу составляют **сравнительные обороты**, присоединяемые с помощью прилагательного ***похожий*** (*Изысканный хрупкий мальчик,* ***похожий на жениха Дюймовочки – принца эльфов*** [22, с. 138]), и сравнения, выраженные творительным падежом (*Ее ореховые волосы* ***стоят облаком*** *и блестят от физического здоровья* [20, с. 72]).

Анализ структурных особенностей сравнений показал, что в исследуемых произведениях В. Токаревой используются трех- и двухкомпонентные компаративные конструкции, в которых составные элементы (образ, признак, предмет сравнения) отличаются различной степенью распространенности. Например: *Мне бросилось в глаза платье, похожее на халат, совсем без пуговиц, шелковое, яркое,* ***как хвост павлина*** [20, с.79]; *Но она все перебирала губами – розовыми и поблескивающими,* ***как леденцы*** [22, с. 131]. В данных сравнениях можно выделить предмет («платье», «губами»), образ («хвост павлина», «леденцы») и признак, по которому они сравниваются («яркое» (платье), «*розовыми и поблескивающими*» (губами)), причем в приведенных выше примерах предмет сравнения дается развернутым описанием, а образ – кратким.

Неполные сравнения, в которых отсутствует признак, в тексте чаще всего компенсируются развернутым образом: – *Скажу, – обещала Эля, и это «скажу»,* ***как веревка, брошенная утопающему*** [22, с. 145]; *Зад,* ***как телевизор «Рекорд»*** [22, с. 133]**.** *Актеры как дети. А режиссеры* ***как шлюхи-динамистки:*** *поедят, выпьют, а на роль не приглашают* [21, с. 113]. По мнению Л. В. Разуваевой, такие неполные сравнения с имплицитно выраженным признаком наиболее ярко передают в тексте произведения творческое начало автора, так как базируются на индивидуальных ассоциациях. Однако их понимание читателем требует не только присутствия соответствующей пресуппозиции, но и «обусловливает факт сотворчества при постижении имплицитного признака сравнения» [18, с. 103].

Неполные сравнения, в структуре которых отсутствует предмет, как правило, тесно привязаны к контексту, потому что именно в нем скрыт недостающий компонент: – *Нечего гонять по свету,* ***как сухой лист****, – строго осадил Кислюк. – Человек должен жить, где родился* [22, с. 146]. Признак («гонять») в данном примере выражен безличной конструкцией, а образ краток. В эту группу также можно отнести и такие предложения, предмет которых, несмотря на то, что отсутствует в самой структуре сравнения, употребляется в препозиции: *Его [Ивана] вполне устраивал застойный период, в котором протекали его безоблачное детство и столь же безоблачная юность. Он сформировался тогда. Застыл,* ***как гипс*** [22, с. 142].

Далее в данной работе мы попытались исследовать «образ» сравнения и рассмотреть его связь с мировоззрением автора. Анализ языкового материала по-

зволил разделить все сравнения на 5 семантических полей, в состав которых входят компаративные единицы, объединенные вокруг общей гиперсемы [1, с. 111]. Семантическое поле сравнений, в основе которого заложены наименования представителей **животного мира**, – одно из наиболее многочисленных в рассказах автора (34 единицы). В доминирующем использовании анималистических мотивов прослеживается некоторая закономерность. Частотными образами сравнений в исследуемых произведениях являются домашние животные: *кошка/кот, собака* (по 5 примеров), *лошадь* (4 примера), *рыба* (3 примера), *индюк, кролик* и *корова* (по 2 примера). Очевидно, это объясняется желанием автора найти черты сходства между человеком и животным на основе личных наблюдений: *Верка была ей омерзительна,* ***как кошка, укравшая со стола чужой кусок*** [22, с. 137]; *Она всю жизнь гонялась за славой,* ***как собака за собственным хвостом*** [21, с. 125]. В. Токарева также использует наименования диких животных для создания более точного и тонкого изображения внешности человека (*Рот от уха до уха, белые зубы, глаза* ***как у пантеры*** [20, с. 75]; *А у Аникеевой зубы в два ряда****, как у акулы*** [22, с. 144]), его действий (*В «ягуар» впорхнула Этиопа,* ***как черная бабочка*** [20, с. 79]) или состояния (*Они жили тихо,* ***как мыши*** [21, с. 120]).

В. Токарева, описывая традицию приготовления пирогов в семье Эли, главной героини рассказа «Хэппи энд», отмечает: *Эля съедала четыре штуки, желудок растягивался до того, что болела диафрагма, и вся она казалась себе переполненной, неповоротливой,* ***как беременная бегемотиха*** [20, с. 126]. В данном контексте эксплицитно выраженный признак сравнения, представленный двумя прилагательными (*переполненной*, *неповоротливой*), соотносится с реальным представлением о самке бегемота, которая отличается большими размерами. Одновременно прилагательное *беременная* несет дополнительную семантическую нагрузку и используется автором для усиления эффекта неуклюжести женщины. В целом же создается яркий и живой образ, передающий оттенок комичности состояния героини.

Семантическое поле, включающее наименования различных **явлений природы** в сравнениях анализируемых рассказов, представлено также широко (31 единица). Объектом сравнения является не только человек, но и абстрактные понятия, и сопоставляются они с конкретными предметами или понятиями. Реализация модели сравнения «ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА» находит особое выражение в прозе В. Токаревой и раскрывает позицию автора относительно тесной взаимосвязи человека с окружающим миром, его природным началом. В развернутых образах сравнений каждый элемент несет определенную смысловую нагрузку и органично вписывается в образную структуру произведения. В данном семантическом поле можно выделить несколько подгрупп: погодные и атмосферные явления (*Иван существовал в ней и вокруг,* ***как воздух*** [22, с. 144]; *Морис прошел стороной,* ***как косой дождь*** [20, с. 78]); растения (*У нее синие глаза с желтой серединой,* ***как цветок фиалки*** [20, с. 77]; *...его лицо поменяло цвет. Оно стало серым,* ***как лист, пролежавший всю зиму под снегом*** [22, с. 133]); собственные названия географических объектов (*Это была большая любовь. (Гранде амур)* ***Как Ниагара*** [20, с. 76]).

Образно представляется сравнение молодости и красоты героинь с дымом, быстро исчезающим в дымоходе: *Эля знала Веркину жизнь: никого у Верки не было, молодость уходила,* ***как дым в трубу*** [22, с. 128]; *Это было невыносимо. Ординарная жизнь, без следа. Молодость, красота уходят,* ***как дым в трубу*** [21, с. 117]. Представления автора о быстротечности жизни и увядании красоты в двух примерах из разных рассказов находят выражение в сравнении молодости и кра-

соты с дымом, который представляется в переносном значении как нечто призрачное и неясное, исчезающее быстро и бесследно в воздухе [19, т. 3, с. 1200]. В первом примере В. Токарева акцентирует внимание на жизни одинокой «Веркиразводушки», которая по меркам села в свои тридцать лет может ничего не ждать от будущего. Во втором примере в поле зрения автора попадает актриса Марианна, которая не пользуется славой и проживает ординарную жизнь в ожидании яркой и успешной роли. Молодость и привлекательность – одни из составляющих успеха в актерской сфере, поэтому их утрата расценивается как жизненная трагедия.

Предметы быта объединены нами в отдельное семантическое поле в исследуемых рассказах. Автор описывает героев, в частности, их внешность, через сопоставление с различными объектами: *Он ласкает черную,* ***как телефонная трубка****, эфиопку* [20, с.75]; *Эти ее лица – радостное, несчастное, внимательное –* ***как зеркало, в которое он смотрелся и видел в нем себя, невероятно преображенного, прекрасного*** [22, с. 140]), а также употребляет сравнения для более образной передачи особенностей их характеров: *Ковалев – цельный человек, сделан из единого куска,* ***как гранитная плита.*** *Он не умеет двоиться, троиться, входить в положение* [21, с. 110]; *Второй – сальный, вариантный, состоящий из множества комбинаций,* ***как замусоленная колода карт*** [22, с. 135]. В данных примерах образ сравнения, выраженный словосочетанием, соотносится с конкретным словом в характеристике предмета сравнения. Прилагательные *сальный* и *замусоленная* [колода карт] сопоставляются по общему для них внешнему признаку «грязный», «жирный» [19, т. 4, с. 595] и вместе дают негативную оценку персонажу, который представляется главной героине рассказа как некрасивый, неухоженный мужчина.

В. Токарева также использует сравнения для создания более четкого представления о действиях, выполняемых человеком: *Настя приезжала и копалась в русских писателях,* ***как в сундуке****, выбирая лучший товар* [20, с. 58]; *Иван тщательно копался в душах,* ***как в испорченном моторе*** [22, с. 143]. Следует отметить, что с конкретными предметами (сундук, мотор) глагол *копаться* соотносится в переносных значениях [19, т. 5, с. 1382]: в первом примере – в метонимическом (писатель → его произведения), а во втором – фразеологическом («копаться в душах» – излишне тщательно разбираться в чем-нибудь [15, с. 253]). Так, для Анестези писатели были товаром, который она искала, выбирая лучшие их произведения, а Иван, практикующий психоаналитик, очень кропотливо изучал проблемы своих пациентов. Отличительной чертой сравнений этой группы является стремление автора посредством эмоционально-нейтральных образов обыденных вещей помочь читателю понять сложные идеи, заложенные в тексте произведения. Иными словами, сравнение здесь выполняет функцию «посредника» между замыслом автора и восприятием реципиента.

Особого внимания заслуживает использование автором сравнений в образных высказываниях, раскрывающих вопрос о смысле жизни человека: *Но ведь, помимо любви, на свете существуют: страсть, желание, влюбленность. Именно они наполняют жизнь и расцвечивают ее,* ***как фейерверк в темном небе*** [20, с. 71]; *Количество усилий однажды превращается в качество. Однажды происходит щелчок – и ты в новой жизни.* ***Как выключатель на стене: щелчок – и свет горит*** [21, с. 124]; *Так и ее жизнь,* ***как неуправляемый самолет.*** *Что-то с ней будет? Куда ее занесет?* [22, с. 149]. Осмысление «вечной» проблемы человека у В. Токаревой приобретает необычную словесную форму, которая отличается глубиной мысли и оригинальностью изложения. Жизнь для героинь исследуемых рассказов, с одной стороны, – это что-то яркое, выразительное, как фейер-

верк, а с другой – что-то непредсказуемое, непостоянное, такое, что кардинально меняет течение жизни и дает ей новое направление.

Действия героев часто сопоставляются с действиями, характерными для людей с определенными физическими изъянами, а также людей определенных профессий или рода занятий. Такие сравнения придают отдельным описаниям или всему тексту определенную эмоционально-экспрессивную окраску: *Морис с детским вниманием всматривался в наши лица,* ***как глухонемой*** [20, с. 70]; *Она стала* ***похожа на провинциальную учительницу в очечках, с аккуратненьким вторым подбородком, которая учит детей строго по учебнику*** [22, с. 140]. В основе модели сравнения «ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК» лежит принцип антропоцентризма, который раскрывается в прозе В. Токаревой через сопоставление человеческих качеств и характера на основе профессиональной деятельности.

Интересным представляется образ главной героини рассказа «Из жизни миллионеров»: *Настя хотела щелкать хлыстом,* ***как укротительница львов****, и чтобы все звери сидели на тумбах. Каждый на своей* [20, с. 83]. В данном сравнении Настя представляется укротительницей львов – дрессировщицей диких хищных животных [15, с. 721]. Перед читателем образ Насти-Анестези – «хозяйки жизни», где звери на тумбах – мужчины в ее жизни, которыми она хотела бы управлять. Однако у В. Токаревой образ «укротительницы» не соотносится с ролью героини в рассказе. Даже если мужчины «теряли голову и становились неуправляемы, и делали все, что она хотела» [20, с.58], Настя не может отступиться от своих принципов, предать мужа, оставить семью ради другого мужчины. В рассказе «Можно и нельзя» В. Токарева использует конструкции, похожие по смыслу, но немного отличающиеся по структуре: *У Маруси есть за что держаться в этой жизни: слава, деньги, дети, творческая работа. А что касается мужчин – энергетического тепла, – это сколько угодно. Сидят на тумбах,* ***как тигры****, и только ждут, когда она щелкнет бичом* [21, с. 125]. Тем не менее в этом произведении Маруся-Марианна, добившись успеха в актерской карьере, осталась одна – без мужа, любовника, и хотя у нее есть множество «тигров-поклонников», она в них не нуждается. В конце рассказа она находит душевный и духовный покой, уединившись в деревне.

Сравнение рутинных и обыденных действий в жизни героев с образами **военной тематики** играет особую роль в передаче динамики повествования и драматичности жизненных ситуаций. Например: *Эля положила его руку себе на плечо, повела из зала,* ***как раненого бойца с поля битвы*** [22, с. 135]; *Маруся просыпалась каждый час,* ***как на вахте*** [21, с. 111]*; Я после гастролей* ***как с войны возвращаюсь*** [22, с. 131]. Нередко автор употребляет слова военной тематики в исследуемых рассказах для создания у читателя остроты ощущений от прочитанного (*Она закричала так,* ***будто ее уводили на смертную казнь****. – Морис!* [20, с. 70]) или для описания решительности действий героев: (*Но когда при нас кто-то заплачет, мы не отвернемся, а кинемся на чужую боль,* ***как на амбразуру*** [20, с. 78]). В последнем примере передается положительная характеристика русского человека – способность к «СО-участию» и «СО-пониманию» чужих проблем, которая не воспринимается иностранцами как таковая и расценивается как проявление слабости и бестактности. Такие сравнения в силу своей выразительности точно передают замысел автора в описании художественного пространства и героев в нем: *В больнице была строгая дисциплина,* ***как в армии****, и больной считался самым нижним чином. Ниже, чем солдат. Что-то вроде солдата на гауптвахте. Ему нельзя ничего* [21, с. 109]; *Она воспринимала Ковалева как лечащего врача,* ***как верховного главнокомандующего*** *и не подозревала о его чувствах* [21, с. 110].

Больница для героини становится своеобразным военным полигоном, где главным врачом ведутся испытания различных способов лечения, чтобы спасти ее жизнь.

Комплексный анализ сравнений не был бы полным без изучения их функционально-стилистических особенностей, которые напрямую зависят от структурных и семантических характеристик. Как утверждают многие исследователи, язык прозы В. Токаревой – живой, динамичный, достаточно богатый на выразительные средства (метафоры, сравнения, парцелляты и т. д.), тяготеющий к достоверности, приземленности и простоте форм. Все это отражается на характере сравнений: они, с одной стороны, объективные, точные, передающие положительную оценку героев с помощью стилистически нейтральной лексики, но с другой – резкие и неожиданные, детерминированные за счет употребления просторечных слов: *Казалось, что это не артист Театра киноактера, а* ***настоящий ханурик****, которого задержали на дороге и попросили сняться в кино* [22, с. 137]; *А режиссеры* ***как шлюхи-динамистки:*** *поедят, выпьют, а на роль не приглашают* [21, с. 112]; *Невестка все равно недовольна, сидит,* ***будто репей в заднем месте*** [22, с. 127]. Здесь сравнения выполняют функцию понятийного «приземления» или снижения всей компаративной конструкции.

Сравнения В. Токаревой также высокопоэтичны. Это касается прежде всего образных выражений, раскрывающих суть многих жизненных понятий и установок, состояний человека и природы: *И такое состояние тишины и покоя,* ***как будто в небе растворилась и замерла очарованная душа*** [22, с. 126]; *Я тоже находилась в своей сентябрьской поре, но ощущала себя,* ***как в апреле*** [20, с. 74]. Функции сравнений заключаются в конкретизации мысли автора и представлении его мировоззрения (*В один прекрасный день приходит совершенно посторонний человек, вручает конверт,* ***как будто переводит стрелку на путях*** [22, с. 129]; *Я сидела рядом и испытывала устойчивость,* ***как будто держалась за что-то прочное. Как за перила****, когда спускаешься по крутой лестнице вниз* [20, с. 72]).

К отличительным особенностям сравнений В. Токаревой можно отнести и то, что в качестве образа достаточно активно используются **собственные** имена известных литературных и сказочных героев (*Иван простер над ней руку,* ***как Медный всадник*** [22, с. 14]; *Поезд остановился,* ***как Илья Муромец*** [22, с. 136]; *С двух до шести – это было их время. А в шесть Эля должна была вернуться,* ***как Золушка с бала*** [22, с. 144]) и реальных людей *(Эта сиротка, судя по фотографиям, была ростом под два метра, волосы коротко стрижены и зачесаны назад,* ***как у Сталина*** [22, с. 145]; *На всех фотографиях была изображена черная девушка,* ***как две капли воды похожая на Софи Лорен в ранней молодости*** [20, с. 75]). Предметом сравнения выступает не только человек, его внешность, характер или способ действия (*Иван ждал Маришу. Сейчас она появится – остренькая, вьющаяся, вреднющая,* ***как детеныш Кикиморы*** [22, с. 146]; *Маруся пролежала в больнице три недели. За это время Ковалев влюбился в нее,* ***как в свою Галатею. Как доктор Хиггинс в свое творение*** [21, с. 110]), но и конкретные понятия (*Самолет летел без руля и без ветрил,* ***как Летучий голландец*** [22, с. 149]*)*. Большое количество собственных имен в составе сравнений свидетельствует о тяготении автора к интертекстуальности, в частности к употреблению аллюзий с целью создания соответствующей образности и эмоциональности в том или ином контексте, а также для формирования художественного пространства, приближенного к реальности.

Характерной особенностью идиостиля В. Токаревой, выделяющей ее из целого созвездия самобытных представительниц «женской прозы», можно считать

функционирование сравнений в структуре парцелляции [1, с. 85]. Парцелляция привносит в сравнительную конструкцию «значение “расчлененности”: сравнение относится ко всей базовой части, а не только к словоформе, за которой парцеллят непосредственно следует» и выполняет обобщающую функцию [6, с. 9]. «Оторванные сравнения» – это результат влияния живой разговорной речи, а также способ их логического и стилистического выделения в тексте произведения [26, с. 33]. Такие сравнения используются для выражения внезапности действия, резко проявившихся качеств предмета. Например: *Я хочу, чтобы ты была вся бежевая. Палевая. Лунная.* ***Как сквозь дымку*** [20, с. 80]; *Игорь был постоянно угнетен без видимых причин.* ***Будто сглазили человека*** [22, с. 148]; *Эля ложилась рядом, утешала, увещевала. Слышала, как под руками вздрагивает его хрупкое тельце.* ***Как раненый заяц*** [22, с. 138]. В целом, сравнения в прозе В. Токаревой выполняют ряд стилистических функций, подчиненных замыслу автора, и носят индивидуальный характер. Автор демонстрирует свои способности в умении подмечать тонкие детали окружающего мира, при этом рисует простые, узнаваемые образы с помощью различной стилистически окрашенной лексики.

Таким образом, сравнения в рассказах В. Токаревой «Из жизни миллионеров», «Можно и нельзя» и «Хэппи энд» характеризуются структурным разнообразием, семантической многоплановостью и рядом стилистических особенностей, которые позволяют отличать их от сравнений других авторов. Представленное комплексное описание сравнений открывает перспективы их исследования в других произведениях В. Токаревой, а также определения значимости этих компаративных конструкций в ее идиостиле.

Библиографические ссылки

1. **Базовый словарь лингвистических терминов**/ под ред. Л. П. Столяровой, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К. : Изд-во Гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.
2. **Батюкова Н. А.** Метаязыковые средства современной публицистической и художественной речи : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. А. Батюкова. – М., 2009. – 26 с.
3. **Блинова Е. В.** Отфразеологические образования в произведениях В. Токаревой / Е. В. Блинова // Фразеология, познание, культура : сб. докл.. 2-й Междунар. науч. конф.: в 2 т. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. – С. 183–186.
4. **Вомперский В. В.** К характеристике стиля М. Ю. Лермонтова : стилистические функции сравнения / В. В. Вомперский // Русский язык в школе. – 1964. – № 5. – С. 25–32.
5. **Ефимов А. И**. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – М. : МГУ, 1961.– 519 с.
6. **Зелепукин Р. О.** Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой : структура, семантика, текстообразующие функции : автореф. дис. … канд. филол наук / Р. О. Зелепукин. – М., 2007. – 26 с.
7. **Земскова Л. Д.** Зоосемантические конструкции сравнительного характера / Л. Д. Земскова // Рус. яз. в нац. школе. – 1975. – № 5. – С. 73–76.
8. **Калашникова Н. М.** Афористичность как черта идиостиля В. Токаревой : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. М. Калашникова. – М., 2004. – Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/aforistichnost-kak-cherta-idiostilya-v-tokarevoi
9. **Коротенко Л. В.** Индивидуально-авторская метафора и контекст (на материале произведений В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой) / Л. В. Коротенко // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 54–60.
10. **Кудреватых И. П.** Языковая компрессия в идиостиле Виктории Токаревой / И. П. Кудреватых // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур : состояние и перспективы : матер. Междунар. науч. конф. – Минск, 2008. – 26 с.

11. **Лукоянова Ю. К.** Восприятие времени в русской языковой картине мира (на материале произведений В. Токаревой) / Ю. К. Лукоянова // Русская и сопоставительная филология : Лингвокультурологический аспект. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. – С. 150–155.
12. **Миронова М. В.** Стилевая доминанта рассказов Виктории Токаревой / М. В. Миронова // Вестник ТГУ. – Вып. 5 (52). – Серия : Гуманитарные науки. Филология. – 2008. – С. 105–110.
13. **Московкина Р. А.** Сравнительный оборот в функции определений / Р. А. Московкина // Единицы различных уровней в языке и речи. – Ч. 1. – Краснодар : Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1972. – С. 109–122.
14. **Некрасова Е. А.** Сравнения / Е. А. Некрасова // Языковые процессы современной русской художественной литературы. – М. : Наука, 1977. – С. 240–294.
15. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка : 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1991.– 917 с.
16. **Основина Г. А.** Образность сравнений / Г. А. Основина // Русская речь. – 1974. – № 1. – С. 9–14.
17. **Разуваева Л. В.** Лексико-грамматические свойства компаративных конструкций с эксплицитным основанием сравнения в художественном тексте / Л. В. Разуваева // Вестник ВГУ. – Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 114–117.
18. **Разуваева Л. В.** Типы компаративных конструкций в художественном тексте с позиции их восприятия реципиентом / Л. В. Разуваева // Вестник ВГУ. – Серия : Филология. Журналистика. – 2008. – № 2. – С. 102–104.
19. **Словарь современного русского литературного языка :** в 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. : гл. ред. В. И. Чернышев. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3 Г–Е. – 1340 с.; Т. 4 Ж–З. – 1364 с.; Т. 5 И–К. – 1918 с.
20. **Токарева В.** Из жизни миллионеров [Электрон. версия] // О любви. Сб. рассказов. – М. : Аст, 2007. – С. 68–84.
21. **Токарева В.** Можно и нельзя [Электрон. версия] // О любви. Сб. рассказов. – М. : Аст, 2007. – С. 107–126.
22. **Токарева В.** Хэппи энд [Электрон. версия] // О любви. Сб. рассказов. – М. : Аст, 2007. – С. 126–151.
23. **Томашевский Б. В.** Стилистика / Б. В. Томашевский. – Л. : Наука, 1983. – 288 с.
24. **Туранина Н. А.** Семантика афоризмов в современной женской прозе / Н. А. Туранина // Фразеология, познание, культура : сб. докладов. 2-й Междунар. науч. конф. : в 2 т. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. – С. 300–303.
25. **Уткина Л. В.** О некоторых типах конструкций со сравнительными союзами в современном русском языке / Л. В. Уткина // Труды Ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы. – Т. 29. – Языкознание. – Вып. 3. – 1968. – С. 149–159.
26. **Ушакова Е. М**. Лингвистический аспект в изучении сравнений / Е. М. Ушакова // Русский язык : Материалы и исследования. – Вып. 1. – Ставрополь, 1967. – С. 5–50.
27. **Философский словарь** / под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М. : Политиздат, 1981. – 445 с.
28. **Широкова Н. А**. Синтаксические функции сравнительного оборота в современном русском языке / Н. А. Широкова // Учен. зап. Казан. ун-та, 1955. – Т. 115. – Кн. 10. – С. 167–168.
29. **Щурова И.** В. Автологические и металогические приемы в прозе Виктории Токаревой / И. В. Щурова // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2010. – № 21(202). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 45. – С. 170–175.

Надійшла до редколегії 01.06.11

УДК 811.161.1'373.23

А. В. Ходоренко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ГЕШТАЛЬТ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦАХ

Зроблено спробу охарактеризувати новий антропонім – найменування груп осіб (НГО) – з позицій когнітивних наук. Обговорено поняття лінгвістичного гештальту на прикладі НГО. Наведено приклади, що ілюструють деякі робочі механізми побудови імені.

Ключові слова: антропонім, лінгвістичний гештальт, найменування груп осіб.

Предпринята попытка охарактеризовать новый антропоним – наименование групп лиц (НГЛ) – с позиций когнитивных наук. Обсуждено понятие лингвистического гештальта в приложении к НГЛ. Приведены примеры, иллюстрирующие некоторые рабочие механизмы построения имени.

Ключевые слова: антропоним, лингвистический гештальт, наименование групп лиц.

This article attempts to characterize a new anthroponym – the name of a group of people (NGP) – from the standpoint of cognitive sciences. The notion of the linguistic gestalt is discussed as applied to NGP. Some examples are given which illustrate the mechanisms at work in name construction.

Keywords: anthroponym, linguistic gestalt, name of a group of people.

Объектом настоящего исследования являются коммерческие и некоммерческие антропонимы нового времени: имена групп людей, объединенных по различному признаку (профессиональному, по признаку общности интересов и предпочтений, по признаку общности рода деятельности и др.) Проблема, которая в общем виде ставится в данной статье, – описание некоторых когнитивных механизмов построения наименований групп людей (далее – НГЛ), в частности, обсуждение понятия гештальта. Актуальность исследования определяется неразработанностью когнитивных аспектов функционирования современной антропонимики.

В современной науке, обращающейся к понятиям когнитивистики в поисках ответа на нерешенные проблемы, связанные с познанием действительности и преобразованием её в языковую форму, разработкам подверглись концепт как когнитивная единица знания (см. [13]), фрейм и сценарий [13] как единицы представления знаний в языке (см. [14]). Дж. Лакофф описал идеализированные когнитивные модели познания (восприятия и воспроизводства действительности), однако такое понятие, как лингвистический гештальт, до сих пор не разработано. Для описания конструктов НГЛ необходимо решить ряд задач, а именно: на примере НГЛ дать описание особенностей и составляющих понятия гештальта.

На вопрос, почему в исследовании НГЛ нас заинтересовало понятие гештальта, можно дать следующий ответ: наименования групп лиц (НГЛ), образованные в результате метонимического переноса разнообразные наименования групп лиц, представляющих организации различных форм собственности (АО, ООО, ЗАО, ЧФ и др.), например, ООО *Премьер*, АО *Стеклобум*, творческие коллективы *Не пара, Пара нормальных*; образованные в результате метонимического переноса значения названия проектов, например: *Студия 95 квартал*, ансамбли *ВИАгра, Не пара*, интернетовские группы *Выйти замуж не напасть, как бы замужем не пропасть* и т. п.), воплощают в себе некий образ, природа которого соприкасается с когнитивным аппаратом и интенсионалом автора, а также категориями внешней действительности. Основываясь на положениях, изложенных в работах отечест-

© Ходоренко А. В., 2011

венных и зарубежных лингвистов [1–7, 10–14], мы предполагаем, что лингвистический гештальт НГЛ может быть описан посредством исследования картины мира языковой личности, выступает фактором оценочности и категоризацией экстралингвистической реальности.

Язык есть инструмент категоризации вещей экстралингвистической реальности. Когнитивный инструментарий языка (фреймы, сценарии, модули) делает возможным сведение предметов в простые и сложные категории области рационального и *иррационального*. Область иррационального представляет особый интерес, поскольку затрагивает эмоциональную сферу, всегда трудно объяснимую и никогда до конца не постижимую. Однако категории именно этой сферы воплощаются, по нашим наблюдениям, во многих НГЛ. Наш тезис заключается в том, что в НГЛ заключен некий эмоциональный интенсионал. Чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис, необходимы дополнительные исследования, в частности, из области гештальт-теории и гештальт-психологии. Разработок требуют понятия концепта, фрейма, гештальта и образа в применении к языковым единицам.

Концепт есть комплексная единица мыслительной деятельности, которая «поворачивается разными сторонами», актуализируя в процессе мыслительной деятельности либо свой понятийный уровень, либо фреймовый, либо схематический, либо представление, либо разные комбинации этих концептуальных сущностей. Представления, концепты с помощью схем, фреймов переплетаются как в мыслительной деятельности человека, так и в его коммуникативной практике, будучи облечены в языковую форму выражения, создавая целостную *гештальтную* структуру в языковом выражении.

Термин *гештальт* заимствован из теории Курта Левина (см. [8]). В разных источниках приводятся многообразные определения гештальта, однако суть этого концепта наиболее доступно раскрывают слова Макса Вертгеймера: «Есть сложные образования, в которых свойства целого не могут быть выведены из свойств отдельных частей и их соединений, но где, напротив, то, что происходит с какой-нибудь частью сложного целого, определяется внутренними законами структуры всего целого» (цит. по: [10]).

Одним из ярких тому примеров, по Келлеру, является мелодия, которая узнается даже в случае, если она транспонируется на другие элементы. Когда мы слышим мелодию во второй раз, то, благодаря памяти, узнаем её. Но если состав её элементов изменится, мы все равно узнаем мелодию, как ту же самую. «Если сходство двух явлений (или физиологических процессов) обусловлено числом идентичных элементов и пропорционально ему, то мы имеем дело с *суммами*» (цит. по: [10]). Если корреляция между числом идентичных элементов и степенью сходства отсутствует, а сходство обусловлено функциональными структурами двух целостных явлений как таковых, то мы имеем «*гештальт*» (см. [8; 10]).

Гештальтпсихология возникла из исследований по проблематике теории восприятия. В центре её внимания – характерная тенденция психики к организации опыта в доступное пониманию целое. Например, при восприятии букв с «дырами» (недостающими частями) сознание стремится восполнить пробел, и мы узнаём целую букву.

Гештальтпсихология обязана своим появлением немецким психологам Максу Вертгеймеру, Курту Коффке и Вольфгангу Кёлеру, выдвинувшим программу изучения психики с точки зрения целостных структур – гештальтов. Выступая против выдвинутого психологией принципа расчленения сознания на элементы и построения из них сложных психических феноменов, они предлагали идею целостности образа и несводимости его свойств к сумме свойств элементов. По мнению этих теоретиков, предметы, составляющие наше окружение, воспри-

нимаются чувствами не в виде отдельных объектов, а как организованные формы. Восприятие не сводится к сумме ощущений, а свойства фигуры не описываются через свойства частей. Собственно гештальт являет собой функциональную структуру, упорядочивающую многообразие отдельных явлений (цит. по: [10]).

Так, из вышесказанного понятно, что целостная структура, или гештальт, − это сложная взаимосвязь и вербального, и невербального, − языковых знаков и концептов, воплощаемых в языковые формы.

Чтобы обменяться концептами и их сочетаниями как результатами мыслительной деятельности, необходимо эти концепты вербализировать, т. е. назвать, выразить языковыми знаками, заместить знаками. Для часто обсуждаемых концептов есть системные единицы, которые говорящий может использовать, подобрав нужную единицу из имеющихся в языке. Для более редко эксплицируемых, системно не номинированных, в том числе и для индивидуально-авторских концептов могут понадобиться развернутые словосочетания и даже тексты – научные, энциклопедические, дефинирующие.

Теоретически одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях репрезентовать, представлять в речи разные признаки концепта – в зависимости от коммуникативных потребностей, от объема, количества и качества той информации, которую говорящий хочет передать в данном коммуникативном акте. Соответственно, когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые использованы для этого, выступают как средства вербализации, языковой репрезентации, языкового представления концепта. Концепт репрезентируется в языке: 1) словами и фразеологизмами; 2) словосочетаниями; 3) структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции или синтаксические концепты; 4) текстами (при экспликации абстрактных, индивидуально-авторских концептов).

Приведем примеры НГЛ-лексем: *ООО Сибирь, АО Триада.* Уточним, что лексемы «Сибирь», «Триада» входят в состав соответствующих словосочетаний, образованных по модели ООО + Сибирь, АО + Триада. Примеры НГЛ-метафор: *Хоккей – это жизнь, Дети – это счастье! Дети – цветы жизни! Ты – плюшевый!*

В фактическом материале нашего исследования, в частности в пространстве интернетовских наименований групп людей, встречаются НГЛ-предложения и НГЛ-сжатые тексты, например: *Никто замуж не берет, Не люблю Дом- 2 и Ксению Собчак, Такие важные слова; Капкан… Бойтесь своих желаний. Они сбываются.*

Таким образом, языковой знак-НГЛ, с позиций когнитивных наук, представляет концепт в языке, в общении. НГЛ своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для скрытого в НГЛ сообщения, которым, например, может быть информация о роде деятельности группы лиц (организации) *ООО Металлопластиковые окна, АО Салон красоты Галатея*, интернет-группа *Мамашки двойняшек* и др. Слово является средством доступа к концептуальному значению, и, получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Слово, таким образом, как и любая номинация, – это ключ, открывающий для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности.

В языке один и тот же концепт репрезентирован самыми разными словами, синонимами, симилярами (в терминологии Ю. В. Чепель [12], словами, которые субъективно переживаются как имеющие сходное значение), дефинициями в различных словарях, типовыми пропозициями в высказываниях, текстами, посвященными экспликации тех или иных концептов. Один из важнейших тезисов ког-

нитивной лингвистики состоит в том, что именно концепт определяет семантику языковых средств, использованных для его выражения. Исследование же структуры концепта как мыслительной единицы не входит в задачи когнитивной лингвистики, которая дает лишь материал для такого исследования. Представляется, что языковые средства позволяют наиболее простым способом выяснять признаки концептов.

Исследования гештальтной структуры вербализованного концепта в НГЛ отдельных возрастных, половых, социальных *групп людей* и слоев населения помогут проанализировать историческую динамику развития и формирования концепта в национальном сознании – через изучение языковой и речевой репрезентации концепта в диахронии языкового феномена НГЛ. В парадигме современных антропологических и антрополингвистических исследований анализ феномена НГЛ с позиций когнитивизма и гештальтизма позволяет представить себе динамику развития соответствующего концепта в обществе, понять специфику меняющейся языковой личности.

Применительно к материалу нашего исследования, мы говорим больше о синхроническом анализе репрезентации того или иного концепта в синхроническом срезе языка. НГЛ определенным образом представляет концепты своих авторов, индивидуумов, носителей современного языка и культуры. Представляет особый интерес конкретный план выражения концептов в языке. Гештальт – комплексная целостная функциональная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании и «доставляющая» концепт из глубин индивидуального сознания «на поверхность» языкового выражения вербального знака, в данном случае – НГЛ, представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления. Гештальты объединяют представления, фреймы, схемы, сценарии [14]. Таким же образом, НГЛ-вербальный знак, новая ономастическая единица, объединяет представления индивидуума-автора НГЛ, фреймы представлений знаний об окружающем мире, всевозможные сценарии действий, связанных с образом, воссоздающимся в НГЛ. Перспективой исследования является дальнейшая разработка понятия лингвистического гештальта на примере НГЛ.

Библиографические ссылки

1. **Апресян А. А.** Лексическая семантика. Синонимические средства языка / А. А. Апресян. – М. : Академия, 1974. – 445 с.
2. **Арутюнова Н. Д.** Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 367 с.
3. **Балли Ш.** Французская стилистика / Ш. Балли. – М., 1961. – 289 с.
4. **Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценок / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 456 с.
5. **Караулов Ю. Н**. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 356 с.
7. **Левин К.** Уровень притязаний / К. Левин, Т. Дембо, Л. Фестингер, П. Сирс // Психология личности. – М. : МГУ, 1982. – С. 86–93.
8. **Маслова В. А.** Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 179 с.
9. **Степанов С. С.** Разум в поисках целостности / С. С. Степанов. − Режим доступа : http://psyjournals.ru/authors/a1155.shtml.
10. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 367 с.

11. **Чепель Ю. В.** Специфика синонимии в Интернет-коммуникации : автореф. дис. … канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Ю. В. Чепель. − Курск, 2009. − 23 с.
12. **Fillmore C. J.** Frame semantics / C. J. Fillmore. – Seoul : SPH, 1982. – P. 111–137.
13. **Lakoff G.** Linguistic gestalts / G. Lakoff. – Chicago : Chicago university press, 1977. – V. 13. – P. 236–287.

Надійшла до редколегії 24.03.11

УДК 811.161.2'373.4

О. А. Шумейко

Національний університет «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого» (м. Харків)

ОКАЗІОНАЛІЗМИ ЯК МОВНІ ЗАСОБИ ТВОРЕННЯ КОМІЧНОГО В УКРАЇНСЬКІЙ ПОЕЗІЇ ІІ ПОЛ. ХХ СТ.

Досліджено використання поетичних оказіоналізмів як характерного засобу творення комічного з урахуванням стильової поліфонії й розширення тематичних меж поезії означеного періоду, представленого авторами кількох поколінь. Аналізований матеріал засвідчує актуалізацію для творення різних видів комічного такого лексичного шару, як оказіоналізм. Фактичний матеріал демонструє переважання різних шарів оказіоналізмів, які представлені елементами літературної мови, і позалітературної – розмовної.

Ключові слова: комічний ефект, поетична мова, авторські оказіоналізми, неологізми, оцінна лексика, ідіостиль.

Исследовано использование поэтических окказионализмов как характерного способа создания комического с учетом стилевой полифонии и расширения тематических границ поэзии указанного периода, представленного авторами нескольких поколений. Проанализированный материал показывает актуализацию для создания разных видов комического такого лексического слоя, как окказионализмы. Фактический материал демонстрирует преобладание разных слоев окказионализмов, которые представлены как элементами литературного языка, так и внелитературного – разговорного.

Ключевые слова: комический эффект, поэтический язык, авторские окказионализмы, оценочная лексика, идиостиль.

This article examines the use of poetic occasionalism functioning as a way to create the comic with the style of polyphony and expansion thematic borders of the specified period, the authors of several generations. Material shows actualization for creating different types of comic of such lexical layer as occasionalisms. The actual material demonstrates the prevalence of different layers of occasionalism functioning, which are presented both as elements of the literary language, and outer one – spoken language.

Keywords: comic effect, poetic language, copyright occasionlism, the estimated vocabulary, idiostyle.

У сучасному вітчизняному мовознавстві помітне місце посідають праці, присвячені аналізу мовних засобів творення комічного.

Поетичні новотвори, як дійєвий чинник комічного, постійно перебуває в полі зору українських науковців. Об'єктом лінгвістичного аналізу проблем комічного, що здійснюється на матеріалі художніх творів, є, в основному, мова прозових творів. Поза увагою науковців залишається українська поезія.

Мета статті – виявлення та аналіз оказіоналізмів як одного з лексичних засобів творення комічного в українській поезії ІІ пол. ХХ ст.

© Шумейко О. А., 2011

Предмет дослідження – особливості використання оказіоналізмів для створення комічного ефекту української поезії означеного періоду.

У сучасній українській поезії спостерігається прагнення до максимального використання виражально-зображальних можливостей слова, до новизни висловлювання, до незвичного словесного образу, зокрема шляхом творення різноманітних індивідуально-авторських слів та сполучень. Причини виникнення індивідуальних неологізмів загалом відомі: пошук авторами найдосконалішої форми для вираження своїх думок, настроїв, почуттів, потреба в більш виразних словах порівняно з канонічною лексикою, прагнення до оновлення й поетизації мовлення.

Оказіоналізми, як продукт індивідуально-авторської мовотворчості, постають у результаті свідомого, стилістично вмотивованого відхилення від мовної норми. Їхніми характерними ознаками є ненормативність, належність мовленню, функціональна одноразовість, синхронно-діахронна дифузність, похідність, експресивність [18, с. 160].

За способом творення виділяють кілька різновидів новотворів, зокрема:

1) семантичні новотвори, в основі яких лежить переосмислення канонічних слів, уживання їх із новим значенням;

2) словотворчі, які постали в результаті морфологічних способів творення слів;

3) лексико-синтаксичні, які утворені стягненням в одне слово двох або більше лексем.

Оказіоналізми розглядають як потужний засіб експресії. В. Герман [4] зазначає, що наявність чи відсутність експресивної оцінки в новому слові залежить від низки чинників: контексту, семантичної та стилістичної сполучуваності чи несполучуваності словотворчих елементів, характеру лексичного значення мотивуючої основи, емоційно-стилістичного забарвлення афіксів. Авторські новотвори будуються за моделями, які існують у літературній мові. У художньому тексті вони виконують різні стилістичні функції (оскільки створюються з метою досягнення певного експресивно-стилістичного ефекту). Цей ефект виникає передусім тому, що читач сам осмислює процес створення нового слова, адже кожне оказіональне утворення – це невідоме раніше, незвичне поєднання словотвірних морфем чи слів. Ступінь експресивності оказіонального утворення залежить не лише від його новизни й контекстуального оточення. Семантика слова та додаткові смислові нарощення в поезії визначаються контекстом. Особливо відчутний вплив контексту при визначенні семантики оказіональних утворень, оскільки більшість їх або багатозначна, або має умовне значення й лише контекст може його конкретизувати.

Серед афіксальних дериватів важливу роль у творенні комічного ефекту відіграють дієслівні новоутворення, які відзначаються яскраво вираженою оцінністю, високою експресивністю. Наприклад*:* «*Один же він у тебе, Солженіцин! / А ти його на поїд віддаєш. / Не наколінкувалась, білолиця, / просторами ГУЛАГівських мереж?..*» [13, с. 83]. У наведеному контексті дієслово *наколінкуватися* внаслідок своєї незвичної форми експресивно передає значення «принижуватися». Іронічного звучання набуває в контексті дієслово *професорувати*, хоч твірна основа деривата (*професор*) має звичайно позитивне оцінне значення: «*Живемо як у Бога за пазухою: / заслуги, вислуги, вислизуємо звинно. / Звісно, професоруєм, а межистравними павзами / згадуються наші діла доброчинні*» [8, т. І, с. 95]. В одному негативно оцінному ряді зі згаданим дієсловом постає сполука *діла доброчинні*, що, по суті, є енантіосемічною.

Особливе значення для вираження стилістичних відтінків авторських новотворів має контекст. Як правило, незвичне найближче оточення оказіонального слова увиразнює й підкреслює оцінну семантику та стилістичні функції аналізованих лексем: «*Прозаїки, поети, патріоти! / Давно* ***опазурились*** *солов'ї, /* ***одзьобились*** *на нашій Україні*» [17, с. 28]. Поетично маркована лексема *соловей* зберігає в сучасній ліриці позитивне забарвлення, пов'язане з образом співців. Саме на зіткненні його позитивної емоційної тональності з негативною оцінністю оказіоналізмів *опазурились*, *одзьобились* (твірні слова *пазурі, дзьоб* сполучаються з назвами хижих птахів, а тому асоціюються з хижаками, що розривають здобич) виникає гостро сатирична оцінка образу. У такому контекстуальному оточенні лексема *патріоти* зазнає переосмислення, змінюючи модус оцінки на протилежний.

Виразну негативну оцінку демонструють традиційні суфікси згрубілості: «***Приблудище*** *моє* ***мовчазнюще****, /* ***Сатрапище*** *нічне прокльонописне, / Спіткнись. Спіткнись об крем'я це навмисне, / Об Слово це єдинострадждуще...*» [14, с. 7]. Авторські новотвори з відповідними суфіксами надають поетичному тексту гостро іронічного звучання.

На противагу їм, суфікси зменшено-пестливі надають лексемам гумористичного забарвлення: «*Хата,* ***хатуся, хатинонька, Хатусенька****,* ***Хата Стріхівна****, ой*» [7, с. 25]. Остання сполука, що експлікує ім'я та ім'я по батькові, додає текстові м'якого гумору.

Досить продуктивною в аналізовану матеріалі є словотвірна модель іменників (подекуди прикметників) з елементами *пів-, напів-*, що вказують на неповноту вияву ознаки. Як відзначає Т. Берест, у поетичному мовленні В. Стуса функціонують новотвори із префіксом *пів-*, на який припадає основне експресивно-емоційне навантаження. Вони використовуються поетом при створенні метафоричної картини СРСР [1, с. 271]. Ці префіксоїди, вступаючи в незвичні словотвірні зв'язки, утворюють оригінальні, емоційно й семантично виразні оцінні лексеми. Утворені в такий спосіб слова є засобом сатиричної оцінки суспільного стану: «*О царство* ***півсерць****,* ***півнадій****,* ***півпричалів****, /* ***півзамірів*** *царство,* ***півзмаг*** *і* ***півдум****!*» [17, с. 90]; «*Тут анонім – і мляво, й кволо – / байдуже суне навмання. / І все витоптує довкола /* ***півправда-півбрехня***» [16, с. 64]; «*Державо* ***напівсонця-напівтьми****, / ти крутишся у гадину, відколи / тобою неспокутий трусить гріх / і докори сумління дух потворять*» [17, с. 123]; «*...І з'явились* ***напівлюди****, / А за ними – вівцебик... / Стали чесними іуди... / А народ до цього звик. /* ***Напівправда****,* ***напівміра****, /* ***напівпсевдопочуття****, /* ***напівнедобита*** *ліра, / Що фальшує все життя... / Піднімають суперечку* ***напівакадеміки,*** */ називають просом гречку / у жару полеміки... /* ***Напівчорне****,* ***напівбіле****, /* ***Напіврідна*** *Колима... /* ***Напіввиправдане*** *тіло – / Хоч душі уже нема... /* ***Напівправда****,* ***напівміра****, / Недоважена мораль... / Обернутися б у звіра – / Так душі людської жаль*» [2, с. 49]. Механізм творення поетичних неологізмів цілком зрозумілий, оскільки вони сполучаються в поетичному ряду з нормативними дериватами (*напівлюди, напівтьма*). Загалом неологізми стають більш експресивними, коли вони ампліфікуються, зокрема, за близькими словотворчими ознаками [4, с. 14]. Утворені за загальномовним зразком лексеми *півсерце, півнадія, півпричал, півзамір, напівміра, напівакадеміки* виразно означають «півжиття» громадян тоталітарної держави. Особливою аксіологічною семантикою серед наведених новотворів позначені композити *півправда-півбрехня* та *напівсонце-напівтьма*, експресивність яких зумовлена також антонімічністю компонентів. Негативна оцінка й експресивність лексем *напівпсевдопочуття, напівнедобита (ліра), напіврідна (Колима), напіввиправдане (тіло)* зумовлюється тим, що словотвірний

формант *напів-* «подвоює» аксіологічну семантику твірних основ, що загалом слугують сатиричному осягненню дійсності.

Функціонування дериватів зі згаданим формантом спостерігаємо й у поетичній мові Ліни Костенко: «*Колись, давно, були якісь гіганти. / Тепер зручніші виміри – пігмей.* ***Напівнездари*** *чи* ***напівталанти****, / В космічний вік – дрімучий Прометей*» [10, с. 207]. Семантиці новотворів *напівнездари*, *напівталанти* надає іронічності формант *напів-*, який має значення неповного вияву ознаки й інтенсифікує оцінку. Твірні ж слова позначають поняття, що передають повний вияв ознаки. Ці мовні одиниці органічно входять до поетичного ряду, побудованого на зіткненні словообразів із протилежним оцінним значенням: *гіганти, пігмей, дрімучий Прометей.* Визначальною для розгортання поетичної думки, на наш погляд, є опозиція *гіганти – пігмей.* Іронічність тексту закладена вже на початку строфи: займенник *якісь,* поєднуючись із лексемою *гіганти,* нейтралізує його позитивну маркованість. Так само епітет *дрімучий* знижує оцінне значення імені *Прометей*.

Заперечення семантики позначуваного маємо й у разі творення неологізмів додаванням префіксоїда *анти-*: «*Сьогодні занаряджено / ще дві бригади / антів/ в каменоломню / ламати камінь / на нові* ***анти скрижалі***» [5, с. 70]. Цей формант надає зображуваним реаліям значення несправжності. В аналізованому контексті іронічне значення лексеми розвивається внаслідок того, що формант приєднується до слова із сакральною семантикою.

Комічний ефект у конкретному його вияві досягається також шляхом утворення іменників від прикметників, які мають негативну оцінку, наприклад *дурнолобий – дурнолобці, туполобий – туполоб, плосколобий – плосколоб,* що засвідчують контексти: «*– В десятому коліні – на Вкраїні / Й не знати її мови!?* ***Туполоб****? / Чи з ненависті?!*» [13, с. 123]; «*То що ж ви, хлопці, що ж ви, що ж ви, хлопці?! / Це ж до такого стиду, дожили. / Б'єте своїх, прокляті* ***дурнолобці****, / Наївні бевзі, телепні, хохли!*» [9, с. 10]; «*Їй дошкуляли в суєті / ті мудрагелі,* ***плосколоби****, / нічомунепричетники – всі ті / многоглаголящі нероби*» [15, с. 14]. Негативне звучання лексеми *дурнолобці* посилюється експресивно-емоційним означенням *прокляті*, яке має негативний заряд і разом зі зневажливими словами *бевзі, телепні, хохли,* у семантиці яких поєднуються оцінка розумових здібностей людини та вказівка на «національність», допомагає створити цілісний сатиричний образ. Слід відзначити останній контекст, у якому поетичний образ постає шляхом нанизування загальномовних лексем та авторських новотворів: *плосколоби, нічомунепричетники, многоглаголящі нероби*, – що є засобом негативної іронічної оцінки.

Сучасна поезія дає надзвичайно багаті та різноманітні зразки стилістичного використання складних слів, які внаслідок своєї компресивності мають потужні виражальні властивості. Показовим у мові аналізованої поезії є творення авторських неологізмів шляхом основоскладання з метою досягнення відповідного художньо-стилістичного ефекту: «*Кляп – в горлянки молодим! / Де є світло – є тінь! / Де вогонь – там є і дим – / Знає це і* ***дурноляп****!*» [13, с. 103]; «*А тут кого заткало павутиною? / Кому це час так амфору надгриз? / Антон Ключенко, писано латиною. / Це, певно, з тих, юхтових,* ***фарфолиз***» [11, с. 96]. Як у мовній, так і в поетичній практиці твірні слова містять у своєму значенні іронічний відтінок, експресія якого зростає в новотворах, до того ж цьому сприяють контексти, зокрема сусідство зі згрубілими одиницями *(горлянки, надгриз)*. В останньому прикладі індивідуальна мовотворчість поета спрямована на те, щоб своєрідно оживити внутрішню форму загальномовної лексеми, увиразнити її значення: компонент складного слова замінено іншим, семантично близьким (*блюдолиз – фарфолиз*).

До характерних прийомів використання складних слів належить актуалізація поетичних новотворів, структурні елементи яких містять оцінне значення. Багато таких іронічних оцінних структур функціонує в поетичній мові Неди Неждани: «*Ти такий* ***витончено-парфумний*** */ що я не можу пригадати кольору твоїх парфумів, запаху твоїх очей*» [12, с. 94]; «*Ти стаєш таким* ***надривно-драматичним*** */ що стає тоскно/ А я стаю такою* ***несправжньо-театральною*** */ що стає нудно*» [12, с. 95]. Прикметникові утворення з оцінними компонентами можуть мати різний ступінь вияву комічного: «*А кіно / воно масове /* ***масово-затійницьке*** */ всі години в сувої скручені / сотні губ для одної посмішки*» [12, с. 70]; «*На стапелі – "Велике щастя", /* ***Ліврейно-ліверний*** *роман*» [6, с. 79]. У першому контексті композит *масово-затійницький*, мотивований відомою сполукою (рос. *массовик-затейник*), набуває значення «створений для розваг». Епітет *ліврейно-ліверний* з виразною негативною конотацією в поезії В. Данька теж має прозору семантику: *ліврейний* експлікує значення «прислужницький», а *ліверний* реалізує сему 'низької якості'.

Експресивні своєю формою і змістом оказіональні авторські утворення стають дієвим засобом сатиричної оцінки суспільних вад: «*Якби я міг розворожить / Міщанство в реактивнім леті / І на серцях колючий дріт, / Одежі сірі* ***стоганебні*** */ І на економічнім небі /* ***Всеїжоїжучий*** *живіт!*» [3, т. І, с. 37]. Метонімії *всеїжоїжучий живіт, одежі сірі стоганебні* у поезії М. Вінграновського виразно маніфестують міщанство, сірість, пристосовництво.

Продуктивним прийомом комічного є творення слів лексико-синтаксичним способом. Цей спосіб творення нових лексем характерний для ідіостилю І. Калинця: «*... то ти будеш ласувати: /* ***тістечка-їстечка,*** */* ***маківник-смаківник****, /* ***горішки-пустобрішки,*** */ шоколадку за колядку, /* ***андрути-хрускіт-чути****, /* ***мандаринки-течуть-слинки,*** */ медівник –* ***у-роті-зник,*** */ родзинки – для Дзвінки, /* ***конфітюру-замазуру****, /* ***крем-мазайло*** *– /* ***з-торта-вилізайло****...*» [8, т. ІІ, с. 104]; «*Був собі хлопчик – /* ***наколінігопчик****/ на коліні – на коні / ма-минім. / Був у нього братик – /* ***нароверігнатик****. / Сам жене, сам жене – / а мене? / Був у нього тато – /* ***хочуавтомобільмати****. / Кидаймо монетки в скарбоньку-касетку. / Була в нього бабуся – /* ***похатікручуся****. / Треба нашій бабці роликів до капців. / Був у нього дідусь – /* ***пішкиобійдусь****. / Ходить собі сам – / такий з нього пан*» [8, т. ІІ, с. 111–112]. Наведені контексти виразно демонструють національний сміховий вербальний простір. Проте за легкою гумористичною формою в другому прикладі виявляються несподівано серйозні речі – авторська оцінка стосунків між поколіннями, їхні матеріальні цінності.

Індивідуально-авторські новотвори можуть ставати ключовими словами, навколо яких розгортається поетичний текст. Звернімося до циклу «Семигини» І. Калинця, в якому є заголовний вірш, де означено персонажів, а наступні поезії циклу розкривають відповідно їхню художню семантику: «*зійшли семигоряни / зі семи гір: /* ***Семилінько Спанько*** */* ***Семипокіренко Боязкий*** */* ***Семилакімець Неситий*** */* ***Семипияк Бездонник*** */* ***Семисловоблуд Відступник*** */* ***Семизаздрець Зависний*** */ а останній (щоб йому не тільки / язика, а й рученьки і ніженьки / покрутило) /* ***Семиперекинчик Потурнак*** */ та й похваляються / чий гріх* ***найсемигрішен***» [8, т. ІІ, с. 367]. За оказіональними номенами стоять смислові домінанти концептуальної картини світу українців. Першою частиною кожної власної назви є елемент *сім-* (*семи-*), що має виразне символіко-міфологічне значення. Слова з елементом *сім* у народній культурі містять позитивне оцінне значення або ж виражають максимально повну ознаку. За алегоричними іменами й оцінними прізвиськами приховуються риси національного характеру.

Авторські новотвори часто використовуються саме для вираження оцінних значень. Показовими в цьому зв'язку є складноскорочені слова: «*Катюга-філер ради слави / Вкраїні влаштував Помпеї…/ Все ж поспитаймо в* ***партлакеїв****: / Де ж брат твій Авель?!*» [6, с. 32]; «*Я був у натовпі. Я був німим. / Я сором відчував за власну ницість. / За* ***воєнрабство****. І безмірний жаль / виповнював мою голодну душу, / що я не пес. Орденоносний пес*» [17, с. 384];» ***Рад-соц-конц-таборів*** *союз, / котрий Господь забув, / диявол теж забув*» [17, с. 37]. Наведені контексти показові щодо такого прийому творення комічного, як свідоме контекстуальне зниження лексики, яка належала до ідеологічно маркованої.

Отже, експресивність індивідуально-авторських образів посилює комічну оцінку зображуваних реалій. Серед авторських новотворів багато складних назв, компоненти яких містять виразне оцінне значення. Уживання складних слів-образів, що є логічно змістовними замінниками словосполучень, порівняльних зворотів, зумовлене естетичними настановами того чи іншого автора, своєрідністю його творчої манери, особливостями художнього мислення. У перспективі планується аналіз поетичних новотворів як засобу творення естетичного в сучасній українські поезії.

Бібліографічні посилання

1. **Берест Т.** Лексичні новотвори у поезії Василя Стуса / Т. Берест // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. – Донецьк : ДонДУ, 1999. – Вип. 5. – С. 269–271.
2. **Білаш О. І.** Ти відчаль, моя печаль… : поезії / О. І. Білаш – К. : Укр. письменник, 1992. – 95 с.
3. **Вінграновський М. С.** Вибрані твори : у 3 т. – Т. 1: Поезії / М. С. Вінграновський – Тернопіль : Богдан, 2004. – 400 с.
4. **Герман В. В.** Індивідуально-авторські неологізми (оказіоналізми) в сучасній поезії (60–90-ті роки) : автореф. дис. ... канд. філол. наук / В. В. Герман. – К., 1999. – 22 с.
5. **Горбаль М. А**. Деталі піщаного годинника : вірші / М. А. Горбаль. – К. : Укр. письменник, 1992. – 111 с.
6. **Данько М. М**. Й сонця прихилив би!.. : поезії / М. М. Данько – К. : Рад. письменник, 1991. – 204 с.
7. **Драч І. Ф**. До джерел : вірші, поеми, переклади / І. Ф. Драч – К. : Дніпро, 1972. – 303 с.
8. **Калинець І.** Зібрання творів : у 2 т. / І. Калинець. – К. : Факт, 2004. – Т. І, ІІ.
9. **Костенко Л. В.** Берестечко : історичний роман / Л. В. Костенко. – К. : Укр. письменник, 1999. – 157 с.
10. **Костенко Л. В.** Вибране / Л. В. Костенко. – К. : Дніпро, 1989. – 559 с.
11. **Костенко Л. В.** Маруся Чурай : історичний роман у віршах / Л. В. Костенко. – К. : Дніпро, 1982. – 136 с.
12. **Неждана Неда.** Котивишня : збірка віршів / Неда Неждана. – К. : Смолоскип, 1996. – 108 с.
13. **Самійленко М. О**. …пошерхом крила : поезії / М. О. Самійленко. – К. : Укр. письменник, 1993. – 197 с.
14. **Сапеляк С. Є.** Журбопис : вірші, публіцистика / С. Є. Сапеляк. – Х. : Майдан, 1995. – 96 с.
15. **Сенатович О. П.** Обличчям до голуба : вірші та поеми / О. П. Сенатович. – К. : Дніпро, 1990. – 230 с.
16. **Сокульський І. Г**. Владар каменю : вірші / І. Г. Сокульський. – К. : Укр. письменник, 1993. – 158 с.
17. **Стус В.** Вечір. Зламана віть : Вибране / В. Стус. – К. : Дух і літера, 1999. – 383 с.
18. **Чабаненко В. А.** Основи мовної експресії / В. А. Чабаненко. – К. : Вища шк., 1984. – 167 с.

Надійшла до редколегії 26.05.11

ЗМІСТ

Акастьолова О. Г. Особливості формально-синтаксичної структури окличних речень у поезії Ліни Костенко 3
Акульшина Н. Т. Поняття «картина світу» у сучасній лінгвістиці 7
Афонина Ю. Н. Семантические сдвиги и лексические инновации конца XX – начала XXI вв. 12
Валеева Л. В. Дискурсивные стратегии мифемы 18
Галаева А. В. Структурные и когнитивные методы исследования лексических инноваций 23
Гаража М. М. Світський дискурс як лінгвістичний феномен: суть, специфіка, перспективи дослідження 30
Гречухина И. Д. Усилительно-экспрессивная лексика в древнеанглийской поэзии 38
Демчук А. И. Вербализация ситуативных характеристик речевого голоса 44
Дорофеев Ю. В. Межрегиональные лексические соответствия как проявление вариативности языка 53
Евраева С. В. Религиозные концепты в идиостиле А. Блока 60
Євсєєва Г. П., Єгорова В. С. До питань культури мовлення в ЗМІ (на прикладі видань Дніпропетровщини) 65
Зеленцова М. Г. Семантичний простір концепту «менеджмент знань» 72
Зимовець Г. В. Особливості аналітичного словотвору ергонімів 78
Клочко Е. А. Развитие специальных наименований, объединённых понятием «учебное заведение» в древне- и среднеанглийском языке 88
Короткова С. В. Лексико-семантические группы наречий, характеризующих речь персонажей 93
Лавриненко О. В. Становление теории речевых жанров как самостоятельной лингвистической дисциплины 100
Лю Фейхун Русское междометие – традиции и инновации 105
Мартьянова Н. Г. Інструментальні засоби дослідження інтонації: синхронний та діахронний аспекти 111
Миронова Т. Ю. Глаголы в англоязычном авторском тексте: национально-культурная проблема перевода 117
Мордань В. И. Открытый тезаурус как инструмент анализа метаязыковых вербально-иконических параллелей 124
Острецова И. В. Репрезетация объектных актантов в высказываниях с описательными предикатами (на материале специальных дискурсов) 129
Петрова Л. А. Художественный концепт в современной лингвокогнитологии 137
Попко Л. П. О некоторых «новых языках» сети Интернет 145

Сахно И. А. Формы и функции повтора в интервью с экономической тематикой (на материале публикаций журнала «Der Spiegel»).....150
Сереброва С. Б. Стилистические особенности использования прецедентных феноменов в заголовках региональной прессы Донбасса 155
Турчак О. М. З історії вивчення вставлених конструкцій як синтаксичної категорії структурно-комунікативного рівня 160
Филатова Е. А. Сравнение как отличительная черта идиостиля В. Токаревой.....166
Ходоренко А. В. Гештальт и его выражение в языковых единицах.....175
Шумейко О. А. Оказіоналізми як мовні засоби творення комічного в українській поезії II пол. XX ст. 179

Наукове видання

ВІСНИК ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Серія:
МОВОЗНАВСТВО

Заснований у 1993 р.

Випуск 17, том 3

Українською та російською мовами

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації
Серія КВ № 7898 від 17.09.2003 р.

Редактор Л. В. Омельченко
Технічний редактор В. А. Усенко
Коректор Л. В. Омельченко

Підписано до друку 15.10.2011 р. Формат 70х1081/16. Папір офсетний.
Друк плоский. Ум. друк. арк. 16,45. Обл.-вид. арк. 16,0. Ум. фарбовідб. 16,45.
Тираж 100 прим. Вид. № 1554. Зам. № .

Свідоцтво про держреєстрацію ДК-289 від 21.12.2000 р.

Видавництво Дніпропетровського національного університету,
49010, м. Дніпропетровськ, пр. Гагаріна, 72.
Друкарня ДНУ, 49050, м. Дніпропетровськ, вул. Наукова, 5.